

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№ 3 (110)

2024

г. Иркутск

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (110) 2024

Учредитель: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 38836
Издается с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Адрес типографии: 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тел./факс (3952) 410-215
e-mail: esiirk_vestnik@mvd.ru
www.vestnikesiirk.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

А. Н. Шаламова, канд. юрид. наук, доц., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

Ответственный секретарь:

Р.Р. Мухина, главный редактор научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета

Ю. В. Гаврилин, д-р юрид. наук, проф., зам. начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., заведующий отделом криминологических исследований Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, проф., директор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Юридического института Байкальского государственного университета

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, первый проректор, проректор по науке и стратегическому развитию Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редакции. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 27 сентября 2024 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2024 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 38,0.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 45 экз. Заказ № 29

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK
OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (110) 2024

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997
The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel./fax (3952) 410-215,
e-mail: esiirk_vestnik@mvdr.ru
www.vestnikesiirk.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2024

Editors

Chief Editor

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

A. N. Shalamova, candidate of legal sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Executive Secretary:

R.R. Mukhina, Editor-in-Chief of the Research and Editorial and Publishing Department of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Members of the Editorial Board

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector - Vice-Rector for Research of Baikal State University

Yu. V. Gavrilin, Doctor of Law, Professor Deputy Head of the Scientific Research Department - Head of the Scientific Research Organisation Department of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University
V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Doctor of Law, Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Pro-Curatorial Supervision of the Law Institute Baikal State University

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for Science and Strategic Development of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 27 th September 2024. Publication date 30 th September 2024.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 38,0. Issue 1000 copies

Fist issue 45 copies. Order No29.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Белозерцева В. В. Доступ несовершеннолетнего к правосудию, как неотъемлемое право человека.....	9
Борков В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина.....	19
Егоров А. А. Коммуникативная теория права А.В. Полякова: анализ основных положений и аргументированная критика.....	30
Куртяк И. В. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности МВД России (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации)	44
Тумурова А. Т. Антропология права о кровной мести, талионе и золотом правиле нравственности.....	55

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

Литвинова Н. А. Правовой статус лиц, обладающих иммунитетом	71
Нежинская К. С. Теоретические категории «право и время» в конституционно-правовом исследовании народного представительства в России	79
Шашуро С. В., Шарутенко В. Н. Запрет демонстрирования нацистской символики: проблемы правовой регламентации	92

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Бабушкин А. А. Частная теория оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений.....	104
Валюлин Р. Р. Постановления правительства Российской Федерации о хранении вещественных доказательств в уголовном процессе	113
Глазырин С. И. Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству зарубежных стран	124
Каленюк И. П., Кузнецов Е. В. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам противодействия организованной преступности в рамках деятельности международной организации уголовной полиции – Интерпол: правовое регулирование и фактическое состояние	133
Кобец П. Н. Криминологическое исследование потенциальных угроз для общества и государства, инициированных ростом инноваций в сфере искусственного интеллекта, и меры их предупреждения.....	148

Лавелина В. В. Свойства объектов исследования, обусловливающие возможность реализации целей и задач генетической экспертизы	163
Мартынов А. О., Лис В. И. Факторы, создающие условия для совершения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок	172
Репецкая А. Л., Бархатова Е. Н. Иные меры уголовно-правового характера: анализ эффективности	181
Русскевич Л. А. Об уголовной ответственности за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов	194
Сергеев С. М., Напханенко И. П., Билоус Е. Н. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий	203
Светличный А. А. К вопросу о некоторых проблемах терминологического аппарата криминалистической тактики	211
Смирнов К. В. Международные правовые основы обеспечения мира и безопасности человечества	225
Степаненко Д. А. Повышение результативности расследования преступлений прошлых лет как одна из задач криминалистики	244
Столбова Н. А. Предмет преступления как элемент криминалистической характеристики незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «интернет»	258
Табаков С. А. Деятельность следователя по установлению оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности	267
Фурлет Я. П. Понятие, сущность и классификация оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений»	277
Шелегов Ю.В., Игумнов А. В. Задержание – процессуальные аспекты	290
Информация для авторов	300

CONTENTS

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)

Belozertseva V. V. Access of minors to justice as an inablievable human right	9
Borkov V. N. Principle of legality and criminal doctrine	19
Egorov A. A. A.V. Polyakov's communicative theory of law: analysis of the main provisions and reasoned criticism.....	30
Kurtyak I. V. Constitutional and legal aspects of improving the rule-making activities of the ministry of internal affairs of Russia (based on decisions of the constitutional court of the Russian Federation)	44
Tumurova A. T. The Anthropology of Law on Blood Feud, Talion and the Golden Rule of Morality	55

5.1.2. Public law (state law) sciences
(legal sciences)

Litvinova N. A. The legal status of persons with immunity.....	71
Nezhinskaya K. S. Theoretical categories “law and time” in the constitutional legal study of people’s representation in Russia.....	79
Shashuro S. V., Sharutenko V. N. Prohibition of nazi symbols demonstration: problems of legal regulation	92

5.1.4. Criminal Law Sciences
(legal sciences)

Babushkin A. A. The private theory of operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to committing crimes	104
Valulin R. R. The Russian Federation government resolutions on the storage of material evidence in criminal proceedings	113
Glazyrin S. I. Comparative analysis of responsibility for subversive crimes under the legislation of foreign countries.....	124
Kalenyuk I. P., Kuznetsov E. V. Interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation on combating organized crime within the framework of the activities of the international criminal police organization – Interpol: legal regulation and actual state	133
Kobets P. N. Criminological research of potential threats to society and the state initiated by the growth of innovations in the field of artificial intelligence and prevention measures	148
Lavelina V. V. Properties of dna research objects that determine the possibility of realizing the goals and objectives of genetic expertise	163
Martynau A. O., Lis V. I. Factors creating conditions for the commission of corruption crimes in the field of public procurement.....	172
Repeskaya A. L., Barkhatova E. N. Other measures of a criminal legal nature: Efficiency analysis.....	181

Russkevich L. A. Criminal liability for the international destruction or damage, as well as the illegal extraction, collection and trafficking of especially valuable plants and mushrooms	194
Sergeev S. M., Napkhanenko I. P., Bilous E. N. Observance of human and citizen rights and freedoms in conducting certain operative-search measures	203
Svetlichny A. A. On the question of some problems of the terminological apparatus of forensic tactics	211
Smirnov K. V. International legal framework for ensuring peace and security of mankind.....	225
Stepanenko D. A. Increasing the effectiveness of the investigation of crimes of past years as one of the tasks of criminology	244
Stolbova N. A. The subject of the crime as an element of the criminalistic characteristics of illegal trafficking in firearms using information and telecommunication networks, including the internet	258
Tabakov S. A. Activities of the investigator to establish the security measures based for the application of criminal procedure	267
Furlet Ia. P. Concept, essence and classification Investigative measure «Control of postal, telegraphic and other messages»	277
Shelegov Yu. V., Igumnov A. V. Detention – procedural aspects.....	290
Information for authors	300

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 9–18.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 9–18.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.722

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

**ДОСТУП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО К ПРАВОСУДИЮ,
КАК НЕОТЬЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА**

Белозерцева Виктория Владимировна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск
sarrav@mail.ru

Введение. Дети являются высшей ценностью и потенциалом любой нации. Ребенок нуждается в особой правовой защите со стороны государства, потому что в силу возраста в полной мере не способен понимать свои потребности и реализовывать их самостоятельно, не способен самостоятельно отстаивать и защищать свои права. Нормы международного права закладывают фундамент для создания норм права, регулирующих защиту прав детей, в том числе и путем предоставления ребенку доступа к правосудию. Конвенция о правах ребенка 1989 года содержит основополагающие положения, которые имплементированы в национальное законодательство государств, подписавших ее, Российская Федерация не является исключением. Государства пошли различными путями, реализуя нормы Конвенции, хотя каждое из них гарантировало полноценную защиту прав ребенка.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют: Конституция Российской Федерации, Конвенция о правах ребенка 1989 г., семейное, гражданское и гражданское процессуальное законодательство в части, регулирующей доступ несовершеннолетнего к правосудию, обобщенные материалы правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации, отражающие позицию Суда по исследуемому вопросу. Методологическую основу исследования составил общенациональный диалектический метод; логический, систематический методы, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, обобщения и описания; частнонаучный метод: формально-юридический.

Результаты исследования: позволили осветить имплементацию норм Конвенции о правах ребенка 1989 г., касающихся предоставления несовершеннолетнему права доступа к правосудию, как неотъемлемого права человека, определить элементы содержания процессуальной правосубъектности несовершеннолетнего, дать анализ нормам российского законодательства, обеспечивающим несовершеннолетнему право быть заслушанным в суде, выявить позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно применения норм права, закрепляющих права несовершеннолетнего на доступ к правосудию, провести сравнение некоторых терминов, используемых в Конвенции о правах ребенка и российском законодательстве при регулировании процессуальных прав несовершеннолетних.

Выводы и заключения. Российское законодательство обеспечивает реализацию норм Конвенции о правах ребенка 1989 г., закрепивших право несовершеннолетнего быть

заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном нормами национального законодательства (ст. ст. 56, 57 СК РФ). Российское законодательство, как и Конвенция, не предусматривает минимального возраста, с которого ребенок может быть заслушан в суде. Практика российского судопроизводства идет по пути предоставления права быть заслушанным любому ребенку, способному сформулировать свои взгляды. Конвенция о правах ребенка закрепила само понятие «ребенок», российское законодательство не употребляет данный термин, пользуясь обозначением той или иной возрастной категории несовершеннолетних. Международное право не дифференцирует процессуальную правосубъектность несовершеннолетних в зависимости от возраста, российское законодательство, напротив, осуществляет дифференциацию правосубъектности несовершеннолетних, постепенно предоставляя им часть ее содержания, активно используя институт представительства, тем самым обеспечивая несовершеннолетним полноценный доступ к правосудию. Право быть заслушанным в суде, предусмотренное ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г., является лишь частью содержания процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, предоставляемой законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, права ребенка, правосубъектность, дееспособность, процессуальные права, международное право, опека, право быть заслушанным в суде, судебная защита, доступ к правосудию.

Для цитирования: Белозерцева, В. В. Доступ несовершеннолетнего к правосудию, как неотъемлемое право человека / В. В. Белозерцева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 9–18.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

ACCESS OF MINORS TO JUSTICE AS AN INABLIABLE HUMAN RIGHT

Victoria V. Belozertseva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk
sarrav@mail.ru

Introduction: children are the supreme value and potential of any nation. A child needs special legal protection from the State because, due to his or her age, he or she is not fully capable of understanding his or her needs and realising them independently, nor is he or she able to assert and defend his or her rights independently. The norms of international law lay the foundation for the establishment of norms of law governing the protection of children's rights, including by providing children with access to justice. The 1989 Convention on the Rights of the Child contains fundamental provisions that are implemented in the national legislation of the States that have signed it, and the Russian Federation is no exception. States have taken different paths in implementing the norms of the Convention, although each of them has guaranteed full protection of the rights of the child.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Convention on the Rights of the Child 1989, family, civil and civil

procedural legislation in the part regulating the access of minors to justice, generalised materials of law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation, reflecting the position of the Court on the issue under study. The methodological basis of the research was formed by the general scientific dialectical method; logical, systematic methods, cognitive methods and techniques of observation, comparison, generalisation and description; private-scientific method: formal-legal.

The Results of the Study: made it possible to highlight the implementation of the norms of the 1989 Convention on the Rights of the Child concerning the right of a minor to access to justice as an inalienable human right, to define the elements of the content of the procedural legal personality of a minor, to analyse the norms of Russian legislation ensuring the right of a minor to be heard in court, to identify the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legal norms enshrining the rights of a minor to access to justice, to compare the rights of a minor to access to justice, to analyse the legal norms of the Russian Federation, and to analyse the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legal norms enshrining the rights of a minor to access to justice.

Findings and Conclusions: Russian legislation implements the norms of the 1989 Convention on the Rights of the Child, which enshrines the right of a minor to be heard in any judicial or administrative proceedings affecting the child, either directly or through a representative or an appropriate body in accordance with the procedure provided for by the norms of national legislation (Articles 56 and 57 of the Family Code of the Russian Federation). Russian legislation, like the Convention, does not provide for a minimum age at which a child may be heard in court. The practice of Russian court proceedings is to grant the right to be heard to any child who is able to formulate his or her views. The Convention on the Rights of the Child enshrines the very notion of 'child'; Russian legislation does not use this term, referring to a particular age category of minors. International law does not differentiate the procedural legal personality of minors on the basis of age; Russian legislation, on the contrary, differentiates the legal personality of minors, gradually granting them part of its content, actively using the institution of representation, thereby providing minors with full access to justice. The right to be heard in court, provided for in Article 12 of the 1989 Convention on the Rights of the Child, is only part of the content of the procedural legal capacity of a minor granted by the legislation of the Russian Federation.

Keywords: minor, child's rights, legal personality, legal capacity, procedural rights, international law, guardianship, the right to be heard in court, judicial protection, access to justice

For citation: Belozertseva V.V. Dostup nesovershennoletnego k pravosudiyu, kak neot"yemlemoye pravo cheloveka [Access of a minor to justice as an inalienable human right]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 9–18.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

«Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей»¹. Конституция Российской Федерации² закрепляет основы защиты прав детей. Защита прав детей является одним из приоритетных

¹ О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства : Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21.04.2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602221614> (дата обращения: 11.02.2024).

² Российская Федерация. Конституция : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 15.02.2024).

направлений политики государства, которое обеспечивается соответствующими положениями законодательства. Защита прав детей – понятие обширное, нормы, регулирующие права детей, содержатся во всех отраслях российского права, а также в положениях международных соглашений.

Термин «защита» с точки зрения русского языка понимается как ограждение от внешней угрозы, нападений и других нежелательных воздействий. В юриспруденции защита – это некая совокупность предусмотренных законом действий, в том числе и облеченные в процессуальную форму, направленных на восстановление нарушенного права, наказание того, кто это право нарушил, и т. д. Осуществить защиту права может только правосубъектное лицо, несовершеннолетний же не обладает в полном объеме таким элементом правосубъектности, как дееспособность. В то же время процессуальная защита права предоставлена дееспособному лицу, для несовершеннолетних, безусловно, сделаны исключения, но все же они остаются в некоторой степени ограниченными в своей процессуальной дееспособности.

Несовершеннолетние относятся к социально незащищенным слоям населения, потому что в силу возраста не могут осуществить и защитить свои права самостоятельно. Родители (опекуны, усыновители) призваны обеспечить осуществление и защиту прав несовершеннолетних. Содержание правосубъектности предоставляет лицу способности участвовать в правоотношениях, совершая юридически значимые действия, обеспечивая возможность осуществлять и защищать свои права. Современное российское законодательство осуществляет дифференциацию правосубъектности несовершеннолетних лиц, постепенно предоставляя им часть ее объема. Правоспособность физического лица возникает с момента рождения и прекращается со смертью, дееспособность в полном объеме возникает с достижением совершеннолетия. Дети в возрасте до 6 лет признаны законодателем недееспособными. Несовершеннолетние в возрасте от 6 до 14 лет обладают частичной дееспособностью, которая позволяет им самостоятельно совершать некоторые юридически значимые действия. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают относительной дееспособностью, объем которой значительно приближает их к полностью дееспособным лицам. Существуют также механизмы приобретения полной дееспособности до достижения совершеннолетия (вступление в брак и эмансипация) и механизм ограничения и без того неполной дееспособности несовершеннолетнего (например, возможность ограничить несовершеннолетнего в праве самостоятельно распоряжаться своим заработком или иными доходами). Международное право не дифференцирует правосубъектность несовершеннолетних в зависимости от возраста. Международные нормы закрепляют общие положения защиты прав детей, которые имплементированы во внутреннее право государств, принявших их. В своих элементах правосубъектность совершеннолетнего лица не отличается от правосубъектности несовершеннолетнего, предоставленный объем прав и обязанностей также одинаков, и изначально в международном праве защита прав детей не была отличной от защиты прав человека – так сложилось исторически.

Толчок развитию законодательства о необходимости дополнительной защиты прав детей, в том числе на международном уровне, дали события и последствия Первой мировой войны. Ученые отмечают, что именно в этот период мировое сообщество обратило внимание на то, что права детей ущемляются, нередки случаи жестокого обращения с детьми, родители допускают невнимательность по отношению к детям, что и повлекло за собой создание в 1924 году Женевской Декларации прав ребенка [1, с. 225]. Женевская Декларация признала, что права ребенка нуждаются в специальной охране, направленной на установление справедливого, гуманного и заботливого отношения к

детям, в том числе путем закрепления особых мер наказания за нарушения прав ребенка в различных сферах, определив основные принципы. Женевская Декларация прав ребенка, принятая Лигой Наций, не смогла сплотить все государства в вопросах защиты прав детей, национальное законодательство государств не было подчинено тем принципам, которые установила Декларация.

В то же время данная Декларация была важнейшим шагом в создании законодательства защиты прав детей. Позднее (в 1948 г.) Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав и свобод человека, благодаря которой была выделена отдельная отрасль защиты прав ребенка. Через 10 лет был принят еще один важный международный акт – Декларация прав ребенка 1959 г., которая провозглашала, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, в том числе со стороны законодателя, ребенку необходимо обеспечить счастливое детство, образование и т. д. Очень важным было положение и о том, что дети должны быть защищены от жестокого отношения и эксплуатации. Однако данный документ был ратифицирован очень небольшим количеством государств.

Значительным событием в области защиты прав ребенка стала Конвенция о правах ребенка 1989 года³ (далее – Конвенция). С тех пор данный документ является основополагающим для всех национальных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения защиты прав детей. Сущность Конвенции состоит в закреплении и признании основных требований, которые способны обеспечить права детей на выживание, развитие, защиту, активное участие в жизни общества. Е. В. Бурова отмечает, что принятие Конвенции о правах ребенка 1989 года отражает сложившуюся необходимость в дополнительной защите прав несовершеннолетних, являющихся наиболее уязвимой частью социума, не способной самостоятельно осуществлять и защищать свои права [2, с. 49].

Конвенция закрепила само понятие «ребенок», в соответствии с которым ребенком признается каждое человеческое существо до достижения им возраста 18 лет (если по национальному законодательству он не достигает совершеннолетия ранее). Российское законодательство не оперирует понятием «ребенок», чаще всего употребляются термины, обозначающие ту или иную возрастную группу несовершеннолетних. Толкуя понятие «ребенок», данное Конвенцией, мы можем заключить, что ребенком является несовершеннолетнее лицо, не достигшее возраста 18 лет. Конвенция допускает, что несовершеннолетний может приобрести полную дееспособность ранее 18 лет, если это предусмотрено национальным законодательством.

Защита прав ребенка в международном праве осуществляется путем закрепления норм, регулирующих различные виды общественных отношений, и Конвенция о правах ребенка 1989 года не является единственным документом, защищающим права несовершеннолетних, хотя, безусловно, содержит фундаментальные положения, которые дали толчок развитию международной правовой защиты прав детей.

Нормы о правах ребенка, закрепленные Конвенцией, были имплементированы в национальное право различных государств, приобретя особенности того или иного национального законодательства. Как мы уже отмечали, ребенок обладает во многом тем же набором субъективных прав и обязанностей, что и совершеннолетний субъект, и существует мнение (например, Н. Н. Коновалов), что дети не нуждаются в дополнительной специальной защите, потому что Конвенция о правах ребенка во многом повторяет положения Всеобщей Декларации прав человека и других международных

³ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 15.02.2024).

актов, касающихся прав человека [3, с. 26]. В научном поле всерьез обсуждаются положения о том, что ребенок не является субъектом права, а объектом прав своих родителей или государства [4]. С подобным посылом сложно согласиться. Обсуждение положений о том, что дети эмоционально зависят от родителей и не могут самостоятельно прервать эту связь, о важности или пагубности связей генетического, этнического или религиозного характера всегда заводит в тупик. Выходом, на наш взгляд, является понимание того, что мы должны сохранять человеческий потенциал, что невозможно без продолжения рода и дополнительных механизмов его защиты. Ребенок до определенного возраста не в состоянии осознать свои потребности, способности и возможности, а осознав их, не всегда способен их реализовать и защитить без посторонней помощи. Существуют такие ситуации, когда ребенку нужна защита от его же родителей (опекунов, попечителей), и такую защиту должно обеспечить государство. Государство должно обеспечить и иные права ребенка, пусть они по сути и не отличаются от прав взрослого человека, но дети являются наиболее незащищенной частью социума, их сознание и воля не развиты должным образом, самостоятельно осуществить и защитить свои права они не могут – именно этот фактор является главным аргументом для создания механизма защиты прав и интересов детей. Конвенция закрепляет обязанность государства уважать права ребенка, обеспечить каждое из предоставленных прав и свобод без какой-либо дискриминации.

Международное право не содержит четких критериев дифференциации правосубъектности и правового статуса ребенка в зависимости от его возраста, но общие принципы и положения, закрепленные в международном праве, дают четкие установки государствам, как именно они должны осуществлять регулирование и защиту прав детей, о чем писала Ю. Н. Авдонина [5, с. 25; 6, с. 220].

Механизм доступа детей к правосудию закреплен в ст. 12 Конвенции, которая предусматривает право ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном нормами национального законодательства. Как видим, Конвенцией не определен начальный возраст ребенка, с которого он может быть заслушан в суде, однако, ст. 12 Конвенции оговаривает, что доступ ребенка к правосудию осуществляется по правилам национального законодательства. Сложно предположить, что право быть заслушанным в суде охватывает весь объем процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, хотя определенный доступ к правосудию обеспечивает.

Современное российское гражданское процессуальное законодательство регулирует процессуальную дееспособность несовершеннолетних, устанавливая их неполную процессуальную дееспособность. Конвенция указывает на то, чтобы государства-участники обеспечивали каждое из предоставленных ребенку прав, национальное право России в свою очередь использует привычный механизм неполной процессуальной дееспособности несовершеннолетних.

Отметим, что прослеживается прямая связь между доступом к правосудию и возможностью эффективно осуществить право на защиту. Обеспечение доступа ребенка к правосудию, предусмотренное Конвенцией, предполагает беспрепятственный доступ к судопроизводству, затрагивающему права детей.

Семейный кодекс Российской Федерации⁴ предусматривает, что каждый ребенок имеет право на защиту и может быть заслушан в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 56 СК РФ), тем самым, норма национального

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации : СК : принят Гос. Думой 8 декабря 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.02.2024).

законодательства полностью повторяет норму ст. 12 Конвенции. Статья 57 СК РФ предусматривает, что мнение ребенка, достигшего 10 лет, необходимо обязательно учитывать, данная норма, на наш взгляд, не ограничивает доступ ребенка к правосудию, так же как и нормы ст. ст. 72, 132, 145 СК РФ, о чем писала А. А. Чечулина [7 с. 41]. Верховный Суд Российской Федерации высказал свое мнение о том, что Семейный кодекс Российской Федерации не предусматривает минимального возраста, с которого ребенок может быть заслушан в ходе любого судебного разбирательства, затрагивающего его права и интересы. Право быть заслушанным в суде предоставлено ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды (Обзор практики рассмотрения в 2012 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 г.). На необходимость уделять должное внимание взглядам ребенка в соответствии с его возрастом и зрелостью указано также и в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г.», утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2019 г. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» также высказана подобная позиция о том, что при судопроизводстве по обозначенным категориям дел следует придерживаться положений ст. 12 Конвенции о правах ребенка и ст. 57 СК РФ.

Констатируем, что норма ст. 57 СК РФ, предусматривающей, что мнение ребенка, достигшего 10 лет, необходимо учитывать обязательно, не исключает возможности учитывать мнение ребенка, не достигшего 10 лет. Не согласимся с мнением о том, что в российском праве отсутствует механизм реализации нормы ст. 57 СК РФ в части, допускающей выяснить и учесть мнение ребенка в возрасте до 10 лет. ГПК РФ⁵ предусматривает правила процессуальной дееспособности несовершеннолетних лиц: ст. 37 ГПК РФ устанавливает, что права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, не достигших 14 лет, защищают в суде их законные представители, к которым относятся не только родители, опекуны и усыновители, но и органы опеки и попечительства, а также другие органы и организации в соответствии с федеральным законодательством. Представители в таких случаях транслируют мнение ребенка, учитывая его интересы и права, при этом законом не запрещено заслушать мнение самого ребенка. Следует учитывать, что малолетний ребенок не всегда верно высказывает свое мнение, оно может быть искажено им же самим в силу особенностей восприятия детей в таком возрасте. Участие несовершеннолетнего в судопроизводстве предполагает присутствие органов опеки и попечительства, педагога, психолога, которые помогут верно воспроизвести и правильно понять мнение ребенка. Подобный механизм также направлен на обеспечение доступа ребенка к правосудию, в том числе и реализации его права быть заслушанным [8, с. 72; 9, с. 58]. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, по правилам ст. 37 ГПК РФ, в некоторых случаях могут осуществлять свои процессуальные права самостоятельно. Институт представительства несовершеннолетних достаточно развит в России и может в

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК : принят Гос. Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.02.2024).

полной мере обеспечить реализацию несовершеннолетним права на защиту в различных формах [10, с. 77; 11, с. 130]. Отсутствие ювенальной юстиции или специальных институтов представительства несовершеннолетних не может свидетельствовать о том, что детям не обеспечен доступ к правосудию (административному производству).

Несовершеннолетний в возрасте до 10 лет не способен четко осознать свои потребности, понять, что для него важно, выгодно, что в его интересах. В такой ситуации на помощь приходят его законные представители. Отметим, что в возрасте от 10 до 18 лет ребенок не во всех ситуациях способен сделать юридически правильный выбор, что также может быть компенсировано институтом представительства. Институт представительства несовершеннолетнего направлен на обеспечение осуществления прав и интересов детей любого возраста и положения, гарантируя при этом защиту прав ребенка, в том числе и путем предоставления доступа к правосудию.

Безусловно, существуют ситуации, когда ребенку нужна защита от его же законных представителей. Подобные ситуации не так редки, как хотелось бы, но не являются нормой [12, с. 47; 13, с. 148]. Право же призвано позитивно регулировать возникающие общественные отношения и не может ориентироваться только на негативные ситуации. Отметим, что специальные механизмы представительства несовершеннолетних, ювенальная юстиция не способны искоренить случаи нарушения прав детей. В то же время существующий механизм доступа несовершеннолетних к правосудию и институт представительства в полной мере обеспечивают реализацию прав ребенка на судебную (административную) защиту.

Российское законодательство обеспечивает реализацию норм международного права, закрепляющих право несовершеннолетнего быть заслушанным в суде. Процессуальная дееспособность несовершеннолетнего обеспечивает ему доступ к правосудию через институт законного представительства. Право быть заслушанным в суде, предусмотренное ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г., является лишь частью содержания процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, предоставляемой законодательством Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н. В. Власова, Н. Г. Доронина, Т. П. Лазарева и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.
2. Бурова, Е. В. Имплементация норм международного права по защите детей в законодательство РФ // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 45–52.
3. Коновалов, Н. Н. Международно-правовые стандарты охраны прав и свобод личности и запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних: проблемы соотношения российского и международного права // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 26–29.
4. Кравчук, Н. В. Рецензия на книгу: «Глобальные размышления о правах ребенка и праве. 30 лет после Конвенции по правам ребенка» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 204–205.
5. Авдонина, Ю. Н. Доступ детей к правосудию: международный аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 22–30.
6. Авдонина, Ю. Н. Особенности субъектного состава по делам о защите прав несовершеннолетних в гражданском процессе: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 205–223.
7. Чечулина, А. А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде // Российский судья. 2022. № 9. С. 35–43.

8. Туманова, Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российской юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.
9. Ярошенко, Т. В. Проведение закрытого судебного заседания в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 57–66.
10. Савельев, А. И. Обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних на международном уровне // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 75–92.
11. Хабриева, Т. Я., Ковлер, А. И., Курбанов, Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
12. Гребенькова, Л. А. Роль международных организаций и международного права в обеспечении несовершеннолетними защиты от вовлечения в противоправную деятельность, опасную для их жизни и здоровья // Международное право и международные организации. 2021. № 4. С. 44–59.
13. Михайлов, В. К. Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 138–151.

REFERENCE

1. Vlasova H. V., Doronina N. G., Lazareva T. P. Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava: monografiya [Problems of unification of private international law: monograph]. Moscow, 2023, 672 p.
2. Burova E.V. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava po zashchite detey v zakonodatel'stvo RF [Implementation of international law on the protection of children in the legislation of the Russian Federation]. Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and housing law. 2024, no. 1, pp. 45-52.
3. Konovalov N.N. Mezhdunarodno-pravovyye standarty okhrany praw i svobod lichnosti i zapret propagandy netraditsionnykh seksual'nykh otnosheniy sredi nesovershennoletnikh: problemy sootnosheniya rossiskogo i mezhdunarodnogo prava [International legal standards for the protection of individual rights and freedoms and the prohibition of propaganda of non-traditional sexual relations among minors: problems of the relationship between Russian and international law]. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – International public and private law. 2020, no. 4, pp. 26 - 29.
4. Kravchuk N.V. Retsenziya na knigu: «Global'nyye razmyshleniya o pravakh rebenka i prave. 30 let posle Konventsii po pravam rebenka» [Book review: «Global reflections on child rights and law. 30 years after the Convention on the Rights of the Child»]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo – Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. 2022, no. 3, pp. 204-205.
5. Avdonina Yu.N. Dostup detey k pravosudiyu: mezhdunarodnyy aspekt [Children's access to justice: international aspect]. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil process. 2022, no. 6, pp. 22-30.
6. Avdonina Yu.N. Osobennosti sub"yektnogo sostava po delam o zashchite praw nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse: postanovka problem [Features of the subject composition in cases of protection of the rights of minors in civil proceedings: statement of the problem]. Vestnik grazhdanskogo processa – Vestnik of civil process. 2022, no. 6, pp. 205 - 223.
7. Chechulina A.A. K voprosu o realizatsii prava rebenka byt' zaslushannym v sude [On the issue of realizing the child's right to be heard in court]. Rossijskij sud'ya – Russian Judge. 2022, no. 9, pp. 35-43.

8. Tumanova L.V. Samostoyatel'nyy protsessual'nyy status nesovershennoletnego [Independent procedural status of a minor]. Rossijskaya yusticiya – Russian justice. 2023, no. 1, pp. 70 - 74.
9. Yaroshenko T.V. Provedeniye zakrytogo sudebnogo zasedaniya v grazhdanskom protsesse: nekotoryye problemnyye voprosy [Conducting a closed court hearing in civil proceedings: some problematic issues]. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil proceedings. 2023, no. 6, pp. 57-66.
10. Savelyev A.I. Savel'yev A.I. Obespecheniye kriminologicheskoy bezopasnosti nesovershennoletnikh na mezhdunarodnom urovne [Ensuring the criminological safety of minors at the international level]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review. 2024, no. 1, pp. 75–92.
11. Khabrieva T.Ya., Kovler A.I., Kurbanov R.A. Doktrinal'nyye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: monografiya [Doctrinal foundations of practice of the Supreme Court of the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2023, 384 p.
12. Grebenkova L.A. Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy i mezhdunarodnogo prava v obespechenii nesovershennoletnimi zashchity ot vovlecheniya v protivopravnuyu deyatel'nost', opasnuyu dlya ikh zhizni i zdorov'ya [The role of international organizations and international law in providing minors with protection from involvement in illegal activities that are dangerous to their life and health]. Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii – International law and international organizations. 2021, no. 4, pp. 44-59.
13. Mikhailov V.K. Obespecheniye otkrytosti i glasnosti suda kak garantiya nezavisimosti pravosudiya [Ensuring openness and publicity of the court as a guarantee of the independence of justice]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2022, no. 2, pp. 138 - 151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белозерцева Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belozerseva Victoria Vladimirovna, candidate of law, assistant professor, Head of the department civil law disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074 Irkutsk, Lermontov st. 110.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 19–29.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 19–29.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Научная статья

УДК 340.131.6

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

Борков Виктор Николаевич

Омская академия МВД России, Российская Федерация, г. Омск, borkovv@mail.ru

Введение. Статья посвящена исследованию значения теоретико-правовых принципов как руководящих начал осуществления уголовно-правового регулирования. Принципы рассматриваются не в контексте ограничения активности законодателя, а в качестве правовых идей, следование которым делает уголовный закон более справедливым, побуждающим к соблюдению своих предписаний, сбалансированным с точки зрения учета интересов личности и государства, а также беспробельным в конкретных политических и социально-экономических условиях. Принципы позиционируются ориентиром для следователей и судей, обеспечивающим содержательную связь между применяемыми нормами и заложенными в них идеями.

Материалы и методы. Исследование основывается наialectическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический, формально-юридический и системно-структурный методы. Использованы практика и материалы Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации.

Результаты исследования. Показана связь принципов права с доктриной, их расположение на одном уровне правовой реальности. Выявлено соотношение общего принципа законности и его уголовно-правовой составляющей. Обосновано значение доктрины в качестве источника права для реализации принципа законности в его общеправовом и отраслевом значении. Доктрина охарактеризована как постоянный поиск права, формирование правовых принципов и стремление к их идеальной реализации.

Выводы и заключения. Доказана непродуктивность противопоставления уголовно-правовой доктрины объективному праву и практике его применения. Тесная связь между названными формами юридической среды проявляется, с одной стороны, в вовлечении правовых идей в законодательную деятельность и судебную практику, с другой – в осмыслиении и принятии юридической наукой объективного права и его концептуального судебного толкования.

Ключевые слова: принцип законности, правовая доктрина, общественная опасность, источники уголовного права, криминализация деяний, квалификация преступлений

Для цитирования: Борков, В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 19–29.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

© Борков В. Н., 2024

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

PRINCIPLE OF LEGALITY AND CRIMINAL DOCTRINE

Viktor N. Borkov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Omsk,
borkovv@mail.ru

Introduction: The article is devoted to the study of the significance of theoretical and legal principles as guiding principles for the implementation of criminal law regulation. The principles are considered not in the context of limiting the activity of the legislator, but as legal ideas, following which makes the criminal law more fair, encouraging compliance with its provisions, balanced in terms of taking into account the interests of the individual and the state, and also without gaps in specific political and socio-economic conditions. The principles are positioned as a guide for investigators and judges, ensuring a meaningful connection between the applicable norms and the ideas embedded in them.

Materials and Methods: the research is based on the dialectical universal method, and also includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, formal-legal and system-structural methods. The practice and materials of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation have been used.

The Results of the Study: the connection of principles of law with doctrine, their location at the same level of legal reality is shown. The correlation of the general principle of legality and its criminal-law component is revealed. The importance of doctrine as a source of law for the implementation of the principle of legality in its general legal and sectoral meaning is substantiated. Doctrine is characterized as a constant search for law, formation of legal principles and striving for their ideal implementation.

Findings and Conclusions: The unproductiveness of opposing criminal law doctrine to objective law and the practice of its application has been proved. The close connection between the mentioned forms of legal environment is manifested, on the one hand, in the involvement of legal ideas in legislative activity and judicial practice, on the other hand, in the comprehension and acceptance by legal science of objective law and its conceptual judicial interpretation.

Keywords: principle of legality; legal doctrine; public danger; sources of criminal law; criminalization of acts; qualification of crimes

For citation: Borkov V.N. Princip zakonnosti i ugolovno-pravovaya doktrina [Principle of legality and criminal doctrine]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institutu MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 19–29.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.64.39.002

Уголовный закон является реакцией государства на деяния, обладающие исключительной опасностью, причем реакцией репрессивной и необходимой для того, чтобы подобные посягательства не повторялись в будущем. Поэтому положенные в его основу правовые идеи должны быть справедливыми, а формы – точными и недвусмысленными. Такое состояние уголовно-правового регулирования немыслимо без следования теоретико-правовым принципам как руководящим началам. Причем было бы

упрощением рассматривать принципы в качестве «ограничителей» активности законодателя. Напротив, именно благодаря общетеоретическим принципам выявляются и решаются проблемы уголовно-правового регулирования. Уголовный закон становится более справедливым, побуждающим к соблюдению своих предписаний, сбалансированным с точки зрения учета интересов личности и государства, а также беспробельным в конкретных политических и социально-экономических условиях. Принципы являются ориентиром для следователей и судей, обеспечивают содержательную связь между применяемыми нормами и заложенными в них идеями.

Важное значение при осуществлении функции борьбы с общественно опасными посягательствами имеет соблюдение принципа законности. Соотношение общеправового принципа и его отраслевого содержания обусловлено ролью конкретной отрасли в обеспечении режима законности, при котором все участники общественных отношений соблюдают правовые нормы. Уголовный закон призван удерживать людей от наиболее опасных деяний, принуждая к соблюдению запретов на их совершение. Уголовный закон не регламентирует процедуры установления лиц, нарушивших такие запреты, их изобличения и наказания – он описывает признаки преступлений и определяет соответствующие их опасности меры воздействия. Поэтому принципиальным является положение, согласно которому только уголовный закон устанавливает преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия (ч. 1 ст. 3 УК РФ⁶). Таким образом, в уголовно-правовом аспекте реализация принципа законности предполагает, с одной стороны, признание определенных деяний преступлениями, а с другой – точное применение уголовно-правовых норм, т. е. переход объективного права в действительность.

Законность, как и другие принципы, одновременно с нормативным выражением выступает в качестве элемента правовой доктрины как системы взглядов и идей о праве, а также подходов к формированию правовой реальности. Существует два основных подхода к криминализации деяний: формальный и материальный. Согласно первому, установление преступности того или иного поведения есть произвол законодателя, следование воле руководителей государства. Идеологом такого подхода является Я. И. Гилинский, который пишет: «Нет “преступлений” и “преступности” по содержанию деяний, относимых уголовным законом любого государства к “преступлениям”. “Преступления” – продукт криминализации государством (властью, режимом) тех или иных деяний здесь и сейчас» [1, с. 4]. С отсутствием объективных оснований для признания отдельных видов поведения опасными для личности, общества и государства согласиться трудно. Стирание границ между добром и злом, абсолютизация относительности последнего ведут общество к разложению и деградации. Кроме того, следование идеи относительности преступного и непреступного поведения лишает законодателя разумных критериев при решении вопроса о том, что запрещать под страхом уголовного наказания. «Методология субъективного идеализма, оторванная от анализа реального бытия права, ничего, кроме произвольной трактовки тех или проблем права в общем виде, на отдельных удачно подобранных примерах, дать не может» [2, с. 21].

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.02.2024).

Последовательный сторонник второго подхода А. И. Марцев в качестве единственного надежного критерия установления уголовной ответственности определил общественную опасность [3, с. 27]. Конституционный Суд Российской Федерации в своей правовой позиции указал, «что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»⁷. Н. А. Лопашенко относит к принципам криминализации: достаточную общественную опасность деяния, относительную распространенность, преобладание позитивных последствий от его запрещения, а также принципы неизбыточности и своевременности криминализации [4, с. 106]. Таким образом, своей уголовной противоправностью деяния обязаны в первую очередь присущей им достаточной степени общественной опасности.

Реализация принципа законности осуществляется как на уровне уголовно-правовых идей и форм, так и в правоприменительной деятельности. Было бы упрощением полагать, что оценка общественной опасности деяний – это прерогатива только законодателя при их криминализации, а задача правоприменителя состоит исключительно в правильном «шаблонном» применении уголовного закона. Законодатель оценивает типичную опасность поведения определенного вида, а правоприменитель исследует опасность конкретного посягательства в процессе его квалификации. Данное обстоятельство свидетельствует, с одной стороны, об объективном характере общественной опасности, а с другой – о необходимости толкования уголовного закона в процессе его применения. «Требование правовой определенности, – разъясняет высший орган конституционного контроля, – обязывает излагать законодательство с достаточной точностью, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или же из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу правовых ситуаций, либо с выявлением более сложной взаимосвязи правовых предписаний»⁸. Важно понимать, что «расхождение между правовой формой и фактическим (материальным) содержанием позволяет понять механизм... творческой роли права. Правовая форма имеет активный характер. Она как бы “притягивает” к себе фактическое (материальное) содержание» [5, с. 261–262]. Действительно, реальным содержанием уголовно-правовую норму наполняет правоприменительная практика.

Об объективном характере общественной опасности свидетельствует существование такого феномена, как малозначительность деяния. Не признаются преступными действия (бездействие), хотя формально и содержащие признаки состава, предусмотренного УК РФ, но

⁷ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 19.02.2024).

⁸ По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 № 21-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384903/ (дата обращения: 19.02.2024).

в силу малозначительности не представляющие общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ). «В правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым»⁹. Связанность реализации принципа законности при осуществлении уголовно-правового регулирования с оценкой общественной опасности квалифицируемых посягательств актуализирует проблему определения критериев ее криминального уровня, т. е. меры, достаточной для признания содеянного преступлением. Причем если в законотворческой деятельности исследуется опасность посягательств одного вида и наличие иных оснований для криминализации, то в процессе квалификации признаки конкретного деяния соотносятся с признаками уголовно-правовой нормы. При этом оценке подлежат и те, и другие. Если установление первых – это вопрос факта, то вторые, даже с учетом их формальной определенности, подлежат толкованию, а это уже вопрос права.

Сложно спорить с позицией, согласно которой содержание уголовно-правового запрета не может выходить за пределы текста соответствующей нормы или эти пределы ограничивать. Вместе с тем именно в процессе применения уголовного закона его текст наполняется реальным содержанием, и делает это правоприменитель под влиянием правовой доктрины. Значение последней при принятии юридических решений, подчеркивает С. В. Бощно, определяя правовую доктрину как совокупность «правовых идей установочного и поведенческого содержания, определенно сложившихся в результате судебной, политico-правовой, правотворческой и правоприменительной, научной деятельности, выполняющую оценочную функцию по отношению к другим формам права» [6, с. 45]. Такая оценка необходима при определении потребности в криминализации деяний, а также при применении уголовно-правовых норм. Постоянный мониторинг соблюдения законности при осуществлении уголовно-правового регулирования предполагает исследование особенностей взаимной детерминации юридических идей, форм и реальности, осмысление диалектики закона и права.

С учетом отмеченного выше материального подхода к определению преступления, мы соглашаемся с позицией В. М. Сырых, согласно которой «материалистическая теория права пока что остается единственной доктриной, способной раскрыть диалектическую взаимосвязь форм права как компонентов механизма перехода объективного права в действительность» [7, с. 95]. «Фактические правоотношения, правовая «реальность», объективно существующие правоотношения, регулирующиеся прежде всего принципами и нормами права, содержащимися в единой, развивающейся и многоуровневой системе...» [8, с. 8]. Связь между уголовно-правовыми нормами и охраняемыми ими отношениями опосредована и обусловлена уровнем социально-экономического и политического развития общества. Воздействие указанных факторов на правовую среду проявляется в источниках права. Например, согласно позиции высшего органа конституционного контроля: «Сохраняя ранее установленные общие критерии крупного и особо крупного

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандровской Евгении Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3272-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793048&cacheid=2A19686978DF6087D6BF77D09F1DEE29&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#qFv5aGUtHhL3BgMK> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

размеров для преступлений против собственности, федеральный законодатель учитывал современные социально-экономические отношения»¹⁰.

Особое значение источники уголовного права приобретают в процессе квалификации преступлений, когда принцип законности соблюдается при уяснении содержания уголовно-правовых запретов. «Чтобы обеспечить требуемую правовую определенность в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо не только надлежащее технико-юридическое формулирование уголовно-правовых норм, но и адекватное нормативное отражение фактически существующей системы источников уголовного права» [9, с. 52]. Постоянная модификация воздействия, как права на социальную среду, так и социальной среды на право, усложняет задачу нормативного закрепления фактически существующей системы источников уголовного права, но наиболее значимые из них необходимо учитывать.

Сложно переоценить значение для реализации принципа законности при осуществлении уголовно-правового регулирования правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который, «в отличие от других субъектов судебной деятельности, является еще и правотворческим органом» [10, с. 298]. Его решения «фактически выступают в качестве источников права» [11, с. 544]. Конституционный Суд Российской Федерации демонстрировал авторитетные позиции по проблемам обоснованности криминализации деяний ее беспробельности и неизбыточности, соотношения уголовной и административно-деликтной противоправности, справедливости дифференциации законодателем ответственности, в том числе обязывая последнего исправлять допущенные ошибки. Особой ценностью для правоприменителя обладают разъяснения конституционно-правового смысла отдельных признаков составов преступлений и оснований признания деяний малозначительными. Перечисленные позиции как источники права обеспечивают непротиворечивость и формальную определенность уголовного закона, недопустимость его неправовой интерпретации.

Соблюдение законности обеспечивает выявление конституционно-правового смысла запретов, установленных УК РФ. Примером является ответ на жалобу гражданки П. М. Покараевой, которая изготовила подложный протокол допроса свидетеля на основе аудиозаписи телефонного разговора и была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ. По мнению заявительницы, ст. 303 УК РФ позволила признать преступлением «изготовление протокола фактически не проводившегося следственного действия с включением в его содержание достоверных сведений, а также не конкретизируя вред интересам правосудия, который причиняется таким деянием». Конституционный Суд Российской Федерации определил, «что указанный протокол содержит ложные сведения о самом факте производства следственного действия. <...> ...изготовление протокола следственного действия без фактического его проведения в целях приобщения такого документа к материалам уголовного дела не только является процессуальным нарушением, но и подрывает само существо уголовного судопроизводства, а потому достигает того уровня общественной опасности, который в правовой системе России легитимирует уголовное преследование. Это также относится к фальсификации протокола допроса свидетеля, поскольку без удостоверения личности допрашиваемого лица, разъяснения ему прав и обязанностей,

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Украины Лесного Василия Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом "б" части четвертой статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2023 № 436-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=751302&cacheid=93F06302FAD9C0E6D937475131B52F8F&mode=splus&rnd=0.644400278319571#xG4KaGUGZSlr9Owo> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

предупреждения об уголовной ответственности, предусмотренной статьями 307 и 308 УК РФ, выполнения иных процессуальных требований полученные следователем в ходе разговора сведения не могут считаться доказательством»¹¹.

Важнейшим источником права, обеспечивающим реализацию принципа законности, являются разъяснения Верховного Суда, а также практика рассмотрения им конкретных уголовных дел. В постановлениях высшей судебной инстанции в связи с возникающими у судов вопросами и в целях обеспечения единства применения уголовного закона раскрывается содержание признаков составов преступлений, разрешаются наиболее сложные проблемы их квалификации, разграничения друг от друга и от правомерного поведения. Сложно переоценить значение для следователей, прокуроров и судей, а также для реализации принципа законности правовых прецедентов, создаваемых Верховным Судом Российской Федерации.

А. В. Иванчин, «рассуждая о круге источников права в юридическом (формальном) смысле», отмечает, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации к таковым отнесены быть не могут, так как они только «*de facto* играют для правоприменителя, включая судей, роль источников. Но с юридической точки зрения постановления Пленума не нормативные акты, имеющие общеобязательную силу» [12, с. 28]. С другой стороны, в качестве источника уголовного права А. В. Иванчин обоснованно называет решения Конституционного Суда Российской Федерации, но приводит при этом спорный пример «конструирования новой нормы о том», «...когда завладение найденным имуществом образует состав кражи, что явно небесспорно, поскольку оказались криминализированы случаи завладения виновным имуществом, которое он не изымал, а лишь обратил в свою пользу» [12, с. 28]. Сложно согласиться с тем, что обязательным признаком источника права является нормативность, особенно в контексте реализации принципа законности. Указанные высшие суды не уполномочены создавать новые уголовно-правовые нормы. Конституционный Суд Российской Федерации может разъяснить конституционно-правовой смысл действующей уголовно-правовой нормы, императивно обратить внимание законодателя на ее неконституционность, установить срок исправления указанного недостатка, по истечении которого прекратить ее действие, но брать на себя полномочия законодателя он не вправе. В соответствии с законом, Конституционный Суд Российской Федерации «решает исключительно вопросы права», а также «вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения» (п. 7 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹²).

«Познание законов будет далеко не полным, весьма узким и односторонним, если изучение их формально-юридических черт и особенностей не будет органически сочетаться и дополняться с учетом их фактических сущностных и содержательных черт и особенностей» [13, с. 124]. Наряду с высшими судебными инстанциями важную роль в понимании уголовного закона играет правовая доктрина. Законодатель и суды очень часто воспринимают идеи ученых и результаты научных исследований. Сложно отрицать

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Покараевой Полины Михайловны на нарушение ее конституционных прав статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3256-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=793037&cacheid=0DA7D05C15A598EAD094EFEDC0012634&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#pQHMaGUsX3I3jgmr2> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹² О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон № 1-ФКЗ : принят Гос. Думой 24 июня 1994 года : одобрен Советом Федерации 12 июля 1994 года : в ред. от 31.07.2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 19.02.2024).

влияние доктрины на сознание судей, прокуроров и следователей, как уже осуществляющих свои полномочия, так и будущих, которые слушают лекции, читают учебники и научные публикации, подготовленные учеными. Но объективного права доктрина, безусловно, не образует. Например, судом было отказано в «передаче дела по заявлению о выдаче дубликата исполнительного листа для пересмотра в порядке надзора судебных актов, ... так как ссылка заявителя на опубликованную в журнале статью не может быть принята, поскольку такая публикация не является источником права»¹³.

Между тем категоричной выглядит позиция А. И. Овчинникова и А. О. Далгатовой о недопустимости использования «правовой доктрины в правоприменении, так как это приведет к злоупотреблению правом» [14, с. 63]. Не имея нормативного характера, доктрина является одним из средств уяснения содержания уголовно-правовых норм. Доктрина развивает правосознание должностного лица, применяющего уголовный закон, без которого немыслимо обеспечение законности. Так, в процессе квалификации в случае «подозрения» на малозначительность деяния должна «обеспечиваться адекватная оценка правоприменителем степени общественной опасности деяния»¹⁴, т. е. степени, соответствующей запрещенному законодателем посягательству. В таком случае понимание правоприменителем содержания уголовно-правового запрета в числе прочего формирует правовая доктрина.

«Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «существенное нарушение прав и законных интересов» и «иная личная заинтересованность», как и всякие оценочные понятия, получают содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике»¹⁵. Действительно, Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении № 19¹⁶ разъясняет, какое нарушение прав потерпевших является существенным, а также содержание признака «иная личная заинтересованность», приводит типичные виды его проявлений. Но даже такое уточнение не исключает ситуаций, когда установленные обстоятельства посягательства со всей очевидностью не свидетельствуют о наличии у виновного должностного лица «личной заинтересованности». Обеспечение законности в таком случае требует дополнительного,

¹³ Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.06.2008 № 8312/08 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=68964&cacheid=042A2B4AD9E6231C72AAE30F1A9D5689&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#9RmOaGUpk7FfnzHD> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2023 № 41-УД23-11-К4 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=775604&cacheid=4B0F84B65C306FEC1799A1248707A26D&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#Pr1QaGUE3WwkETA21> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булатникова Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.2023 № 3349-О // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797475&cacheid=BA42B9E85AE7C0CF297909E5E609EFC3&mode=splus&rnd=0.6444002783819571#xbSQaGUy3xalPcaB> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

¹⁶ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 19.02.2024).

в том числе и доктринального, толкования указанного признака. Например, в одной из работ обосновывается позиция, согласно которой, «личная заинтересованность» как признак должностного преступления исключается, если действия виновного обусловлены «желанием достижения полезного результата очевидно незаконными средствами» [15, с. 27].

Особенно убедительно значение доктрины как источника права показано Конституционным Судом Российской Федерации в одобренной им методологии конституционного нормоконтроля: «В любом демократическом обществе ведется дискуссия относительно выносимых высшим правосудием решений, и представители юридической науки – ее активные участники. Но при допустимости и даже неизбежности расхождения юрисдикционных и доктринальных оценок противопоставление доктрины конституционно-судебным подходам вряд ли продуктивно. В особенности с учетом существующей между этими формами юридической мысли тесной взаимосвязи. Разрабатываемые представителями доктрины идеи вовлекаются в орбиту конституционной интерпретации; многие, изначально высказанные в актах конституционного нормоконтроля концептуальные положения усваиваются юридической наукой»¹⁷.

Доктрина – это постоянный поиск права, формирование правовых принципов и стремление к их идеальной реализации. Общетеоретические принципы права находятся с доктриной на одном уровне правовой реальности. По замечанию М. И. Байтина, составляющие естественное право нравственные и правовые идеи, принципы и идеалы «еще не являются правом в юридическом смысле, а представляют собой мораль, правосознание, демократические устремления, т. е. ближайшую и необходимую предпосылку и основу собственно юридического права» [16, с. 108]. Важная регулирующая функция общих принципов права проявляется в концептуальном влиянии на содержание всех элементов правовой системы. «Судебное толкование, основанное на едином понимании права как сочетания естественных (соответствующих человеческой природе) и позитивных (предписанных властью) правил, предполагает, что в праве не может быть пробелов, ибо в том случае, если позитивное право не содержит правила для конкретного случая, его следует отыскать в праве естественном, из которого происходят императивные нормы – правовые принципы (справедливость, равенство, добросовестность)» [17, с. 114]. Процесс взаимного обогащения доктрины и позитивного права точно описан М. Н. Марченко: «Естественное право наполняет собой содержание конституционного или любой иной отрасли положительного права, воплощаясь в законах и других нормативно-правовых актах, оно приобретает или разделяет вместе с позитивным правом соответствующую *формально-юридическую (письменную) форму*» [13, с. 95]. Изложенное убедительно свидетельствует о непродуктивности противопоставления уголовно-правовой доктрины объективному праву и практике его применения. Тесная связь между названными формами юридической среды проявляется, с одной стороны, в вовлечении правовых идей в законодательную деятельность и судебную практику, с другой – в осмыслении и принятии юридической наукой объективного права и его концептуального судебного толкования.

¹⁷ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): Информация Конституционного Суда Российской Федерации: одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=399426&cacheid=987EC5A3E7F815906AFFECE3947BF967&mode=splus&rnd=0.644002783819571#kWiRaGU8jm43XWnA> (дата обращения: 19.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гилинский, Я. И. Современная криминология о преступности и противодействии ей // Криминалистика. 2022. № 1 (38). С. 3–7.
2. Сырых, В. М. Общая теория права как философия, методология, логика и социология права // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 20–22.
3. Марцев, А. И. Преступление: социально-правовой анализ : учеб. пособие. Омск, 2012. 75 с.
4. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.
5. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : в 2. т. Свердловск, 1972. 396 с.
6. Бошно, С. В. Понятие правовой доктрины // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 35–45.
7. Сырых, В. М. Ведущие правовые доктрины современного правоведения // Правовая культура. 2023. № 2. С. 88–97.
8. Ершов, В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.
9. Ображиев, С. К. Проблемы нормативного отражения системы формальных источников российского уголовного права // Государство и право. 2017. № 5. С. 51–59.
10. Минникес, И. А., Пирмаев, Е. В. Конституционное судебное толкование // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 4. С. 297–306.
11. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2018. 636 с.
12. Иванчин, А. В. Реальный круг источников уголовного права России // Российский следователь. 2024. № 1. С. 27–30.
13. Марченко, М. Н. Источники права : учеб. пособие. М., 2008. 760 с.
14. Овчинников, А. И., Далгатова, А. О. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2. С. 59–64.
15. Борков, В. Н. Оценка мотива при квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2023. № 3. С. 20–27.
16. Байтин, М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. 416 с.
17. Нешатаева, Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113–125.

REFERENCES

1. Gilinsky Ya.I. Sovremennaya kriminologiya o prestupnosti i protivodejstvii ej [Modern criminology about crime and counteraction to it]. Kriminalist – Criminologist. 2022, no. 1 (38), pp. 3–7.
2. Syrykh V.M. Obshchaya teoriya prava kak filosofiya, metodologiya, logika i sociologiya prava [General theory of law as philosophy, methodology, logic and sociology of law]. Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya – State legal studies. 2020, no. 3, pp. 20–22.
3. Martsev A.I. Prestuplenie: social'no-pravovoij analiz [Crime: social and legal analysis]. Omsk, 2012, 75 p.
4. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow, 2009, 579 p.
5. Alekseev S.S. Problemy teorii prava: v 2. T. [Problems of the theory of law: in 2. volume]. Sverdlovsk, 1972, 396 p.
6. Boshno S.V. Ponyatie pravovoij doktriny [The concept of legal doctrine]. Pravo i sovremennye gosudarstva – Law and modern states. 2022, no. 2-3, pp. 35–45.
7. Syrykh V.M. Vedushchie pravovye doktriny sovremennoego pravovedeniya [Leading legal doctrines of modern jurisprudence]. Pravovaya kul'tura – Legal culture. 2023, no. 2, pp. 88–97.
8. Ershov V.V. Pravootnosheniya: vozniknovenie i regulirovanie [Legal relations: emergence and regulation]. Pravosudie – Justice. 2022, T. 4, no. 1. pp. 8–27.

9. Obrazhiev S.K. Problemy normativnogo otrazheniya sistemy formal'nyh istochnikov rossijskogo ugolovnogo prava [Problems of normative reflection of the system of formal sources of Russian criminal law]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2017, no. 5, pp. 51–59.
10. Minnikes I.A., Pirmaev E.V. Konstitucionnoe sudebnoe tolkovanie [Constitutional judicial interpretation]. Akademicheskij yuridicheskij zhurnal – Academic legal journal. 2021, no. 4, pp. 297–306.
11. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, 2018. 636 p.
12. Ivanchin A.V. Real'nyj krug istochnikov ugolovnogo prava Rossii [The real circle of sources of criminal law in Russia]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2024, no. 1, pp. 27–30.
13. Marchenko M.N. Istochniki prava [Sources of law]. Moscow, 2008, 760 p.
14. Ovchinnikov A.I., Dalgatova A.O. Pravovaya doktrina kak istochnik prava v Rossijskoj Federacii [Legal doctrine as a source of law in the Russian Federation]. Philosophy of Law – Filosofiya prava. 2016, no. 2, pp. 59–64.
15. Borkov V.N. Ocenka motiva pri kvalifikacii prevysheniya dolzhnostnyh polnomochij [Assessment of motive when qualifying abuse of official powers]. Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2023, no. 3, pp. 20–27.
16. Baytin M.I. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [The essence of law. (Modern normative understanding on the verge of two centuries)]. Saratov, 2001, 416 p.
17. Neshataeva T.N. Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [On general principles of law and judicial interpretation. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2023, no. 3, pp. 113–125.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борков Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Borkov Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, st. Komarova, d. 7.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.05.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С.30–43.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 30–43.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.84.31.003

**КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА А. В. ПОЛЯКОВА: АНАЛИЗ
ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И АРГУМЕНТИРОВАННАЯ КРИТИКА**

Егоров Александр Александрович

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, г. Москва, egorov.a90@mail.ru

Введение. В науке все должно быть подвергнуто сомнению, и потому факт критического восприятия мысли не означает изначально ее отторжение. В этом смысле научно обоснованная, конструктивная критика не только возможна, но и необходима, так как она способствует развитию научной мысли. На сегодняшний день существует четыре основных типа понимания права: юридический позитивизм или нормативизм (право трактуется как совокупность норм, установленных или санкционированных государством); социологический позитивизм (существование «книжного права» и «живого права», которое формулируется в решениях судебных и административных органов и имеет абсолютный приоритет над «книжным правом»); теории естественного права (право выводится из разума или природы общества и человека, а человеку приписываются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему); философское понимание права (право сводится к свободе, которая понимается как разумное общественное поведение). Юридический и социологический позитивизм более реалистичны, так как придают праву вполне реальное содержание (нормы и отношения). Теории естественного права и философское понимание права носят сугубо теоретический характер, т. е. описывают не реальное право, а, скорее, идеальное право. Все эти подходы принято считать классическими в силу наличия у каждого из них базового принципа: норма поведения, установленная верховной властью; реальные отношения, влекущие юридические последствия; неотчуждаемые права личности; абстрактная формула свободы. Однако прогресс необходим и перманентен, что приводит к теоретическому осмыслинию и попыткам обосновать т. н. «новые теории права». В их числе определенный интерес представляет коммуникативная теория права профессора кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского университета Андрея Васильевича Полякова.

Материалы и методы. Эмпирическую основу исследования составили первоисточники в виде трудов А. В. Полякова, а также соответствующая исследовательская литература. Методологическая основа исследования проявилась в комплексном использовании диалектического, историко-правового, структурно-правового, формально-юридического, аксиологического, сравнительно-правового, логического и системного методов.

Результаты исследования. На основе комплексного использования различных методов научного познания оценена состоятельность авторской дефиниции понятия права А. В. Полякова и тезисы, составляющие суть его коммуникативной теории права. Обращение к позициям дореволюционных и советских классиков теоретико-правового знания позволило обнаружить коммуникативное понимание права, которое существовало задолго до исследуемой теории права.

Выводы и заключения. Проведенное комплексное исследование позволило выявить логические ошибки и теоретические недостатки тезисов, составляющих суть коммуникативной теории права, учет которых будет способствовать повышению объективности и результативности научных исследований вопросов понимания права.

Ключевые слова: право; государство; социальная коммуникация; правовой текст; эйдос права; правовые ценности; психическое принуждение; физическое принуждение; правосознание

Для цитирования: Егоров, А. А. Коммуникативная теория права А. В. Полякова: анализ основных положений и аргументированная критика // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 30–43.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.84.31.003

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

A.V. POLYAKOV'S COMMUNICATIVE THEORY OF LAW: ANALYSIS OF THE MAIN PROVISIONS AND REASONED CRITICISM

Aleksandr A. Egorov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russian Federation, Moscow
egorov.a90@mail.ru

Introduction. In science everything must be questioned, and therefore the fact of critical perception of a thought does not inherently mean its rejection. In this sense, scientifically grounded, constructive criticism is not only possible, but also necessary, as it contributes to the development of scientific thought. Today, there are four main types of understanding of law: legal positivism or normativism (law is interpreted as a set of norms established or sanctioned by the state); sociological positivism (the existence of 'book law' and 'living law', which is formulated in the decisions of judicial and administrative bodies and has absolute priority over 'book law'); theories of natural law (law is derived from reason or the nature of society and man, and man is attributed innate and inalienable rights that exist in the society and man); theories of natural law (law is derived from the nature of society and man, and man is attributed innate and inalienable rights that exist in the society and man). Legal and sociological positivism are more realistic, as they give law a very real content (norms and relations). Natural law theories and philosophical understanding of law are purely theoretical in nature, i.e. they do not describe real law, but rather ideal law. All these approaches are considered classical due to the presence of a basic principle

in each of them: a norm of behaviour established by the supreme authority; real relations entailing legal consequences; inalienable individual rights; and an abstract formula of freedom. However, progress is necessary and permanent, which leads to theoretical reflection and attempts to justify the so-called 'new theories of law'. Among them, the communicative theory of law of Andrey Vasilievich Polyakov, professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg University, is of particular interest.

Materials and Methods: the empirical basis of the study was formed by primary sources in the form of A. V. Polyakov's works and relevant research literature. V. Polyakov, as well as relevant research literature. The methodological basis of the study was manifested in the integrated use of dialectical, historical-legal, structural-legal, formal-legal, axiological, comparative-legal, logical and systemic methods.

The Results of the Study: The author's definition of the concept of law by A. V. Polyakov and the theses constituting the essence of his communicative theory of law are evaluated on the basis of the integrated use of various methods of scientific cognition. V. Polyakov and the theses that make up the essence of his communicative theory of law. The appeal to the positions of pre-revolutionary and Soviet classics of theoretical and legal knowledge allowed us to discover the communicative understanding of law, which existed long before the theory of law under study.

Findings and Conclusions: the conducted comprehensive study allowed to identify logical errors and theoretical shortcomings of the theses that make up the essence of the communicative theory of law, the consideration of which will contribute to improving the objectivity and effectiveness of scientific research into the issues of understanding the law.

Keywords: law; state; social communication; legal text; eidos of law; legal values; mental coercion; physical coercion; legal awareness

For citation: Egorov A.A. Kommunikativnaya teoriya prava A.V. Polyakova: analiz osnovnyh polozhenij i argumentirovannaya kritika [A.V. Polyakov's communicative theory of law: analysis of the main provisions and reasoned criticism]. Vestnik Vostochno-Sibirskego institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no.3 (110), pp. 30–43.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.84.31.003

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для каждого социума и всего мирового сообщества в целом. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Данное обоснование весьма привлекательно, в его монопольный характер хочется беззазетно верить. Однако объективное и скрупулезное изучение положений «новых теорий права» порождает серьезные сомнения в том, что их авторам удалось раскрыть какие-то новые грани теоретико-мировоззренческого, политico-правового и социокультурного понимания права. Достаточно часто в научной юридической среде высказывается точка зрения, согласно которой в новых теориях права нет ничего принципиально значимого или авторского, а их суть сводится к компиляции и терминологической переработке постулатов классических типов понимания права.

«На деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских

представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы», – пишет Н. В. Варламова [1, с. 89]. По мнению О. В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, т. е. благодаря равнодушию и безучастности специалистов [2, с. 282]. Действительно, эта тенденция сегодня имеет место быть. Большинство исследователей отчетливо осознают (даже если не произносят это вслух), что в современных условиях нередко имеют место как безуспешные, так и успешные попытки с помощью словесной эквилибристики выдать классические постулаты за принципиально новые идеи. Своего рода популистская публикационная активность отдельных авторов зачастую обусловлена готовностью ряда изданий опубликовать любой текст. Вместе с тем аргументированная критика является экзистенциальным элементом любой науки, который уберегает ее от деградации и забвения. В этой связи представляется возможным и даже необходимым на основе современных методов научного познания проанализировать и критически переосмыслить основные постулаты коммуникативной теории права А. В. Полякова.

В апреле 2002 года в рамках расширенного заседания кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского университета состоялось обсуждение курса лекций А. В. Полякова «Общая теория права», в котором была изложена суть его «коммуникативной концепции». В своем вступительном слове А. В. Поляков акцентировал внимание слушателей на двух основополагающих моментах: развитие правовой теории предопределяет необходимость обоснования новых вариантов понимания права; основой для создания им курса стала проблема обоснования «собственного видения права» [3, с. 13, с. 6]. Новаторский характер теории А. В. Полякова вызывает сомнения уже на том основании, что сам автор считал ее одним из важных вариантов интегрального правопонимания [4, с. 9]. Тем не менее в адрес автора прозвучало немало хвалебных оценок.

Д. И. Луковская и Е. В. Тимошина безапелляционно идентифицируют коммуникативную теорию права как наиболее разработанный вариант интегрального правопонимания [5, с. 6]. М. А. Капустина назвала коммуникативную концепцию А. В. Полякова вполне аргументированным вариантом интегрального типа правопонимания [3, с. 45]. Еще более патетическую позицию занял И. Л. Честнов, который во время обсуждения курса лекций заявил, что «блестящий знаток российской правовой мысли А. В. Поляков на наших глазах (с точки зрения стороннего наблюдателя) превратился в одного из крупнейших теоретиков права, предложившего свою оригинальную версию онтологии права...» [3, с. 58]. Не полемизируя ни с кем из указанных авторов и не принижая заслуг А. В. Полякова, закономерно зададимся вопросом: в чем проявляется оригинальность автора, где смелый прорыв, позволяющий говорить о том, что ему удалось разработать авторскую теорию права, не имеющую аналогов ни в прошлом, ни в настоящем? Начнем с авторского определения понятия права.

А. В. Поляков пишет: «...право как тотальная и синергийная интерсубъективная социокультурная реальность рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологических аспектах и, соответственно, онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и претворению в жизнь» (курсив мой – А. Е.) [6, с. 6–7]. Форма и содержание данной

дефиниции заслуживают пристального внимания. На основе использования исторического метода (в данном случае изучение доктринальной мысли в контексте ее временного развития) вкупе с логическим методом (применение аналогии с подходами других исследователей) представляется возможным оценить новизну и научную ценность этой авторской дефиниции.

Внимательный анализ части определения, выделенной курсивом, вольно или невольно отсылает нас к позиции известного отечественного правоведа Г. В. Мальцева, который еще в 1989 году писал: «Право … есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения» [7, с. 7]. Данное традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений даже в то время не могло претендовать на новизну. То обстоятельство, что Г. В. Мальцев связывал эту совокупность норм, идей и отношений с государственной властью, объясняется тем, что он находился под влиянием доктрины советского нормативизма. Кроме того, вызывает недоумение и требует пояснения понимание права как тотальной реальности.

Закон тождества, применяемый в формальной логике и заключающийся в том, что всякое суждение влечет (имплицирует) само себя, позволяет сделать вывод, что право является единственным социальным регулятором в обществе. Это обстоятельство порождает логическую ошибку, так как наряду с правом общественные отношения регулируются обычаями, моралью, религией и иными социальными нормами. В этом контексте данный постулат А. В. Полякова при его буквальном истолковании (с учетом отсутствия авторских пояснений) представляет собой ярко выраженный теоретический недостаток.

В свою очередь понимание права как многоединства в контексте системно-структурного метода (изучение государственно-правовых явлений как цельной системы и иерархической структуры) свидетельствует о теоретическом изъяне, характерном для всех вариантов интегрального понимания права. Речь идет о том, что любой вариант интегрального понимания права строится на сочетаниях отдельных положений классических типов понимания права, что неизбежно порождает коллизии и даже антагонизмы. В данном случае уместно вспомнить такой прием формальной логики, как сходство и аналогия, которые позволяют выявить указанные изъяны. Наконец, еще одним недостатком дефиниции А. В. Полякова следует признать включение в нее ценностей как самостоятельной категории наряду с правосознанием. Обратимся к позиции самого автора.

А. В. Поляков, используя приемы сходства и аналогии, отмечает, что право является культурной ценностью, делая при этом оговорку, что иерархическое место права в системе социальных ценностей в разных обществах принципиально отличается: в одних обществах право – это высшая ценность, которая подчиняет себе все остальные социальные ценности (включая моральные и религиозные), а в других – оттесняется на второй план и играет вспомогательную роль [6, с. 314]. Таким образом, даже если признать ценности как самостоятельную категорию в рамках авторской дефиниции права, А. В. Полякову следовало бы указать, что место права в системе социальных ценностей в разных обществах неодинаково, что не позволяет сформулировать единого подхода.

Следовательно, на основе использования дедуктивного мышления мы можем предположить, что в лаконичном виде под правом А. В. Поляков понимает совокупность норм, идей и отношений, существующих и реализуемых в контексте социальной коммуникации. Однако в таком случае само указание на социальную коммуникацию является теоретическим недостатком, так как вне ее контекста ни один из перечисленных

компонентов не может иметь ни теоретического, ни практического значения. Таким образом, дефиниция А. В. Полякова – это традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений, отягощенное как нераскрытыми автором категориями (многоединство, тотальная реальность), так и неуместным включением ценностей как самостоятельной категории. Вряд ли это авторское определение может претендовать на новизну и научную ценность. В ходе упомянутого выше обсуждения курса лекций А. В. Поляков сформулировал ряд тезисов, которые раскрывают суть его теории. Сразу оговоримся, что исследование этих тезисов будет основано на сопоставлении с наработками классиков дореволюционной и советской теоретико-правовой мысли (которые по понятным причинам не могли оперировать современной терминологией, однако опосредованно выводили постулаты коммуникативной теории) вкупе с использованием современной методологии.

А. В. Поляков отмечает, что в условиях российского постмодерна развитие правовой теории требует обоснования новых вариантов понимания права, которые были бы принципиально отличны от «классических» образцов. При этом автор отмечает, что генезис отечественной дореволюционной правовой мысли и советской теоретико-правовой доктрины свидетельствуют о коммуникативной направленности правового дискурса в России [3, с. 13; 8, с. 8]. Оценивая этот тезис, мы можем отметить, что необходимость обоснования новых вариантов понимания права является объективной закономерностью в развитии политico-правовой мысли. Как уже было ранее отмечено, еще в 1989 году Г. В. Малыцев предложил классическое интегративное понимание права, отягощенное влиянием советского нормативизма. Даже в то время это не было открытием. Следовательно, на основе использования логических приемов сходства и аналогии можно прийти к выводу, что осознание необходимости комплексного понимания права не может быть авторским открытием А. В. Полякова. Более того, поиски интегративного понимания права были характерны для классиков дореволюционной политico-правовой мысли. Приведем некоторые тезисы, которые наглядно продемонстрируют наличие элементов философского понимания права в рамках классических типов понимания права.

Представитель отечественной естественно-правовой мысли А. П. Куницын (1783–1840), выражая идею, что праву одного человека соответствует обязанность другого человека, отмечал, что возможность защитить свои права продиктована законами разума и является прежде всего нравственной, а затем уже правовой [9, с. 154–155; 10, с. 14]. Классик нормативизма Г. Ф. Шершеневич (1863–1912) считал, что в случае придания нравственной норме юридической санкции, данная норма, оставаясь этической, становится одновременно и правовой (например, установление юридической ответственности для родителей, развращающих детей) [11, с. 70; 12, с. 20]. Как мы видим, понимание права как принудительного правила поведения, установленного государственной властью, не мешало Г. Ф. Шершеневичу мыслить в интегративном ключе. Известный представитель социологического понимания права С. А. Муромцев (1850–1910) трактовал право как совокупность юридических отношений, а нормы – как атрибуты этих отношений [13, с. 10]. Применяя современный методологический инструментарий, можно сделать вывод, что он четко осознавал необходимость комплексного понимания права в контексте коммуникации, хоть и прямо не сформулировал этот тезис.

Таким образом, на основе использования сравнительно-правового метода представляется возможным прийти к выводу, что в приведенных воззрениях налицаует осознание интегративной природы права. Более того, рассуждая в индуктивном ключе (от

частного к общему), можно предположить, что элементы философского понимания права (А. П. Куницын и Г. Ф. Шершеневич) и комплексного понимания права (С. А. Муромцев) свидетельствуют о понимании ими коммуникативной природы права. Следующий тезис А. В. Полякова заключается в том, что право невозможно вне рамок социальной коммуникации. В свою очередь условием правогенеза выступает не возникновение государства, а формирование психосоциокультурных реалий коммуникативной направленности, в которых объективируются правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения [3, с. 13; 8, с. 9]. Обратимся к пояснениям самого автора.

А. В. Поляков отмечает неразрывную связь права с существованием человеческого общества, что проявляется в социальном характере условий возникновения права. Человек же, являясь существом социальным, создает себя сам в рамках коммуникативной деятельности с другими членами общества [6, с. 203–220]. На этом основании он определяет общество как «совокупность людей, выделяемую на основе воспроизведимой ими системы общезначимых коммуникативных действий» [6, с. 221]. Таким образом, человеческий порядок устанавливается и поддерживается нормами права, которые формируются, существуют и проявляют себя только в контексте социальной коммуникации. Можно предположить, что автор использует социологический метод, согласно которому право и его отдельные элементы исследуются сквозь призму общественных явлений и процессов. Этот тезис коммуникативной теории А. В. Полякова свидетельствует о теоретическом недостатке его авторской концепции, так как при его буквальном истолковании возникает логическое противоречие, согласно которому право может формироваться и вне социального контекста. Следовательно, указание на социальные условия формирования права представляется неоправданным и излишним.

В рамках следующего тезиса, раскрывающего суть коммуникативной теории права, автор утверждает о возможности существования права без государства и невозможности существования государства без права. Он интерпретирует государство как специализированный социальный институт, в контексте которого право приобретает специфическую институциональную форму выражения (текстуальную и организационную) [3, с. 13; 8, с. 9]. Проанализируем этот тезис в контексте исторического метода.

Общеизвестно, что нормы обычного права (неписаного и основанного на обычаях) существовали еще в эпоху первобытной общины. В научной литературе укоренилась идея мононорм, т. е. единых правил поведения, сочетающих в себе прообразы религии, морали и права [14, с. 204]. Т. В. Кашанина отрицает концепцию мононорм, мотивируя свою позицию тем, что неразвитое сознание первобытного человека не могло воспринять концепцию мононорм, да и сама эта концепция не могла существовать в силу отсутствия в то время «первобытных исследователей» [15, с. 215–216]. Даже если согласиться с тем, что концептуального оформления этой идеи в первобытной общине быть не могло, оспаривать существование там норм обычного права было бы нелогично. С точки зрения формальной логики, формулировка А. В. Полякова некорректна, так как при ее буквальном истолковании может возникнуть теоретическая неточность в виде отождествления понятий «право» и «позитивное право». Они соотносятся как целое и часть. Хорошо известно, что наряду с позитивным правом (законы и подзаконные акты) существуют еще и обычное право (неписаное право, основанное на обычаях), божественное право (основанное на теологии), естественное право и т. д. Таким образом, в отрыве от государства не может существовать именно позитивное право, а не право

вообще. Следующие три тезиса теории А. В. Полякова посвящены понятию правового текста, его отличию от нормы права и их взаимодействию.

По его мнению, правовой текст – это опосредующая правовую коммуникацию система знаков, интерпретация которых порождает тот или иной правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов посредством определения их правомочий и правообязанностей [3, с. 13–14; 8, с. 9]. На уровне индуктивного умозаключения не вызывает сомнения обстоятельство, что текст любого правового документа имеет знаковое выражение, интерпретация которого образует правовой смысл. А. В. Поляков отмечает, что существуют как внетекстуальные источники права (интерсубъективная деятельность членов общества, в рамках которой находят свою реализацию различные человеческие потребности), так и текстуальные источники права (мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, судебная и административная практика, правовая практика, правовые доктрины, священные книги, правовые договоры, законы и подзаконные акты) [6, с. 623–658]. Существование внетекстуальных источников права без труда выводится на основе применения исторического метода (например, источники римского права древнейшего периода были устными, а затем по мере развития общества приобретали письменный характер).

Суть следующего тезиса состоит в том, что необходимо отличать правовой текст от правовой нормы, так как правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности [3, с. 14; 8, с. 9]. А. В. Поляков отмечает, что возникновение, происхождение и становление права в качестве специфического социального явления (правогенез) детерминируется социопсихическими и социокультурными коммуникативными условиями [6, с. 203–234]. К первым условиям он относил следующие способности индивидуума: понимание идеального смысла правиленного поведения, выраженных в общеобязательных нормах; прямое или опосредованное признание этих правил поведения в качестве необходимого основания для своего внешнего поведения; самостоятельная реализация своих полномочий и обязанностей. Вторые условия образует наличие в обществе текстуально объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения, которые определяют права и обязанности членов социума и выступают в качестве общезначимых ценностей [6, с. 234–237]. Проанализируем этот тезис в контексте такого логического приема, как аналогия, и сравнительно-правового метода.

Признание существования нормы права в контексте социопсихических и социокультурных отношений – это явная дань Л. И. Петражицкому (1867–1931), который был преподавателем Петербургского университета задолго до А. В. Полякова. Как мы знаем, этот дореволюционный правовед выводил право из человеческих эмоций. Он отмечал существование первичных эмоций (биологические потребности человека) и бланкетных эмоций (поведение человека в обществе) [16, с. 717]. Таким образом, социопсихические и социокультурные условия формирования права – это терминологически переработанные А. В. Поляковым первичные и бланкетные эмоции Л. И. Петражицкого. Указание на их коммуникативный характер сути дела не меняет, так как коммуникативный характер классификации эмоций Л. И. Петражицким не вызывает сомнений.

А. В. Поляков акцентирует внимание на том, что правовая норма конституируется всей совокупностью правовых текстов данной культуры [3, с. 14; 4, с. 9]. Этот тезис прямо адресует нас к признаку системности права. Очевидно, что право как системное образование не может конституироваться отдельным правовым текстом, так как нормы права существуют в тесной взаимосвязи. На основе использования

приемов формальной логики в виде сходства и аналогии, а также системного (изучение права как совокупности элементов, расположенных в определенной последовательности) и исторического методов можно сделать вывод, что это осознание в завуалированном виде существовало еще во второй половине XVIII века.

А. Н. Радищев (1749–1802) выделял следующие виды законов: государственные законы (права и обязанности власти и населения); гражданские законы (лица, вещи и соответствующие действия); уголовные законы (противозаконные действия) и законы, «служащие к восстановлению общего мнения» (воспитание детей и уважение законов) [17, с. 166]. Таким образом, осознание права как системного явления, конституируемого множеством правовых текстов, в том или ином виде относится еще к самым истокам возникновения политico-правового знания.

Следующие два тезиса посвящены эйдосу права. А. В. Поляков полагает, что эйдос права находит свое выражение в структуре права, которая представляет собой коррелятивную связь правомочий и правообязанностей. Правомочие образует эйдетический центр права. Это та точка, из которой «расходятся лучи правового смысла» [3, с. 14; 6, с. 9–10]. Что же понимать под эйдосом права? Во время обсуждения курса лекций Л. Б. Ескина, которая, вероятно, имела в виду формально-юридический метод, справедливо отметила, что термин «эйдос» неоднозначно трактуется в словарях (вид, образ, явление, сущность), что не позволяет читателям понять, какой смысл автор вкладывает в это понятие [3, с. 28]. Отвечая на это замечание, А. В. Поляков отмечает, что с таким же успехом эту претензию можно было бы адресовать лично Э. Гуссерлю за то, что он подменяет давно разработанное К. Марксом понятие сущности права каким-то эйдосом, значение которого «темно и неясно». По мнению А. В. Полякова, значение термина «эйдос» не нужно искать в словарях и энциклопедиях, а следует обратиться к его феноменологическому значению, т. е. к теории Э. Гуссерля [3, с. 109–110]. Поскольку мы не получили прямого ответа на вопрос, что автор вкладывает в этот термин, будем трактовать его по смысловой нагрузке этих тезисов как сущность права.

Размышляя в ключе индукции, можно прийти к выводу, что автор в качестве тезисов своей теории отмечает два обстоятельства: всякому субъективному праву корреспондирует та или иная юридическая обязанность; субъективное право (правомочие) является основой при реализации права. Представляется, что здесь он воспроизводит классические постулаты теории правоотношения, которые были известны задолго до его теории. На основе использования таких логических приемов сходства и аналогии, а также сравнительно-правового метода мы можем проиллюстрировать верность этого умозаключения.

Например, уже упомянутый классик дореволюционной школы юридического позитивизма Г. Ф. Шершеневич писал, что в любом юридическом отношении «могут быть обнаружены всегда право и обязанность». Любое юридическое отношение устанавливается ради того, что «один человек приобретает право требовать, чтобы другой содействовал ему или не препятствовал в осуществлении его интереса, а другой обязывается к тому» [18, с. 143]. Таким образом, корреспонденция прав и обязанностей, а также основополагающее значение субъективного права были известны еще дореволюционной правовой науке, в советское время они были концептуально оформлены, а на сегодняшний день существуют в виде общеизвестной информации даже в контексте учебной литературы.

Следующий тезис теории А. В. Полякова заключается в том, что понимание права как специфического феномена возможно лишь при наличии социально значимого

нормативного содержания, интерпретируемого социумом как ценность, что придает правовым притязаниям правомерное значение [3, с. 14–15; 6, с. 10]. В данном тезисе автор воспроизводит классическое понимание нормативности как универсального признака права. В данном контексте уместно провести аналогию с точкой зрения Г. В. Мальцева, согласно которой нормативность является универсальным и глубинным качеством права, так как норма характерна как для древнего обычая, так и для современного закона [7, с. 7]. В данном случае Г. В. Мальцев лишь констатирует общеизвестную истину. Далее А. В. Поляков формулирует тезис, посвященный правовым ценностям. По его мнению, правовые ценности могут иметь как эйдетический (общий) смысл, так и социокультурное (конкретное) значение [6, с. 10; 3, с. 15]. В силу того, что речь идет об анализе тезиса конкретной теории права, проведем логическую аналогию и поясним это умозаключение на примере политico-правовой мысли в России. В данном случае целесообразно использовать сразу несколько методов: исторический метод и аксиологический метод (анализ правовых элементов в качестве ценностных ориентиров).

Осознание того, что право должно выражать одновременно как общечеловеческие, так и конкретно-исторические ценности, существовало еще в период зарождения теоретико-правового знания. Так, первый русский профессор права С. Е. Десницкий (1740–1789) предложил свой проект государственных преобразований. Если очень кратко передать его суть, то все сводилось к следующим тезисам: необходимость разделения властей в нашей стране; создание законодательной власти, «судильной» власти (осуществление правосудия), «наказательной» власти (исполнительная власть) и гражданской власти (прообраз местного самоуправления); подчиненность всех ветвей власти российскому монарху [19, с. 98–105]. Таким образом, разделение властей следует признать правовой ценностью общего значения, а подчинение всех ветвей власти российскому монарху – социокультурной правовой ценностью, характерной для конкретно-исторической ситуации. Как мы видим, даже в контексте воззрений первого русского профессора права достаточно четко обнаруживается осознание того, что право должно выражать одновременно как общечеловеческие, так и конкретно-исторические ценности.

Следующий тезис А. В. Полякова состоит в том, что для права всегда характерно психическое принуждение к соблюдению нормативных правил, которые вытекают из правовых текстов. В свою очередь возможность физического принуждения имеет ограниченный характер и воплощается в правоохранительном механизме государстве [6, с. 10; 3, с. 15]. На основе логического метода аналогии, исторического и сравнительно-правового методов мы приходим к выводу, что сама идея психического принуждения четко прослеживается в трудах Л. И. Петражицкого, который выводил право из человеческих переживаний (эмоций), т. е. созданию нормы права предшествует психическое сознание ее необходимости [16, с. 716–718]. Следовательно, осознание на подсознательном уровне необходимости в создании нормы права в дальнейшем проявляется в соблюдении ее даже на подсознательном уровне, т. е. психическое принуждение.

Что же касается ограничительного характера физического принуждения к соблюдению нормы права, это обстоятельство нашло свое выражение в частности в трудах Г. Ф. Шершеневича, который утверждал, что даже государство не может силой заставить гражданина выполнить то, что составляет содержание установленных законодательством норм права: «Если я не хочу исполнить договора, то нет силы в мире, которая могла бы меня принудить действовать вопреки моей воле» [20, с. 15]. Можно сделать вывод, что

тезис о первичности психического принуждения к исполнению норм права и ограниченности физического принуждения в лице государственных органов и должностных лиц представляет собой сочетание постулатов психологической теории права и нормативизма.

Предпоследний тезис А. В. Полякова состоит в утверждении, согласно которому право невозможно вне своего действия, под которым понимается его системное функционирование [6, с. 10; 3, с. 15]. По сути дела, если провести логическую аналогию и использовать сравнительно-правовой метод, то становится очевидно, что автор имеет в виду понимание действия права как совокупности всех форм проявления его юридической силы. Эту дефиницию мы можем обнаружить в частности у В. С. Нерсесянца [21, с. 475]. Но даже во времена его научной активности такая дефиниция не могла обладать научной новизной. Следовательно, А. В. Поляков выражает классическое понимание действия права как совокупности всех форм проявления его юридической силы, терминологически описывая его как системное функционирование. В данном случае мы можем обнаружить теоретический недостаток, состоящий в том, что А. В. Поляков игнорирует статический аспект права, который существует наряду с его динамическим аспектом. Создается иллюзия того, что право существует только тогда, когда оно непосредственно функционирует. Вместе с тем на практике существует такая форма реализации права, как соблюдение, которое подразумевает пассивное поведение субъектов, которые тем не менее находятся в рамках правового поля.

Последний тезис теории А. В. Полякова сформулирован как невозможность существования права как вне сознания социальных субъектов, так и вне правосознания, которое не может отождествляться с правом [6, с. 10; 3, с. 15]. Невозможность отождествления права с правосознанием без труда иллюстрируется на основе логического приема сравнения таких понятий, как «право» и «правосознание». Правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, выражавших отношение к праву. Очевидно, что совокупность представлений о каком-либо явлении не может отождествляться с самим этим явлением. В противном случае мы могли бы сделать логически абсурдный вывод, что научная абстракция (теоретические представления о каком-либо явлении) подменяет собой само явление объективной реальности. Таким образом, анализ тезисов, выражавших суть коммуникативной теории права А. В. Полякова, не раскрывает каких-либо новых граней в понимании права, не позволяет обнаружить ни научную новизну, ни авторский вклад в развитие теории права. Тем не менее существует точка зрения, согласно которой данная теория права состоятельна.

Сам автор идентифицирует свою теорию как «новой взгляд на право», мотивируя эту оценку тем, что ранее в российской науке право никогда напрямую не связывалось с идеей коммуникации [22, с. 8]. Д. И. Луковская и вовсе считает заслугой А. В. Полякова создание оригинальной правовой теории с собственным именем, с собственной родословной, занимающей особое место в теории права [5, с. 8]. Проанализируем эти оценки.

При всем уважении к автору данная точка зрения не представляется состоятельной. Как уже был проиллюстрировано, элементы философского понимания права и его коммуникативной природы четко прослеживаются во всех классических типах понимания права. То обстоятельство, что дореволюционные правоведы не использовали коммуникативную терминологию, нельзя рассматривать как непонимание ими того, что право невозможно вне социальной коммуникации. Более того, в советской правовой науке,

в частности на примере позиции Г. В. Мальцева, существовало интегративное понимание права, из которого без труда можно вывести его коммуникативную направленность. Анализ новизны тезисов коммуникативной теории права А. В. Полякова посредством обращения к позициям дореволюционных и советских ученых свидетельствует о том, что вся теория простирается на компиляции и терминологической переработке различных положений классических типов понимания права. В чем же тогда мы можем обнаружить новизну? Логично будет обратиться к методам.

Д. И. Луковская и Е. В. Тимошина применительно к коммуникативной теории отмечают, что адекватное познание права возможно лишь в контексте современной научной методологии [5, с. 6]. В данном случае следует признать принципиально верным замечание О. В. Мартышина, согласно которому сам по себе метод не может создать теорию, если в результате его применения не формулируются новые выводы. Выводы А. В. Полякова совпадают с позициями авторов, которые не афишировали своей приверженности «методологическим подходам современной гуманитаристики», а зачастую и хронологически не могли ими пользоваться [2, с. 300]. Таким образом, в рамках коммуникативной теории права А. В. Полякова отсутствуют как положения, отличающиеся авторской новизной и научной значимостью, так и авторская методология, позволяющая раскрыть какие-то новые грани в понимании права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варламова, Н. В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010. 136 с.
2. Мартышин, О. В. Философия права. М., 2020. 352 с.
3. Коммуникативная концепция права: вопросы теории : Обсуждение монографии А. В. Полякова. СПб. : СПбГУ. Юридический факультет, 2003. 154 с.
4. Поляков, А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. СПб., 2003. 843 с.
5. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А. В. Полякова : коллективная монография : в 2 т. Т. 1. Коммуникативная теория права в исследованиях отечественных и зарубежных ученых / под ред. М. В. Антонова, И. Л. Честнова; предисл. Д. И. Луковской, Е. В. Тимошиной. СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014. 373 с.
6. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2023. 832 с.
7. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1989. 419 с.
8. Поляков, А. В. Коммуникативная концепция права : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 94 с.
9. Егоров, А. А. Нравственные основания и права в трудах А. П. Куницына (1783–1840) // Труды Академии Управления МВД России. № 2 (62). 2022. С. 149–158.
10. Куницын, А. П. Право естественное. Санкт-Петербург, 1818. 135 с.
11. Шершеневич, Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. 83 с.
12. Егоров, А. А. Соотношение нравственности и права в трудах Г. Ф. Шершеневича (1863–1912) // Труды Академии Управления МВД России. № 2 (66). 2023. С. 15–23.
13. Ющенко, Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Муромцева : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 204 с.
14. Алексеев, В. П., Першиц, А. И. История первобытного общества. М., 1990. 351 с.

15. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права. Современные подходы и новые трактовки. М., 1999. 332 с.
16. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2010. 912 с.
17. Радищев, А. Н. Проект для разделения Уложения Российского // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М. – Л., 1938–1954. 676 с.
18. Шершеневич, Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции М., 1911. 163 с.
19. Егоров, А. А. Проект государственных преобразований в трудах С. Е. Десницкого // Труды Академии Управления МВД России. № 3 (55). 2020. С. 98–105.
20. Шершеневич, Г. Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Воронеж, 2018. 34 с.
21. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства. М., 1999. 539 с.
22. Поляков, А. В. Коммуникативное правопонимание : избранные труды. СПб., 2014. 575 с.

REFERENCES

1. Varlamova N.V. Tipologiya pravoponimaniya i sovremennoye tendencii razvitiya teorii prava [Typology of legal understanding and modern trends in the development of the theory of law]. Moscow, 2010, 136 p.
2. Martyshin O.V. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow, 2020, 352 p.
3. Polyakova A.V. Kommunikativnaya koncepciya prava: voprosy teorii. Obsuzhdenie monografii A.V. Polyakova [The communicative concept of law: questions of theory. Discussion of the monograph by A.V. Polyakov]. St. Petersburg State University. Faculty of Law. 2003, 154 p.
4. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. Fenomenologo-kommunikativnyj podhod. Kurs lekcij [General theory of law. A phenomenological and communicative approach. Course of lectures]. St. Petersburg, 2003, 843 p.
5. Kommunikativnaya teoriya prava i sovremennoye problemy yurisprudencii. K 60-letiyu A.V. Polyakova [The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence. To the 60th anniversary of A.V. Polyakov]. St. Petersburg, 2014, vol. 1, 373 p.
6. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava: problemy interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda [General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach]. Moscow, 2023, 832 p.
7. Mal'cev G.V. Ponimanie prava. Podhody i problem [Understanding the law. Approaches and problems]. Moscow, 1989, 419 p.
8. Polyakov A.V. Kommunikativnaya koncepciya prava: Dis. ... dokt. yurid. Nauk [The communicative concept of law: Dis. ... doct. Jurid. Sciences]. St. Petersburg., 2002, 94 p.
9. Egorov A.A. Nrvavstvennye osnovaniya i prava v trudah A.P. Kunicyna (1783 – 1840) [Moral foundations and rights in the writings of A.P. Kunitsyn (1783-1840)]. Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022, no. 2 (62), pp. 149-158.
10. Kunicyn A.P. Pravo estestvennoe [Natural law]. St. Petersburg, 1818, 135 p.
11. Shershenevich G.F. Opredelenie ponyatiya o prave [Definition of the concept of law]. Kazan, 1896, 83 p.
12. Egorov A.A. Sootnoshenie nrvavstvennosti i prava v trudah G.F. Shershenevicha (1863 – 1912) [The correlation of morality and law in the works of G.F. Shershenevich (1863-1912)]. Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 2 (66), pp. 15-23.

13. Yushchenko N.V. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady S.A. Muromceva [S.A. Muromtsev's state-legal views] Dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2002, 204 p.
14. Alekseev V.P., Pershic A.I. Iстория первобытного общества [The history of primitive society]. Moscow, 1990, 351 p.
15. Kashanina T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. Sovremennye podhody i novye traktovki [The origin of the state and law. Modern approaches and new interpretations]. Moscow, 1999, 332 p.
16. Iстория политических и правовых учений: учебник / под общ. ред. O.V. Martyshina [The history of political and legal doctrines]. Moscow, 2010. 912 p.
17. Radishchev A.N. Proekt dlya razdeleniya Ulozheniya Rossijskogo [The project for the division of the Russian Code]. 1938-1954, Moscow, vol. 3, 676 p.
18. Shershenevich G. F. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve: lekcii [The general doctrine of law and the state: lectures]. Moscow, 1911. 163 p.
19. Egorov A.A. Proekt gosudarstvennyh preobrazovanij v trudah S.E. Desnickogo [The project of state transformations in the works of S.E. Desnitsky]. Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 3 (55). 2020. pp. 98 – 105.
20. Shershenevich G. F. O chuvstve zakonnosti: publichnaya lekciya, chitannaya 10 marta 1897 g. [On the sense of legality: a public lecture delivered on March 10, 1897]. Voronezh, 2018. 34 p.
21. Nersesyanc V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva [General theory of law and the state]. M., 1999, 539 p.
22. Polyakov A.V. Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy [Communicative legal understanding. Selected works]. St. Petersburg, 2014, 575 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egorov Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 44–54.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 44–54

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 340.131.6

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.78.93.004

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
НORMOTVORЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ
(НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Куртяк Иван Владимирович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, kurtyak1964@mail.ru

Введение. При решении вопроса совершенствования нормотворческой деятельности МВД России опирается на теоретические решения авторов и решения Конституционного Суда Российской Федерации. Актуальность статьи определена новизной материала Конституционного Суда Российской Федерации в части проблемности правового регулирования; неопределенности правового регулирования; несогласованности правового регулирования в системе МВД России, а также понятий, имеющих теоретическую и не теоретическую основу.

Материалы и методы. Исследование основывается на диалектическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический, формально-юридический и системно-структурный методы. Использованы материалы практики Конституционного Суда Российской Федерации.

Результаты исследования. Показана связь нормотворческой деятельности МВД России с проблемами, которые выявил Конституционный Суд Российской Федерации. Выявлены проблемы правового регулирования; неопределенности правового регулирования; несогласованности правового регулирования в системе МВД России. Обосновано значения решения Конституционного Суда Российской Федерации для изменения дефектов в нормативных правовых актах МВД России. Доктрина охарактеризована как постоянный поиск юридических решений, формирование правовых позиций и стремление к идеальной реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Выходы и заключения. Доказана проблемность правового регулирования, неопределенность правового регулирования, несогласованность правового регулирования в системе МВД России. Тесная связь между названными формами дефектов проявляются с одной стороны, а судебная практика с другой стороны и вовлечение теоретических идей в нормотворческую деятельность МВД России, имеющее целью обеспечить совершенствование нормотворческой деятельности МВД России.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность МВД России, дефект, нормотворчество, проблемность правового регулирования, неопределенность правового регулирования, несогласованность правового регулирования.

Для цитирования: Куртяк И.В. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности МВД России (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 44–54.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.78.93.004

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF IMPROVING THE RULE-MAKING ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA (BASED ON DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Ivan V. Kurtyak

Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Russian Federation, Saint Petersburg,
kurtyak1964@mail.ru

Introduction: When deciding on the issue of improving the rule-making activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia, it relies on the theoretical decisions of the authors and the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The relevance of the article is determined by the novelty of the material of the Constitutional Court of the Russian Federation in terms of problematic legal regulation; uncertainty of legal regulation; inconsistency of legal regulation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as concepts having a theoretical and non-theoretical basis.

Methods and materials: The research is based on the dialectical universal method, and also includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, formal-legal and systemic-structural methods. The materials of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation are used.

The Results of the Study: The connection of the normative activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia with the problems identified by the Constitutional Court of the Russian Federation is shown. The problems of legal regulation; uncertainty of legal regulation; inconsistency of legal regulation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are revealed. The significance of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation for changing defects in the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia is substantiated. The doctrine is characterized as a constant search for legal solutions, the formation of legal positions and the pursuit of an ideal implementation of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Findings and Conclusions: The problematic nature of legal regulation, the uncertainty of legal regulation, and the inconsistency of legal regulation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia are proved. The close connection between these forms of defects is manifested on the one hand, and judicial practice on the other hand and the involvement of theoretical ideas in the normative activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia, aimed at improving the normative activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: normative activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia, defect, rulemaking, problematic legal regulation, uncertainty of legal regulation, inconsistency of legal regulation.

For citation: Kurtyak I.V. Constitutional and legal aspects of improving the rule-making activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no 3 (110). С. 44–54.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.78.93.004

За период с 2011 по 2024 гг. изучены 320 архивных дел Конституционного Суда Российской Федерации. Из них выделены 117 дел, по которым принятые постановления Конституционного Суда Российской Федерации в той или иной степени направлены на совершенствования нормотворческой деятельности МВД России.

Было осуществлено выборку следующих постановлений Конституционного Суда Российской Федерации: 4 – постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности организации проведения публичных мероприятий; 11 – постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности привлечения к административной ответственности физических и юридических лиц; 2 - постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности обеспечения дорожного движения; 2 – постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности оборота оружия; 1 – постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности статуса сотрудников органов внутренних дел; 11 – постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности по спорам, связанным с прохождением службы в органах внутренних дел; 27 – постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности по спорам, связанным с предоставлением социальных гарантий; 13 – постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности по спорам, связанным с отношениями в сфере миграции; 33 – постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности по вопросам противодействия преступности; 11 - постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности по иным категориям дел, затрагивающим сферу внутренних дел; 1 - постановления Конституционного Суда Российской Федерации об обязательном исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Характер обращений граждан в Конституционный Суд Российской Федерации показывает, что нарушения в процессе законотворческой деятельности ведет к появлению различного рода дефектов нормотворчества на федеральном и локальном уровне МВД России. Дефекты нормотворчества на федеральном и локальном уровне МВД России вскрывают недостатки материальных и процессуальных норм права в органах внутренних дел. Анализ и изучение недостатков норм права, таких как, фрагментарность,

¹Раскрывая суть научной статьи, автор основывается на сборнике решений Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающих деятельность органов внутренних дел. ДПД МВД России /обновлён 15.05.2024/: [Электронный ресурс] // Эксперт: сайт. – URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).

коллизионность, юридико-технические недочеты, нередко обрачиваются не конституционностью правового регулирования общественных отношений с участием МВД России, увеличивает риск не конституционного правоприменения норм права сотрудниками органов внутренних дел, которые порой расходятся с конституционными нормами права.

Основным институтом, призванным исправлять коллизии, дефектные нормы права, не допускать или обнаруживать нормотворческие дефекты МВД России является конституционное правосудие.

Конституционное правосудие – это конституционный нормоконтроль, реализуемый Конституционным Судом Российской Федерации, призван обеспечить соответствие действующего законодательства Конституции Российской Федерации.

С учетом названных обстоятельств Конституционный Суд Российской Федерации при проверке соответствующих федеральных законов «О полиции», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовного кодекса Российской Федерации, и других нормативных правовых актов, вскрыл нормотворческие дефекты, повлекшие за собой неконституционность нормоположений либо применение их в неконституционном смысле.

В результате анализа постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, изучения характера обращения граждан в Конституционный Суд Российской Федерации, как следствие Конституционный Суд Российской Федерации выделил три направления дефектного нормотворчества. Применительно к МВД России можно выделить следующие дефекты нормотворческой деятельности в МВД России.

К дефектному нормотворчеству в МВД России следует отнести следующие направления:

- проблемность правового регулирования;
- неопределенность правового регулирования;
- несогласованность правового регулирования.

Проблемность правового регулирования в МВД России носит частичный характер и понимается как неполное регулирование общественных отношений в органах внутренних дел, включая не отрегулированность материальных и процессуальных норм права, нарушение процедуры принятия нормативных правовых актов, порой несоответствие содержания форме акта управления, коллизии норм права и другие дефекты.

Проблемность правового регулирования в МВД России отмечено в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, что дает основание рассмотреть названный аспект с теоретической и практической стороны. Теоретическая основа позволит выявить дефекты норм права с учетом специфики деятельности МВД России. Практическая сторона дефектов отражена в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Обратимся к теоретическим суждениям авторов, которые в той или иной степени исследуют проблемы правового регулирования в МВД России. К авторам исследователям следует отнести: С.Д. Андреева, Ю. Г. Арзамасова, И.Н. Зубова, В.В. Талынина, В.А. Толстик, Р.Х. Миннебаева и других, которые обосновывают индивидуальную позицию о том, что дефекты нормотворческой деятельности в МВД России возникают по субъективному фактору, большинство дефектов нормотворчества связаны с технико-

юридическими ошибками, есть группа дефектов нормотворчества, которая связана с пробелами в праве.

В частности, С. Д. Андреев относит принятие акта с нарушением процедуры его принятия, нарушение требования принятия нормативного правового акта делает акт дефектным [1, с. 82].

Другой автор, Ю. Г. Арзамасов в научной статье отметил, что принципиальным недостатком проекта нормативного правового акта является несоответствие содержания форме [2, с. 28]. Автор отмечает, что разработчик нормативного правового акта оформляет первичные базовые нормы без учета федерального законодательства, также приводит дефектности норм права.

Авторская позиция И. Н. Зубова также подтверждает, что правовое обеспечение системы МВД России: современное состояние и перспективы развития отметил, что отставание правотворческой деятельности МВД России от потребностей практики приводит к тому, что некоторые участки деятельности органов внутренних дел не получили качественного правового оформления, некоторые нормы права оформлены с дефектами [3, с.7].

Однако в юридической литературе имеются и иные научные взгляды, В. В. Талянин рассматривая пути совершенствования законодательной базы, говорит, что следует обратить внимание на законотворчество. При этом следует отметить, что дефекты и коллизии не малозначительные для практики органов внутренних дел. Причиной дефектов законотворческой деятельности выступает процедурный регламент палат Федерального собрания. Процедурный регламент палат Федерального собрания с одной стороны выступает концептуальным документом деятельности депутатского корпуса и на его основе совершаются политические ошибки, а с другой стороны концептуальные ошибки взаимосвязаны с юридическими ошибками [4, с. 209].

В. А. Толстик, Р. Х. Миннебаев исследуя концептуальные и юридические ошибки обосновали классификацию дефектов и представили научному сообществу две группы дефектов: первая группа дефектов – это концептуальные (политические) ошибки законодателя; вторая группа – это юридические (технико-юридические) ошибки [5, с. 59].

Концептуальные (политические) дефекты порождают отсутствие правозащитных механизмов, установленных по защите или отстаивания конституционных прав. Это имеет место по неоправданному ограничению, нарушение сроков обжалования, не учитываются развитие правоотношений во времени. В целом дефекты несут угрозу недостаточного отраслевого регулирования и нарушения конституционных ценностей и конституционных принципов.

Юридические (технико-юридические) ошибки порождают дефекты и вызывают пробелы в праве, исправлять технико-юридические ошибки приходится правосудию.

Теоретические суждения авторов по направлению проблем правового регулирования не в полной мере используются при нормотворческой деятельности МВД России, как следствие, субъективный фактор выходит на первое место и нормативные правовые акты разрабатываются, утверждаются и опубликовываются с дефектами норм права.

Исправлять дефекты нормативных правовых актов где МВД России выступает правоприменителем предстоит конституционному правосудию, где Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает характер дела и выносит решение. Его решение фактически выступает источником права. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П демонстрирует авторитетные решения о проверке конституционности примечания к ст. 12.8 КоАП РФ признал, что нормы «примечания к ст. 12.8 КоАП РФ не соответствуют Конституции Российской Федерации

и содержит пробел, препятствующий привлечению к административной ответственности....»², следующее постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П «Признать положения статьи 159.4 УК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой эти положения устанавливают за мошенничество,»³. Конституционный суд Российской Федерации как субъект правотворчества указал на срок законодателю внести в УК РФ изменения и дополнения, обеспечивающие устранение выявленных настоящим постановлением неконституционных аспектов правового регулирования.

Под неопределенностью регулирования понимаются такие недостатки нормотворчества в МВД России как отсутствие или размытость юридической терминологии, нечеткость правоприменительных механизмов, а именно отсутствие финансовых гарантий, которые создают предпосылки для рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации.

Неопределенность регулирования в нормотворческой деятельности МВД России, как и в проблемности правового регулирования носит теоретический и прикладной характер.

Теоретический аспект рассматривается юристами правоведами: А. В. Анисимовым; В.А. Толстик; В. Ю. Тураниным и другими авторами. В основе их взглядов направлены на решение теоретических задач, выработки рекомендаций или предложений для правоприменителя. Проиллюстрируем некоторые из них.

Автор научной статьи А. В. Анисимова обосновывает, что одной из задач юрислингвистики является установление лингвистических требований к юридической терминологии, обусловленное необходимостью обеспечения ее общепонятности и однозначности, правилам выбора таких форм языка, которые бы наиболее точно передавали содержание юридических документов [6, с. 117]. Более точно отразил научный взгляд В. А. Толстик, он разделяет на две группы: общеупотребительные термины и вторая группа не общеупотребительные (специальные) термины [7, с. 176].

Вместе с тем ученые-юристы предлагают все ошибки в размытости юридической терминологии разделить на группы. Удачная классификация предложена В. Ю. Тураниным, автор предлагает разделить все ошибки на: политические, правовые, логические, лингвистические [8, с. 13]. Авторская позиция имеет право на существования. Однако, группировка ошибок неопределенного регулирования нормотворчества в МВД России позволяет более точно и профессионально исправлять недостатки нормативных правовых актов, исключить их рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации.

В качестве прикладного характера проиллюстрируем неопределенности регулирования, где постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 г. № 4-П «Признать часть 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные

² По делу о проверке конституционности положений статьи 12.8 Кодекса Российской Федерации «Об административных правонарушениях» в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.11.2022 № 51-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

³ По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.12.2014 № 32-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

законодательные акты Российской Федерации» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 7, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4) и 37 (часть 1), в той мере, в какой содержащееся в ней положение - о предоставлении отпуска в год увольнения со службы в связи с состоянием здоровья - в системе действующего правового регулирования в силу своей неопределенности не позволяет однозначно установить, приобретают ли сотрудники органов внутренних дел,увольняемые со службы по пункту 1 части 3 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с болезнью – на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел), право на отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия»⁴. То есть Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрев характер дел выявил неопределенность правового регулирования социальной сферы и рекомендовал нормотворческому органу исправить нормы права, которые не соответствуют Конституции Российской Федерации.

Допускаемые законодателем расплывчатые дефиниции или наоборот избыточные юридико-технические категории подрывают единство в правоприменении. От точности юридической терминологии не всегда зависит понимание, толкование законодательных актов в конституционном смысле. Однако, многие федеральные законы подвергаются конституционной проверке, нуждаются в конкретизации и детализации, а иногда пересмотрю юридических категорий. В то же время причиной неопределенности выступают дефекты, которые нарушают принципы действия норм права во времени. К существенным изъянам рассматриваемых в Конституционном Суде Российской Федерации законодательных актов принадлежит неопределенность возлагаемых на субъект права дополнительных обязанностей, имеющих место не редкостью с распределением между ними ответственности. Допуская произвольное истолкование правовых норм права, дефекты ослабевают нормативную определенность с точки зрения поддержания конституционной законности. Неопределенность содержания правовых норм права может привести к неограниченным усмотрениям в процессе правоприменения, и может приводит к значительным нарушениям, а значит нарушения коснутся конституционных принципов и верховенства закона, конституционных гарантий на судебную защиту прав и свобод, законных интересов граждан.

Например, проблемное регулирование отмечено постановлением Конституционного Суда РФ от 18.06.2019 № 24-П. Конституционный Суд Российской Федерации выявил, что правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина по истолкованию пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», расходится с конституционно-правовым смыслом. Конституционный Суд Российской Федерации рекомендует исправить нормы права, которые расходятся с Конституцией Российской Федерации⁵.

⁴ По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 63 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Чистякова». Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 23 января 2020 г. № 4-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в связи с жалобой гражданина В.А. Тетерина». Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.06.2019 № 24-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

Неопределенное правовое регулирование проявляется в некоторых федеральных законах, выявлены Конституционным Судом Российской Федерации случаи неопределенного регулирования правоотношений.

Неопределенность регулирования заключается в том, что ч.1.ст. 59 Закона не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (части 2 и 3), 75 (часть 6) и 75.1, в той мере, в какой она – во взаимосвязи с подпунктом 1 пункта 1 статьи 21 и подпунктом 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации".

Под несогласованностью регулирования понимаются иные вызванные недостаточной юридико-технической проработкой дефекты нормотворчества в МВД России, несогласованность регулирования может быть внутренняя несогласованность и внешняя несогласованность, то есть внутренняя несогласованность между нормами права или несогласованность одной отрасли права.

Внешняя несогласованность регулирования между нормами права, принадлежит разным отраслям права, например, между гражданской отраслью и трудовым правом, трудовым правом и правом социального обеспечения ведет к субъективным и объективным причинам, которые порождают правовой конфликт в МВД России и тем самым нарушается принцип законности.

Внешняя и внутренняя несогласованность регулирования, как и проблемность правового регулирования, неопределенность правового регулирования исследуется юристами правоведами. Приведем некоторые авторские позиции: Л.С. Митюченкова, О.С. Нижних, В.В. Линькова, Е. К. Замотаева и других авторов. Авторы научных статей, монографий выявляют причины несогласованности регулирования, вырабатывают рекомендации для нормотворческой деятельности МВД России.

Интересная правовая позиция Л. С. Митюченко, О. С. Нижних, причину несогласованности регулирования, авторы делят на субъективные и объективные. Субъективными причинами могут быть: поспешность в рассмотрении и принятии нормативных правовых актов, нарушение технологии правотворческого процесса, некомпетентность и низкий уровень правовой культуры отдельных разработчиков. Объективные причины отмечают авторы, несовершенство нормативной правовой базы (пробелы, коллизионные нормы и т.д.) [9, с. 313].

Имеется и иная авторская позиция В. В. Линько, несогласованность норм права внутри федерального закона порождает правовой конфликт, открывает простор для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольное применение норм права [10, с.54]. Е. К. Замотаева в научной статье определила, что несмотря на это, одним из наиболее распространенных видов нарушений законности являются противоречия нормативных правовых актов органов исполнительной власти законам. Они выражаются, например, в неправомерном установлении в актах подзаконного нормотворчества требований о предоставлении не предусмотренных законом «лишних» документов и согласований; в несоответствии норм технических регламентов, утверждаемых постановлениями Правительства Российской Федерации, нормам законодательства [11, с. 24].

Как подтверждение теоретическим суждениям проиллюстрируем постановления Конституционного Суда Российской Федерации, который носит прикладной характер.

Так, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П, правоприменительные решения, послужившие поводом для обращения в Конституционный суд Российской Федерации, где нормы права Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона

Российской Федерации «О милиции» несогласованные, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом⁶.

Другое постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 г. № 16-П признал, что «взаимосвязанные положения частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» не соответствующими Конституции Российской Федерации»⁷.

Решение Конституционного Суда Российской Федерации было исполнено, на основании судебного решения законотворческий орган внес изменения и дополнения в закон Российской Федерации и, тем самым, ликвидировал несогласованное регулирование.

Итак, проведен анализ проблемности правового регулирования; неопределенности правового регулирования; несогласованности правового регулирования в нормотворческой деятельности МВД России, изучена практика деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и характер дел, позволяет сделать ряд выводов: во-первых, учитывать при нормотворческой деятельности МВД России решения Конституционного Суда Российской Федерации; во-вторых, пользоваться спецификой деятельности МВД России при неопределенности правового регулирования; в-третьих, иметь ввиду, что несогласованность материальных и процессуальных норм права ведет к нарушению принципа законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев С. Д. Процедурные дефекты административно-правовых актов // Журнал российского права. № 4 (232). 2016. С. 81–92.
2. Арзамасов Ю. Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации // Журнал юридическая техника. 2012. № 6. С. 28–36.
3. Зубов И. Н. Правовое обеспечение системы МВД России: современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 1 (1). С. 6–14.

⁶ По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации "О милиции" в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина». Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

⁷ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 7 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» в связи с жалобой гражданина В.Н. Карпекина. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2016 № 16-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212659/ (дата обращения: 06.06.2024).

4. Талынин В. В. Качество закона как фактор повышения "социальной престижности" правовой законности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. серия: право. 2001. № 1. С. 209-212.
5. Толстик В. А., Миннебаев Р. Х. Классификация дефектов фактических составов // Вестник Нижегородской Академии МВД России. № 1 (17). 2012. С. 59-65.
6. Анисимова Т.В. Лингвистические требования к юридической терминологии // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии. IX Балтийский юридический форум. материалы международной научно-практической конференции. Калининград, 2021. С. 117-120.
7. Толстик В. А. Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 176–182.
8. Туранин В. Ю. Типология ошибок использования юридической терминологии в российском законодательстве // Российская юстиция. 2009. № 8. С. 12–14.
9. Митюченко Л. С., Нижних О. С. Проблемы обеспечения законности нормативно-правовых актов органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 313–317.
10. Линько В. В. Правоприменительная деятельность в условиях неопределенности в праве // Закон и право. 2019. № 9. С. 54-58.
11. Замотаева Е. К. Обеспечение законности нормативных правовых актов органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2010. № 9 (165). С. 24–37.

REFERENCES

1. Andreev S. D. Procedurnye defekty administrativno-pravovyh aktov [Procedural defects of administrative legal acts]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. no. 4 (232). 2016. pp. 81-92.
2. Arzamasov Yu. G. Vedomstvennoe normotvorchestvo: sovremennoe sostoyanie, problemy modernizacii [Departmental rulemaking: current state, problems of modernization]. Zhurnal yuridicheskaya tekhnika – Journal of Legal technology. 2012. no. 6. pp. 28-36.
3. Zubov I. N. Pravovoe obespechenie sistemy MVD Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Legal support of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: current state and development prospects]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Buletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. no. 1 (1). pp. 6-14.
4. Talyanin V. V. Kachestvo zakona kak faktor povysheniya "social'noj prestizhnosti" pravovoj zakonnosti [The quality of the law as a factor in increasing the "social prestige" of legal legality]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. seriya: pravo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: law. 2001. no. 1, pp. 209-212.
5. Tolstik V. A., Minnebaev R. H. Klassifikaciya defektov fakticheskikh sostavov [Classification of defects of actual compositions]. Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii – Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. no. 1 (17). 2012. pp. 59-65.
6. Anisimova T.V. Lingvisticheskie trebovaniya k yuridicheskoj terminologii [Linguistic requirements for legal terminology]. Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii. IX Baltijskij yuridicheskij forum. materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Law and order in the third millennium. IX Baltic Legal Forum. materials of the international scientific and practical conference. Kaliningrad, 2021. pp. 117-120.

7. Tolstik V. A. Problemy klassifikacii yuridicheskoy terminologii [Problems of classification of legal terminology]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of economics and law. 2013. no. 2. pp.176-182.
8. Turanin V. Yu. Tipologiya oshibok ispol'zovaniya yuridicheskoy terminologii v rossijskom zakonodatel'stve [Typology of errors in the use of legal terminology in Russian legislation]. Rossijskaya yusticiya – Russian Justice. 2009. no. 8. pp. 12-14.
9. Mityuchenko L. S., Nizhnih O. S. Problemy obespecheniya zakonnosti normativno-pravovyh aktov organov ispolnitel'noj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii [Problems of ensuring the legality of regulatory legal acts of executive authorities of the subject of the Russian Federation]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Bryansk State University. 2015. no. 3. pp. 313-317.
10. Linko V. V. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' v usloviyah neopredelennosti v prave [Law enforcement activity in conditions of uncertainty in law]. Zakon i pravo – Law and Law. 2019. no. 9. pp. 54-58.
11. Zamotaeva E. K. Obespechenie zakonnosti normativnyh pravovyh aktov organov ispolnitel'noj vlasti [Ensuring the legality of regulatory legal acts of executive authorities]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2010. no. 9. Pp. 24-37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куртяк Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kurtyak Ivan Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 198206, St. Petersburg, Pilyutov Pilot str., 1.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 55–70.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 55–70.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 340.1(091)

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.48.005

**АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА О КРОВНОЙ МЕСТИ, ТАЛИОНЕ
И ЗОЛОТОМ ПРАВИЛЕ НРАВСТВЕННОСТИ**

Тумурова Анна Тимофеевна,

Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск

annatumurov789@gmail.com

Введение. В статье предпринята попытка оспорить получивший широкое распространение тезис о том, что нравственные воззрения зародились в период, предшествующий генезису права.

Материалы и методы. Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил проследить взаимосвязи между различными фактами и событиями. Автором были использованы общенаучные методы, а именно методы анализа и синтеза информации, а также возможности методов описания и обобщения.

Результаты исследования. На начальных этапах формирования устойчивого социума экзогамия была особенно жестко детерминирована. Действие экзогамии приводит к формированию дуальной родовой организации: двух родовых общин, установивших договор об обмене невестами, подкрепленный условиями взаимной личной и имущественной неприкосновенности. В случае его нарушения стороны обязывались к примирению на условиях эквивалентности ответной меры. Постепенно складывается институт, который известен как талион. С течением времени публичная экзекуция заменяется символическими ритуальными действиями. В случае отказа от талиона юридический состав требовал разрыва дуальных отношений и перехода сторон к внеправовой расправе. Первоначально кровная месть была крайне редким явлением, но в силу ослабления родовых начал в общественной жизни, появления патриархальных семей, тесно связанных с возникновением частной собственности, кровная месть становится частным семейным делом. Талион как публичная экзекуция приобретает характер материального возмещения. Государство на этом этапе ограничивает кровную месть, законодательно определяет ее субъектов, а затем запрещает и принимает на себя ее функции: установление наказания за отказ от возмещения

Выводы и заключения. В противовес точке зрения философов автором выдвинута гипотеза о естественно-правовом характере зарождения важнейших правовых институтов, об их роли в формировании устойчивых социальных образований, завершивших процесс формирования человека как социального существа. Закономерности социального развития, заложенные в процессе генезиса права, действуют непрерывно, определяя трансформацию основных правовых институтов в зависимости от хода исторического развития общества, задач, стоящих перед социумом.

Ключевые слова: генезис права, происхождение государства, правовой институт, кровная месть, талион, воздаяние, возмездие, композиция, уголовная ответственность.

Для цитирования: Тумурова А.Т. Антропология права о кровной мести, талионе и золотом правиле нравственности / А.Т. Тумурова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 55–70.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.48.005

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

BLOOD REVENGE, TALION AND THE GOLDEN RULE OF MORALITY

Anna T. Tumurova

Baikal State University, Russian Federation, Irkutsk
annatumurov789@gmail.com

Introduction. The article attempts to challenge the widely accepted thesis that moral views originated in the period preceding the genesis of law.

Materials and methods. The methodological basis of the work is the dialectical method of cognition, which allowed us to trace the relationship between various facts and events. The author used general scientific methods, namely methods of analysis and synthesis of information, as well as the possibilities of methods of description and generalization.

The results of the study. At the initial stages of the formation of a stable society, exogamy was especially rigidly determined. The effect of exogamy leads to the formation of a dual tribal organization: two tribal communities that have established an agreement on the exchange of brides, supported by conditions of mutual personal and property inviolability. In the event of its violation, the parties were obliged to reconcile on the terms of equivalence of the retaliatory measure. The institute, which is known as talion, is gradually being formed. Over time, public execution is replaced by symbolic ritual actions. In case of refusal of the talion, the legal composition demanded the rupture of dual relations and the transition of the parties to extra-legal violence. Initially, blood feud was an extremely rare phenomenon, but due to the weakening of ancestral principles in public life, the emergence of patriarchal families closely associated with the emergence of private property, blood feud becomes a private family matter. Talion as a public execution acquires the character of material compensation. At this stage, the state restricts blood feud, legislatively defines its subjects, and then prohibits and assumes its functions: the establishment of punishment for refusal of compensation

Conclusions and conclusions. In contrast to the point of view of philosophers, the author put forward a hypothesis about the natural-legal nature of the origin of the most important legal institutions, about their role in the formation of stable social formations that completed the process of forming a person as a social being. The patterns of social development laid down in the process of the genesis of law operate continuously, determining the transformation of the main legal institutions depending on the course of the historical development of society, the tasks facing society.

Keywords: genesis of law, origin of the state, legal institution, blood feud, talion, retribution, compensation, composition, criminal liability.

For citation: Tumurova A.T. Krovnaya mest, talion i zolotoe pravilo nравственности [Blood revenge, talion and the golden rule of morality. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3(110) P. 55–70.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.48.005

Крайне противоречивое развитие геополитических процессов в современном мире обозначили новые задачи для гуманитарных и обществоведческих наук. Сила и глубина происходящих трансформационных процессов вызывают необходимость обращения к основополагающим идеям и ценностям, сформировавшим современный облик человечества. В различных исследованиях в данном направлении замечено, что неоднократно приходилось обращаться к институту кровной мести. Назовем два обстоятельства, вызвавшие эту необходимость. Первая причина заключается в том, что в последнее время стали много говорить и писать о традиционных ценностях. Именно это повлекло массовый интерес к основным социальным институтам прошлого: семье, кровнородственных отношений, рода, племени. При рассмотрении сущности родовых отношений всплывает институт кровной мести, который, согласно целому ряду научных взглядов, представляет собой один из важнейших формирующих и скрепляющих кровнородственные отношения феноменов [1, с.155]. Вторая причина кроется в том, что стало распространенным мнение о реальной или ментальной войне цивилизаций [2, с. 660], и отсюда проблема осмыслиения понятия и истоков инаковости стала актуальной для гуманитарных наук. На повестку дня все более ярко и рельефно выступают вопросы общности правовых и нравственных взглядов, на основе которых можно наладить межцивилизационный диалог.

В русле обозначенных проблем обратимся к выводам одного из наиболее авторитетных российских философов, работающих в областях, непосредственно соприкасающихся с философией права [3, с.186]. Внимание юристов к работам А. А. Гусейнова, российского ученого, философа, вызвано тем, что начиная с 1990-х гг. отечественное правоведение отказалось от марксизма как методологического основания своих важнейших теоретических взглядов [4, с. 528]. Внимание было обращено к философии, философии права, этике, в частности к работам А. А. Гусейнова, посвященным этическим проблемам социальных запретов и негативных поступков [5, с. 272]. Поскольку эти вопросы непосредственно примыкают к правовой и уголовно-правовой проблематике, возможность анализа общего и отличного в подходах к этим проблемам с точки зрения данных антропологии права представляет определенный интерес.

Так, например, согласиться с некоторыми утверждениями, касающимися широко известных социальных институтов «талион» и «кровная месть», трудно. Во многом философские взгляды противоречат данным антропологии права. Поскольку предмет спора находится в сфере юриспруденции, позволим себе ряд критических замечаний в адрес философов, изучающих институты талиона и кровной мести.

Первое, с чем трудно согласиться, – это то, что талион и кровная месть являются исключительно категориями истории нравов. Исследования вопросов, связанных с возникновением права и государства, показывают, что данные институты являются базовыми правовыми началами социальных устоев. Иными словами, с точки зрения антропологии права не вызывает принципиального возражения желание видеть в них истоки нравственности. Из всего этого можно постулировать актуальный научный,

философский вопрос: могут ли право и его принципы выступать реальными конкретно-историческими истоками нравственных воззрений?

Второе, что следует отметить, талион не является обычаем. Это правовой обычай. Позиция о принципиальном разграничении обычая и обычного права изложена в целом ряде наших работ, в которых аргументировалась критика взглядов, отождествляющих собственно обычай и обычное право [6, С.8-16]. Различия этих разных по своим задачам и сфере действия социальных регуляторов колоссальные. Обычай направлен на регулирование внутриродовых отношений, подчиняющихся принципам, которые в науке принято определять как коммуналистические, то есть распределение общего продукта осуществляется на принципах: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Обычное право – совокупность норм, направленных на регулирование особых внешних отношений родовой общины. Тех отношений, которые подчинены общественному договору, декларирующему правовые принципы равенства, свободы, справедливости. Последняя категория имеет правовое содержание, определяемое как принцип равного участия в общем деле и равной доли в полученном общем продукте [7, С. 53–69].

В связи со сказанным нижеприведенный текст содержит два вывода, которые не могут быть приняты без тщательного критического анализа.

ТАЛИОН (лат. *talio, talionis*, от *talis* в значении «такой же», наказание, равное по силе преступлению) — категория истории нравов, более известная в общественном сознании и литературе под названием «равное возмездие»; древний обычай, регулировавший взаимоотношения между кровнородственными объединениями на основе равенства в оскорблении и обязывавший ограничиваться в воздаянии ущербом, точно соответствующим повреждению. Классической считается ветхозаветная формула талиона: «душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19:21).

Что же здесь подлежит переосмыслинию? Главное, следует указать, что это категория истории права и является правовым обычаем. Талион первоначально, не регулировал взаимоотношения между кровнородственными объединениями. Талион практиковался между двумя родовыми общинами, заключившими общественный договор о взаимной личной и имущественной неприкосновенности. А кровнородственная связь появлялась как следствие установления общественного договора.

С точки зрения обывателя практически ничего не изменилось. Однако с позиции научного подхода есть принципиальная разница в точном использовании близких по значению категорий и понятий. Это важно для понимания логики развития данных исходных социальных институтов в историческом процессе.

Далее следует утверждение, что «...генетически талион восходит к кровной мести». Глагол «восходит», который соединяет эти два понятия в данном определении, запутывает картину и не способствует пониманию соотношения талиона и кровной мести. Необходимо понимать, что талион и кровная месть самостоятельные феномены, которые действуют солидарно, в своем сочетании представляют единый комплекс социальных институтов. Между ними существует системная связь: изменение в одном из них влечет безусловное изменение в другом, происходит взаимное приспособление относительно друг друга.

Итак, взаимосвязь талиона и кровной мести очень сложна и изменчива на протяжении всей истории человечества. Разграничивая талион и кровную месть, уместно акцентировать цели и назначение каждого из них. В противном случае их совместное действие приводит к ошибочному пониманию их как институтов, которые взаимозаменямы и в ходе исторического развития переходят друг в друга.

Если кратко, то талион действует между родовыми общинами, которые заключили правовой договор о взаимной личной и имущественной неприкосновенности. В целом он

представляет собой способ разрешения неизбежно возникающих в практике социальных конфликтов, представляющих собой нарушение принципов неприкосновенности, которые декларированы общественным договором. Другими словами, договор предусматривал взаимную ответственность за нарушение личной и имущественной неприкосновенности. Мерой ответственности выступало причинение эквивалентного вреда. Механизм, который являлся способом преодоления последствий нарушения условий общественного договора, в ходе социального развития и сложился в виде института талиона. Обобщение всех имеющихся сведений о талионе не позволяет нам однозначно ответить на вопрос о содержании самых древних ритуалов. Тогда закономерно возникает вопрос: какие конкретно задачи возлагались на этот сложный ритуал? Если не детализировать и не вдаваться в подробности, то очевидно, что древний ритуал в основном решал две жизненно важные задачи: поддержание фактического равенства между общинами, заключившими брачный договор об обмене невестами. Также он обеспечивал защиту и неприкосновенность членов общины, отданных в другое сообщество по брачному договору. Уместно предположить, что долгий путь через пробы и ошибки привел к необходимости утвердить только одну форму брачных отношений – обмен. Широкое присутствие признаков, указывающих на распространность кроскузенного брака, позволяет с уверенностью констатировать наличие в процессе социального генезиса дуальной родовой организации как основы социальной организации, в рамках которой было завершено формирование человека как социального существа.

Единообразие начальных форм социальной организации для всего человечества указывает на эффективность социальных норм и их принципов, формирующих социальные институты первобытного взаимодействия первых субъектов социальной организации. В их числе правила, которые в дальнейшем породили широко известный институт талиона.

Ритуалы талиона складывались постепенно, в течение длительного периода, как было сказано, путем проб и ошибок, в ходе трудного поиска устойчивых форм социальной организации. Публичную процедуру причинения равного вреда, назовем ее «экзекуция», логично отнести к более позднему периоду социального развития, который можно условно обозначить как период перехода от чисто матримониальных отношений к экономическим. Дуальная организация начала реализовывать коллективные акты взаимодействия с целью получения материального блага, которое делилось в равных долях. Например, коллективная охота с участием представителей двух общин приносила значительную материальную выгоду для ее участников. Однако взаимодействие на постоянной основе не только расширяет возможности, прибавляет знания и опыт, но и становится почвой для конфликтов. Именно на этой стадии социального развития начинает складываться в полной мере структура социального института, который мы называем талионом или равным воздаянием. Талион сохраняет некоторые черты предыдущей эпохи, но, несомненно, обретает и новые качества. Это, безусловно, публичное мероприятие с обязательным участием двух общин, в той же мере заинтересованных в продолжении договорных отношений и поддержании установленных договоренностей.

Новые черты этому процессу придает направленность экзекуции на самих субъектов – участников конфликта. Непосредственный причинитель вреда (без относительно вины) становится объектом общественной экзекуции. В отношениях, связанных правовым равенством субъектов, реализуется принцип эквивалентности, в дальнейшем получивший отражение в ветхозаветном принципе: душу за душу, око за око. В случае любого причинения вреда (оскорблений, физического насилия, убийства) реализовались древние ритуалы, направленные, в первую очередь, на поддержание равенства двух общин, выраженного в последовательной реализации эквивалентности.

Только во вторую очередь для решения конфликта двух родовых общин. Для взаимного примирения, без которого невозможно было продолжить договорные отношения, публично, то есть в присутствии всех без исключения членов дуальной организации, можно предположить, осуществлялась зеркальная экзекуция. Все это с точки зрения современных общественных отношений может оцениваться как проявление первобытной дикости. Однако оценка может быть иной, если понимать, что на кону стояла жизнь всех членов дуальной организации. Картина суровых реалий, в которых выковывался человек как социальное существо, показывает, что наши предки проявляли осознанно немыслимую стойкость в последовательном отстаивании социального единства, бескомпромиссно боролись за незыблемость правил, обычая, ритуалов, за сохранение институтов, рожденных их реализацией. Нет сомнений в том, что современному человечеству досталась дорогой ценой свобода, которая была буквально выстояна и вырвана из жесточайших тисков зависимости.

Отказ стороны от участия в экзекуции являлся основанием для прекращения общественного договора, приводил к распаду дуальной родовой организации. В древности, в период значительной слабости и зависимости от природных сил, разрыв этих отношений приводил к гибели родовых общин. Поскольку навыки, умения, язык, как аккумуляция социального опыта, передавались от человека к человеку непосредственно в практической деятельности, то это предопределяло суровую необходимость начинать социальное развитие с азов. Логично предположить, что родовые общины всеми силами стремились избежать разрыва отношений и не допускали отказов от реализации экзекуции.

Вернемся к ритуальной экзекуции. Ее реализация была направлена на возвращение общественных отношений членов дуальной организации на правовую основу – примирение и полный отказ от причинения вреда, морального, физического и материального всем членам сообщества. С течением времени, с накоплением опыта, развитием языка, навыков, орудий, различных форм социального взаимодействия, неизбежно ослабляется зависимость от давления природы. В связи с этим возникает ситуация, когда родовая община причинителя вреда отказывала выдать виновного для экзекуции. Этот осознанный акт отказа являлся основанием для разрыва договора о взаимной неприкосновенности, стороны переходили на внеправовую расправу – кровную месть. Кровная месть – следствие юридического состава из двух юридических фактов: причинение вреда и отказ от правового разрешения конфликта – талиона.

Если говорить о первобытном человеке, то его зависимость от родового сообщества была значительной. И чем сильнее становился человек, тем более ослабевали его связи с родовой общиной. Случай разрыва дуальных отношений уже не влечет безусловную гибель бывших субъектов дуальной организации. Момент ослабления родовой общины и большая самостоятельность отдельных личностей, героев, отмечены в истории человечества появлением народных эпосов. Их нарративы отражают грандиозное событие – раскол того, что не может расколоться, например, Неба. Боги разделяются на непримиримых Западных и Восточных хатов, что приносит большие бедствия народу и спасение приносят героя [8, с. 270].

Значительный вклад в развитие этих процессов внесла неолитическая революция – появление доместикаторов. Поэтому на этом этапе социального развития следует констатировать завершение предыстории человечества, появление миграции этносов, активность процессов их консолидации, что знаменует начало человеческой истории. Союзы племен под предводительством выборного вождя начинают свое историческое социальное движение.

В связи с этим определять субъектов кровной мести первобытным человеком, а кровную месть признаком рода можно лишь с существенными оговорками. Смысловая

дилемма: кровная месть право или обязанность – характерна, строго говоря, не для первобытного человека, это терзания человека исторического.

Следует иметь в виду, что после неолитической революции имущественное положение становится иным, чем те, которые формировали род как единый хозяйствующий субъект, имеющий общее право на продукты. Процесс распада родовой общины на патриархальные семьи начался вместе с процессом приручения домашних животных и практически завершился с появлением скотоводства как формы хозяйствования. С появлением союза племен бывшие члены рода объединены в родовую общину виртуально, уже без коллективной собственности на продукты. Каждая семья имеет стадо и питается уже из собственного котла. Принадлежность к роду носит номинальный характер. Однако долгое время члены рода сохраняют ментально организационное единство, которое требует участия в заключении общественных договоров и актах кровной мести, в случае разрыва правовых связей с бывшими членами дуальной организации.

Необходимо понимать, что талион к этому времени подвергся значительным изменениям. Он уже не представлял собой исключительно публичную экзекуцию. Отношения перешли уже в фазу постепенного формирования системы материального возмещения. При заключении общественного договора стороны предусматривали размер материальной выплаты в случае причинения вреда. Причем материальное возмещение передавали уже семье потерпевшего.

Несколько слов посвятим сложному моменту, когда материальное возмещение, признанное эквивалентным причиненному вреду, не могло быть выплачено виновной стороной. Одна из причин могла быть связана с материальной несостоительностью виновного лица, его семьи. Чаще всего родственники, бывшие сородичи, оказывали материальную поддержку и коллективно выплачивали возмещение, чтобы избежать последствий невыплаты. Но если связи между членами рода не были сильными или виновный был известен своей неблагонадежностью, то они могли отказаться от оказания материальной поддержки. Тогда несостоительный виновный передавался вместе с семьей потерпевшему. Трудом всей своей семьи он должен был возместить вред. Однако и вторая сторона не всегда была готова принять виновного в качестве зависимого лица. Ведь за ним должен быть адекватный содержанию зависимых отношений – социальный контроль. При слабости семьи потерпевшего это представляло трудность, которая не могла в полной мере реализовать требование о компенсации причиненного вреда. В том числе и по этой причине люди одной крови, точнее агната, держались вместе, дорожили кровнородственными связями.

Также правила устанавливали, что зависимое лицо в некоторых случаях могло быть продано третьим лицам. Полученная от продажи материальная выгода выступала компенсацией. Поскольку проданный зависимый становился рабом, то он уже безвозвратно терял право быть выкупленным родственниками на условиях выплаты его долга. В общем огромное количество социальных институтов так или иначе связаны с институтами кровной мести и талиона.

Однозначно, талион и композиция являются институтами, которые длительное историческое время существовали как альтернативные или смешанные правовые явления. Система возмещения очень сложная и разветвленная сеть норм и институтов, отзывающаяся на всех нормативных уровнях и элементах социальной жизни общества, которые мы можем наблюдать в процессе формирования, различных трансформаций социальных связей и зависимостей, складывающихся как та или иная культура.

Далее рассмотрим случаи осознанных отказов от талиона или возмещения. На этом этапе социального развития разрыв дуальных отношений приобрел массовый характер,

начинают складываться племенные и политические союзы, которые объединяли уже несколько или множество различных дуальных организаций, состоявших из родовых общин, представляющих номинальное, виртуальное, ментальное единство патриархальных семей. Например, если сторона в социальном конфликте заявит о своей непричастности, случайности, виновности жертвы в нарушении правил и т. п., в силу чего она отказывалась от возмещения или экзекуции, то есть от правовых способов разрешения конфликта, то перечисленное считалось официальным отказом от выполнения условий общественного договора. Равное возмещение, представлявшее собой трансформированную систему равного воздаяния, получившее в литературе понятие композиции, в конечном счете, обеспечивалось кровной местью, что, в свою очередь, было следствием разрыва общественного договора. Переход сторон социального конфликта, который уже носит персонифицированный характер, к кровной мести вовлекал в себя некий круг людей с той и с другой стороны, которые принято в современной литературе обозначать как роды. В ряде исследований кровной мести уже говорится о кровных родственниках [9, С. 301–307]. Тут мы сталкиваемся с парадоксом, который уже в современной жизни не понятен. Так кто участвовал в кровной мести: род или кровные родственники? Если род, то это так называемые агната. В строгом смысле это братья, отец и братья отца, дед и братья деда. Если кровные родственники, то это включает и мать, братьев матери, отца матери и т. д. Перечисленные родственники никак организационно не могут быть одного рода-племени с агнатами, если брак экзогамный. Когда родовые отношения уже находятся в латеральном состоянии, встает проблема определения участников кровной мести с одной и другой стороны. Также встает вопрос о праве или обязанности участия в кровной мести. По этой причине круг кровной мести мог уже устанавливаться законодательно. Примером этого может служить Русская правда или Законы лангобардов [9, 568 с; 10, 286 с.].

В целом, характеризуя данный этап в развитии талиона и кровной мести, следует отметить его измельчавший характер. Что в данном случае имеем в виду? Кровная месть как историческое явление становится уже частным делом. Субъектом кровной мести становится семья, а не род. Можно сказать, что в одежды кровной мести, этого грандиозного социального института, который являлся фундаментом, опорой социального развития на начальных, самых сложных этапах социогенеза, начинают обряжаться участники мелких стычек, затяжных конфликтами, безответственными, терзаемыми низкой самооценкой субъектами общественных связей. С другой стороны, чем ближе к историческому времени, тем чаще обнаруживаем людей, лишенных всяческих социальных связей, которые объединяются в разного рода неустойчивые группы, не имеют постоянного места жительства, живут кражами чужого имущества, промышляют грабежами. С развитием частной собственности свободные люди зависят от решения двух важных для них проблем: защитить имущество и права на него от посягательств со стороны. В этом деле ключевую роль играют два амбивалентных фактора: фактическую неприкосновенность имущества обеспечивает способность собственника отразить конкретные действия, оцениваемые как посягательство, и если посягательство реализовано, то добиться возмещения. В случае отказа от возмещения собственник должен быть готов к кровной мести. Пока государство еще находилось в зачаточном состоянии или в слабой позиции, солидарность в круге кровнородственных отношений продолжает оставаться единственной гарантией неприкосновенности имущества, а также жизни и здоровья [11, с. 46–86]. Следует указать еще на нередкие случаи регрессного развития права и государства, когда вынужденно реанимируются старые институты [12, С. 3–5]. И это доказывает несокрушимую эволюционную связь между разными формами одних и тех же социальных институтов.

Кровная месть категорически исключалась во внутриродовых (позже в семейно-родственных) отношениях и была столь же обязательной по отношению к представителям других общин. Она закрепляет и упорядоченно воспроизводит разделение людей на «своих» и «чужих».

Приведенная цитата также не может быть принята безоговорочно, поскольку содержит безапелляционное утверждение об обязательности кровной мести по отношению к чужакам. Это неправильное утверждение. Кровная месть была ответом общине, с которой был установлен договор, но она его нарушила тем, что, причинив вред, отказалась от следования установленным правилам.

Полагать, что любые насильственные действия оправданы тем, что они приходились чужаками, глубокое заблуждение. Агрессия, направленная на людей, не была свойственна первобытному человеку. Переход от животного состояния к первым социальным качествам был осуществлен путем подавления животных инстинктов, агрессии, направленной против своего биологического вида [13, 488 с.].

Безусловно, талион как экзекуция не мог сформироваться во внутриродовых отношениях. Род как единый субъект при конфликтах между своими членами не мог прибегать к экзекуции. Это выглядело бы как автоэкзекуция – нанесение такого же вреда самому себе. Однако в условиях, когда род уже становится виртуальным единством,名义ально объединяет самостоятельные хозяйства бывших своих членов, проблема наказания за конфликты между агнатами, то есть братьями, встает в полную силу. Ранее действовавшее требование об изгнании, еще раз повторим, уже не выполняет свою функцию [14, с. 340]. В качестве интересного в исторических реалиях отступления от названной закономерности приведем историю Древней Греции и Рима. Островной или полуостровной характер этих образований, возможно, стал основанием того, что изгнание не только продолжало оставаться единственной мерой наказания, но и активно конкурировать с уголовно-правовыми наказаниями [15, С. 10–47]. Иначе обстояли дела, условно в континентальных территориальных поселениях. Возмещение, которое было обычным способом разрешения конфликтов между представителями разных общин, слабо реализовывалось на практике среди родственников. Об этом можно судить даже по проблемам настоящего времени [16, с. 160]. В эпоху становления ранних форм государственности эта проблема приобрела угрожающую социальному благополучию форму. Говоря другими словами, каждое общество, которое в осознаваемом прошлом жило родовым единством, после его распада и перехода к условиям территориального поселения, территориальной, так называемой, соседской общине (совокупности множества экономически самостоятельных семейств) испытывает большие трудности в реализации ответственности своих членов за различные правонарушения. Всякое территориальное поселение фактически объединяет близких родственников, которые в условиях натурального хозяйства практически не соприкасаются с чужаками. Экономическое расслоение, которое неизбежно следует за утверждением частной собственности, актуализирует проблему ответственности за правонарушения. Память о прошлом единстве и невозможность воздаяния порождают проблему меры, формы ответственности за посягательства. Считаем, что данная проблема была решена с привлечением трансцендентных сил. В ранее опубликованной работе мы комментировали этот аспект формирования юридической ответственности [17, С. 16–23], где выдвинута гипотеза, что ветхозаветные заповеди не убий, не укради, не возжелай ... возможно, есть обращение пророка к вышеуказанной социальной проблеме. Как быть с братом, совершившим, например, посягательство на собственность родственника? По ранее действовавшим правилам люди, принадлежащие к одному роду, не могут требовать воздаяния сородичу. Из-за недейственности института ответственности за различные

противоправные деяния общественная жизнь приходит в упадок. Пророк ввел заповеди, запрещающие посягательства на имущество, личность, честь, ближайших родственников, в случае которых ответственность наступала за нарушение воли пророка, воли бога. Такое нарушение заповеди подлежало возмещению на принципах эквивалентности, которое на всем понятном языке еще звучало как «око за око».

Основой талиона являлось не стимулирование мести, а ее сдерживание. Он возникает как ограничивающий, запрещающий принцип. Можно предположить, что первоначальные (предшествовавшие талиону) отношения между различными сообществами характеризовались бесконечной враждебностью (например, у австралийских аборигенов, находившихся на догосударственной стадии, различались два вида вооруженных столкновений: одни из них велись с соблюдением правил и представляли узаконенную обычаем форму сведения счетов, кровной мести; другие же не были ограничены определенными нормами. — Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 190–191.) Талион ставил предел вражде, требуя строго, по возможности буквально соразмерять возмездие с полученным ущербом. Тем самым он соединял «своих» с «чужими», обозначая дистанцию, позволяющую им сосуществовать и входить в определенные взаимовыгодные отношения в качестве различных, теперь уже умеренно-враждебных, общностей.

В приведенном отрывке немало противоречивых суждений.

Талион, безусловно, имел общепредупредительный, профилактический эффект. Он показывал, что расправа с посягателем не решает проблемы, а создает почву для вражды. В этом смысле талион показывал альтернативу расправе, как способ упорядоченного разрешения возникающих социальных конфликтов. Вернемся к периоду возникновения дуальных организаций, когда эквивалентность решала задачу поддержания фактического равенства двух родов и гарантировала личную неприкосновенность, защищала женщин, отанных в другую общину. Далее с развитием общественных связей и выхода за рамки исключительно матrimonиальных отношений это правовое единство продолжает практиковать во взаимных отношениях принцип эквивалентности. В случае вступления в их союз других общностей на них также распространялся раз установленный принцип личной и имущественной неприкосновенности. Неизбежно возникающие в практике конфликты разрешались на правовых началах, то есть реализацией института талиона. В дальнейшем с развитием государства, появлением территориальной общности режим неприкосновенности личной и имущественной распространяется на всех проживающих на территории одного государства. В литературе для обозначения правового режима используют термин, например, «замиренная среда», «замиренное общество» [18, 152 с.].

До твердого установления «замиренной среды» кровная месть выступала гарантией реализации талиона. В последующем именно кровная месть преобразуется государством в уголовно-правовую ответственность. Государство сначала ограничивает, а затем запрещает кровную месть. Но при этом, трансформировав, берет на себя функцию кровной мести – реализацию ответственности за отказ участников общественных отношений от правовых способов разрешения конфликтов, возникающих из деликтов [19, С. 207–215].

Вернемся к тезисам. Деление на своих и чужих несет страшную разрушительную идею того, что за пределами своих нет никаких запретов, сдерживающих агрессию. Это отчетливо видно на примере религиозных войн [20, С. 264–298]. Темная сторона деления людей на своих и чужих показывает опасность смешения нормативных регуляторов [17, С. 16–23]. Только право, не ставя преград между своими и чужими, направлено на формирование справедливых отношений. Нет умеренно и сильно враждебных отношений! Отношения или правовые, подчиненные принципам равенства, свободы и справедливости,

или неправовые (произвол), нарушающие нормальное взаимодействие людей, живущих на одной планете Земля.

Талион – типичный социорегулятивный механизм первобытной эпохи.

Возможность эволюционного или цивилизационного развития достигнута величайшей концентрацией коллективной воли на пути упорядочения общественных связей. Подчинить поведение людей социальным нормам, создать порядок и тем самым преодолеть жесточайшее давление естественного отбора означало невероятный скачок предчеловека практически с низшей ступени пищевой лестницы животных к ее вершине [13, 488 с.]. Далее концентрация на социальных началах в жизни человека вывела общество из царства необходимости к повсеместному приспособлению к природной среде, и эти же закономерности позволили преодолеть зависимость от природы и перейти к активному освоению окружающей природной среды согласно человеческим потребностям. Малейшее пренебрежение закономерностями формирования культуры ставило человечество на грань экзистенционального краха.

Попытка представить талион социорегулятивной системой первобытности не выдерживает критики. В эту эпоху человек и его неустойчивые социальные группы решают исключительно задачу выживания. Талион, как социальный институт, требует совершенно иной уровень социальной организации общества.

Современное правовое регулирование, несмотря на серьезные проблемы и отсутствие общего правопонимания, каждой своей чертой связано с общественным договором и талионом, с равным воздаянием, – механизмом поддержания правового взаимодействия людей, реализующим правовые принципы равноправия, свободы и справедливости. Жизнь противоречива. Современность не может себя представить без судебной системы. Любой судебный процесс стремится реализовать правовую справедливость в отношениях людей. Каждая эпоха, каждый конкретный случай содержит в себе форму этой справедливости. В современном уголовном праве действует принцип равного воздаяния, которое мы понимаем как соответствие наказания содеянному.

Для его качественной характеристики существенное значение имеют следующие особенности: акт возмездия является ответным действием, он задается внешне, фактом, характером и размером нанесенного рода оскорбления, ущерба; способ переживания в случае талиона полностью совпадает со способом действия, необходимость мести является для древнего человека не налагаемой извне обязанностью, а органической страстью души, требующей безусловного удовлетворения; талион есть выражение коллективной ответственности, субъектом действия здесь выступает род, отдельные индивиды являются всего лишь непосредственными носителями его воли.

Первая из приведенных особенностей особого возражения не вызывает. Для реализации талиона необходим юридический факт – причинение вреда (личного, физического, морального, имущественного) представителем другого рода, с которым заключен общественный договор. Это принципиальное положение для характеристики правового института. Для осуществления талиона важен факт предварительной договоренности о реализации правовых начал в общественной жизни. Что касается способа переживания, то он не понятен. Считаем, в данном случае необходимо говорить о публичном характере осуществления предусмотренного талионом действия – при обязательном присутствии всех участников общественного договора. Нет сомнений, что предки понимали, что институт имеет важное воспитательное значение, направлен на профилактику агрессии, проявляемой по отношению к представителям иной социальной группы. Очевиден факт того, что месть не имеет эти важные качества. Большинство исследователей правильно отмечают, что акт мести, во-первых, не обладает открытым и публичным характером и не ограничен в своем разрушительном воздействии ни

характером, ни способом, ни даже субъектом причинения вреда. У кровной мести одна задача — нанести наиболее устрашающий вред, именно в таком сравнении четко проявляются различия в этих институтах.

Что касается эмоциональной составляющей кровной мести, то она объясняется тем, что виновная сторона отказывается от правовых способов разрешения конфликта, несмотря на достигнутые договоренности. Причем договоренности были закреплены, что называется, кровью. В этом смысле каждый общественный договор в древности закреплялся брачными узами. В этом видели то самое кровное закрепление общественного договора.

Продолжая тему символики, нельзя не отметить значимость для древнего человека символических действий, которыми в изобилии также пронизано и правосознание наших предков. Это особенно впечатляет при изучении истории правовых фикций [21, С. 17–35]. История права зафиксировала множество артефактов, которые свидетельствуют о большой склонности древних людей заменять конкретные действия их символами. Учитывая это, можно предположить, что талион не стал исключением и при его реализации часто заменяли реальную экзекуцию символическим актом. Например, преломление стрелы над головой, в некоторых культурах лишить мужчину сабли, как известно, символические ритуалы, которые заменяли публичную казнь. В любом случае, символика должна была дать необходимую эмоциональную разрядку, быть направленной на уравновешивание страстей. В родовой организации все осознают зависимость друг от друга, то, что разрыв в отношениях грозил утратой накопленного социального опыта, вместе с которым уходила всякая надежда на благополучие в будущем. С другой стороны, каждый из присутствующих осознает, что нет ничего более худшего, чем необоснованное прощение виновного. Это гарантия того, что он совершил еще большее зло, чем неадекватно прощенное. Поэтому осознавалась жестокая необходимость в реализации талиона. В третьем пункте говорится о коллективной ответственности. Главное, понимать эту коллективную ответственность как коллективную заинтересованность в точном и неукоснительном следовании установленным договором правилам.

Талион вошел в историю нравов и оставил глубокий след в культуре, во-первых, как воплощение уравнительной справедливости (он собственно и представляет собой распространение внутриобщинного принципа уравнительной справедливости на отношения между общинами), во-вторых, как исторически первая форма легитимного насилия (талион уравнивает родовые общины в их праве защищать себя и свои интересы силой, нравственную легитимность ему придает то, что он санкционирует насилие в качестве ограниченного насилия).

Что касается внутриобщинного принципа уравнительной справедливости, то с этим тезисом нельзя согласиться. Внутри общины родовой нет равноправия и эквивалентности. Внутри рода существует половозрастная иерархия. Младший подчиняется во всем своему старшему брату. Только такая безусловная иерархичность давала согласованность в общих действиях, тем самым предоставляя роду шанс коллективно выжить в агрессивной среде, преодолеть многочисленные вызовы изменчивой природы. Ясное понимание, кто и кому подчиняется в бытовых отношениях, позволяет исключить борьбу за власть внутри рода. Если этого понимания нет, то борьба за право распоряжаться общим продуктом неизбежно приведет к победе самого агрессивного члена семьи. В таких условиях нельзя сформировать язык, обычай, культуру и передать его своим потомкам.

В общении с представителями других общин каждый желает видеть себя равным вне зависимости от пола, возраста и других своих качеств. Участвуя в общем деле, стороны заранее договариваются о том, чтобы коллективные действия были подчинены правовым принципам. В любом деле есть риск причинения вреда. Они хотят ответственных

отношений. И выбор таких отношений добровольный. Никто не может принудить родовую организацию к заключению общественного договора. И только эквивалентность может являться естественно-правовой основой ответственности. Для осуществления кровной мести необходим был юридический состав: факт причинения вреда и официальный отказ от экзекуции (в историческое время – от возмещения).

Талион не просто оставил глубокий след в культуре человечества, но и сейчас функционирует, но уже в иной форме [22, С. 123–134].

Этическая структура талиона получила отражение в представлениях ранних философов о справедливости как равном воздаянии (Анаксимандр, пифагорейцы и др.). Она же стала точкой отсчета первых законодательств.

Все верно, начиная с древности, справедливость представляет собой правовую категорию, имеющую правовое содержание, которое отражено в законодательных актах. В каждом конкретном случае вопрос о справедливом воздаянии предмет судебного разбирательства.

Талион воплощает исторически первый синcretический тип регуляции; по мере того, как возникают расхождения между коллективной волей и индивидуальным выбором, внешними действиями и внутренними намерениями, появляется возможность заменять месть выкупом, осуществляется переход от общинно-варварских форм организации жизни к государственно-цивилизованным, он расщепляется и трансформируется, с одной стороны, в принцип уголовной ответственности, исходящий из того, что наказание является справедливым в качестве равного возмездия, а с другой стороны, в золотое правило нравственности.

Нет ни одного аргумента, который бы доказывал синcretичный характер талиона как типа регуляции. Можно привести много аргументов, но остановимся на одном: можно ли утверждать, что талион регулировал отношения между женщиной и мужчиной, между ребенком и взрослым человеком? Право регулирует отношения между равными людьми. Тогда почему мы должны считать талион моральным требованием? Право требует от всех без исключения людей ответственного поведения.

Замена экзекуции, воплощенной в понятии «око за око», выкупом, то есть материальным возмещением, связана не с мифическим «расхождением между коллективной волей...», а с неолитической революцией, приведшей к доместикации и на этой основе к частной собственности и появлению семьи. Поэтому в случае убийства кормильца ответное убийство виновного лица не решит проблему потери кормильца. Семья экономически самостоятельна, род такой семье помогает, но не обязан это делать. Поэтому повсеместно талион заменяется материальным возмещением, который, кстати, первоначально выплачивался потерпевшей семье доместикатами.

Более подробно о рождении уголовной ответственности и обретении институтами талиона и кровной мести знакомых нам очертаний написано в другой нашей работе [19, С. 207–215].

Как специфический обычай кровная месть в пережиточном виде сохранилась до нашего времени у народов с сильно выраженным следами патриархального быта, например, у северокавказских горцев. Необычайной живучестью отличается также идея равного возмездия, которая остается элементом культурно-генетического кода справедливости, представленным в разных культурах и у разных народов с разной степенью интенсивности.

Патриархальный быт, как показывает история права, не всегда является причиной сохранения кровной мести. Почему специфический обычай кровной мести в пережиточном виде сохранился до нашего времени, например, у народов Северного Кавказа, имеет далеко неоднозначный ответ.

Таким образом, талион и кровная месть являются правовыми институтами, сыгравшими решающую роль в формировании устойчивых социальных образований, в рамках которых завершился процесс формирования человека как социального существа. Закономерности функционирования этих институтов носят на протяжении всего эволюционного процесса непрерывный и всеобъемлющий характер. Изменения, происходящие в обществе, в природе и в их соотношении влияют на трансформацию форм социальных институтов. Однако содержание талиона как экзекуции, затем возмещения, далее уголовно-правовой ответственности реализует правовые принципы равенства, свободы и справедливости. Талион и кровная месть как единый правовой комплекс социальных институтов является конкретно-историческим основанием нравственных воззрений, практическим фундаментом золотого правила нравственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зюков А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика : учебное пособие. Владимир : ИП Журавлева, 2009. С. 155.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / перевод с английского Т. Велимееева. Москва : АСТ, 2022. 660 с.
3. Гусейнов А. А. Язык и совесть. Избранная социально-философская публицистика. Москва : Изд-во ИФ РАН, 1996. 186 с.
4. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в двух томах. Т. 1. Элементный состав. Москва : Юстицинформ, 2000. 528 с.
5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. Москва : Молодая гвардия, 1979. 208 с. Изд. 2 —1982; изд. 3, перераб., доп. — 1988, 272 с.
6. Лапаева В. В., Тумурова А. Т. Процессы генезиса права с позиций принципа формального равенства (по материалам юридико-антропологического исследования) // История государства и права. 2009. № 17. С. 8–16.
7. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов. Москва : Норма-инфра, 2001. С. 53–69.
8. Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск : Наука, 1980. 270 с.
9. Греков Б. Д. Киевская Русь. Москва : Госполитиздат, 1953. 568 с.
10. Шервуд Е. А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени: к раннему этногенезу итальянцев / ответственный редактор М. В. Крюков. Москва : Наука, 1992. 286 с.
11. Дворецкая И. А., Залюбовина Г. Т., Шервуд Е. А. Кровная месть у древних греков и германцев. Москва, 1995. С. 46–86.
12. Виватенко С. В., Сиволап Т. Е., Ларичева О. А. Между Францией и Италией. Антропология и этнология корсиканского этноса. URL : <https://phsreda.com/e-articles/10292/Action10292-99013.pdf>
13. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). Москва : Мысль, 1974. 488 с.
14. Меликишвили Г. А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. Москва, 1973. 152 с.
15. Платон. Диалоги : перевод с древнегреческого // Апология Сократа. Москва : Эксмо. 2022. С. 10–47.
16. Алиханов С. А. Криминологическая характеристика преступности в городах и сельской местности: по материалам Республики Дагестан : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 137 с.
17. Тумурова А. Т. Религия и право (проблема разграничения) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 2 (105). С. 16–23. – DOI 10.26516/2071-8136.2024.2.16.

18. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные в Высшей школе социальных наук в Париже : перевод с французского. Изд. 2, ротопринтное. Москва, 2015. 152 с.
19. Тумурова А.Т. Сравнительное правовое исследование правовых систем (вопросы методологии) // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 2. С. 207–215. 10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215 EDN PEYITM.
20. Ансари Т. Разрушенная судьба: история мира глазами мусульман. Москва: Эксмо, 2021. – 448 с.
21. Мэйн Г. Древнее право: его связь с ранней историей общества и его отношение к новейшим идеям : перевод с английского. Санкт-Петербург, 1898. Вып. 98. С.17–35.
22. Тумурова А. Т. Социально-антропологические выводы исследования генезиса института кровной мести // Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития : материалы I Международной научно-практической конференции / под общей редакцией Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. Москва : Юриспруденция, 2013. С. 123–134.

REFERENCE

1. Zyukov A. M. *Krovnaya mest': vnepravovoi obychai i gosudarstvenno-pravovaya politika : uchebnoe posobie* [Blood feud: extra-legal custom and state-legal policy : a textbook]. Vladimir, 2009. 155. p
2. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* / perevod s angliiskogo T. Velimeeva. [The Clash of Civilizations / translated from English by T. Velimeev]. Moscow 2022. 660 p.
3. Guseinov A. A. *Yazyk i sovest'*. *Izbrannaya sotsial'no-filosofskaya publitsistika* [Language and conscience. Selected socio-philosophical journalism]. Moscow :, 1996. 186 s.
4. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava: v dvukh tomakh*. T. 1. *Elementnyi sostav* [The logical foundations of the general theory of law: in two volumes. Vol. 1. Elemental composition]. Moscow, 2000. 528 p.
5. Guseinov A. A. *Zolotoe pravilo nравственности* [The golden rule of morality]. Moscow 1979. 208 p. Izd. 2 –1982; izd. 3, pererab., dop. — 1988, 272 p.;
6. Lapaeva V. V., Tumurova A. T. *Protsessy genezisa prava s pozitsii printsipa formal'nogo ravenstva (po materialam yuridiko-antropologicheskogo issledovaniya)* [The processes of the genesis of law from the standpoint of the principle of formal equality (based on the materials of a legal and anthropological study)]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the State and law* 2009. No. 17. Pp. 8–16.
7. Nersesyants V. S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva : uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [The general theory of law and the State : a textbook for law schools and faculties]. Moscow, 2001. Pp. 53–69.
8. Chagdurov S. Sh. *Proiskhozhdenie Geseriady. Opyt sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya drevnego slovarnogo fonda* [The origin of the Hesariad. The experience of comparative historical research of the ancient vocabulary fund]. Novosibirsk, 1980. 270 p.
9. Grekov B. D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus']. Moscow : 1953. 568 p.
10. Shervud E. A. *Zakony langobardov. Obychnoe pravo drevnegermanskogo plemeni: k rannemu etnogenezu ital'yantsev* [The laws of the Lombards. The Customary Law of the Ancient Germanic tribe: towards the early Ethnogenesis of the Italians], 1992. 286 p.
11. Dvoretskaya I. A., Zalyubovina G. T., Shervud E. A. *Krovnaya mest' u drevnikh grekov i germantsev* [Blood feud among the ancient Greeks and Germans]. Moscow, 1995. Pp. 46–86.
12. Vivatenko S. V., Sivolap T. E., Laricheva O. A. *Mezhdu Frantsiei i Italiei. Antropologiya i etnologiya korsikanskogo etnosa* [Between France and Italy. Anthropology and ethnology of the Corsican ethnوس]. URL : <https://phsreda.com/e-articles/10292-99013.pdf>.

13. Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Moscow :, 1974. 488 p.
14. Melikishvili G. A. Osnovnye etapy etnosotsial'nogo razvitiya gruzinskogo naroda v drevnosti i srednevekov'e [The main stages of the ethnosocial development of the Georgian people in antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 1973. 152 p.
15. Platon. Dialogi : perevod s drevnegrecheskogo [Dialogues : translation from ancient Greek]. Apologiya Sokrata – The Apology of Socrates. Moscow. 2022. Pp. 10–47.
16. Alikhanov S. A. Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti v gorodakh i sel'skoi mestnosti: po materialam Respubliki Dagestan : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Criminological characteristics of crime in cities and rural areas: based on the materials of the Republic of Dagestan : dissertation for the degree of Candidate of Law]. Moscow, 2003. 137 p.
17. Tumurova A. T. Religiya i pravo (problema razgranicheniya) [Religion and law (the problem of differentiation)]. Sibirskii yuridicheskii vestnik - Siberian Legal Bulletin. 2024. No 2 (105). Pp. 16–23. DOI 10.26516/2071-8136.2024.2.16.
18. Dyugi L. Sotsial'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva. Lektsii, prochitannyе v Vysshei shkole sotsial'nykh nauk v Parizhe : perevod s frantsuzskogo [Social law, individual law and the transformation of the State. Lectures delivered at the Higher School of Social Sciences in Paris : translated from French]. 2015. 152 p
19. Tumurova A.T. Sravnitel'noe pravovoe issledovanie pravovykh sistem (voprosy metodologii) [Comparative legal research of legal systems (questions of methodology)]. Academic Law Journal – Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2024. T. 25, no. 2. Pp . 207–215. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215 EDN PEYITM.
20. Ansari T. Razrushennaya sud'ba: istoriya mira glazami musul'man [A Ruined Destiny: A history of the World through the eyes of Muslims]. Moscow, 2021. 448 p.
21. Mein G. Drevnee pravo: ego svyaz' s rannei istoriei obshchestva i ego otnoshenie k noveishim ideyam : perevod s angliiskogo [Ancient law: his connection with the early history of society and his attitude to the latest ideas : translated from English]. Saint-Petersburg, 1898. Vyp. 98. Pp.17–35.
22. Tumurova A. T. Sotsial'no-antropologicheskie vyvody issledovaniya genezisa instituta krovnoi mesti [Socio-anthropological conclusions of the study of the genesis of the Institute of blood feud]. Sotsiologiya ugolovnogo prava: problemy i tendentsii razvitiya : materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – Sociology of Criminal Law: problems and development trends : materials of the I International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2013. Pp. 123–134.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тумурова Анна Тимофеевна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tumurova Anna Timofeevna, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legal Studies. Baikal State University. 664003, Irkutsk, 11 Lenin Street.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 71–78.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 71–78.

**5.1.2. Публично-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.722

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.52.006

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ ИММУНИТЕТОМ

Литвинова Нина Александровна

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Российская Федерация, г. Белгород, ninaltvnv@rambler.ru

Введение. В статье рассматриваются особенности правового статуса лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом через призму установленного порядка привлечения к уголовной и административной ответственности. Отмечается, что в настоящее время существуют проблемы злоупотребления лицами, обладающими специальным и особым правовым статусом, предоставленными законом возможностями, что вносит деструктивизм в деятельность правоохранительных органов, в первую очередь, полиции, по раскрытию и расследованию совершенных правонарушений.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные акты различного уровня, исследования правоведов по данной тематике. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования: выделены категории лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом, отмечены противоречия в обеспечении неприкосновенности лиц, имеющих специальный и особый правовой статус, а также проблемы злоупотребления предоставленными законом возможностями.

Выводы и заключения: подчеркивается важность установления правовых гарантий защиты профессиональной деятельности отдельных категорий лиц и отмечается необходимость создания единого перечня субъектов, обладающих специальным и особым правовым статусом, а также выработки и закрепления единообразного подхода в регламентации особого порядка производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом.

Ключевые слова: правовой статус, специальный статус, особый правовой статус, правовые иммунитеты, неприкосновенность, принцип равенства перед законом и судом

Для цитирования: Литвинова Н. А. Правовой статус лиц, обладающих иммунитетом // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3. С. 71–78.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.52.006

**5.1.2. Public Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

THE LEGAL STATUS OF PERSONS WITH IMMUNITY

Litvinova Nina Alexandrovna

Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Russian Federation, Belgorod, ninaltvnv@rambler.ru

Introduction. The article examines the peculiarities of the legal status of persons with special and special legal status through the prism of the established procedure for bringing to criminal and administrative responsibility. It is noted that there are problems of abuse of the opportunities provided by the law, which introduce destructivism into the activities of law enforcement agencies to disclose and investigate committed offenses.

Materials and Methods: the materials of the study were normative acts of various levels, studies of jurists on this topic. The methodological basis of the study was a set of general scientific and special methods, such as analysis, synthesis, comparison, comparative legal method.

The Results of the Study: the categories of persons with special and special legal status are highlighted, contradictions in ensuring the inviolability of persons with special and special legal status are noted, as well as problems of abuse of opportunities provided by law.

Findings and Conclusions: the importance of establishing legal guarantees for the protection of the professional activities of certain categories of persons is emphasized and the need is noted to create a single list of entities with special and special legal status, as well as to develop and consolidate a uniform approach in regulating the special procedure for criminal proceedings against persons with special legal status.

Keywords: legal status, special status, special legal status, legal immunities, inviolability, the principle of equality before the law and the court

For citation: Litvinova N.A. Pravovoj status licz obladayushhix immunitetom [The legal status of persons with immunity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no 3 (110), pp. 71–78.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.29.52.006

Правовой статус является комплексной категорией, которая отражает текущее взаимоотношение между конкретной личностью, обществом и государством. Правовой статус указывает на роль, которую играет конкретное лицо в складывающихся правовых отношениях. С развитием общественных отношений в правовой системе государства, помимо закрепления прав и обязанностей физических лиц, т.е. определения их правового статуса, также закреплялись права и обязанности лиц, имеющих их расширенный круг, а также ограничения, которые предусматриваются нормами различных отраслей права [1, с. 18]. Таким образом, в законодательстве существует специальный и особый правовой статус для определенных категорий лиц.

Критерии определения лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом, разнообразны, и зависят от правовых, социальных и иных факторов [2, с. 215].

На любом из этапов развития общества и государства в качестве важного условия их нормального существования выступает защита прав и свобод граждан

[3, с. 64]. Положения Конституции Российской Федерации⁸, а также законов Российской Федерации устанавливают принцип равенства всех лиц вне зависимости от различных обстоятельств. Однако в отдельных случаях законодательство предусматривает особые права, обязанности и ограничения для лиц, выполняющих важные государственные и общественные полномочия, а также имеющих международные иммунитеты (дипломатические, консульские, иные).

Такие исключения следует считать гарантиями, которые сформированы в соответствии с нормами закона, позволяющие лицам, занимающим государственные должности, важные общественные посты, или являющимся представителями международных организаций или иностранных государств, выполнять свои функции без опасений для своей физической или имущественной неприкосновенности.

Отметим категории лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом:

- Президент Российской Федерации (статья 91 Конституции Российской Федерации), в том числе Президент, прекративший исполнение своих полномочий⁹;
- члены Федерального Собрания (сенаторы Совета Федерации и депутаты Государственной Думы)¹⁰;
- судьи¹¹;
- лица, имеющие международные иммунитеты¹²;
- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации¹³;
- Председатель, заместитель, аудиторы Счетной палаты¹⁴;
- присяжные заседатели (на которых в период осуществления правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей)¹⁵;
- арбитражные заседатели (на которых в период осуществления правосудия распространяются гарантии независимости и неприкосновенности судей)¹⁶;

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.03.2024).

⁹ О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи : Федеральный закон от 12 февраля 2001 года № 12-ФЗ: текст в редакции от 22 декабря 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 617.

¹⁰ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ: текст в редакции от 31 июля 2023 года // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

¹¹ О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1: текст в редакции от 10 июля 2023 года // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 179.

¹² Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18 апреля 1961 года) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ: текст в редакции от 29 мая 2023 года // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

¹⁴ О Счетной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ: текст в редакции от 10 июля 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

¹⁵ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ: текст в редакции от 16 февраля 2022 года // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3528.

¹⁶ Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ: текст в редакции от 28 ноября 2018 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

- прокуроры¹⁷;
- сотрудники Следственного комитета Российской Федерации¹⁸;
- депутаты законодательных органов субъектов¹⁹;
- депутаты, члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица органов местного самоуправления²⁰.

Также к данной категории возможно отнести: кандидата на должность Президента Российской Федерации, зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы, члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с правом решающего голоса, председателя избирательной комиссии субъекта, члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, зарегистрированного кандидата на должность высшего должностного лица субъекта, зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного органа власти субъекта, зарегистрированного кандидата на выборную должность органа местного самоуправления, зарегистрированного кандидата в депутаты представительного органа муниципального образования²¹.

Некоторые исследователи отмечают, что правовой статус сотрудников Федеральной службы безопасности, Федеральной службы охраны, Росгвардии – позволяет говорить об имеющейся защите от вмешательства в их деятельность, благодаря положениям законодательства [4, с. 235].

В целях обеспечения невмешательства в профессиональную деятельность таких категорий лиц, установлены запреты на их досмотр, задержание, иные действия, способные помешать исполнению лицом установленных законом полномочий. В уголовном и административном судопроизводстве установлен особый порядок привлечения лиц со специальным и особым правовым статусом к ответственности, который заключается в процессуально усложненной процедуре производства процессуальных действий и основан на отдельных исключениях в законодательстве.

Так, установлены особые условия привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом. Статья 2.5 КоАП РФ устанавливает исключения в административной ответственности военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания²².

В свою очередь, с позиции привлечения к уголовной ответственности, статья 447 УПК РФ устанавливает категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок

¹⁷ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1: текст в редакции от 25 декабря 2023 года // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

¹⁸ О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ: текст в редакции от 27 ноября 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

¹⁹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ: текст в редакции от 14 февраля 2024 года // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

²⁰ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ: текст в редакции от 4 августа 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

²¹ О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом : Приказ Генпрокуратуры России от 23 ноября 2015 года № 645// СПС «КонсультантПлюс».

²² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ: текст в редакции от 25 декабря 2023 года // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

производства по уголовным делам²³. Сопоставляя их с указанным выше перечнем категорий лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом, также следует отметить руководителя следственного органа, следователя и адвоката.

Анализируя положения законодательства, отметим, что единого перечня субъектов, обладающих специальным и особым правовым статусом, не существует, в связи с чем, на практике, при определении правового статуса лица, необходимо обращаться к большому количеству нормативных актов. К тому же, бессистемно установленные особенности особых правовых статусов отдельных категорий лиц имеют противоречия, например, с УПК РФ.

Так, для депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации в качестве гарантов депутатской деятельности установлена возможность отказа от дачи свидетельских показаний по гражданскому, административному или уголовному делу об обстоятельствах, ставших им известными в связи с осуществлением своих полномочий (статья 18 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Однако положения статьи 56 УПК РФ не указывают такую категорию лиц в качестве субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом.

В этой связи, с позиции законодателя, необходимо закрепление четких границ действия процессуальных иммунитетов, что позволило бы исключить противоречия в обеспечении неприкосновенности лиц, имеющих специальный и особый правовой статус. Устранение подобных дисбалансов поможет также исключить излишние привилегии для отдельных категорий лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом [5, с. 116].

На практике возникают ситуации, при которых лица, обладающие специальным или особым правовым статусом, злоупотребляют предоставленными законом возможностями и вносят деструктивизм в деятельность органов, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях. Административные правонарушения сами по себе представляют угрозу стабильности любого государства [6, с. 141], а допущение их лицами, являющимися представителями власти, или занимающими важные государственные или иные должности, подрывает авторитет к органам управления. Особое внимание следует уделить ситуациям, в которых лицо, обладающее специальным или особым правовым статусом, совершают правонарушение, причинившее ущерб иным субъектам. Однако сотрудники правоохранительных органов, прибывшие на место совершения правонарушения, не имеют возможности обеспечить процесс выяснения обстоятельств произошедшего из-за необходимости незамедлительно отпустить лицо, обладающее иммунитетом. В этой связи могут быть утрачены важные следы, предметы, доказательства; снижается возможность установления всех обстоятельств произошедшего; снижаются шансы потерпевших на справедливое разбирательство и возмещение ущерба. Все это в совокупности оказывает негативное воздействие на общественное мнение о справедливости и принципе равенства всех перед законом. В этой связи важно стремиться к обеспечению принципа справедливости, что будет способствовать поддержанию нормального взаимодействия органов государственной власти с населением [7, с. 58].

Часто встречающейся ситуацией является факт нарушения лицом, обладающим специальным или особым правовым статусом, правил дорожного движения. Существующие рамки применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к ответственности должностных лиц не позволяют должным образом рассмотреть дело и привлечь лицо к ответственности. Анализ положений статьи 1.4 КоАП РФ свидетельствует о том, что меры обеспечения

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ: текст в редакции от 14 февраля 2024 года // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

производства по данным категориям дел устанавливаются федеральными законами, которые, как было подчеркнуто ранее, не содержат единобразного подхода. Так, например, принятие решения по вопросу привлечения к ответственности по делу об административном правонарушении, совершенным судьей, требует представления Генерального прокурора, которое должно быть утверждено судебной коллегией. Или, например, принятие такого же решения в отношении члена Федерального Собрания требует получения согласия Федерального Собрания на передачу в суд дела об административном правонарушении. Это достаточно затратная по времени процедура, которую невозможно осуществлять по всем выявляющимся фактам.

В этой связи, для поддержания единства правовой материи и принципов ее применения, следует исключить возможности рассматриваемых категорий лиц избегания привлечения к ответственности, злоупотребля своим статусом. Отдельные исследователи предлагают уменьшить количество категорий лиц, на которых распространяется как особый порядок производства по уголовным делам [8, с. 130], так и обладающих иммунитетами от, например, административного задержания [9, с. 46].

Считаем необходимым предусмотреть единобразный подход в привлечении лиц, обладающих специальным и особым статусом к административной и уголовной ответственности, в случае выявления фактов совершения ими правонарушений. Установленный порядок не должен ограничивать действия сотрудников правоохранительных органов по выявлению, сбору и фиксации доказательств. Таким образом, специальный или особый статус лиц не должен препятствовать проведению предварительной проверки по делам об административных правонарушениях и преступлениях.

Согласимся с мнением правоведов в том, что единобразный подход к регламентации особого порядка производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом, позволит выстроить единую систему производства по таким категориям дел [10, с. 83]. Соотнося особенности уголовного и административного производства, считаем целесообразным разработку правового акта о едином перечне лиц, обладающих специальным и особым правовым статусом, включающим в себя регламентацию порядка привлечения их к ответственности (возможно в форме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации или приказа Генпрокуратуры Российской Федерации). При этом важно, чтобы акт включал в себя и определение правового иммунитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мананкова, Р. П. Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1 (7). С. 17–21.
2. Киселевская, Л. Е. Правовое значение особого правового статуса отдельных граждан и иных субъектов прав в гражданском судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 215–218.
3. Дизер, О. А. Административно-правовая охрана общественного порядка и общественной безопасности в условиях формирования цифрового пространства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 63–70.
4. Косицин, И. А., Майле, А. Д., Шевченко, Ю. П. Особенности применения мер административно-правового принуждения в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 235–241.

5. Казаков, А. А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 4 (113). С. 115–123.
6. Дизер, О. А., Филиппов, О. Ю. Мелкое хулиганство: ошибки толкования и применения нормы, предусматривающей ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 140–146.
7. Бучакова, М. А., Дизер, О. А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 58–63.
8. Шаталов, А. С. Специальные субъекты в уголовном судопроизводстве России: порядок уголовного преследования // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 128–138.
9. Хорьков, В. Н. К вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания // Современное право. 2014. № 3. С. 45–49.
10. Ковязина, Е. А., Клевцов К. К. К вопросу о совершенствовании законодательных положений о производстве по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом // Вестник науки и образования. 2018. № 5 (41). С. 82–85.

REFERENCES

1. Manankova, R. P. Special'nyj pravovoij status kak kriterij klassifikacii sub"ektov pravoootnoshenij [Special legal status as a criterion for classifying subjects of legal relations]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice*. 2009, no. 1 (7), pp. 17-21.
2. Kiselevskaya, L. E. Pravovoe znachenie osobogo pravovogo statusa otdel'nyh grazhdan i inyh sub"ektov prav v grazhdanskem sudoproizvodstve [The legal significance of the special legal status of individual citizens and other subjects of rights in civil proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, no. 1, pp. 215-218.
3. Dizer, O. A. Administrativno-pravovaya ochrana obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoj bezopasnosti v usloviyah formirovaniya cifrovogo prostranstva [Administrative and legal protection of public order and public safety in the context of the formation of the digital space]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, no. 3 (89), pp. 63-70.
4. Kositsin, I. A., Maile, A.D., Shevchenko, Yu. P. Osobennosti primeneniya mer administrativno-pravovogo prinuzhdeniya v otnoshenii lic, obladayushchih osobym pravovym statusom [Features of the application of administrative and legal coercion measures against persons with a special legal status]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Tomsk State University*. 2021, no. 470, pp. 235-241.
5. Kazakov, A. A. Disbalans v pravovom regulirovaniyu processual'nyh immunitetov v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [Imbalance in the legal regulation of procedural immunities in the field of criminal proceedings]. *Lex Russica*. 2016, no. 4 (113), pp. 115-123.
6. Dizer, O. A., Filippov, O. Y. Melkoe huliganstvo: oshibki tolkovaniya i primeneniya normy, predusmatriyayushchej otvetstvennost' [Petty hooliganism: errors in the interpretation and application of the norm providing for responsibility]. *Legal science and law enforcement practice – Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika*. 2015, no. 2 (32), pp. 140-146.
7. Buchakova, M. A., Dizer, O. A. Vzaimodejstvie policii i obshchestva [Interaction of police and society]. *Vestnik of Omsk University. Series: Law – Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2015, no. 2 (43), pp. 58-63.
8. Shatalov, A. S. Special'nye sub"ekty v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: poryadok ugolovnogo presledovaniya [Special subjects in criminal proceedings in Russia: the procedure of

criminal prosecution]. Journal of Russian Law - Zhurnal rossijskogo prava 2016, no. 1 (229), pp. 128-138.

9. Khor'kov, V. N. K voprosu o kruge lic, obladayushchih immunitetom ot administrativnogo zaderzhaniya [On the issue of the circle of persons who are immune from administrative detention]. Sovremennoe pravo – Modern law. 2014, no. 3, pp. 45-49.

10. Kovyazina, E. A., Klevtsov K. K. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'nyh polozhenij o proizvodstve po ugolovnym delam v otnoshenii lic, obladayushchih osobym pravovym statusom [On the issue of improving legislative provisions on criminal proceedings against persons with special legal status]. Vestnik nauki i obrazovaniya – Vestnik of Science and Education. 2018, no. 5 (41), pp. 82-85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинова Нина Александровна, заместитель начальника редакционно-издательского отдела – начальник отделения (редакторское отделение). Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Litvinova Nina Alexandrovna, Deputy Head of the Editorial and Publishing Department - Head of the department (editorial department). Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin. 71 Gorky Street, Belgorod, 308024.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 79–91.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 79–91.

**5.1.2. Публично-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 342.4

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.26.007

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВО» И «ВРЕМЯ»
В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ
НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

Нежинская Ксения Сергеевна

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
Российская Федерация, г. Хабаровск, уматно@gmail.com

Введение. Целью исследования стало изучение становления народного представительства в России через призму категориальных понятий «право» и «время». Анализ формирования демократических институтов позволил установить закономерности развития и современные особенности конституционных основ политического режима в Российской Федерации.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, а также научные исследования в сфере формирования и особенностей народного представительства в России. Методологическим фундаментом исследования выступает общий диалектический метод научного познания, а также методы дедукции, анализа, синтеза и другие инструментарии, посредством которых стало возможным изучить и проанализировать закрепление, становление и развитие демократического государства.

Результаты исследования дают по-новому взглянуть на модель российской демократии, сочетающей в себе традиционные, правовые и интерактивные способы объективизации народного волеизъявления. В статье предпринята попытка с помощью ценностно-ориентированного подхода на основе анализа референтов продолжительности и закономерности развития триады «личность, общество, государство» установить сущность и особенности народного представительства в России.

Выводы и заключения. В ходе анализа норм и правоприменительной практики выявлены факторы, оказывающие существенное влияние на становление народного представительства в России, которые могут стать значимым подспорьем не только для анализа действующих форм демократии, но и для прогноза их развития в будущем.

Ключевые слова: конституционная герменевтика, народное представительство, право и время, демократический политический режим, волеизъявление народа

Для цитирования: Нежинская, К. С. Теоретические категории «право» и «время» в конституционно-правовом исследовании народного представительства в России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3. С. 79–91.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.26.007

**5.1.2. Public Law Sciences
(legal sciences)**

Original article

**THEORETICAL CATEGORIES “LAW AND TIME”
IN THE CONSTITUTIONAL LEGAL STUDY
OF PEOPLE’S REPRESENTATION IN RUSSIA**

Ksenia S. Nezhinskaya

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia , Russian Federation,
Khabarovsk, ymatno@gmail.com

Introduction: the purpose of the study was to examine the formation of popular representation in Russia through the prism of categorical concepts of ‘right’ and ‘time’. The analysis of the formation of democratic institutions made it possible to establish the regularities of development and modern features of the constitutional foundations of the political regime in the Russian Federation.

Materials and Methods: the normative basis of the study was formed by the Constitution of the Russian Federation, federal legislation, as well as scientific research in the field of formation and peculiarities of popular representation in Russia. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, as well as the methods of deduction, analysis, synthesis and other tools, through which it became possible to study and analyse the consolidation, formation and development of a democratic state.

The Results of the Study: give a new look at the model of Russian democracy, which combines traditional, legal and interactive ways of objectification of the people's will. The article attempts to establish the essence and peculiarities of popular representation in Russia by means of a value-oriented approach on the basis of analysing the referents of duration and the pattern of development of the triad ‘individual, society, state’.

Findings and Conclusions: during the analysis of norms and law enforcement practice, factors were identified that have a significant impact on the formation of popular representation in Russia, which can become a significant help not only for the analysis of current forms of democracy, but also for forecasting their development in the future.

Keywords: constitutional hermeneutics, popular representation, law and time, democratic political regime, expression of the will of the people

For citation: Nezhinskaya K.S. Teoreticheskie kategorii «pravo i vremya» v konstitucionno-pravovom issledovanii narodnogo predstavitel'stva v Rossii [Theoretical categories “law and time” in the constitutional legal study of people's representation in Russia]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no. 3 (110), pp. 79–91.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.98.26.007

Демократия не является свойством любого общества. Напротив, история человечества свидетельствует о том, что в обществе, как и в природе, определяющим механизмом развития является принцип «выживает сильнейший». Такой порядок присущ всем формам антидемократического режима. В свою очередь демократический правовой

режим – это продукт развития личности и государства, являющийся по своей сути переворотом в естественном для общества порядке. История и современность подтверждают данный тезис как на уровне внутригосударственного развития, так и в глобальном мировом противостоянии. Именно поэтому интерпретация демократических признаков в теории и практике конституционного развития весьма различна и несет в себе огромный научно-исследовательский потенциал. Более того, ряд авторов выделяют конституционную герменевтику и судебный контроль как отдельную проблему демократического развития российского государства [1, с. 268].

Большинство исследований в области юридических наук посвящено прежде всего анализу динамики развития того или иного правового института с целью выявления характерных черт и признаков, которые в будущем окажут существенное положительное воздействие на механизмы прогнозирования и целеполагания как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективах. Соотношение категориальных понятий «право» и «время» имеет фундаментальные основы, позволяющие исследователю взглянуть на все правовые явления комплексно, с учетом системного подхода и четких методологических основ для теоретико-правовых обобщений. В конституционном праве России категории «право» и «время» в основном рассматриваются при анализе действия права во времени и исчислении сроков. Например, А. А. Карташов в своем исследовании раскрывает юридическую модель календарного времени в конституционном праве, которую используют органы публичной власти и должностные лица в регулировании конституционно-правовых отношений [2, с. 27]. Тем не менее еще античные исследователи предлагали исследовать право и время через призму ценностно-ориентированного подхода, на основе анализа референтов продолжительности и закономерности развития триады «личность, общество, государство» [3, с. 180]. В данном контексте примечателен современный концептуологический подход, предлагающий рассматривать правовые явления с точки зрения онтологических временных границ. В основе данного подхода лежит не субстанциональная, а реляционная природа времени, так как именно развитие общественных отношений является фундаментальным выражением содержания права [4, с. 154].

Системообразующее значение для наиболее объективного восприятия подлинного содержания конституционного понятия «демократическое государство», декларированного в ст. 1 Конституции Российской Федерации, невозможно без объективного идеализма Платона и политической философии Аристотеля. Несомненно, учения этих великих мыслителей не просто не утратили свою значимость, но и определили все без исключения политические трактовки данного термина. Так, Платон в своих трудах определял виды правления через характеристику самого государства, при этом отдельным видом «хороших и правильных» выделял «справедливое государство». «Если среди правителей выделится кто-нибудь один, это можно назвать царской властью, если же правителей несколько, тогда это будет аристократия. Все остальные, раз такое государство правильно, я считаю плохими: в них ошибочны и государственное правление, и душевный склад частных людей». В правильных формах государства Платон выделял основные признаки, при изменении которых государство переставало быть справедливым. Примечательно, что именно демократия в неправильном содержательном понимании этой формы, по его мнению, не только приведет общество к несправедливому государству, унижающему права большинства, но и вернет его к первобытному состоянию. Прошли

уже тысячи лет, а его учение является своего рода предсказанием развития всех современных государств, использующих демократию как инструмент удовлетворения интересов небольшой части общества в ущерб всему миру. Именно поэтому исследование конституционных основ демократического политического режима в Российской Федерации с помощью исторического анализа становления конституционализма и представительства в конституционном праве является как никогда актуальным.

Представительство в российской правовой науке достаточно изучено в рамках правовых интерпретаций в частной сфере правоотношений (семейные, гражданские правоотношения, административное и уголовное принуждение). Народное представительство в общественно-политических отношениях и при реализации публичной власти (государственная, общественная и муниципальная власть) имеет свои особенности, продиктованные менталитетом нашего государства и особенностями исторического развития. Именно эти детерминанты послужили предметом настоящего исследования. Выявление факторов, оказывающих существенное влияние на становление народного представительства в России, станет значимым подспорьем не только для анализа действующих форм демократии, но и для прогноза их развития в будущем.

Термин «народное представительство» достаточно изучен не только в правовой науке, но и в теории конституционного права. Тем не менее, значение данного термина напрямую зависело и зависит не только от научных подходов, но и от конкретной формы государства на том или ином этапе развития. Идея «народного представительства» является одной из фундаментальных форм воззрений русского народа и берет свое начало еще в общинной организации политического строя нашего народа [5, с. 166]. Детерминантами развития «народного представительства» являются:

- во-первых, необходимость участия народа в управлении государством;
- во-вторых, непосредственное взаимодействие между органами государственной власти и институтами гражданского общества;
- в-третьих, понимание права как совокупности правовых регуляторов, направленных на достижение компромисса интересов триады «личность, общество, государство», верховенства закона как выражения общей воли, направленной на достижение общего блага;
- в-четвертых, реализация народного суверенитета в рамках любой формы правления является единственным принципом, раскрывающим истинное содержание демократического политического режима.

Традиции вечевого строя, осуществление, делегирование полномочий в рамках деятельности Вече, Народного Собрания – все это указывает современникам на процессы формирования демократических принципов управления обществом в России намного раньше, чем в других странах. Согласно историко-правовым исследованиям, сохранившимся до наших дней, верховная власть в данных органах сохранялась независимо от формы правления, от того, кем управлялась земля – князем или выборным начальником. Все члены общины обладали равным правом голоса, независимо от имущественного и сословного положения. Таким образом, создаваемые органом правила поведения не только имели общеобязательную силу, но и отражали интересы большинства членов общины. Абсолютная власть монарха должна опираться и учитывать интересы многих, только тогда она будет во имя общего блага. Именно эта идея и лежит в основе формирования сословно-представительных органов и народного представительства той

эпохи становления российской государственности. При этом «народное представительство» на Руси имеет свои, отличные от западноевропейских культур, особенности, продиктованные, как говорилось выше, историческими, ментальными, традиционными, культурными и иными особенностями развития нашего государства. Ограничение монархической власти сословно-представительными органами происходило не в порядке конкурирования, как на Западе, а в силу объективной подчиненности. Поэтому публично-правовые связи представительного органа с царем основывались не на праве, а на обязанности владеть информацией о положении дел на своей территории, а также о мнении народа по обсуждаемому вопросу. Екатерина II по этому поводу говорила, что каждый чиновник должен знать «народное умонаследование», иначе формирование эффективного централизованного управления будет невозможно.

Таким образом, народное представительство возникло в результате столкновения заложенных еще в общинном строе идей народного суверенитета и монархической формы правления. Примечательно, что для нашего государства этот процесс не является столкновением интересов воли монарха и народа. Представительные органы в России, реализуя свои функции, никогда не пытались составить конкуренцию монарху или ослабить его власть, а наоборот осуществляли тесное взаимодействия главы государства с территориями («идея долга царя как блюстителя общеноародного блага», «идея если не юридической, то нравственной его ответственности не только перед Богом, но и перед землей» (В. О. Ключевский)). «Здравый смысл говорил: власть не может быть сама по себе ни целью, ни оправданием и становится непонятной, когда она перестает исполнять свое предназначение – служить народному благу. Поэтому государю-самодержцу необходимо иметь «советы» по делам управления, крепить дружбу и единомыслие князей, бояр и воевод, помогающих государям в управлении, заботиться о подданных в духе человеколюбия и правосудия, справедливости и милости, противостояния беззаконию. Государь, получив в управление царство, должен быть достоин сего, «ибо царь есть одушевленный, то есть живой образ Божий» [6, с. 45].

Еще одной особенностью зарождения «народного представительства» в нашем государстве является отношение народа к государю, его обожествление, продиктованное установлением христианства и влиянием традиционных ценностей, свойственных нашей культуре и менталитету. Народ никогда не поддерживал идеи ограничения власти монарха. Как верно цитирует русский историк Г. П. Федотов, «царю вся полнота власти, а боярам, придет время, отольются народные слезы» [7, с. 38]. Народ мог выступать за смену царя, но не за смену формы правления. Народная пословица того времени ярко раскрывает нам данный тезис «Лучше грозный царь, чем семибоярщина».

Самобытность «народного представительства» на Руси сменилась новым видением великого самодержца Петра Великого на государственное устройство и место и роль в нем монарха. «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответ дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [8, с. 10]. Реформы Петра I не только разорвали многовековой, самобытный, органически связанный с традиционным укладом российского общества механизм реализации народного суверенитета, но и сопровождались сменой традиционных форм развития общества. Каждый член общества должен служить общему благу, которое в свою очередь является выражением воли самого монарха. Абсолютизм в России получает свое теоретическое

обоснование. Идея божественного происхождения власти дополняется ее сословным происхождением и закреплением в нормативно-правовых актах того времени (Воинский артикул, Табель о рангах, Указ о престолонаследии и другие). В этом контексте примечательно, что отказ от созыва Земских Соборов не только не замедлил процесс развития народного представительства в ту эпоху, но и открыл дорогу совершенно новому, нециальному ни одному государственному строю того времени механизму государственно-правового строительства, основанному не на сословных и имущественных различиях, а на верной службе своему императору и государству.

Просвещенный абсолютизм Екатерины II дополнил концепцию Петра I идеями Ш. Монtesкье о законности и разумности самодержавия для государства со столь обширной территорией. Образованная императрицей в 1767 году законодательная комиссия, состоявшая из представителей практически всех сословий (Уложенная комиссия), закрепила начала бюрократической монархии, которая выражается через управление государством императором с помощью профессиональных чиновников (подход, отличный от взглядов Ш. Монtesкье). Заложенный Петром Великим механизм движения по сословной лестнице в правление Екатерины II был видоизменен. Сохраняя возможность участия в управлении делами государства, дворяне фактически отстранялись от этой функции, управляя своими крепостными, – они передали рычаги управления разночинцам. «Дворяне перестали нести – осознавать на своих плечах – тяжесть Империи». Таким образом, процесс бюрократизации управления освободил дворян от обязательной службы государству. Изложенные изменения дали возможность для проведения нового витка реформ, касающихся формирования эффективного механизма управления на местах и развития демократических институтов. Так, одной из эффективных мер государственного управления стала проведенная реформа административно-территориального деления, которая укрепила власть дворянства на местах. «Впервые в российском законодательстве появился документ, определивший деятельность местных органов государственного управления и суда» [9, с. 72].

Развитие политico-правовой мысли изученных периодов свидетельствует о формировании идей сословного равенства, непосредственного участия в управлении делами государства, незыблемости монархического уклада и верховенстве закона. Эти идеи стали фундаментом теоретических основ идеологических учений о направлениях развития государства – славянофилов и западников.

Государственные реформы XIX века выводят народное представительство в практическую плоскость, закладывая конституционные основы деятельности монархической власти. Реформы, проведенные Александром I и Александром II, предусматривали активное участие представителей практически всех сословий в законотворческом процессе. Более того, стоит согласиться с мнением О. Ю. Рыбакова, который в своем исследовании указывает, что дополнительным импульсом развития «народного представительства» стали городская и земская реформа, в результате которых в управление государством привлекались все большее количество народов и культур [10, с. 90]. Именно развитие институтов местного самоуправления стало существенным фактором, изменившим устоявшуюся систему централизованного управления монархического государства, привнеся в нее действенные демократические рычаги публично-правовых связей местной власти с государственным аппаратом. Со временем Московского государства реформирование местной власти основывалось прежде всего на

самобытности проживавшего на ее территориях народа, его национальных и традиционных особенностях.

Примечательно в данном контексте, что современная конституционно-правовая мысль не только закрепляет тесную взаимосвязь между «народным представительством» и развитием местного самоуправления, но и указывает на невозможность развития демократического государства без формирования институтов гражданского общества. И местное самоуправление в процессе формирования тесных связей между государством и собственными гражданами играет, безусловно, определяющую роль, закладывая мощные основы формирования публичной власти на местах. Уместно в данном случае знаменитое высказывание А. Токвиля, что «без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свободы она так и не приобретет» [11, с. 65].

Именно первая Государственная дума России явилась результатом борьбы общественных сил, которые зародились в земском движении. Основными идеями были уравнивание в избирательных правах всех групп населения при выборе земств, введение волостной единицы как связующего звена между крестьянской общиной и губернскими земствами, отделение земств от государственной власти, расширение деятельности суда присяжных заседателей. Так формирование политических взглядов, нового класса заложило основу теоретико-правовых исследований «народного представительства», а идеи земского движения были реализованы Временным Правительством в 1917 году.

С. А. Авакян видит становление теории «народного представительства» в трудах Б. Н. Чичерина «О народном представительстве» [12, с. 185], которые заложили основы формирования конституционно-правовой теории, раскрывающей как представительство в целом, так и народное представительство в частности [13].

Таким образом, новый виток развития идей «народного представительства» через становление местного самоуправления, как показала российская история, стал неизбежным этапом в формировании современного демократического государства, несмотря на то, что многие общественные и государственные деятели очень скептично относились к этим процессам. Например, С. Ю. Витте полагал, что развитие самоуправления в монархическом государстве возможно только при отсутствии у него административных функций, иначе развитие власти на местах неизбежно приведет к революции – «конституция снизу, которая рано или поздно приведет к «конституции сверху» [14, с. 51]. Но были и те, кто не только придерживался взглядов становления земщины, но и видел в ней действенный механизм разрешения многих государственных функций. Так, П. А. Столыпин не только не отрицал необходимость становления местного самоуправления, но и полагал, что новая форма власти только укрепит государственную власть – «это развитие дарованного Государем стране законодательного, нового представительного строя, который должен придать новую силу и новый блеск Царской Верховной власти» [15, с. 91].

История становления конституционно-правовых основ «народного представительства» была бы куцей без рассмотрения советского этапа развития народовластия. Стоит отметить, что эпоха становления и развития советского государства и права изначально, как указывает в своем исследовании П. А. Астафьев [5], была «народной». Пришедшие к власти большевики трансформировали идею народного суверенитета в идею диктатуры пролетариата. Таким образом, суверенитет принадлежал

народу, но при этом учитывал социально-классовый подход к конституционной институционализации публичной власти на всех ее уровнях.

Примечательно, что принцип «народного представительства» отсутствовал в советских конституциях вплоть до 1977 года. Содержание указанного принципа включало в себя реализацию императивного мандата идеологически оформленных социальных классов, но не форму реализации всеобщего права советских граждан, так как конституционно отрицаемые классы его лишились. «Лишеннность сознания прав личности и ее достоинства» по причине «инертности консерватизма» [16, с. 14] – в этом Н. А. Бердяев видел отличие советской модели «народного представительства» от западноевропейской конституционно-правовой культуры. Марксистско-ленинский подход рассматривал формирование представительных органов власти на основе классовой структуры общества. Данные органы выполняли законотворческие и исполнительно-распорядительные функции. Идеологизированная система Советов несла в себе всеобъемлющий контроль со стороны вышестоящих органов власти, партии и народа. Результатом построения эффективного механизма институционализации органов публичной власти стало вовлечение в управление государством широких масс населения. Советский «демократизм» стал лучшей формой подготовки профессиональных управленцев, а механизм народного и партийного контроля способствовал воспитанию кадрового резерва на собственном опыте. Стоит отметить также положительный опыт разрешения национального вопроса, без которого построение эффективного «народного представительства» во всех сферах публичной власти невозможно ни в одном государстве. Опыт создания первого в мире высшего органа государственной власти, построенного по национальному принципу, – Совета Национальностей в составе Верховного Совета СССР – позволил учитывать интересы проживающих на территории советского государства национальностей [17, с. 47].

Отрицательными сторонами отлаженного механизма построения, развития и реализации «народного представительства» стало, по мнению В. М. Серых, отрицание влияния конкретно-исторических и экономических факторов на объективные процессы, происходящие в государстве [18, с. 147].

Трагические события октября 1993 года, явившиеся следствием глубоко политического кризиса, поставили вопрос о законности действий Президента Российской Федерации, связанных с роспуском высших органов государственной власти, а именно Верховного Совета Российской Федерации, Съезда народных депутатов Российской Федерации, Советов в регионах и на местах. В нарушение действующей Конституции, глава государства назначает всенародное голосование по проекту новой Конституции Российской Федерации, опубликованному в газете «Российские вести». Нарушение конституционного порядка обосновывалось заложенным в международной правовой доктрине правом нации на самоопределение. «Народ – высший носитель суверенитета», – декларировалось в газете вместе с текстом новой Конституции. Высшим носителем суверенитета в демократическом государстве является народ. Воля народа, выраженная на выборах и референдуме, составляет правовую основу нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, которые были изданы в сентябре и октябре 1993 г. Действующая в то время Конституция Российской Федерации декларировала принадлежность власти народу. Народ свободно выражал свою волю: на выборах первого

Президента Российской Федерации в 1991 г., на общероссийском референдуме «О доверии Президенту и поддержке его политики» в апреле 1993 г.

Статус представительных органов власти определялся негативной окраской деятельности Советов, их псевдодемократической формой и содержанием. «Советы – это иллюзорная форма власти», обладающая верховенством власти, подрывающая демократические принципы разделения властей, ущемляющая в правах исполнительную власть. Таким образом, проведение в России правовой реформы невозможно по причине всевластвия Советов.

Эти факторы явились основанием решения Президента Российской Федерации о роспуске Советов. При этом сам глава государства объяснял свое решение не целью узурпации власти в своих руках, а появлением возможности у народа свободно выразить свою волю на выборах в формируемые представительные органы власти. «Без этих действий Президента, – утверждали авторы Комментария МИД России, – были бы растоптаны фундаментальные основы Конституции (принципы народовластия и разделения властей), похоронена экономическая реформа, поставлено под угрозу сохранение единства и целостности Российской Федерации» [19, с. 8].

Из вышесказанного напрашивается логический вывод о том, что идея «народного представительства» использовалась прежде всего как политическое оружие во взаимной борьбе осенью 1993 г. высших властных структур России. Более того, идея народного суверенитета, декларируемая с текстом новой конституции, не нашла своего отражения по результатам референдума, согласно которому большинство российского народа проголосовали против досрочного прекращения полномочий действующего Президента Российской Федерации и народных депутатов Российской Федерации. События того года сложно подвести под легитимную правовую основу в рамках существовавшего в то время конституционно-правового порядка. Выраженная на голосовании по проекту новой Конституции Российской Федерации воля народа легитимировала происходящие реформы публичной власти в нашем государстве, осуществлявшиеся под лозунгом обеспечения подлинного «народовластия» столь радикальным путем.

Конституция Российской Федерации 1993 года в статье 3 декларирует «народный суверенитет», провозглашая, что именно народ является носителем суверенитета и единственным источником власти. Выступая в качестве основополагающего принципа организации власти в государстве, он порождает политические и правовые формы реализации, выражая тем самым юридически значимые требования к организации и осуществлению власти. Любое осуществление и использование публично-властных полномочий нуждается в легитимации, и источником должен быть только народ. «Однажды легитимированная власть не может стать автономной, она постоянно и конкретно должна быть связана с народной волей и нести ответственность перед народом» [20, с. 35]. Исходя из этого, принцип «народного представительства» в организации и развитии демократических начал институционализации публичной власти является основополагающим и предопределяет вектор развития современного российского общества. Более того, он является универсальным принципом, которому не страшны никакие преобразования в государстве и обществе, продиктованные уровнем развития современной инфокоммуникационной среды.

Примером таких преобразований сегодня является электронная демократия. Уровень правовой культуры российских граждан, их гражданская активность

предопределили постепенное внедрение в практику государственно-правового строительства таких институтов, сопутствуя традиционным институтам демократии, усиливая участие граждан в политической жизни общества. Сегодня перед конституционно-правовой наукой встает вопрос о поиске конституционно-правовых основ электронной демократии, форм и методов ее внедрения в современный избирательный, правотворческий и другие процессы.

Более того, многие ученые предлагают рассматривать электронную демократию не с позиции прикладного характера к типичным демократическим формам осуществления народовластия, а как инновационную, органическую демократическую модель, отвечающую запросам информационного общества. В вопросах, требующих оперативного властного решения, она может стать единственным эффективным конструктивным механизмом выражения воли народа [21, с. 14].

Таким образом, рассматривая темпоральные категории права и времени в их развитии на основе становления институтов «народного представительства» в России, мы приходим к выводу о том, что истинное народовластие возможно только при истинном содержании этого термина и при учете динамичности демократического процесса в сочетании баланса интересов триады «личность, общество и государство».

«В этом смысле мы говорим о сложившейся в современной России синтетической модели демократии, сочетающей традиционные и интерактивные способы объективизации народного волеизъявления» [22, с. 37].

Закончить свое исследование хотелось бы словами выдающегося русского дореволюционного ученого П. И. Новгородцева, автора фундаментальной работы «Об общественном идеале». В своей последней, уже посмертной, статье, написанной в эмиграции в июне 1923 г., он приходит к выводу: «Не политические партии спасут Россию, ее воскресит воспрянувший к свету вечных святынь народный дух». «Должен образоваться, – писал ученый, – крепкий духовный стержень жизни, на котором все будет держаться, как на органической своей основе» [23, с. 415].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). Москва – Новосибирск : ООО «Издательство ЮКЭА», 2001. 360 с.
2. Карташов, А. А. Конституционно-правовые сроки понятие, виды, порядок исчисления // Современное право. 2008. № 1. С. 26–31.
3. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М., 1976–1983 (Политика, 1295б) 507 с.
4. Догадайло, Е. Ю. Философско-логические основы анализа темпоральных связей в правовой системе // Научные труды. Российской академия юридических наук. В 2 т. Т. 1. М. : Издательская группа «Юрист». 2011. Вып. 11. 1448 с.
5. Астафичев, П. А. Институт народного представительства в российском праве: специфика становления и основные этапы развития в советской государственно-правовой системе // Вестник Волгоградской академии МВД России : науч.-метод. журн. : электр. версия. 2021. № 2 (57). С. 166–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-narodnogo-predstavitelstva-v-rossiyskom-prave-spetsifikasi-stanovleniya-i-osnovnye-etapy-razvitiya-v-sovetskoy> (дата обращения: 18.12.2023).
6. Максим Грек. Сочинения. Т. 2. М. : Индрик, 2014. 430 с.

7. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: В 2 т. / сост., вступ. ст., с. 3-38, примеч. Бойкова В. Ф. СПб. : София, 1991. 350 с.
8. Шворина, Т. Воинские артикулы Петра I / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. М. Исаева. М. : 1940. 64 с.
9. Исаев, И. А. История государства и права России. М., 1996. 800 с.
10. Стратегии правового развития России : монография / коллектив авторов; под ред. О. Ю. Рыбакова. М. : Юстиция, 2015. 624 с.
11. Токвиль, А. Старый порядок и революция / пер. с фр. М. Федоровой. М. : Моск. философ. фонд, 1997. 252 с.
12. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. 553 с.
13. Авакян, С. А. Представительство в Конституционном праве: вопросы теории и практики : монография. М. : Юстицинформ, 2022. 484 с.
14. Ананьевич, Б. В., Ганелин, Р. Ш. С. Ю. Витте и его время. СПб., 1999. 438 с.
15. Столыпин, П. А. «Нам нужна великкая Россия...» : полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906–1911 гг. / предисл. К. Ф. Шацилло; сост. Ю. Г. Фельштинский. М. : Молодая гвардия, 1991. 410 с.
16. Бердяев, Н. А. Судьба России. М. : Издание Г. А. Лемана и С. А. Сахарова, 1918. 240 с.
17. Рассказов, М. А. Марксистско-ленинская теория народного представительства: обоснованно ли Советы преданы забвению? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 11. С. 45–49.
18. Сырых, В. М. Материалистическая теория права. Избранное. М. : РАП, 2011. 419 с.
19. Алексеев, Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Российский социально-гуманитарный журнал : сетевое науч. изд. 2021. № 1. С. 8–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-istoriya-popravok> (дата обращения: 18.12.2023).
20. Государственное право Германии : сокращенный перевод немецкого семитомного издания : в 2 т. / Российская акад. наук, Ин-т гос. и права; редкол.: Б. Н. Топорнин (отв. ред.), Б. М. Лазарев, Ю. П. Урьяс. М. : ИГПАН, 1994. 311 с.
21. Овсепян, Ж. И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований // Журнал российского права : науч. журн. : электрон. версия. 2017. № 2. С. 14–30. URL: <https://znanium.ru/read?id=128182&pagenum=14> (дата обращения: 18.12.2023).
22. Лолаева, А. С. Электронная демократия в России: юридическая форма и доктринальная интерпретация // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 4 С. 37–47.
23. Государственная дума Российской империи, 1906–1917 : Энциклопедия. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 415–416.

REFERENCES

1. Kravets I.A. Formirovanie rossijskogo konstitucionalizma (problemy teorii i praktiki) [Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice)]. Moscow - Novosibirsk: OOO «Izdatel'stvo YUKEA» – LLC Publishing House UKEA. 2001.-360p.
2. Kartashov A. A. Konstitucionno-pravovye sroki ponyatiye, vidy, poryadok ischisleniya

[Constitutional and legal terms concept, types, order of calculation]. Sovremennoe pravo – Modern Law. 2008. No. 1. pp. 26-31.

3. Aristotle. Sobranie sochinenij [Collected works: in 4 volumes]. T. 4. M., 1976–1983 (Politics, 1295b) P. 507.

4. Dogadailo E.Yu. Filosofsko-logicheskie osnovy analiza temporal'nyh svyazej v pravovoij sisteme [Philosophical and logical foundations for the analysis of temporal connections in the legal system]. Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk. v 2 tomah. Tom 1 M.: Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences. in 2 volumes. Volume 1 M.: Izdatel'skaya gruppa «YUrist» – Publishing group "Lawyer". 2011, No. 11,1448 pp.

5. Astafichev P.A. Institut narodnogo predstavitel'stva v rossijskom prave: specifika stanovleniya i osnovnye etapy razvitiya v sovetskoy gosudarstvenno-pravovoij sisteme [The Institute of People's Representation in Russian Law: the specifics of its formation and the main stages of development in the Soviet state legal system]. Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii – Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021, no. 2 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-narodnogo-predstavitelstva-v-rossijskom-prave-spetsifika-stanovleniya-i-osnovnye-etapy-razvitiya-v-sovetskoy> (access date: 12/18/2023).

6. Maxim Grek, prep. Sochineniya [teacher. Essays]. T. 2. M. Indrik – Indrik. 2014, 430 p.

7. Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii [Fate and sins of Russia]. St. Petersburg. Sofiya – Sofia, 1991, 350 p.

8. Shvorina T. Voinskie artikuly Petra I [Military articles of Peter I]. M. 1940, 64 p.

9. Isaev I. A. Iстория gosudarstva i prava Rossii [History of the state and law of Russia]. M. 1996, 800 p.

10. Rybakova O. Yu. Strategii pravovogo razvitiya Rossii [Strategies for the legal development of Russia]. M. YUsticiya – Justice. 2015, 624 p.

11. Tocqueville A. The Old Order and Revolution / trans. from fr. M. Fedorova. – M.: Moscow. Philosophical Foundation, 1997, 252 p.

12. Chicherin B.N. O narodnom predstavitel'stve [About people's representation]. M. 1866, 553 p.

13. Avakyan S.A. Predstavitel'stvo v Konstitucionnom prave: voprosy teorii i praktiki [Representation in Constitutional Law: Issues of Theory and Practice]. Monograph. M. YUsticinform – Justitsinform. 2022, pp. 4-6.

14. Ananich B.V., Ganelin R.Sh. S.Yu. Vitte i ego vremya [Witte and his time]. St. Petersburg. 1999, 438 p.

15. Stolypin P.A. Nam nuzhna velikaya Rossiya...»: Polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj Dume i Gosudarstvennom Sovete, 1906–1911 gg. / Predisl. K.F. SHacillo; sost. YU.G. Fel'shtinskij [We need a great Russia...»: Complete collection of speeches in the State Duma and State Council, 1906–1911. / Preface K.F. Shatsillo; comp. SOUTH. Felshtinsky]. M. Molodaya gvardiya – Young Guard 1991. -410 p.

16. Berdyaev N. Sud'ba Rossii [The fate of Russia]. Moscow. 1918, 240 p.

17. Rasskazov M. A. Marksistsko-leninskaya teoriya narodnogo predstavitel'stva: obosnovanno li Sovety predany zabveniyu [Marxist-Leninist theory of popular representation: are the Soviets rightly consigned to oblivion]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law. 2012, no. 11, pp. 45-49.

18. Syrykh V. M. Materialisticheskaya teoriya prava: Izbrannoe [Materialistic theory of law: Favorites]. M. RAP, 2011, 419 p.
19. Alekseev R. A. Konstituciya RF istoriya popravok [Constitution of the Russian Federation, history of amendments]. Rossijskij social'no-gumanitarnyj zhurnal – Russian Social and Humanitarian Journal. 2021, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-rossiyskoy-federatsii-istoriya-popravok> (access date: 12/18/2023).
20. Topornin B. N. (ed.), Lazarev B. M., Uryas Yu. P. Gosudarstvennoe pravo Germanii: sokrashchennyj perevod nemeckogo semitomnogo izdaniya: [v 2 t.] [State Law of Germany: an abridged translation of the German seven-volume edition. Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law. Moscow, 1994, 311 p.
21. Kabyshev V.T., Pryakhina T.M. Teoreticheskie problemy rossijskogo konstitucionalizma [Theoretical problems of Russian constitutionalism]. Vestnik SGAP –SGAP Vestnik. 1995, no. 2, pp. 31-41.
22. Lolaeva A. S. Elektronnaya demokratiya v Rossii: yuridicheskaya forma i doktrinal'naya interpretaciya [Electronic democracy in Russia: legal form and doctrinal interpretation]. ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2023, vol. 27, no. 4, pp. 37-47.
23. Gosudarstvennaya duma Rossijskoj imperii, 1906-1917 : Enciklopediya [State Duma of the Russian Empire, 1906-1917: Encyclopedia]. M. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya – Russian Political Encyclopedia. 2008. pp. 415-416.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нежинская Ксения Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин. Дальневосточный юридический институт МВД России, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д.15.

ORCID: 0000-0002-1177-1455

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nezhinskaya Ksenia Sergeevna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 680020, Khabarovsk, trans. Barracks, 15.

ORCID: 0000-0002-1177-1455

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 92–103.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 92–103.

5.1.2. Публично-правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.26.95.008

ЗАПРЕТ ДЕМОНСТРИРОВАНИЯ НАЦИСТСКОЙ СИМВОЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Шашуро Сергей Владимирович¹, Шарутенко Вадим Николаевич²

^{1,2}Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Российская Федерация, Белгород

¹shsh@list.ru

²sharutenko.v@mail.ru

Введение. В статье авторы рассматривают положения российского законодательства, регулирующие запрет сопряженного с пропагандой демонстрирования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Авторы обращают внимание на несовершенство правового регулирования и имеющиеся пробелы законодательства, которые влекут принятие правоприменителем спорных решений.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили законы, нормативные акты Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти Российской Федерации. В исследовании применялись общенаучные методы (анализ, синтез, исторический), частнонаучные (сравнительно-правовой) и специальные (формально-юридический).

Результаты исследования. Анализируя положения ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», авторы обращают внимание на недостатки правовых норм о запрете демонстрирования нацистской атрибутики и символики. По мнению авторов, данные недостатки обусловлены отсутствием юридического определения понятий «нацизм» и «фашизм» в отечественном законодательстве, недостаточной проработкой нормативно-правового закрепления перечня объектов, отнесенных к нацистской и фашистской атрибутике и символике. Кроме того, авторы предлагают внести изменения в данный Закон и в Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2015 г. № 574 с целью уточнения правил формирования перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 названного Закона, а также атрибутики и символики этих организаций. Это необходимо для включения в перечень тех организаций (групп), которые признаны преступными приговором Нюрнбергского трибунала, но в настоящее время не перечислены в частях 3 и 4 статьи 6 рассматриваемого Закона.

Выводы и заключения. Реализация предложенных мер, по мнению авторов, повысит эффективность борьбы с проявлениями экстремизма, выражющимися в пропаганде и публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской до степени смешения.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, атрибутика, символика, демонстрирование нацистской атрибутики и символики

Для цитирования: Шашуро, С. В., Шарутенко, В. Н. Запрет демонстрирования нацистской символики: проблемы правовой регламентации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 92–103.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.26.95.008

5.1.2. Public Law Sciences (legal sciences)

Original article

PROHIBITION OF NAZI SYMBOLS DEMONSTRATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Sergey V. Shashuro¹, Vadim N. Sharutenko²

^{1,2}Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation

¹shsh@list.ru

²sharutenko.v@mail.ru

Introduction. In the article the authors consider the provisions of Russian legislation regulating the prohibition of demonstration of Nazi paraphernalia or symbols or paraphernalia or symbols that are confusingly similar to Nazi paraphernalia or symbols. The authors draw attention to the imperfection of legal regulation and existing gaps in the legislation, which lead to controversial decisions by the law enforcer.

Materials and Methods. The normative base of the study was made up of laws, normative acts of the Government of the Russian Federation and executive authorities of the Russian Federation. The study used general scientific methods (analysis, synthesis, historical), private-scientific (comparative-legal) and special (formal-legal) methods.

The Results of the Study. Analysing the provisions of Article 6 of the Federal Law of 19 May 1995 No. 80-FZ ‘On Commemorating the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945’, the authors draw attention to the shortcomings of legal norms on the prohibition of displaying Nazi attributes and symbols. According to the authors, these shortcomings are due to the lack of a legal definition of the concepts of ‘Nazism’ and ‘fascism’ in domestic legislation, insufficient elaboration of the normative-legal consolidation of the list of objects classified as Nazi and fascist paraphernalia and symbols. In addition, the authors propose to amend this Law and the Decree of the Government of the Russian Federation of 11 June 2015 No. 574 in order to clarify the rules for the formation of the list of organisations specified in parts three and four of Article 6 of the said Law, as well as the paraphernalia and symbols of these organisations. This is necessary in order to include in the list those organisations (groups) that

were found criminal by the verdict of the Nuremberg Tribunal but are not currently listed in parts 3 and 4 of Article 6 of the Law in question.

Findings and Conclusions. Implementation of the proposed measures, according to the authors, will increase the effectiveness of the fight against manifestations of extremism expressed in the propaganda and public display of Nazi attributes or symbols or attributes or symbols confusingly similar to Nazi attributes or symbols.

Keywords: fascism, Nazism, paraphernalia, symbols, display of Nazi paraphernalia and symbols

For citation: Shashuro S.V., Sharutenko V.N. Zapret demonstrirovaniya nacistskoj simvoliki: problemy pravovoj reglamentacii [Prohibition of nazi symbols demonstration: problems of legal regulation]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no. 3 (110), pp. 92–103.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.26.95.008

Статьей 29 Конституции Российской Федерации²⁴ каждому гарантируется свобода мысли и слова. При этом не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Таким образом, Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому свободу мысли и слова, вместе с тем запрещает злоупотребление свободой слова, если это нарушает права других граждан.

Статьей 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»²⁵ (далее – Закон № 80-ФЗ) установлен запрет на использование в любой форме нацистской символики, включая демонстрирование такой символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах. Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²⁶ (далее – Закон № 114-ФЗ) установлено, что экстремистская деятельность (экстремизм) включает в себя пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения. Согласно Закону № 114-ФЗ, за осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, должностные и

²⁴ Российская Федерация. Конституция : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 20.03.2024).

²⁵ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федер. закон № 80-ФЗ : принят Гос. Думой 19 апреля 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/ (дата обращения: 20.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

²⁶ О противодействии экстремистской деятельности : Федер. закон № 114-ФЗ : принят Гос. Думой 27 июня 2002 года : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года : послед. ред. // «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 20.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

юридические лица несут ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

За совершение указанных действий статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁷ (далее – КоАП РФ) установлена административная ответственность. Совершение этих деяний лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 КоАП РФ, влечет наказание, предусмотренное ст. 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации²⁸.

Необходимо отметить, что действия, выразившиеся в демонстрировании нацистской атрибутики и символики, а также ее изготовлении и обороте, могут быть квалифицированы как административные правонарушения, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 20.3 КоАП РФ, лишь в случаях, если они направлены на пропаганду такой атрибутики и символики. При этом не влекут административной ответственности такие действия, если они совершены в целях, не связанных с пропагандой нацистской атрибутики и символики, включая в частности научные исследования, художественное творчество, подготовку других материалов, осуждающих нацизм либо излагающих исторические события.

В юридической литературе довольно подробно рассмотрены вопросы, связанные с недостаточной проработкой юридической конструкции ст. 20.3 КоАП РФ, которая в свою очередь влечет правовую неопределенность и ведет к увеличению вариативности решений правоприменителя. Эту тему в своих работах поднимают Е. И. Галяшина и М. Л. Подкатилина [1], П. В. Пошелов [2], К. Д. Рыдченко [3], Е. В. Сальников [4], С. П. Сенчихин [5] и другие исследователи. Так, рассматривая диспозицию ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в одной из своих работ, П. В. Пошелов отмечает, что «союз «либо» между словами «демонстрация» и «пропаганда» дает понять, что для осуждения достаточно хотя бы одного из этих действий» [6]. По мнению Н. Н. Нагорного, такая трактовка правовой нормы «может привести к принятию несправедливых решений, так как публичное демонстрирование – это один из признаков пропаганды, а не самостоятельный элемент правонарушения» [7, с. 55].

Нам же хотелось бы на основе анализа ст. 6 Закона № 80-ФЗ выявить значимые, на наш взгляд, недостатки правового регулирования демонстрирования запрещенной атрибутики и символики, выработать рекомендации, направленные на совершенствование законодательства в этой сфере. Анализ данной нормы позволяет выявить ряд пробелов, которые могут повлечь (и зачастую влекут) принятие правоприменителем спорных решений.

1. Отсутствие юридического определения понятий «нацизм» и «фашизм» в отечественном законодательстве.

²⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.03.2024).

²⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.03.2024).

Статья 6 Закона носит название «Борьба с проявлениями фашизма» и определяет эту борьбу важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации. Вместе с тем в части второй этой статьи речь идет о запрете использования, пропаганды либо публичного демонстрирования не фашистской, а нацистской атрибутики или символики. При этом фашистская атрибутика вообще не упоминается. Случайна ли такая замена? Является ли подобная юридическая конструкция продуманной, или законодатель не отличает смысловой нагрузки понятий «фашизм» и «нацизм», – попробуем разобраться.

Термин «фашизм», начиная с 30-х годов XX в., используется в узком и в широком смыслах. Узкая трактовка неразрывно связана с итальянским фашизмом, ассоциирующимся прежде всего с именем Бенито Муссолини. В широком смысле под фашизмом изначально было принято понимать все родственные итальянскому образцу политические режимы, близкие ему в теоретическом и практическом выражении.

Термин же «нацизм» изначально применяли для обозначения фашистской по своей природе национал-социалистической идеологии и политического режима в гитлеровской Германии. Нельзя не согласиться с мнением В. Г. Кикнадзе и Н. В. Илиевского, которые считают, что с исторической точки зрения, «нацизм – это немецкий фашизм, обретший государственную форму в 1933–1945 годах» [8].

Как указывает К. В. Шевелева, «понятия «нацизм» и «фашизм» имеют общие начала и сходства по характерным признакам, однако как общественные явления их... необходимо разграничивать в силу адекватного и эффективного правоприменения» [9, с. 80].

Ранее в Российской Федерации предпринимались попытки законодательного определения понятия «фашизм». Так, Указом Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»²⁹ Российской академии наук предписывалось представить научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство. Однако достоверной информации о результатах работы РАН по научному разъяснению понятия «фашизм» не имеется. Определение понятия «фашизм» содержалось в проекте Федерального закона «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации»³⁰, который был отклонен Правовым управлением Аппарата Государственной Думы из-за юридической неточности определений и впоследствии снят с рассмотрения Государственной Думы. Отсутствие юридического закрепления понятий «нацизм» и «фашизм» в законодательстве Российской Федерации,

²⁹ О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года № 310 : ред. от 03.11.2004 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6091/ (дата обращения: 22.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³⁰ О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации : Законопроект № 99041517-2 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99041517-2> (дата обращения: 22.03.2024).

на наш взгляд, не способствует эффективной правоприменительной деятельности и, более того, недопустимо расширяет рамки правоприменительного усмотрения.

2. Недостаточно проработанное нормативно-правовое закрепление перечня объектов, отнесенных к нацистской и фашистской атрибутике и символике.

Буквальное толкование действующего законодательства позволяет утверждать, что в настоящее время запрет распространяется на сопряженное с пропагандой демонстрирование лишь нацистской атрибутики и символики Третьего рейха, а атрибутика и символика иных фашистских режимов в законе не поименована. В действовавшем до принятия КоАП РФ и Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»³¹ Законе г. Москвы от 15 января 1997 г. № 1 «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы»³² под нацистской символикой понимались знамена, значки, атрибуты униформы, приветствия и пароли, представляющие собой воспроизведение в любой форме соответствующей символики, использовавшейся Национал-социалистической рабочей партией Германии и фашистской партией Италии: свастики и других отличительных знаков государственных, военных и других структур, признанных преступными Нюрнбергским международным трибуналом, фасций, приветственных жестов и т. д., а также всякая другая символика и атрибутика, напоминающая нацистскую (фашистскую).

Как видим, в указанном Законе г. Москвы к нацистской символике была отнесена символика фашистской партии Италии, в том числе явно поименованные фасции. В современном российском законодательстве мы не находим запрета на демонстрирование фасций, они не отнесены к фашистской символике. Более того, изображения фасций (ликторских пучков) используются в символике российских федеральных органов государственной власти (например, Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы судебных приставов).

В российском законодательстве круг запрещенной к демонстрации атрибутики и символики не только сужен и ограничивается нацистской атрибутикой и символикой, но и явный перечень подпадающих под запрет объектов, отнесенных к нацистской атрибутике и символике, отсутствует.

Для сравнения обратимся к Уголовному кодексу Федеративной Республики Германия³³, который содержит запрет на распространение пропагандистских материалов антиконституционных организаций, включая материалы, направленные на достижение намерений бывшей национал-социалистической организации. На территории Германии запрещено распространение или публичное использование

³¹ О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон № 196-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34665/ (дата обращения: 22.03.2024).

³² Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы : Закон г. Москвы от 15 января 1997 года № 1 : послед. ред. : утратил силу // ГАРАНТ.РУ : сайт. URL: <https://base.garant.ru/3972479/> (дата обращения: 22.03.2024).

³³ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия // Gesetze im Internet : сайт. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 22.03.2024).

знаков этих организаций, причем § 86а содержит открытый перечень отнесенных к этим знакам объектов: знамена, значки, отдельные предметы униформы, лозунги и формы приветствия. По нашему мнению, отсутствие в российском законодательстве перечня объектов – носителей нацистской атрибутики и символики не влияет на принятие правоприменителем законного и обоснованного решения, тогда как отсутствие описания атрибутов и символов нацизма может негативно влиять на правоприменительную практику.

Из-за правовой неопределенности каждый конкретный случай использования нацистской атрибутики и символики требует сегодня индивидуального изучения. В связи с тем, что понятия «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» носят оценочный характер, решение о признании той или иной атрибутики или символики нацистской или сходной с ней до степени смешения принимается судом, в том числе на основании заключения эксперта. Такого мнения придерживаются авторы посттатейного научно-практического комментария к КоАП РФ под редакцией Б. В. Россинского [10], а также занимающиеся исследованием данного вопроса ученые (Т. П. Деревянская, Ю. В. Юшина, М. В. Рудик [11, с. 152]). На наш взгляд, ситуацию упростило бы формирование государственного реестра символов и атрибутов, демонстрация которых наносит вред обществу. И такая попытка была предпринята: Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 июня 2015 г. № 574³⁴ (далее – Постановление Правительства № 574) утверждены Правила определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Закона № 80-ФЗ, а также атрибутики и символики этих организаций. Эти Правила устанавливают порядок определения перечня организаций:

1) сотрудничавших с группами, организациями, движениями или лицами, признанными преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Нюрнбергский трибунал) либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны;

2) отрицающих факты и выводы, установленные приговором Нюрнбергского трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Нюрнбергского трибунала либо вынесенными в период Великой Отечественной войны, Второй мировой войны.

Основанием для включения организаций в перечень являются документы, представляемые в Министерство юстиции Российской Федерации федеральными органами государственной власти (МВД России, МИД России, ФСБ России, Генеральной прокуратурой и др.).

³⁴ Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций : Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2015 года № 574 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181132/ (дата обращения: 22.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Перечень помимо наименований таких организаций должен содержать описание их атрибутики и символики в случае представления федеральными органами государственной власти официальных документов (в том числе иностранных) и (или) копий постановлений судов о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 КоАП РФ, подтверждающих принадлежность атрибутики и символики указанным организациям.

Размещенный на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет перечень указанных организаций начал наполняться только в 2024 году и в настоящее время содержит лишь четыре записи. В перечень внесены сведения об Украинской народно-революционной армии (УНРА), Украинской повстанческой армии (УПА), Украинской народной самообороне (УНС), Организации украинских националистов (ОУН), а также описание атрибутики и символики этих организаций. Мы осознаем, что формирование такого перечня связано с длительным кропотливым трудом, однако не можем не отметить, что за более чем восемь лет действия Постановления Правительства № 574 включение в перечень всего четырех организаций – это чрезвычайно мало. На наш взгляд, необходимо продолжить работу по включению в перечень организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Закона № 80-ФЗ, к которым можно отнести, например, Русскую освободительную армию Власова, бригаду Каминского, Комитет освобождения народов России, дивизию Панвица и другие организации и формирования, с оружием в руках стоявшие на стороне нацистской Германии.

Кроме того, остается открытым вопрос об атрибутике и символике организаций (групп), признанных преступными приговором Нюрнбергского трибунала: руководящий состав НСДАП, гестапо и СД, СС, СА [12, с. 1024–1044]. Данные организации (группы) не перечислены в частях 3 и 4 статьи 6 Закона № 80-ФЗ и, следовательно, не подлежат включению в упомянутый перечень. Атрибутика и символика этих организаций, по логике законодателя, подпадает под действие ч. 2 ст. 6 Закона № 80-ФЗ, в которой именуется «нацистской». Тем не менее было бы полезно сформировать аналогичный перечень этих организаций и иных структур, их символики и атрибутики, как это сделано, например, в Республике Беларусь³⁵, где существует не только перечень организаций, но и перечень нацистской символики и атрибутики с описанием. В данный перечень помимо свастики, гимна Национал-социалистической рабочей партии Германии, нацистского партийного приветствия, флага Третьего рейха, атрибутов униформы сотрудников СД, членов СС и войск СС, эмблем Национал-социалистической рабочей партии Германии, Национальной фашистской партии Италии, СС и СА включены также эмблемы дивизий СС. Кроме того, Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма»³⁶ содержит

³⁵ Об установлении перечней организаций и иных структур, нацистской символики и атрибутики : Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28 октября 2022 года № 271 // Гродненский государственный университет имени Янки Купалы : сайт. URL: https://www.grsu.by/images/Documents/37736_0.pdf (дата обращения: 22.03.2024).

³⁶ О недопущении реабилитации нацизма : Закон Республики Беларусь № 103-З : принят Палатой представителей 16 апреля 2021 года : одобрен Советом Республики 21 апреля 2021 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100103> (дата обращения: 22.03.2024).

определение нацистской символики и атрибутики, под которыми понимаются флаги, гимны и иные музыкальные произведения, атрибуты униформы, свастики, эмблемы, символы, вымпелы, значки и другие отличительные знаки или их копии, использовавшиеся Национал-социалистской рабочей партией Германии, Национальной фашистской партией Италии, другими государственными, военными и иными структурами либо организациями, сотрудничавшими с такими структурами на оккупированной территории СССР в годы Второй мировой войны, если эти структуры и организации признаны преступными либо виновными в совершении преступлений приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, а также другими организациями, сотрудничавшими с такими структурами и организациями, а равно изображения лиц, признанных этими трибуналами виновными. Пусть это определение нацистской символики не является совершенным, а некоторые его положения, в частности о тех же пресловутых символах фашистской партии Италии, выглядят спорно, но оно во всяком случае дает белорусскому правоприменителю точку опоры, которая отсутствует в настоящее время у его российского коллеги.

Нам представляется, что эффективной работе правоприменителя способствовало бы формирование такого перечня, который был бы свободен от существующих в настоящее время ограничений (напомним, что сейчас в перечень включаются организации, перечисленные только в частях 3 и 4 статьи 6 Закона № 80-ФЗ). Кроме того, на наш взгляд, было бы полезно включение в указанный перечень не только описания атрибутики и символики организаций, но и, по возможности, графических изображений их атрибутов, символов и эмблем.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что правовая регламентация запрета сопряженной с пропагандой демонстрации нацистской символики и атрибутики нуждается в совершенствовании. По нашему мнению, для повышения эффективности деятельности правоприменительных органов в данной сфере законодателю необходимо внести изменения и дополнения в соответствующие нормативные правовые акты, направленные:

1) на юридическое закрепление в отечественном законодательстве понятий «нацизм» и «фашизм», а также связанных с ними определений нацистской и фашистской атрибутики и символики;

2) на корректировку порядка формирования перечня указанных в ст. 6 Закона № 80-ФЗ организаций с целью включения в него организаций (групп), признанных преступными приговором Нюрнбергского трибунала, их символики и атрибутики;

3) на включение в указанный перечень не только описания атрибутики и символики организаций, но и графических изображений атрибутов, символов и эмблем этих организаций.

На наш взгляд, реализация указанных мер повысит действенность борьбы с проявлениями экстремизма в нашей стране, выражающимися в пропаганде и публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики либо сходной с ней до степени смешения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галышина, Е. И., Подкатилина, М. Л. Ответственность за демонстрацию нацистской атрибутики или символики либо обозначений, сходных с ними до степени смешения // *Lex Russica*. 2012. Том 71. С. 766–773.
2. Пошелов, П. В. Теоретические и практические проблемы статьи 20.3 КоАП РФ // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 73–76.
3. Рыдченко, К. Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 60–65.
4. Сальников, Е. В. Реконструкция исторических событий при проведении культурно-массовых мероприятий в свете запрета на публичную демонстрацию нацистской атрибутики или символики // Культура: управление, экономика, право. 2015. № 1. С. 19–23.
5. Сенчихин, С. П. О значении юридической техники при конструировании антиэкстремистских административных составов правонарушений // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 42–43.
6. Пошелов, П. В. Особенности правоприменения по делам о правонарушениях экстремистской направленности // Административное право и процесс. 2021. № 12. С. 54–57.
7. Нагорный, Н. Н. Эволюция административно-правового регулирования в сфере ответственности за пропаганду нацистской и экстремистской символики / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXV междунар. науч.-практ. конф. Часть 1. Красноярск, 2022. С. 54–56.
8. Кикнадзе, В. Г., Илиевский, Н. В. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязи с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность // Наука. Общество. Оборона : электрон. науч. журн. 2023. Т. 11. № 1(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtotakoe-fashizm-natsizm-i-neonatsizm-genezis-fashizma-mehanizmy-ego-vliyaniya-na-massy-vzaimosvyazi-s-natsizmom-i-totalitarizmom> (дата обращения: 21.01.2024).
9. Шевелева, К. В. О нормативно-правовом закреплении понятий «нацизм» и фашизм в отечественном законодательстве // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2. С. 78–83.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Главы 19–23. Постатейный научно-практический комментарий / В. В. Гущин, В. В. Денисенко, А. В. Мартынов и др.; под общ. ред. Б. В. Россинского. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2014. Вып. XI–XII. 592 с.
11. Деревянская, Т. П., Юшина, Ю. В., Рудик, М. В. К вопросу о степени общественной опасности пропаганды или демонстрирования нацистской (фашистской) символики либо атрибутики // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2. С. 151–152.
12. Нюрнбергский процесс : сб. мат-лов. Т. 2 / сост. Г. Н. Александров, Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский. М. : Госюриздан, 1955. 1156 с.

REFERENCES

1. Galyashina E.I., Podkatilina M.L. Otvetstvennost' za demonstraciyu nacistskoj atributiki ili simvoliki libo oboznachenij, skhodnyh s nimi do stepeni smesheniya

[Responsibility for displaying Nazi paraphernalia or symbols or designations confusingly similar to them]. Lex Russica. 2012, pp. 766–773.

2. Poshelev P.V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy stat'i 20.3 KoAP RF [Theoretical and practical problems of Article 20.3 of the Administrative Code of the Russian Federation]. Administrativnoe pravo i process – Administrative law and Process. 2017, no. 7, pp. 73–76.

3. Rydchenko K.D. Nekotorye osobennosti obespecheniya zapreta propaganda i publichnogo demonstrirovaniya nacistskoj atributiki i simvoliki [Some features of ensuring the prohibition of propaganda and public display of Nazi paraphernalia and symbols]. Vestnik of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009, no. 2, pp. 60–65.

4. Sal'nikov E.V. Rekonstrukciya istoricheskikh sobytij pri provedenii kul'turno-massovyh meropriyatiy v svete zapreta na publichnuyu demonstraciyu nacistskoj atributiki ili simvoliki [Reconstruction of historical events during cultural events in the light of the ban on public demonstration of Nazi paraphernalia or symbols]. Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo – Culture: Management, economics, law. 2015, no. 1, pp. 19–23.

5. Senchihin S.P. O znachenii yuridicheskoy tekhniki pri konstruirovaniy antiekstremistskikh administrativnyh sostavov pravonarushenij [On the importance of legal technique in the construction of anti-extremist administrative structures of offenses]. Rossijskaya yusticiya – Russian Justice. 2020. No. 9. Pp. 42–43.

6. Poshelev P.V. Osobennosti pravoprimeneniya po delam o pravonarusheniyah ekstremistskoj napravленности [Features of law enforcement in cases of extremist offenses]. Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process. 2021, no. 12, pp. 54–57.

7. Nagornyj N.N. [The evolution of administrative and legal regulation in the field of responsibility for the propaganda of Nazi and extremist symbols]. Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: materials of the XXV international scientific and practical conference]. Krasnoyarsk, 2022, pp. 54–56.

8. Kiknadze V.G., Ilievskij N.V. Chto takoe fashizm, nacizm i neonacizm? Geneza fashizma, mekhanizmy ego vliyaniya na massy, vzaimosvyazi s nacizmom i totalitarizmom: teoriya, istoriya i sovremennost' [What is fascism, Nazism and neo-Nazism? The genesis of fascism, the mechanisms of its influence on the masses, the relationship with Nazism and totalitarianism: theory, history and modernity]. Nauka. Obshchestvo – Nauka. Society. Defense. 2023, no. 1(34), pp. 1–1. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-1-1-1.

9. Sheveleva K.V. O normativno-pravovom zakreplenii ponyatiy «nacizm» i fashizm v otechestvennom zakonodatel'stve [On the normative legal consolidation of the concepts of "Nazism" and fascism in domestic legislation]. Vestnik Akademii prava i upravleniya – Vestnik of the Academy of Law and Management. 2021, no. 2, pp. 78–83.

10. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. Glavy 19–23. Postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij [The Code of Administrative Offences of the Russian Federation. Chapters 19-23. Article-by-article scientific and practical commentary]. Moscow, 2014. 592 p.

11. Derevyanskaya T.P., Yushina Yu.V., Rudik M.V. K voprosu o stepeni obshchestvennoj opasnosti propagandy ili demonstrirovaniya nacistskoj (fashistskoj) simvoliki libo atributiki [On the question of the degree of public danger of propaganda or demonstration of Nazi (fascist) symbols or paraphernalia]. Evrazijskij yuriicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal. 2019, no. 2, pp. 151–152.
12. Nyurnbergskij process: sbornik materialov [The Nuremberg Trials: a collection of materials]. Moscow, 1955, 1156 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шашуро Сергей Владимирович, начальник редакционно-издательского отдела. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина. 308024, Белгород, ул. Горького, 71.

Шарутенко Вадим Николаевич, начальник научно-исследовательского отдела. Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина. 308024, Белгород, ул. Горького, 71.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shashuro Sergey Vladimirovich, Head of the editorial and publishing department. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 308024, Belgorod, 71 Gorky Street.

Sharutenko Vadim Nikolaevich, Head of the Research department. Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 308024, Belgorod, 71 Gorky Street.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 04.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 104–112.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 104–112.

**5.1.4 Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.32.009

**ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ЛИЦАМИ, СКЛОННЫМИ К СОВЕРШЕНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Бабушкин Александр Александрович

Федеральное государственное казенное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

babushkin-a@mail.ru

Введение. Развитие современной теории оперативно-розыскной деятельности связано с формированием ее частных теорий, каждая из которых определяет комплекс научных положений, характеризующих то или иное направление (сегмент) работы оперативных подразделений. Оперативно-розыскной контроль органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений, – одно из ключевых направлений оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений, имеющее свои специальные объект и предмет исследования. Это позволяет вести речь о необходимости формулирования частной теории оперативно-розыскного контроля.

Цель работы – сформулировать понятие и содержание частной теории оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел как части общей теории оперативно-розыскной деятельности со своими специальными тезаурусом, объектом, предметом, целью, задачами, методами, принципами.

Материалы и методы. Методологическую основу работы составил диалектический метод познания явлений и процессов реальной действительности, предполагающий их изучение в постоянном развитии, тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Результаты исследования. В статье представлены теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение научной проблемы, имеющей важное значение для развития теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Выводы и заключения. Получен вывод о том, что разработанная частная теория оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений, будет способствовать развитию оперативно-розыскной науки, упорядочению практической деятельности оперативных подразделений МВД России по линии профилактики преступлений, значительному повышению ее эффективности.

Ключевые слова: оперативно-розыскной контроль; органы внутренних дел; лица, склонные к совершению преступлений; теоретико-правовые основы; частная теория; научная проблема; информационно-телекоммуникационные технологии.

Для цитирования: Бабушкин А.А. Частная теория оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений / А.А. Бабушкин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 104–112.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.32.009

5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

THE PRIVATE THEORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE CONTROL OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OVER PERSONS PRONE TO COMMITTING CRIMES

Babushkin Alexander Alexandrovich

NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Moscow, Russia

babushkin-a@mail.ru

Introduction. The development of the modern theory of operational investigative activity is associated with the formation of its particular theories, each of which defines a set of scientific provisions characterizing a particular direction (segment) of the work of operational units. Operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to committing crimes is one of the key areas of operational investigative support for crime prevention, which has its own special object and subject of research. This allows us to talk about the need to formulate a particular theory of operational investigative control.

The purpose of the work is to formulate the concept and content of the private theory of operational investigative control of internal affairs bodies as part of the general theory of operational investigative activity with its own special thesaurus, object, subject, purpose, objectives, methods, principles.

Methods and materials: The methodological basis of the work was the dialectical method of cognition of phenomena and processes of real reality, involving their study in constant development, close interrelation and interdependence.

The Results of the Study: The article presents theoretical provisions, the totality of which can be qualified as a solution to a scientific problem that is important for the development of the theory and practice of operational investigative activities of internal affairs bodies.

Findings and Conclusions: It was concluded that the developed private theory of operational investigative control over persons prone to committing crimes will contribute to the development of operational investigative science, streamline the practical activities of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of crime prevention, and significantly increase its effectiveness.

Keywords: operational investigative control; internal affairs bodies; persons prone to

committing crimes; theoretical and legal foundations; private theory; scientific problem; information and telecommunication technologies.

For citation: Babushkin A. A. Chastnaya teoriya operativno-rozysknogo kontrolya organov vnutrennih del za licami, sklonnymi k soversheniyu prestuplenij [The private theory of operational investigative control of internal affairs bodies over persons prone to committing crimes] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo institut MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. no 3 (110). Pp. 104–112.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.87.32.009

В современных условиях, связанных с осложнением и повышенной динамикой изменений оперативной обстановки, развитие общей теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) должно осуществляться путем формирования ее частных теорий, которые отражают реальные потребности оперативных подразделений уполномоченных государственных органов в научном обеспечении того или иного направления их работы.

Любая частная оперативно-розыскная теория представляет собой вариант решения конкретной социальной проблемы в сфере борьбы с преступностью, исследование которой требует специального методологического подхода. Содержание частной оперативно-розыскной теории составляют конкретные присущие ей закономерности, задачи, принципы, функции, исследуемые на основе общих и специальных методов [1, с. 58].

В современной науке ОРД выделяют ряд частных теорий, среди которых можно отметить следующие:

- теория оперативно-розыскного документирования;
- теория оперативной разработки;
- теория розыскной работы;
- теория оперативно-розыскной профилактики;
- теория оперативно-розыскной информации;
- теория оперативно-розыскной тактики;
- теория оперативно-розыскного прогнозирования [2].

Данный перечень, конечно, не является исчерпывающим, поскольку частные теории ОРД находятся в постоянном движении и развитии, некоторые могут со временем актуализироваться и серьезно трансформироваться в соответствии с меняющимися социально-правовыми условиями деятельности оперативно-розыскных органов, а некоторые наоборот – могут утрачивать свою практическую значимость и представлять в дальнейшем только научный интерес в ретроспективном и сравнительно-правовом аспекте.

Представляется, что теоретическую модель оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел (далее – ОВД) также следует рассматривать как одну из частных теорий ОРД, поскольку очевидно, что она имеет специальные объект и предмет исследования – общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, соответствующие нормативно-правовые основы и закономерности данной деятельности.

Частная теория оперативно-розыскного контроля ОВД должна использовать свои специфические методы исследования, иметь свои специальные принципы и свою специфическую функциональную направленность, реализуемую как в ее теоретическом, так и в прикладном характере.

Задачи формируемой частной теории оперативно-розыскного контроля ОВД определяются ее целевыми установками и заключаются в разработке теоретических основ оперативно-розыскного воздействия ОВД на лиц, склонных к совершению преступлений (состоящих на оперативном и профилактическом учетах).

Любая теория в своем развитии проходит две стадии:

эмпирическая (выявление социально значимой проблемы, аккумулирование по ней эмпирического материала, его обобщение и систематизация, формулирование выводов описательного характера);

теоретическая (исследование сущности социальных явлений, формулирование понятий, законов, принципов и категорий) [3].

В рамках частной теории происходит формирование понятийно-категориального аппарата (тезауруса), объекта, предмета, целей, задач, принципов и функций. При этом крайне важно, чтобы обозначенная научная проблема, решаемая в рамках частной теории, была социально востребована. В контексте настоящего исследования такой социально значимой проблемой является противоречие между наличными и потребными теоретическими знаниями о системе оперативно-розыскного контроля ОВД, которое не позволяет в полной мере использовать потенциал ОРД для противодействия внутренним криминальным угрозам в динамичных условиях развития современной России.

Стоит отметить, что за последние годы структура и динамика преступности претерпели серьезные изменения, прежде всего, обусловленные всеобщей цифровизацией и активным освоением представителями уголовно-преступной среды информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ)³⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что в системе МВД России предусмотрена специальная статистическая форма, которая содержит сведения о преступлениях, совершенных с использованием ИТТ или в сфере компьютерной информации. Однако в профилактической статистике категория ранее судимых лиц, специализирующихся на совершении таких преступлений, не анализируется, что создает препятствия в организации специализированного оперативно-профилактического наблюдения.

Проведение специальной военной операции и осложнение внешнеполитической обстановки существенно изменили политico-правовые и социально-экономические условия, в которых осуществляется современная ОРД. В связи с этим возникла очевидная потребность в научном анализе и переосмыслении прежних подходов к организации контроля с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов за лицами, склонными к совершению преступлений, а также в разработке научно-практических рекомендаций по его совершенствованию через призму модернизации деятельности ОВД в целом.

Разработка частной теории оперативно-розыскного контроля ОВД – это реакция на актуализировавшиеся проблемы в сфере оперативно-розыскного обеспечения профилактики преступлений с учетом обострения прежних и появления новых внутренних криминальных угроз. Она представляется реализацией социального запроса на повышение уровня защиты личности, общества и государства от криминальных проявлений со

³⁷ В 2023 г. на территории России было зарегистрировано 677 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. По сравнению с 2022 г. их рост составил 30%. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 26% до 35%. В 2023 г. преступники похитили у граждан России более 156 миллиардов рублей (Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. – М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2024).

стороны лиц, в отношении которых имеется обоснованный прогноз индивидуального преступного поведения.

Напомним, что оперативно-розыскной контроль ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, является одним из направлений (сегментов) оперативно-розыскной профилактики преступлений. Его содержание составляют оперативно-розыскные мероприятия (далее –ОРМ) и иные законные действия, проводимые оперативными подразделениями ОВД в отношении лиц, состоящих на оперативном и профилактическом учетах, с целью недопущения с их стороны преступного поведения, а также получения оперативно значимой информации для решения всех задач ОРД ОВД [4, с. 10-11].

Субъекты оперативно-розыскного контроля ОВД в своей деятельности должны руководствоваться обязательными правилами, которые обеспечивают ее законность и максимальную эффективность. Формирование не только нормативно-правовой, но и функционально-структурной составляющей системы оперативно-розыскного контроля ОВД, а также развитие организации и тактики деятельности оперативных подразделений ОВД по данному направлению делают актуальным вопрос об определении концептуальных теоретических основ построения данной системы и ее функционирования.

В связи с этим хотелось бы отдельно коснуться такого важного элемента частной теории оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, как принципы данного направления деятельности оперативных подразделений. По справедливому мнению ряда авторов, принципы – это исходные, руководящие идеи о наиболее существенных закономерностях, имеющие первостепенное значение. Это – основополагающие правила, из которых нет исключений [5, с. 111].

Нормативно-правовое обеспечение ОРД ОВД должно полностью соответствовать конституционным и законодательным принципам данной сферы социальной практики. По этой причине деятельность, организуемая или осуществляемая в обход данных принципов, при их непонимании или ложном представлении о них, не может быть эффективной и влечет за собой серьезные негативные правовые и организационные последствия.

Конституционными принципами являются законность, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законодательными – конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств. Данные принципы достаточно подробно освещены в научной литературе, они относятся ко всей без исключения сфере ОРД и в полной мере являются обязательными правилами для формирования и функционирования системы оперативно-розыскного контроля ОВД [6, с. 39-47; 7, с. 57].

Следует согласиться с Д.В. Ривманом, отметившим, что хотя законодатель включил в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» только четыре принципа, это вовсе не означает, что следует отвергнуть другие принципы, разработанные теорией ОРД ОВД [8, с. 26].

В качестве специальных принципов оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, нами предлагается выделить следующие: *непрерывности; избирательности, нацеленности на решение в рамках оперативно-розыскного контроля ОВД всех задач ОРД.*

Принцип непрерывности подразумевает постоянную обработку вновь получаемой (добытой) оперативно значимой информации и сопоставление ее с уже имеющимися сведениями об объекте контроля для своевременного выявления его противоправных намерений и направления соответствующего сигнала в заинтересованное оперативное

подразделение ОВД. В современных условиях цифровизации данная работа должна осуществляться в автоматизированном режиме путем формирования системы цифровых досье (цифровых профилей) на лиц, состоящих на соответствующих учетах полиции.

Характерно, что данный принцип закреплен в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны является субъектом ОРД в соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Принцип непрерывности тесно связан с еще одним важным принципом ОРД – принципом наступательности, который предусматривает постоянное наращивание оперативными подразделениями усилий по решению оперативно-розыскных задач, в том числе по повышению осведомленности о состоянии постоянно меняющейся оперативной обстановки. Он состоит «...в направленности ОРМ на поиск сведений о признаках преступной деятельности и выявление не известных ранее лиц, намеревающихся совершить преступление» [9, с. 19].

Принцип избирательности заключается в том, что осуществление оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений (за исключением специального наблюдения за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии), рассматривается не как обязанность заводить оперативные делопроизводства на всех лица, состоящих на учетах ОВД, а как правомочие оперативных подразделений, то есть возможность использовать арсенал оперативно-розыскных сил, средств и методов, как гласных, так и негласных, для сдерживания рецидивной преступности. Сами оперативные сотрудники и их руководители должны, исходя из соображений целесообразности, имеющихся ресурсов и криминальной обстановки, определять необходимость взятия под оперативно-розыскной контроль того или иного лица.

Чтобы осуществление оперативно-розыскного контроля ОВД не привело к перегруженности личного состава оперативных служб, в первую очередь уголовного розыска, избыточным объемом бумажных делопроизводств, необходимо, как уже указывалось выше, формировать систему цифровых досье на наблюдаемых лиц, в рамках которых будет аккумулироваться и обрабатываться оперативно значимая информация.

Нацеленность на решение в рамках оперативно-розыскного контроля ОВД всех задач ОРД является обязательным условием эффективности рассматриваемого направления работы полиции. В ходе осуществления оперативно-розыскного контроля оперативными подразделениями, помимо собственно предупреждения преступлений, решаются или создаются условиях для решения и иных задач ОРД ОВД. Так, в процессе сбора сведений о контролируемых лицах может быть получена информация о подготовке или совершении преступлений не только самими объектами наблюдения, но также их связями. Кроме того, могут быть получены оперативно значимые сведения о лицах, находящихся в розыске.

Важно также отметить, что возможность решения в рамках оперативно-розыскного контроля ОВД, являющегося одним из направлений оперативно-розыскной профилактики, всех законодательно закрепленных задач ОРД существенно насыщает его организационно-тактическое обеспечение, повышает эффективность и общественную значимость данной работы.

Осуществление оперативно-розыскного контроля оперативными подразделениями ОВД имеет свои закономерности и особенности в части нормативно-правового, организационно-тактического, структурно-функционального и информационно-аналитического обеспечения. Это однозначно указывает на необходимость исследования

оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений, во всей его многоаспектности как части предмета науки ОРД.

Таким образом, частная теория оперативно-розыскного контроля ОВД – часть (сегмент) общей теории ОРД, содержащая комплекс теоретических положений, представляющих собой научную модель системы контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов.

По нашему мнению, частная теория оперативно-розыскного контроля ОВД включает следующие элементы:

- понятийно-категориальный аппарат (тезаурус);
- объект (общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления оперативно-розыскного контроля ОВД);
- предмет (правовые основы оперативно-розыскного контроля ОВД, закономерности его осуществления);
- цель (защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств со стороны лиц, склонных к совершению преступлений, то есть состоящих на оперативном и профилактическом учетах ОВД);
- задачи (предупреждение и своевременное пресечение планируемых, подготавливаемых и совершаемых объектами оперативно-розыскного контроля преступлений, а также выявление и раскрытие ранее совершенных ими преступлений; оказание на них индивидуального профилактического воздействия, устранение и нейтрализация условий для совершения ими преступлений; недопущение вовлечения объектами оперативно-розыскного контроля в противоправную деятельность иных лиц, в первую очередь несовершеннолетних; выявление в окружении фигурантов иных лиц, представляющих оперативный интерес);
- методы (историко-логический, сравнительно-правовой, статистический, контент-анализ, формально-юридический, конкретно-социалогические методы (метод экспертизы оценок, изучение документов и материалов, анкетирование и интервьюирование);
- принципы (непрерывности, избирательности, нацеленности на решение в рамках оперативно-розыскного контроля ОВД всех задач ОРД);
- формы оперативно-розыскного контроля ОВД (специальное наблюдение за лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, и оперативно-профилактическое наблюдение за ранее судимыми и иными лицами, находящимися в «группе риска»).

Именно в рамках частной теории оперативно-розыскного контроля ОВД за лицами, склонными к совершению преступлений, структурные элементы которой приведены выше, может быть выработан научно обоснованный комплекс мер нормативно-правового, организационно-управленческого и тактического характера с тем, чтобы создать оптимальные условия оперативным подразделениям полиции для наступательного, превентивного воздействия на лиц, представляющих повышенную общественную опасность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поздняков А.Н. Теория оперативно-розыскной деятельности и частные теории // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 57-64.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2021. 795 с.
3. Боричевский И.А. Науковедение как точная наука // Вестник знания. 1926. № 12. С. 777–786.
4. Агарков А.В., Капустин К.В. Цели и задачи современной оперативно-розыскной деятельности: проблемы законодательного регулирования // Вестник Саратовского юридического института: журнал. 2021. № 1 (42). С. 9-12.
5. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. – М.: Норма, 2015. 399 с.
6. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 574 с.
7. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для вузов / А. Г. Маркушин. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 375 с.
8. Ривман Д.В. Сущность, задачи, принципы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: лекция. – СПб.: СПБУ МВД России, 1999. 32 с.
9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николюка. – М.: Изд-во «Спарк», 1999. 198 с.

REFERENCE

1. Pozdnyakov A.N. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti i chastnye teorii [Theory of operational investigative activity and private theories]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. no 3 (55). Pp. 57-64.
2. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo. – 5-e izd., ispr. i dop. [Theory of operational investigative activity: textbook / ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky]. – 5th ed., ispr. and add. Moscow, 2021. 795 p.
3. Borichevsky I.A. Naukovedenie kak tochnaya nauka [Science as an exact science]. Vestnik znaniya – The Messenger of Knowledge. 1926. no 12. Pp. 777-786.
4. Agarkov A.V., Kapustin K.V. Celi i zadachi sovremennoj operativno-rozysknoj deyatel'nosti: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Goals and objectives of modern operational investigative activities: problems of legislative regulation]. Vestnik Saratovskogo yuridicheskogo instituta: zhurnal – Bulletin of the Saratov Law Institute: journal. 2021. no 1 (42). Pp. 9-12.
5. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Salnikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v HKHI veke: monografiya [Operational investigative activity in the XXI century: monograph]. Moscow, 2015. 399 p.
6. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo Suda Rossiijskoj Federacii i obzorov praktiki Europejskogo Suda po pravam cheloveka [Commentary to the federal law "on operational search activities". With the application of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of human rights]. Moscow, 2018. 574 p.
7. Markushin A.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' : uchebnik i praktikum dlya vuzov [Operational investigative activity : textbook and workshop for universities]. Moscow, 2024, 375 p.
8. Rivman D.V. Sushchnost', zadachi, principy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: lekciya [The essence, tasks, principles of operational investigative activities of internal affairs bodies: lecture]. St. Petersburg, 1999, 32 p.

9. Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) [Federal Law "On operational investigative activities": scientific and practical commentary (article by article)]. Publishing house "Spark", 1999. 198 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бабушкин Александр Александрович, кандидат юридических наук, начальник отдела по исследованию проблем в сфере специальных методов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и психотехнологий научно-исследовательского центра по исследованию проблем оперативно-розыскного противодействия общеуголовным преступлениям, экстремизму и терроризму. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Babushkin Alexander Alexandrovich, Candidate of Juridical Sciences, Head of department of the Federal public establishment «National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation», Povarskaya Str., 25, b. 1, Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию 26.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 26.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 113–123.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 113–123.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.90.010

**ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О ХРАНЕНИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Валюлин Руслан Рашитович

Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация,
valiulinrr86@gmail.com

Введение. В статье рассматриваются постановления Правительства Российской Федерации, касающиеся хранения вещественных доказательств. Именно вещественные доказательства обладают информацией, которая позволяет раскрыть уголовное дело. Процесс хранения вещественных доказательств выступает в роли характерной процессуальной процедуры, служащей гарантией прав личности и очевидным залогом достижения целей уголовного судопроизводства. В статье сделан акцент на том, что вопросы хранения отдельных вещественных доказательств не раз рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации на предмет их соответствия нормам Конституции Российской Федерации.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные статьи ученых, нормы УПК РСФСР и действующего УПК РФ, постановления Правительства Российской Федерации. В ходе исследования применен диалектический метод, проведен анализ научных и нормативно-правовых источников, использованы приемы обобщения и группировки данных, а также сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования уголовно-процессуального законодательства и постановлений Правительства Российской Федерации в части правового регулирования хранения вещественных доказательств в уголовном процессе позволили определить понятие хранения вещественных доказательств. На основе литературы и анализа постановлений Правительства Российской Федерации показана их уголовно-процессуальная природа.

Выводы и заключения. Очевидно, что все пополняющийся перечень объектов, которые могут приобрести статус вещественных доказательств в уголовном процессе, требует соответствующего особого подхода к условиям их хранения, обеспечить который нормы УПК РФ фактически не могут. Именно поэтому в данном вопросе так важна роль подзаконных актов, в первую очередь постановлений Правительства Российской Федерации, которые регулируют вопросы хранения отдельных видов вещественных доказательств. Нормы постановлений Правительства, которые направлены на правовое регулирование хранения вещественных доказательств в уголовном процессе, позволяют ставить вопрос об их уголовно-процессуальной природе.

Ключевые слова: постановления Правительства Российской Федерации, уголовный процесс, хранение вещественных доказательств, норма, уголовное дело, подзаконные акты

Для цитирования: Валюлин, Р. Р. Постановления Правительства Российской Федерации о хранении вещественных доказательств в уголовном процессе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 113–123.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.90.010

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

THE RUSSIAN FEDERATION GOVERNMENT RESOLUTIONS ON THE STORAGE OF MATERIAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ruslan R. Valulin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul,
Russian Federation, valiulinrr86@gmail.com

Introduction. The article considers the resolutions of the Government of the Russian Federation concerning the storage of physical evidence. It is physical evidence that possesses information that allows to solve a criminal case. The process of storage of physical evidence acts as a characteristic procedural procedure, serving as a guarantee of individual rights and an obvious guarantee of achieving the goals of criminal proceedings. The article emphasises that the issues of storage of certain physical evidence have been considered more than once by the Constitutional Court of the Russian Federation for their compliance with the norms of the Constitution of the Russian Federation.

Materials and Methods. The research materials were scientific articles by scientists, the RSFSR Code of Criminal Procedure norms and the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the Russian Federation Government resolutions. In the course of the study, the dialectical method was applied, the analysis of scientific and regulatory sources was carried out, methods of generalization and grouping of data were used, as well as the comparative legal method.

The Results of the Study criminal procedural legislation and resolutions of the Government of the Russian Federation in terms of legal regulation of storage of physical evidence in criminal proceedings allowed to define the concept of storage of physical evidence. On the basis of literature and analysis of the resolutions of the Government of the Russian Federation their criminal procedural nature is shown.

Findings and Conclusions: it is obvious that the growing list of objects that can acquire the status of material evidence in criminal proceedings requires a special approach to the conditions of their storage, which the norms of the CPC RF cannot actually provide. That is why in this matter is so important the role of subordinate legislation, primarily the resolutions of the Government of the Russian Federation, which regulate the issues of storage of certain types of physical evidence. The norms of the resolutions of the Government, which are aimed at legal regulation of storage of physical evidence in criminal proceedings, allow us to raise the question about their criminal procedural nature.

Keywords: resolutions of the Russian Federation Government, criminal procedure, material evidence storage, norm, criminal case, by-laws

For citation: Valyulin R.R. Postanovlenija Pravitel'stva Rossijskoj Federacii o hraniennii veshhestvennyh dokazatel'stv v ugolovnom processe [The Russian Federation Government resolutions on the storage of material evidence in criminal proceedings]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk. 2024, no. 3 (110), pp. 113–123.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.45.90.010

Как отмечается специалистами, практически не бывает уголовных дел, для разрешения которых не потребовалось бы то или иное вещественное доказательство [1, с. 35], поскольку именно они обладают информацией, которая помогает раскрыть уголовное дело. Поэтому крайне важно обеспечить сохранность вещественных доказательств на протяжении всего времени существования их в данном правовом статусе, например до разрешения уголовного дела и вынесения итогового решения. В этом смысле процесс хранения вещественных доказательств выступает в роли характерной процессуальной процедуры, служащей гарантией прав личности и очевидным залогом достижения целей уголовного судопроизводства. Абсолютно справедливы замечания О. Е. Головкина, акцентирующего внимание на значении порядка хранения вещественных доказательств – из числа процессуальных процедур, которые являются прямыми гарантиями эффективности процесса доказывания и обеспечения прав личности (частной собственности, владения, пользования, распоряжения имуществом, неприкосновенности частной жизни и т. д.) [2, с. 56].

В то же время вопросам исследования проблем хранения вещественных доказательств в науке уголовного процесса всегда уделялось крайне мало внимания. Очевидно, это было обусловлено тем, что данная тема среди процессуалистов незаслуженно считается чисто «технической», не оказывающей значимого влияния на уголовно-процессуальные отношения, и регулируемой большей частью на уровне подзаконных актов.

Однако, полагаем, об актуальности данной темы свидетельствует непрекращающийся процесс законодательной модернизации норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, касающихся вопросов хранения вещественных доказательств, в том числе происходящий за счет перманентного расширения их круга за счет включения различных ранее неизвестных объектов (например, животных, игрового оборудования, электронных носителей и т. п.). Кроме того, вопросы хранения отдельных вещественных доказательств не раз рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации на предмет их соответствия нормам Конституции Российской Федерации.

Очевидно, что все пополняющийся перечень объектов, которые могут приобрести статус вещественных доказательств в уголовном процессе, требует соответствующего особого подхода к условиям их хранения, обеспечить который нормы УПК РФ фактически не могут. Именно поэтому в данном вопросе так важна роль подзаконных актов, в первую очередь постановлений Правительства Российской Федерации, которые регулируют вопросы хранения отдельных видов вещественных доказательств, поскольку последние не могут храниться, как это установлено УПК РФ, по общему правилу, при уголовном деле (ч. 1 ст. 82 УПК РФ).

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2024).

Подтверждением значимости роли постановлений Правительства Российской Федерации в вопросах хранения вещественных доказательств является то, что в ст. 82 УПК РФ имеется тринадцать отсылок на данные нормативные правовые акты.

Невозможно понять, какое значение и какую правовую природу имеют нормы подзаконных актов, в частности постановлений Правительства Российской Федерации, в вопросах хранения вещественных доказательств в уголовном процессе, не обратившись первоначально к нормам УПК РФ – федеральному закону, на основании которого они принимаются.

Непосредственно хранению вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве посвящена статья 82 УПК РФ, которая так и названа законодателем – «Хранение вещественных доказательств».

Семантический анализ понятия «хранение», а также толкование данного термина в научной литературе применительно к уголовно-процессуальной деятельности, связанной с хранением вещественных доказательств, позволяют сделать вывод, что под ним понимается процесс, направленный на обеспечение неизменности юридических и физических свойств хранимых предметов и вещей – в данном случае вещественных доказательств [3, с. 216]. Между тем анализ содержания ст. 82 УПК РФ свидетельствует, что нормативный смысл термина «хранение» явно искажен законодателем.

В этом аспекте необходимо вкратце затронуть вопросы истории правового регулирования хранения вещественных доказательств в уголовном процессе России. Например, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года под понятием «сохранение вещественных доказательств» в статьях 372, 375, 376 и других понимались лишь действия, направленные на сохранение таких предметов до принятия итогового решения по уголовному делу. Аналогичное отношение к рассматриваемому понятию существовало и в среде дореволюционных уголовных процессуалистов. Так, в научной литературе все действия, влекущие утрату свойств вещественных доказательств, обоснованно не рассматривались как их хранение [4, с. 297].

В первом советском УПК Р.С.Ф.С.Р. 1922 года¹ в некоторых статьях прослеживается желание законодателя вывести вещественные доказательства из сферы уголовно-процессуальной деятельности еще до вынесения приговора либо решения о прекращении уголовного дела. Например, в ст. 71 УПК Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. было указано, что вещественные доказательства должны быть возвращены их владельцу по его ходатайству до окончания дела, если это возможно без ущерба для уголовного дела. Аналогично решался вопрос в отношении быстропортящихся вещественных доказательств, которые также должны были быть возвращены владельцу или сданы в надлежащее государственное учреждение для обращения в употребление (ст. 75). В УПК РСФСР 1960 года² содержались аналогичные положения, за исключением того, что они действовали не как правило, а применялись лишь «в отдельных случаях». Кроме того, нормы относительно хранения носили более систематизированный характер, в том числе в вопросах, разграничающих хранение и иные действия с вещественными доказательствами (ст. 85 УПК РСФСР).

¹ Об Уголовно-процессуальном кодексе : Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 года (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4006#iTypWIUTfU5xUwb1> (дата обращения: 12.04.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : УПК : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 : послед. ред. : утратил силу // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 01.03.2024).

Принятый в 2001 году УПК РФ, в отличие от ранее действовавшего законодательства, закрепил специальную статью 82 «Хранение вещественных доказательств». Между тем нормами указанной статьи регулируются вопросы не только хранения, но и реализации вещественных доказательств (например, в отношении скоропортящихся товаров – абз. 2 ч. 2 ст. 82), их переработки или уничтожения (например, в отношении наркотических средств и психотропных веществ – п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Основным подзаконным актом в сфере правового регулирования хранения вещественных доказательств в уголовном процессе является Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам»¹ (далее – Постановление Правительства № 449, Постановление). Но помимо данного нормативного правового акта в этой сфере приняты еще несколько актов, направленных на регламентацию особенностей обращения с отдельными видами вещественных доказательств.

Одно из важнейших правовых положений, которое содержится в рассматриваемом Постановлении Правительства № 449, отражено в абз. 2 п. 1: условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность. Данное положение отсутствует в УПК РФ, вместе с тем для уголовно-процессуальной деятельности оно имеет принципиальное значение, подтверждая вывод о том, что только при соблюдении этих требований будет сохранен уголовно-процессуальный статус вещественного доказательства и, следовательно, решены задачи уголовного судопроизводства.

Также одним из первоочередных вопросов, урегулированных п. 2 Постановления Правительства № 449, являются вопросы возврата вещественных доказательств в виде денег и ценностей их законному владельцу. Такой возврат осуществляется на основании принимаемого акта уполномоченного участника уголовно-процессуальных отношений – прокурора, следователя, дознавателя путем вынесения соответствующего постановления либо решения суда. Очевидно, что хранение вещественных доказательств в виде денег и ценностей наиболее оптимально осуществлять именно законным владельцам, что, помимо прочего, наиболее экономически выгодно в плане отсутствия процессуальных издержек, которые компенсируются из государственного бюджета, что часто становится предметом судебных споров². Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений, «изъятие и удержание в режиме хранения любого имущества, признанного вещественным доказательством, по существу, ограничивает права его собственника или владельца, причиняет им неудобство»³. Помимо прочего, обратим внимание, что в подзаконном акте более конкретно указано лицо, которому на законных основаниях

¹ Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (вместе с «Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам») : Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179504/ (дата обращения: 12.04.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

² Апелляционное постановление Новосибирского областного суда № 22-1164/2020 от 18 марта 2020 г. по делу № 4/17-1/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7EiFRxSNtaJF/> (дата обращения: 12.04.2024).

³ По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.01.2018 № 1-П // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287638/ (дата обращения: 12.04.2024).

передаются вещественные доказательства, – это «законный владелец», а не просто «владелец» – термин, который используется в УПК РФ.

Также в Постановлении Правительства № 449 отражены правовые вопросы, касающиеся особенностей хранения отдельных категорий вещественных доказательств: денег на счетах в банке или иных кредитных организациях; громоздких предметов, включая большие партии товаров, иных предметов, которые требуют обеспечения специальных условий их хранения; гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения, газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, радиоактивных материалов; предметов, имеющих историческую, художественную, научную или иную культурную ценность. Эти предметы передаются на ответственное хранение в различные государственные и негосударственные учреждения, с которыми заключаются соответствующие договоры хранения. Например, предметы, имеющие культурную и иную ценность, передаются в учреждения, подведомственные Министерству культуры Российской Федерации.

Иные вещественные доказательства, в том числе и те, которые не могут храниться, по общему правилу, при уголовном деле, хранятся в соответствии с рассматриваемым Постановлением Правительства № 449:

– либо в специально оборудованных камерах хранения с установленной охранной и противопожарной сигнализацией, приточно-вытяжной вентиляцией, средствами пожаротушения (огнетушителями), с установленной металлической или обитой металлом дверью с запорными устройствами и решетками на окнах;

– либо в специальных хранилищах – опечатанных металлических шкафах или сейфе достаточных размеров, обеспечивающих в соответствии с настоящими Правилами сохранность и надлежащие условия хранения вещественных доказательств (п. 4 Постановления).

Ответственность за хранение вещественных доказательств, а также за правильность ведения их учета, обоснованность их выдачи и передачи несет специально назначаемое лицо, при этом в п. 5 Постановления Правительства № 449 специально указано, что данное лицо по должностным обязанностям не может осуществлять оперативно-разыскную или процессуальную деятельности, а также прокурорский надзор.

В Постановлении Правительства № 449 подробно отражены положения, направленные на сохранение и обеспечение безопасности вещественных доказательств, т. е. данные положения подтверждают неизменность, безопасность вещественных доказательств, а также недоступность их для посторонних лиц [5, с. 116]. В частности, ответственное лицо опечатывает личной печатью дверь в камеру хранения вещественных доказательств, доступ в которую осуществляется только в присутствии ответственного лица или лица, его замещающего. В случае отсутствия ответственного лица доступ в это хранилище возможен только в присутствии специально созданной комиссии, включающей не менее трех человек. Все вещественные доказательства по каждому уголовному делу должны храниться отдельно.

В данном Постановлении также подробно урегулированы вопросы приема, выдачи, возврата вещественных доказательств ответственным лицом, что оформляется соответствующими актами приема-передачи, квитанциями (расписками). Выдача вещественных доказательств производится по запросу лица, осуществляющего предварительное расследование по уголовному делу, либо по решению (запросу) суда (судьи), рассматривающего уголовное дело, а также прокурора, рассматривающего уголовное дело, поступившее с обвинительным актом или с обвинительным заключением.

Отдельные положения Постановления Правительства № 449 регулируют вопросы ведения ответственным лицом книги учета, в которую вносятся записи о приеме на хранение, выдаче, возврате или передаче вещественных доказательств и иные необходимые сведения об их движении (п. п. 14–18).

Характерные особенности хранения установлены для отдельных видов вещественных доказательств. Например, в соответствии с абз. 3 п. 2 Постановления Правительства № 449, некоторые вещественные доказательства в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться ни при уголовном деле, ни в специально оборудованных камерах или помещениях, в связи с этим могут передаваться на хранение в государственные органы, а также юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, имеющим соответствующие условия для хранения, с которыми заключаются договоры хранения. Обратим внимание, что в данном случае передача таких вещественных доказательств на хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю осуществляется не ответственным лицом, а должностным лицом уполномоченного органа, в производстве которого находится уголовное дело, что оформляется актом приема-передачи, составленным в трех экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела, другой – передается представителю юридического лица или индивидуальному предпринимателю, третий – в дело (наряд) (п. 10 Постановления). Если меняется орган предварительного расследования, то договор хранения с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем подлежит перезаключению.

Согласно разъяснениям Министерства экономического развития Российской Федерации, изложенным в Письме № ОГ-Д28-5908 от 4 мая 2016 года¹, хранение вещественных доказательств по уголовным делам должно осуществляться с учетом Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Таким образом, в данных отношениях очевидно просматривается их гражданско-правовая материя.

В ст. 82 УПК РФ имеется также ссылка к Постановлению Правительства Российской Федерации от 23.08.2012 № 848 «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения»², анализ содержания которого позволяет сделать вывод, что речь в нем идет либо о реализации, либо об уничтожении вещественных доказательств в виде громоздких или скоропортящихся товаров, изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, а также игрового оборудования. В отношении вопросов уничтожения изъятого игрового оборудования применяется также Постановление Правительства

¹ О закупке услуг, связанных с хранением вещественных доказательств по уголовным делам : Письмо Минэкономразвития России от 04.05.2016 № ОГ-Д28-5908 // ПРОГОСЗАКАЗРФ : электр. система. URL: <https://xn--80aahqcqybkgko.xn--p1ai/141/39524/3888/11589/18347/33630.html> (дата обращения: 12.04.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Положение о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.08.2012 № 848 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134384/fc2a14c065cf37b202ad48e4355a240e82fe38b (дата обращения: 12.04.2024).

Российской Федерации от 23.09.2019 № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства»¹, на которое имеется отсылка в п. 8 ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, наркотические средства и психотропные вещества после проведения необходимых исследований передаются для их технологической переработки или уничтожаются по решению суда в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июня 1999 г. № 647².

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2015 г. № 1027 «О реализации мер по пресечению незаконных производств и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»³ разрешаются вопросы уничтожения, утилизации или реализации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции предметов, используемых для незаконных производств и (или) оборота.

Особые правила хранения требуются в отношении животных, признанных вещественными доказательствами. В этой сфере принято специальное Постановление Правительства Российской Федерации от 02.02.2019 № 75 «Об утверждении Правил передачи на хранение, для содержания и разведения или реализации вещественных доказательств в виде животных, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания»⁴, отсылка к которому содержится в пп. «в» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ. В подзаконном акте предусматриваются такие действия в отношении животных, как возвращение их в среду обитания, передача на хранение или возвращение законному владельцу, а также передача безвозмездно для содержания и разведения. Таким образом, в отличие от большинства рассмотренных выше постановлений Правительства Российской Федерации, в данном акте содержатся нормы, регулирующие вопросы непосредственного хранения животных как вещественных доказательств. Вместе с тем, как указывалось выше, цель хранения вещественных доказательств (сохранение их неизменности) не может быть обеспечена, если речь идет о живом организме, в котором постоянно происходят физиологические процессы. Поэтому поддержим П. В. Козловского и Т. Н. Шумилову, полагающих, что в отношении

¹ О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства (вместе с "Положением о распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства") : Постановление Правительства Российской Федерации от 23.09.2019 № 1238 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333831/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.04.2024).

² О порядке дальнейшего использования или уничтожения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также инструментов и оборудования, которые были конфискованы или изъяты из незаконного оборота либо дальнейшее использование которых признано нецелесообразным : Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1999 г. № 647 : послед. ред. // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/12116010/> (дата обращения: 12.04.2024).

³ О реализации мер по пресечению незаконных производств и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции : Постановление Правительства Российской Федерации от 28.09.2015 № 1027 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186845/ (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Об утверждении Правил передачи на хранение, для содержания и разведения или реализации вещественных доказательств в виде животных, физическое состояние которых не позволяет возвратить их в среду обитания : Постановление Правительства Российской Федерации от 02.02.2019 № 75 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317458/ (дата обращения: 12.04.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

животных более корректно вести речь не о об их «хранении», а об «обращении» с ними, что предусматривает организацию содержания и принятие иных решений о судьбе животного [6, с. 200].

Таким образом, в уголовном процессе хранение вещественных доказательств осуществляется либо в общем порядке (при уголовном деле), либо в особом порядке, который непосредственно урегулирован на уровне подзаконных актов, и в первую очередь постановлениями Правительства Российской Федерации. При этом, как верно отмечает О. Е. Головкин, «особый порядок хранения вещественных доказательств должен обеспечивать не только сохранность вещественных доказательств, но и максимально гарантировать соблюдение имущественных прав участников уголовного судопроизводства и иных лиц» [7, с. 9]. А это значит, что принятие рассматриваемых подзаконных актов обусловлено уголовно-процессуальной природой рассматриваемых отношений, поскольку это направлено на обеспечение разрешения задач уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства и постановлений Правительства Российской Федерации в части правового регулирования хранения вещественных доказательств в уголовном процессе позволяет сделать вывод, что под хранением понимаются самые различные действия, включая:

- хранение при уголовном деле процессуальным субъектом, ведущим предварительное расследование;
- хранение вне уголовного дела в специально оборудованных хранилищах ответственным лицом;
- передачу предметов на сохранение различным субъектам;
- реализацию, переработку, уничтожение вещественных доказательств.

В данном аспекте мы полностью разделяем мнение О. Е. Головкина, который полагает, что уголовно-процессуальную природу имеют лишь нормы, которые непосредственно направлены на хранение вещественных доказательств, т. е. действия, направленные на сохранение первоначального вида и свойства вещественного доказательства [7, с. 9]. Все иные действия, а именно уничтожение, реализация и переработка вещественных доказательств, осуществляемая различными субъектами, не относятся к действиям по хранению вещественных доказательств и выводятся за рамки уголовно-процессуальных отношений. Это связано с тем, что вещественное доказательство в случае его уничтожения, реализации или переработки как вещь объективного мира перестает существовать либо физически, либо идеально, теряя свойства относимости или допустимости и тем самым утрачивая процессуальный статус как вещественного доказательства. Вместе с тем есть иное мнение: например, А. В. Смирнов считает, что действия по сохранению вещественного доказательства выходят за рамки предмета уголовно-процессуального регулирования [8, с. 82]. Позволим не согласиться с уважаемым автором, поскольку, как верно отмечает О. Е. Головкин, природа правоотношений в части принятия решения и совершения действий, предусмотренных в УПК РФ, всегда процессуальная [2, с. 56].

Таким образом, непосредственно к хранению вещественных доказательств могут быть отнесены процессуальные отношения, возникающие при принятии решения о порядке хранения, их передаче на хранение иным субъектам, содействующим хранению, а также осуществлении контроля за их хранением. Поэтому, по нашему мнению, нормы постановлений Правительства, которые направлены на правовое регулирование данных отношений, позволяют ставить вопрос об их уголовно-процессуальной природе.

Очевидно также, что все более расширяющийся перечень вещественных доказательств в уголовном процессе, обусловленный особенностями отдельных объектов, с необходимостью требующих особого подхода к их хранению, не может уложиться в «прокрустово ложе» нормативных предписаний федерального кодифицированного акта – УПК РФ, вследствие чего возникает необходимость в принятии подзаконных актов, которые в данном случае выполняют вспомогательную, восполняющую роль в данном вопросе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коршунов, А. В. Вопросы хранения и уничтожения вещественных доказательств – наркотических средств // Пролог: журнал о праве. 2019. № 1. С. 34–38.
2. Головкин, О. Е. Хранение вещественных доказательств по действующему уголовно-процессуальному закону: необходимо системное совершенствование // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2. С. 56–64.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / И. Б. Михайловская, И. Л. Петрухин. М., 2014. 688 с.
4. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. 560 с.
5. Арзуманян, А. А., Демиденко, Т. И. Собирание вещественных доказательств, их оценка и определение дальнейшей судьбы. Проблемы хранения отдельных видов вещественных доказательств // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 116–120.
6. Козловский, П. В., Шумилова, Т. Н. Правовое регулирование порядка обращения с вещественными доказательствами в виде животных // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 3. С. 200–204.
7. Головкин, О. Е. Хранение вещественных доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2012. 643 с.

REFERENCES

1. Korshunov A.V. Voprosy hraneniya i unichtozheniya veshchestvennyh dokazatel'stv - narkoticheskikh sredstv [Issues of storage and destruction of material evidence - narcotic drugs]. Prolog: zhurnal o prave - Prologue: a magazine about law. 2019, vol. 1, pp. 35.
2. Golovkin O.E. Hranenie veshchestvennyh dokazatel'stv po dejstvuyushchemu ugolovno-processual'nomu zakonu: neobhodimo sistemnoe sovershenstvovanie [Storage of material evidence according to the current criminal procedure law: systemic improvement is necessary]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki - News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2014, vol. 2, pp. 56.
3. Mihajlovskaya I.B., Petruhin I.L. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal procedural law of the Russian Federation]. Moscow, 2014, 688 p.
4. Fojnickij I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [Criminal Justice Course]. Saint-Petersburg, 1910, 297 p.
5. Arzumanyan A.A., Demidenko T.I. Sobiranie veshchestvennyh dokazatel'stv, ih ocenka i opredelenie dal'nejshej sud'by. Problemy hraneniya otdel'nyh vidov veshchestvennyh dokazatel'stv [Collecting material evidence, evaluating it and determining its future fate. Problems of storing certain types of material evidence]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie - Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020, vol. 9(124), 116 p.

6. Kozlovskij P.V., SHumilova T.N. Pravovoe regulirovanie poryadka obrashcheniya s veshchestvennymi dokazatel'stvami v vide zhivotnyh [Legal regulation of the procedure for handling material evidence in the form of animals]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii - Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, vol. 3, 200 p.

7. Golovkin O.E. Hranenie veshchestvennyh dokazatel'stv na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: [Storage of material evidence at the pre-trial stages of criminal proceedings: dissertation ... Candidate of Legal Sciences]. Moscow, 2015, 9 p.

8. Smirnova A.V. (by ed.) Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, 2012, 643 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валюлин Руслан Рашитович, старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Барнаульский юридический институт МВД России. 656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan Rashitovich Valulin, senior lecturer at the Department of Criminal Procedure. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 656038, Barnaul, 49 Chkalova Street.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятa к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 124–132.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 124–132.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.326

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.90.011

**КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Глазырин Сергей Игоревич

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Российская Федерация, г. Москва
s-glazyrin@internet.ru

Введение. В статье изучаются и сравниваются нормы уголовного законодательства отдельных зарубежных стран, в которых установлена ответственность за преступления диверсионной направленности как одни из наиболее опасных преступлений, ставящих под угрозу внутреннюю безопасность любого государства вне зависимости от его политико-территориального устройства.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили доктрина уголовного права, посвященная зарубежному законодательству в области правовой оценки установления уголовной ответственности за диверсию (саботаж) и связанные с ней преступления, нормы зарубежного уголовного законодательства, представленного уголовно-правовыми актами стран ближнего и дальнего зарубежья. Методологической основой исследования выступила совокупность общенаучных и частнонаучных методов исследования. В качестве общенаучных методов применялись системный анализ и синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, сопоставление. Специализированными частнонаучными методами выступили: формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, структурно-многофункциональный.

Результаты исследования. Посредством проведенного исследования удалось сопоставить уголовно-правовые механизмы установления ответственности за преступления диверсионной направленности, выявить особенности конструирования объективных и субъективных признаков данных преступлений, которые вызывают обоснованный интерес и в дальнейшем могут найти отражение и в российском уголовном законе.

Выводы и заключения. Проанализированные нормы уголовных кодексов ряда зарубежных стран позволили раскрыть специфику уголовно-правового регулирования ответственности за преступления диверсионной направленности, сопоставить их и установить ряд их отличительных признаков.

Ключевые слова: безопасность государства, общественная безопасность, экономическая безопасность, обороноспособность, диверсия, саботаж, уничтожение имущества, имущественный ущерб, взрыв, поджог

Для цитирования: Глазырин, С. И. Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству зарубежных стран // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (109). С. 124–132.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.90.011

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF RESPONSIBILITY FOR SUBVERSIVE CRIMES UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Sergey I. Glazyrin

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation, s-glazyrin@internet.ru

Introduction: the article examines and compares the norms of the criminal legislation of certain foreign countries, which establish responsibility for crimes of sabotage as one of the most dangerous crimes that endanger the internal security of any state, regardless of its political and territorial structure.

Materials and Methods: the materials of the study were the doctrine of criminal law, devoted to foreign legislation in the field of legal assessment of the establishment of criminal responsibility for sabotage (sabotage) and related offences, the norms of foreign criminal legislation, represented by criminal legal acts of near and far abroad countries. The methodological basis of the research was a set of general scientific and private-scientific methods of research. System analysis and synthesis, analogy, induction, deduction, generalization, comparison were used as general scientific methods. Specialized private-scientific methods were: formal-legal, comparative-legal, system-structural, structural-multifunctional.

The Results of the Study: Through the conducted research, it was possible to compare the criminal law mechanisms for establishing responsibility for subversive crimes, to identify the features of constructing objective and subjective signs of these crimes, which arouse reasonable interest and may later be reflected in the Russian criminal law.

Findings and Conclusions: the analyzed norms of the criminal codes of a number of foreign countries made it possible to reveal the specifics of the criminal law regulation of responsibility for crimes of sabotage, compare them and establish a number of their distinctive features.

Keywords: state security, public safety, economic security, defense capability, sabotage, sabotage, destruction of property, property damage, explosion, arson.

For citation: Glazyrin S.I. Komparativistskij analiz otvetstvennosti za prestupleniya diversionnoj napravленности po zakonodatel'stu zarubezhnyh stran [Comparative analysis of responsibility for subversive crimes under the legislation of foreign countries]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3 (110), pp. 124–132.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.90.011

На сегодняшний день очевиден процесс изменения уголовно-правового подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Существенному реформированию подвергнута область правовой защиты общественных отношений в сфере экономической безопасности и обороноспособности страны от действий диверсионной направленности (ст. 281, 281¹, 281² и 281³ Уголовного кодекса Российской Федерации). В силу новизны отдельных положений данный институт нуждается в разностороннем исследовании качества и полноты содержания с точки зрения не только внутреннего национального законодательства, но и соотношения со схожими нормами, закрепленными в уголовных законах иных государств. Это обусловлено тем, что обращение к анализу зарубежного законодательства позволяет лучше познать право своей собственной страны, почерпнуть новые идеи и аргументы, которые могли оставаться вне поля зрения национального законодателя [1, с. 187; 2, с. 134]. Поэтому опыт других уголовно-правовых систем в аспекте защиты безопасности своего государства и стабильности его развития выглядит по истине бесценным.

В рамках исследования были детализированы подходы отдельных иностранных законодателей к юридической оценке диверсии, а также сопряженных с ней преступлений диверсионной направленности. Для удобства изучения уголовные законы систематизированы по апробированным уголовно-правовой доктриной критериям на законодательство стран ближнего зарубежья (государств Европы) и дальнего зарубежья (Соединенные Штаты Америки (далее – США), Социалистическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика (далее – КНР), Куба, Республика Сан-Марино, Таиланд).

В первую очередь обратимся к уголовно-правовому подходу установления ответственности за рассматриваемые преступления по уголовному законодательству стран Европы. В ряде рассмотренных уголовных кодексов (УК) зарубежные законодатели используют при конструировании составов преступлений как термин «диверсия», что более близко отечественному уголовно-правовому подходу, так и термин «саботаж».

Например, в Книге Четвертой «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия» в Разделе I «О посягательствах на основополагающие интересы нации» Уголовного кодекса Франции закреплена ст. 411-9 «О саботаже». Данное преступление предполагает уничтожение, повреждение или похищение любого документа, оборудования, сооружения, снаряжения, установки, аппарата, технического устройства или системы автоматизированной обработки информации либо внесение неполадок в их работу, если эти деяния способны причинить вред основополагающим интересам нации. Ответственность усиливается, если указанное деяние совершено «с целью служить интересам какого-либо иностранного государства, иностранного предприятия или иностранной организации, а также предприятия или организации, находящихся под иностранным контролем»¹.

Интересен подход германского законодателя, который в § 87 гл. 3 «Угроза демократическому государству» УК Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ) закрепляет ответственность за агентурную деятельность в целях саботажа и в § 88 – за антиконституционный саботаж². Сам акт саботажа определяется весьма дифференцированно. С одной стороны, это преступления, связанные с посягательствами

¹ Уголовный кодекс Франции // Россия: Библиотека Пашкова : сайт. URL: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 10.02.2024).

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия // Россия: Библиотека Пашкова : сайт. URL: <https://constitutions.ru/?p=24969> (дата обращения: 10.02.2024).

на военную инфраструктуру, аналогично французскому подходу. Например, саботаж, направленный против оборонительных средств (§ 109e). Также актом саботажа признаются и общеуголовные преступления, такие как разрушение сооружений (§ 305); поджог, тяжкий поджог, особо тяжкий поджог, поджог, повлекший смерть человека (§ 306–306c); создание опасности взрыва при использовании ядерной энергии (§ 307); производство опасного взрыва путем использования взрывчатых веществ (§ 308); злоупотребление ионизирующими лучами (§ 309) и т. д., если цель таких преступлений направлена против целостности и безопасности ФРГ или против ее конституционных основ. Кроме того, под акт саботажа подпадают и «другие действия, которые препятствуют или мешают функционированию предприятия, важного для обороны страны, защиты гражданского населения от военной опасности или для всей экономики, тем, что эти действия уничтожают, повреждают, устраниют, изменяют или делают непригодной вещь, необходимую для работы, или лишают энергии, необходимой для функционирования предприятия».

Агентурная деятельность в целях саботажа, по смыслу § 87 УК ФРГ, осуществляется вне зоны юрисдикции уголовного закона ФРГ, т. е. на территории других государств, но с целью совершения акта саботажа на территории ФРГ. Перечень деяний, составляющих агентурную деятельность, является альтернативным и исчерпывающим. В частности, субъект такой деятельности подлежит ответственности, если он изъявляет готовность совершить акт саботажа; выведывает (выявляет, устанавливает) объекты саботажа; изготавливает средства саботажа, приобретает их для себя или другого лица, хранит их, передает другому лицу или ввозит на территорию ФРГ; сооружает, содержит или проверяет склады для приема средств саботажа или опорные пункты для осуществления саботажа; проходит обучение для совершения актов саботажа или обучает этому других лиц; устанавливает или поддерживает связь между агентами саботажа.

В свою очередь предметы антиконституционного саботажа (§ 88 УК ФРГ) более конкретизированы и представляют собой гражданскую инфраструктуру государства: предприятия или установки, которые служат для обеспечения почтовыми услугами или общественной связью; телекоммуникационные установки, служащие общественным целям; предприятия или установки, которые служат для снабжения населения водой, светом, теплом или энергией; службы, установки, сооружения или предметы, которые полностью или преимущественно служат целям общественной безопасности или порядка.

В Уголовном кодексе Дании ответственность за саботаж закрепляется в § 98, которая включена в гл. 12 «Преступления против независимости и безопасности государства»¹. По ч. 2 § 98, уголовной ответственности подлежит лицо, которое, во-первых, организовывает обширный (массовый) саботаж, приостановку производства или движения, а во-вторых – лицо, которое принимает участие в подобных действиях, зная о его целях. Исходя из ч. 1 § 98, цель состоит в том, чтобы подвести Датское Государство или какую-либо его часть под действие иностранных правил или на отделение какой-либо части от государства. При этом формулировка объективных признаков такого саботажа выглядит весьма широко и предполагает использование силы или угрозы ее применения. Конкретизация предметов, на которые направлены такие действия, отсутствует.

Примерно такой же подход к закреплению ответственности за саботаж использует норвежский законодатель. В гл. 9 «Преступления против конституционного устройства Норвегии и главы государства» Общегражданского Уголовного Кодекса Норвегии

¹ Уголовный кодекс Дании // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18700> (дата обращения: 10.02.2024).

закреплен § 104а. Согласно указанной норме, повышенной ответственности подлежит лицо, которое «создает, участвует, набирает членов или поддерживает объединение или организацию, имеющие целью посредством саботажа, применения силы или других незаконных средств поколебать общественный порядок или получить влияние в официальных делах, если объединение или организация предприняли шаги для реализации целей незаконными средствами»¹. Само понятие саботажа не раскрывается, в связи с чем, полагаем, имеет весьма широкое толкование.

Более развернутым и в то же время конкретизированным является законодательное закрепление ответственности за саботаж по УК Республики Сербии. Статья 313 «Саботаж» включена в гл. 28 «Преступления против конституционного порядка и безопасности Республики Сербии». Ответственность предусматривается за «разрушение, поджог, уничтожение или повреждение иным способом промышленных, сельскохозяйственных или других экономических объектов, транспортных средств, оборудования или установок, оборудования связи, оборудования для водоснабжения, отопления, газа и электроснабжения, плотин, складов, зданий или других объектов, предназначенных для защиты и питания граждан или для экономики или функционирования государственных услуг»².

Преступные диверсионные действия, направленные на «имущество особой важности для защиты Королевства», а также на общественный транспорт или функционирование телеграфа, телефона, радио или других подобных общественных служб или использование установки по снабжению населения водой, светом, теплом или электроэнергией, в результате которых происходит их повреждение или уничтожение, квалифицируются как диверсия по ст. 13 гл. 4 УК Швеции [3]. По данной статье также установлена ответственность за поддержку таких действий. При этом в отдельной ст. 5 УК Швеции предусматривается более строгое наказание за «тяжкую диверсию». Но закон выделяет весьма оценочные критерии ее установления: «При определении, является ли преступление тяжким, особое внимание должно быть обращено на то, создавало ли оно угрозу безопасности Королевства, жизни нескольких лиц или имуществу особой важности». Наконец, несколько уникальной представляется ст. 12 УК Швеции, в которой установлена ответственность за покушение, приготовление или сговор на совершение диверсии, а также за несообщение о таком преступлении.

Весьма оригинален подход, отраженный в УК Республики Болгария, где в разделе III «Диверсия и вредительство» диверсия является уголовно наказуемой по ст. 106. Она предполагает уничтожение или повреждение общественных зданий, строений, оборудования, сооружений, средств транспорта или связи или другого ценного общественного имущества. При этом «особо тяжкие случаи» (которые в законе подробно не разъяснены) предполагают усиление наказания. Как следует из буквального прочтения названия раздела III, уголовный закон разграничивает понятия диверсии и вредительства. Ответственность за последнее установлена в ст. 107 УК Болгарии и предполагает, во-первых, наличие помимо общего («кто путем воспрепятствования их деятельности») еще и специального субъекта («кто путем неисполнения возложенных на него важных хозяйственных задач...»), во-вторых, наличие общественно опасного деяния в форме «создания затруднений», «расстройства» или «подрыва», в-третьих, наличие особых

¹ Общий кодекс гражданского и уголовного права (Норвегия) // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15417> (дата обращения: 10.02.2024).

² Уголовный кодекс Республики Сербия // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17052> (дата обращения: 10.02.2024).

предметов преступления в виде промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной и кредитной системы, других отраслей хозяйства или отдельных хозяйственных предприятий, в-четвертых, наличие у виновного лица специальной цели «ослабления власти или создания затруднений процессе ее функционирования»¹.

Далее оценим подход к уголовно-правовому законодательному установлению ответственности за диверсию (саботаж) в уголовном законодательстве отдельных стран дальнего зарубежья.

Так, согласно уголовному законодательству США, в каждом штате существует свой УК, который имеет ограниченную юрисдикцию. Вместе с тем 4 мая 1962 г. был принят Модельный (примерный, типовой, федеральный) Уголовный кодекс США (далее – УК США). В нем содержится ответственность за государственные преступления, среди которых отдельная гл. 105 предусматривает ответственность за саботаж. Исходя из содержания составов преступлений, которые предусмотрены в данной главе, следует, что в качестве диверсионных значатся преступления, посягающие на какие-либо военные объекты, военную инфраструктуру [4, с. 95]. Например, в ст. 2152 предусмотрена ответственность за посягательство на фортификационные оборонительные системы, в ст. 2153 – за повреждение или уничтожение военных материалов, устройств и сооружений, в ст. 2154 – за их недоброкачественное изготовление или сооружение, а также в ст. ст. 2155, 2156 – за повреждение, уничтожение или недоброкачественное изготовление предметов или сооружение объектов, указанных в ст. 2153, предназначенных для национальной обороны.

Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам в гл. XI «Преступления, ущемляющие национальную безопасность» содержит ст. 85 под названием «Диверсии материально-технической базы Социалистической Республики Вьетнам». Ответственность устанавливается для тех, кто «намерен выступать против администрации саботажем материально-технической базы Социалистической Республики Вьетнам в области политики, безопасности, оборонной, научно-технической, культурной или социальной областях»². Полагаем, что ответственность устанавливается даже за факт приготовления к диверсии предметов материально-технической базы, указанных в статье.

Для Республики Кубы укрепление и защита социалистического правового государства всегда были приоритетными направлениями. В соответствии со ст. 104 Уголовного кодекса Кубы, саботаж совершается с целью воспрепятствовать нормальной организации политического или военного контроля государства посредством уничтожения, изменения, повреждения или заражения каким-либо образом средств, ресурсов, зданий и объектов (например, военных, социально ориентированных, промышленных и сельскохозяйственных), аeronавигационных или портовых сооружений, морских или воздушных судов³.

Как видим, здесь фигурирует подход, несколько отличный от ранее рассмотренных уголовных кодексов, связанный с заражением каких-либо объектов, используемых населением страны. Нередко в качестве последствий диверсий ученые называют эпидемии, эпизоотии, эпифитотии. Используется даже отдельный термин «биодиверсия»

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816> (дата обращения: 10.02.2024).

² Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Кубы // WIPO Lex : сайт. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/900> (дата обращения: 12.02.2024).

[5, с. 207–214; 6]. Отсутствие в рамках отечественного уголовно-правового подхода закрепления в составе диверсии указания на возникновение эпидемий или эпизоотий как результатов деяния расценивается некоторыми авторами в качестве недопустимого пробела законодателя [7, с. 147]. Другие специалисты критикуют такой подход и говорят о его нецелесообразности для отечественного уголовного закона [8, с. 277].

Не выделяется диверсия в качестве преступления против государственной власти в УК Республики Сан-Марино и в УК Таиланда. По нормам указанных актов, уголовно наказуемыми являются действия, хотя и похожие на диверсию, но состоящие в нарушении общественной безопасности путем осуществления поджогов (ст. 237 УК Республики Сан-Марино¹ и ст. 217, 218 УК Таиланда²).

Схожий подход использует законодатель в УК Китайской Народной Республики. В рамках гл. 2 «Преступления против общественной безопасности» в статьях 114 и 115 установлена ответственность за поджог, затопление, взрыв, а также распространение ядовитых и радиоактивных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний или иных веществ, угрожающих функционированию фабрик, шахт, нефтяных разработок, гаваней, рек, источников воды, складов, жилых домов, лесов, ферм, пастбищ, важных трубопроводов, общественных зданий или любой другой общественной или частной собственности, либо использование других опасных способов, угрожающих общественной безопасности [9, с. 67–68].

Таким образом, можно сказать, что в большинстве рассмотренных уголовных кодексов зарубежных стран установлена ответственность за преступления диверсионной направленности, включая как саму диверсию (саботаж), так и связанные с ней действия. Различия в основном проявляются в том, какие именно предметы ставятся под уголовно-правовую охрану от диверсии (саботажа), а также в некоторых объективных и субъективных признаках составов преступлений диверсионной направленности.

Уникальность подходов можно отметить в УК Швеции, где дополнительно установлена ответственность за поддержку диверсии и несообщение о подготовке к ее совершению. По УК Республики Болгария, ответственности за диверсию подлежит специальный субъект. По УК США, уголовно-правовая охрана от саботажа обеспечивается исключительно в отношении военных объектов и военной инфраструктуры. По УК ФРГ и УК Франции, наказуемы деяния, связанные с организацией диверсионной деятельности со стороны иностранных граждан, в т. ч. агентурной деятельности. По УК Республики Кубы, в состав диверсии входит заражение объектов, представляющих значение для нормальной организации политического или военного контроля государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ансель, М. Методологические проблемы сравнительного права (фрагменты) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 187–188.
2. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : монография / П. В. Агапов, Д.

¹ Уголовный кодекс Республики Сан-Марино // Юридическая Россия : сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20141022184841/http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1253084&subID=100116531,100116533,100117066,100117071,100117098> (дата обращения: 12.02.2024).

² Уголовный кодекс Таиланда // STUDYLIB : сайт. URL: <https://studylib.ru/doc/3752515/ugolovnyj-kodeks-tailanda--kniga-i-obshchie-polozheniya--obshhaya> (дата обращения: 12.02.2024).

А. Соколов и др.; рук. авт. коллектива П. В. Агапов; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. 236 с.

3. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев; пер. С. С. Беляева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.

4. Примерный уголовный кодекс (США) : Офиц. проект Ин-та америк. права / пер. с англ. канд. юрид. наук А. С. Никифорова; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук Б. С. Никифорова. Москва : Прогресс, 1969. 303 с.

5. Пухов, А. А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства : сб. ст. (мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф.) / под общ. ред. Е. Н. Салыгина, С. А. Маркунцова, Э. Л. Раднаевой. М., 2018. С. 207–214.

6. Khlebushkin, A., Krainova, N., Agapov, P., Radoshnova, N. Policy in the field of countering the activities of terrorist and extremist organizations // Relacoes Internacionais No Mundo Atual. 2021. V. 3. N 32. P. 216–234.

7. Шумилов, А. Ю. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: комментарии к гл. 29 УК РФ: с постатейным приложением нормативных актов и документов. М. : Шумилова, 2001. 203 с.

8. Плешаков, А. М., Шкабин, Г. С. Уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 273–279.

9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общей ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева; пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М. : ООО «Юридическая фирма контракт», 2021. 312 с.

REFERENCES

1. Ansel M. Metodologicheskie problemy sravnitel'nogo prava (fragmenty) [Methodological problems of comparative law (fragments)]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina - Vestnik of the O. E. Kutafin University. 2015, no. 5, pp. 187–188.
2. Agapov P. V., Sokolov D. A. Dejatel'nost' organov prokuratury po preduprezhdeniju prestuplenij protiv osnov konstitucionnogo stroja i bezopasnosti gosudarstva [Activities of the prosecutor's office to prevent crimes against the foundations of the constitutional order and state security]. М., 2019. 236 p.
3. Ugolovnyj kodeks SHvecii [The Criminal Code of Sweden]. St. Petersburg: Legal Center Press, 2001.
4. Primernyj ugolovnyj kodeks (SShA): Ofic. proekt. In-ta amerik. prava [The Exemplary Criminal Code (USA): Official draft. In the Americ. Law]. Moscow, 1969. 303 p.
5. Pukhov A. A. [On the issue of the concepts of "bioterrorism" and "biodiversion"]. Sociologija ugolovnogo prava i reformirovanie ugolovnogo zakonodatel'stva: Sbornik statej (materialy IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii) [Sociology of criminal law and criminal law reform: collection of articles (materials of the IV International scientific and practical conference)]. Moscow, 2018, pp. 207–214.
6. Khlebushkin, A., Krainova, N., Agapov, P., Radoshnova, N. Policy in the field of countering the activities of terrorist and extremist organizations // Relacoes Internacionais No Mundo Atual. 2021, V. 3, no. 32, pp. 216-234.
7. Shumilov A. Y. Prestuplenija protiv osnov konstitucionnogo stroja i bezopasnosti gosudarstva: kommentarii k gl. 29 UK RF: s postatejnym prilozheniem normativnyh aktov i

dokumentov [Crimes against the foundations of the constitutional order and state security: comments to Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation: with an article-by-article appendix of normative acts and documents]. Moscow, 2001, 203 p.

8. Pleshakov A. M., Shkabin G. S. Ugolovnaja otvetstvennost' za diversiju s ispol'zovaniem zhivotnyh [Criminal liability for sabotage using animals]. Voennoe pravo - Military law. 2021, no. 2 (66), pp. 273–279.

9. Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki / pod obshhej red. A. I. Chuchaeva, A. I. Korobeeva, per. s kitajskogo prof. Huan Daosju [The Criminal Code of the People's Republic of China / under the general editorship of A. I. Chuchaeva, A. I. Korobeeva, translated from Chinese prof. Huang Daoxiu]. Moscow, 2021. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазырин Сергей Игоревич, аспирант, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 117638, г. Москва, Азовская, 2/1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Glazyrin Sergey Igorevich, PhD student, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 117638, Moscow, Azovskaya, 2/1.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 133–147.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 133–147.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.22.012

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ – ИНТЕРПОЛ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ФАКТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ**

Каленюк Игорь Петрович¹, Кузнецов Евгений Викторович²

¹Межмуниципальный отдел МВД России «Усть-Илимский», г. Усть-Илимск, Российская Федерация

²Юридический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация

¹igor.kalenyuk@mail.ru

²kev300579@gmail.com

Введение. В условиях слома сложившихся международных связей, вызванных в последние годы недружественным, а в отдельных случаях враждебным отношением целого ряда государств к Российской Федерации, органы внутренних дел вынуждены искать новые формы, методы и способы международного сотрудничества по линии борьбы с организованной преступностью. В этой связи целесообразно проанализировать особенности правового регулирования деятельности Интерпола в Российской Федерации и раскрыть в ретроспективном и современном аспектах состояние и специфику взаимодействия правоохранительных органов в рамках этой международной организации. Решение данных задач может помочь выработать предложения по совершенствованию деятельности Национального центрального бюро Интерпола МВД России.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались историко-правовой и сравнительно-правовой методы познания, позволившие изучить специфику нормативного регулирования указанных методов добывания информации в различные периоды истории России. Для подтверждения или опровержения эмпирическим путем ряда теоретических положений исследования были использованы статистический метод и метод экспертных оценок, а также метод, основанный на анкетировании специалистов в сфере оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

Результаты исследования. Исследование особенностей правового регулирования Интерпола в России, а также результатов взаимодействия органов внутренних дел по вопросам противодействия организованной преступности в рамках деятельности этого органа за последние 10 лет позволило выявить ряд проблем правового и организационного характера, требующих разрешения.

Выводы и заключения. Анализ выявленных особенностей позволил сделать выводы о том, что мировые процессы затруднили по некоторым направлениям международное сотрудничество по линии Интерпола, но не привели к его прекращению. Тем не менее для повышения эффективности деятельности Национального центрального бюро Интерпола МВД России необходимо осуществить комплекс мероприятий нормативного и организационного характера, перечень которых приведен в материалах исследования.

Ключевые слова: организованная преступность, преступные сообщества, международное сотрудничество, международные соглашения, оперативно-розыскная деятельность, ОРД, оперативно-розыскные мероприятия, ОРМ, органы внутренних дел, ОВД, оперативные подразделения, Интерпол, НЦБ Интерпола МВД России, международный розыск

Для цитирования: Каленюк, И. П., Кузнецов, Е. В. Взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам противодействия организованной преступности в рамках деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпол: правовое регулирование и фактическое состояние // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. №3 (110). С. 133–147.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.22.012

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

INTERACTION OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION ON COMBATING ORGANIZED CRIME WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL POLICE ORGANIZATION – INTERPOL: LEGAL REGULATION AND ACTUAL STATE

Igor P. Kalenyuk¹, Evgeny V. Kuznetsov²

¹ Municipal department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Ust-Ilimsky", Ust-Ilimsk, Russian Federation

² Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,¹

¹igor.kalenyuk@mail.ru

² kev300579@gmail.com

Introduction: in the conditions of breaking the existing international ties, caused in recent years by the unfriendly, and in some cases hostile attitude of a number of states to the Russian Federation, internal affairs bodies are forced to look for new forms, methods and ways of international cooperation in the fight against organized crime. In this regard, it is advisable to analyze the peculiarities of the legal regulation of Interpol activities in the Russian Federation

and to reveal in retrospective and contemporary aspects the state and specifics of interaction between law enforcement agencies within the framework of this international organization. The solution of these tasks can help to develop proposals to improve the activities of the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Materials and Methods: in the course of the study, historical-legal and comparative-legal methods of cognition were used, which made it possible to study the specifics of the regulatory regulation of these methods of obtaining information in various periods of Russian history. To confirm or refute empirically a number of theoretical provisions of the study, the statistical method and the method of expert assessments were used. The latter method was based on a survey of specialists in the field of operational investigative activities and criminal proceedings.

The Results of the Study: the study of the specifics of the legal regulation of Interpol in Russia, as well as the results of the interaction of internal affairs bodies on combating organized crime within the framework of the activities of this body over the past 10 years has revealed a number of legal and organizational problems that require resolution.

Findings and Conclusions: the analysis of the identified features allowed us to conclude that global processes have hindered international cooperation through Interpol in some areas, but did not lead to its termination. Nevertheless, to increase the effectiveness of the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is necessary to implement a whole range of regulatory and organizational measures, a list of which is given in the research materials.

Keywords: organized crime, criminal communities, international cooperation, international agreements, operational search activities, ORD, operational search activities, ORM, internal affairs agencies, ATS, operational units, Interpol, NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia, international search

For citation: Kalenyuk I. P., Kuznetsov E. V. Vzaimodejstvie organov vnutrennih del rossijskoj federacii po voprosam protivodejstviya organizovannoj prestupnosti v ramkah deyatel'nosti mezhdunarodnoj organizacii ugolovnoj policii – interpol: pravovoe regulirovanie i fakticheskoe sostoyanie [Interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation on combating organized crime within the framework of the International Criminal Police Organization – Interpol: legal regulation and actual state]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 133–147.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.22.012

Организованная преступность в Российской Федерации всегда являлась одной из главных угроз национальной безопасности и в настоящее время продолжает быть ею. Крайне негативной тенденцией современности является возрастающий профессионализм и законспирированность субъектов организованной преступной деятельности. При этом в современном глобализованном мире с его цифровыми способами обмена информацией и финансами эффективно противостоять организованным формам преступности возможно, как правило, лишь при тесном международном взаимодействии. В этой связи, как справедливо отмечают К. Н. Евдокимов и К. В. Хобонкова, одним из эффективных инструментов международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) в борьбе с организованной преступностью является взаимодействие оперативных и следственных подразделений МВД России с таким органом, как Международная организация уголовной полиции – Интерпол (далее – Интерпол) [1, с. 91]. Это обусловлено тем, что данный субъект международного права

является крупнейшей в мире международной правоохранительной организацией, включившей на данный момент в свой состав 195 государств¹.

В условиях слома сложившихся международных связей, вызванных в последние годы недружественным, а в отдельных случаях враждебным отношением целого ряда государств к Российской Федерации, ОВД вынуждены искать новые формы, методы и способы международного сотрудничества по линии борьбы с организованной преступностью. В этой связи применительно к вопросам противодействия организованной преступности целесообразно проанализировать особенности правового регулирования деятельности Интерпола в Российской Федерации и раскрыть в ретроспективном и современном аспектах состояние и специфику взаимодействия ОВД в рамках этой международной организации. Решение данных задач может помочь выработать предложения по совершенствованию деятельности Интерпола в России.

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что важным этапом развития международного сотрудничества Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью стало вступление СССР в Интерпол. Данное решение было принято 27 сентября 1990 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола. В связи с этим в 1991 г. в структуре центрального аппарата МВД СССР на правах управления было создано Национальное центральное бюро Интерпола, которое после распада Советского государства в декабре 1991 г. было преобразовано в Национальное центральное бюро Интерпола МВД России (далее – НЦБ Интерпола МВД России). В связи с вступлением России в Интерпол правовая основа международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью в России пополнилась таким актом, как Устав Международной организации уголовной полиции Интерпола (далее – Устав Интерпола) и принятых на его основе различных служебных стандартов и регламентов данного международного органа [2, с. 27–28].

Для обеспечения сотрудничества стран в рамках Интерпола каждое государство, являющееся участником этой организации, обязалось определить орган, который должен выступать в качестве национального центрального бюро, осуществляющего взаимодействие с правоохранительными ведомствами стран – членов Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола. В связи с этим Указом Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113² было определено, что в России представителем национального Интерпола является НЦБ Интерпола МВД России, имеющее в настоящее время порядка 80 филиалов в территориальных органах МВД России по субъектам Российской Федерации.

В основе правового регулирования деятельности НЦБ Интерпола МВД России помимо различных федеральных законов и международных договоров лежит упомянутый

¹ Национальное центральное бюро Интерпола // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola (дата обращения: 15.03.2024).

² Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола : Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 года № 1113 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&nr=476971&cacheid=E7BE03B3A7B92572B56C0ABAACC5D188&mode=splus&rnd=0.5165728592776992#FwPaBIUScVQD6Uq1> (дата обращения: 02.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

выше Устав Интерпола, Положение о Национальном центральном бюро Интерпола¹, а также Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола² (далее – Инструкция по линии Интерпола). Последний нормативный правовой акт закрепляет важнейшие правовые механизмы по регулированию вопросов взаимодействия российских правоохранительных органов со странами – членами Интерпола и Генеральным секретариатом этой организаций, являющимся головным органом обеспечения координации борьбы с преступностью между странами.

Анализ Инструкции по линии Интерпола указывает на то, что в ней закреплено право сотрудников правоохранительных органов России использовать большинство форм активного международного взаимодействия, описанных в предыдущем разделе, реализуемых, как правило, путем направления различных запросов, сообщений, а также следственных поручений (см. Раздел II Инструкции по линии Интерпола). Например, сотрудники ОВД в сфере борьбы с организованной преступностью имеют возможность:

1) запрашивать, получать, а также ставить на учет Интерпола отдельные сведения, имеющие отношение к преступлениям международного характера и лицам, к ним причастным, в том числе связанным с деятельностью членов организованных преступных групп и сообществ (далее – ОПГ и ОПС);

2) направлять и исполнять запросы о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), включая организацию оперативно-розыскного наблюдения за членами ОПГ или ОПС, и осуществлении следственных действий;

3) согласовывать и участвовать в совместных операциях, проводимых по линии Интерпола;

4) инициировать и осуществлять международный розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора, лиц, пропавших без вести, а также предметов и документов, являвшихся объектами преступных посягательств.

В территориальных органах внутренних дел районного уровня взаимодействие с НЦБ Интерпола МВД России осуществляется через подразделения ОВД по субъектам Российской Федерации. Запросы, сообщения, следственные поручения и ответы (далее – обращения в Интерпол), поступившие по линии Интерпола от иностранных правоохранительных органов, как правило, направляются в НЦБ Интерпола МВД России через соответствующие филиалы. Сотрудники последних, согласно п. 18 Инструкции по линии Интерпола, обязаны проверить обоснованность и правильность составления обращений в Интерпол их инициаторами, после чего они окончательно оформляют его по установленной в приложениях к рассматриваемой Инструкции форме, в том числе осуществив перевод текста на один из официальных для Интерпола языков (как правило, английский).

В дальнейшем сотрудники филиалов должны направить оформленное обращение в НЦБ Интерпола МВД России, должностные лица которого после его регистрации и

¹ Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://172.30.6.144/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=409786&cacheid=373420624E5784B3C4E7B5811C2C0614&mode=splus&rnd=0.5165728592776992#CpybVIUaM2MWv4441> (дата обращения 15.03.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

²Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 (в ред. от 22 сентября 2009 г.) // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/1356457/?ysclid=lxyahkb2jm913785777> (дата обращения 15.03.2024).

проверки обязаны переслать его адресату – в НЦБ иностранного государства и/или в Генеральный секретариат Интерпола.

Для оптимизации борьбы с организованной преступностью в Инструкции по линии Интерпола предусмотрен особый механизм информационного обеспечения сотрудничества в этой сфере (раздел III). В частности, в целях координации деятельности правоохранительных органов иностранных государств по установлению местонахождения членов ОПГ и ОПС, выявления их связей, ликвидации финансовой базы и пресечения их противоправной деятельности оперативно-розыскными органами могут быть использованы специальные базы данных (учеты), создаваемые Генеральным секретариатом Интерпола. Обращение к последним в Российской Федерации осуществляется через НЦБ Интерпола МВД России.

Указанный информационный ресурс формируется на основе специальных сообщений (Приложение 4 Инструкции по линии Интерпола), которые должны направляться в Генеральный секретариат Интерпола через национальные бюро сотрудниками правоохранительных органов, выявившими членов ОПГ и ОПС, имеющих международные преступные связи или «интересы». Перечень отражаемых в сообщении данных об объекте, подлежащем постановке на учет, весьма обширен (Приложение 4 Инструкции по линии Интерпола). При этом инициатор издания специального сообщения, используя принцип целесообразности или учитывая национальные интересы, вправе определить перечень стран – членов Интерпола, которым будет предоставлен доступ к этим сведениям, и условия выдачи информации. Например, доступ к имеющимся сведениям может быть предоставлен любому государству – члену Интерпола только после согласования этого вопроса с инициатором внесения в базу данных об объекте учета.

Помимо описанного в рассматриваемом разделе закреплены правила обращения правоохранительных органов к странам – членам Интерпола за помощью в сборе информации о членах ОПГ или ОПС, проходящих в качестве фигурантов по расследуемым уголовным делам или делам оперативного учета. Для этого, как отмечают А. В. Водянов и Ю. В. Пузырева, инициатор через национальные бюро Интерпола обращается в Генеральный секретариат Интерпола с ходатайством об издании специальных уведомлений, обязывающих правоохранительные органы стран – членов Интерпола принять меры, указанные в них [3, с. 49].

В отношении членов ОПГ или ОПС, имеющих статус подозреваемых или обвиняемых, может быть составлено уведомление Интерпола с синим углом (BLUE NOTICE). Оно издается для установления контроля за передвижением интересующего лица, получения о нем информации, известной правоохранительным органам государств – членов Интерпола. Наличие данного уведомления обязывает правоохранительные органы всех государств – членов Интерпола предоставить информацию о местонахождении лица, на которое оно издано, и иные запрашиваемые сведения.

Уведомление Интерпола с зеленым углом (GREEN NOTICE) издается в отношении членов ОПГ или ОПС, проверяемых или разрабатываемых по делам оперативного учета и не имеющих уголовно-процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Ходатайство об издании такого уведомления должно направляться лишь в том случае, когда имеются подтвержденные сведения о намерениях или факте выезда интересующего объекта за рубеж. По мнению В. Н. Тронева, исполнение этого уведомления предполагает предоставление правоохранительными органами государств – членов Интерпола сведений, которые могут быть полезны для осуществления ОРМ [4, с. 353].

Круг стран – членов Интерпола, допускаемых к ознакомлению и исполнению уведомлений, определяется стороной, инициирующей его издание.

Анализируя указанные положения, следует отметить, что закрепленные в них правовые механизмы в виде формирования международного банка данных о членах ОПГ и ОПС и издания специальных уведомлений с точки зрения предупреждения или пресечения противоправной деятельности представителей организованной преступности являются одним из эффективных средств решения обозначенных задач. Однако проведенный опрос сотрудников оперативных и следственных подразделений ОВД¹ указывает на то, что лишь 14 % опрошенных известны положения, изложенные в разделе III Инструкции по линии Интерпола, и лишь 4 % респондентов применяли их в практической деятельности или слышали о его реальном использовании. Результаты опроса представителей филиалов НЦБ Интерпола России также указывают на тот факт, что описанный механизм применяется оперативными сотрудниками и следователями достаточно редко. По-видимому, это связано с незнанием многими сотрудниками положений Инструкции по линии Интерпола или же недооценкой их роли в борьбе с организованной преступностью.

В целом опрос сотрудников ОВД, в чьи полномочия входит противодействие организованной преступностью, показал слабые знания ими положений Инструкции по линии Интерпола. При этом 6 % опрошенных указали на то, что они никогда не изучали данный нормативный правовой акт и не знакомы с его содержанием. На наш взгляд, такое положение с точки зрения организации борьбы с транснациональными ОПГ и ОПС негативно влияет на результативность деятельности ОВД в сфере международного сотрудничества. Способ ликвидации данной проблемы видится в необходимости включения руководителями соответствующих оперативных и следственных подразделений в содержание служебной подготовки отдельных тем, раскрывающих вышеизложенные положения Инструкции по линии Интерпола.

В целом, чтобы представить объем и результаты работы, проводимой сотрудниками НЦБ Интерпола МВД России, следует обратиться к некоторым цифрам и примерам.

Наиболее активно сотрудничество ОВД по линии Интерпола, в том числе в сфере борьбы с организованной преступностью, осуществлялось с различными государствами до 2014 года. После присоединения Крыма к Российской Федерации, как показал опрос практических сотрудников, взаимодействие с целым рядом стран, условно относимых к блоку Западной коалиции, в борьбе с преступностью стало осложняться, и в первую очередь в сфере выдачи иностранными государствами российских преступников, объявленных в международный розыск. Хотя следует отметить, что в сфере международного розыска «преступников» общий уровень активности НЦБ Интерпола МВД России с 2014 г. по настоящее время имел тенденции к росту. С началом Специальной военной операции России на территории Украины (далее – СВО) ситуация в сфере выдачи преступников, а также по некоторым иным направлениям, со слов опрошенных сотрудников Интерпола, еще более усугубилась.

¹ В ходе исследования был осуществлен опрос 57 действующих сотрудников ОВД, сталкивавшихся с вопросами международного взаимодействия, в чьи функциональные обязанности входит борьба с организованной преступностью, проходящих службу в ГУ МВД России по Иркутской области (42 сотрудника) и МВД Республики Бурятия (15 сотрудников), из которых: 9 являются руководителями оперативно-розыскных органов и подразделений; 15 – следователи; 4 – сотрудники филиалов НЦБ Интерпола МВД России; 12 – оперуполномоченные уголовного розыска; 8 – оперуполномоченные подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции; 9 – сотрудники оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Средний стаж работы опрошенных составил: от 3 до 5 лет – 21 чел. (36,8 %); от 6 до 10 лет – 22 чел. (38,6 %); свыше 10 лет – 14 чел. (24,5 %).

Обращаясь к цифрам¹, следует отметить, что в 2013 г. во взаимодействии с зарубежными партнерами было осуществлено информационное сопровождение порядка 21 тыс. уголовных дел и 6,8 тыс. дел оперативного учета. В последующие годы эти показатели, как правило, росли². При этом объем информационного обмена по линии Интерпола между Россией и иностранными государствами составил 60 712 входящих и 58 833 исходящих документов (+23 %). Весь документооборот в сфере международного сотрудничества составил 119 545 документов.

В общем объеме информационного обмена 24,3 % составили материалы по экономическим преступлениям, 11,2 % – по преступлениям против личности, 12,8 % – по преступлениям, связанным с автотранспортом. В указанный период достаточно активно по каналам Интерпола осуществлялось информационное взаимодействие с правоохранительными органами Германии – (4 433 документа), Японии – (2 067), Украины – (1 813), США – (1 641). В структуре документооборота с НЦБ Интерпола указанных стран преобладали запросы по преступлениям в сфере экономики, организованной преступности, а также против личности и связанным с хищениями транспортных средств. Как показал устный опрос сотрудников филиалов НЦБ Интерпола МВД России, данные тенденции в целом сохраняются, однако за последние пять лет возросло количество запросов по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, а также иным преступлениям, преимущественно совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Данные статистики свидетельствует о том, что с 2013 г. значительно возросло количество обращений российских правоохранительных органов к учетам НЦБ Интерпола в целях проверки различных объектов путем использования систем удаленного доступа. Например, если в 2013 г. было зарегистрировано 25 млн обращений, то в 2016 г. – 68 млн, а в 2019 г. – уже 92,1 млн. Однако в 2020 г. произошел значительный их спад – до 56,4 млн. Предположительно, он связан с пандемией, вызвавшей закрытие границ между государствами и уменьшение миграционных процессов. Этого мнения придерживаются и опрошенные практические сотрудники, указавшие, что с 2019 г. перемещение между государствами лиц, причастных к преступной деятельности, значительно сократилось.

¹ Приведенные в данной статье показатели деятельности НЦБ Интерпола МВД России, за исключением розыска «преступников», получены на основе выборки данных, содержащихся в ежегодных годовых отчетах МВД России о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за период с 2013 по 2021 гг., приводимые на официальном сайте МВД России, а также из выступления В. А. Колокольцева в Совете Федерации, состоявшегося в 2013 г. (см.: Ответы Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева на вопросы членов Совета Федерации для рассмотрения в рамках «правительственного часа» на тему «О мерах по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации» // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : URL: <http://council.gov.ru/events/news/36858/> (дата обращения: 15.03.2024)).

² Например, информационное сопровождение уголовных дел с 2013 г. по 2020 г. увеличилось на 55,5 % (2016 г. – 30 тыс., 2018 г. – 38,3 тыс., 2019 г. – 38,9 тыс., 2020 г. – 29,1 тыс.). В сфере же информационного сопровождения дел оперативного учета тенденции иные: 2016 г. – 9,8 тыс., 2018 г. – 8,7 тыс., 2020 г. – 4,4 тыс. Спад в 2020 г. указанных показателей, возможно, связан с изменениями правил ведения дел оперативного учета в сфере розыска и идентификации отдельных объектов розыскной работы ОВД, произошедшими в 2018 г. в связи с принятием нового закрытого межведомственного приказа, зарегистрированного в Министерстве России 3 апреля 2018 г. за номером 50595.

Из 56,4 млн проверок по учетам 47,3 млн в 2013 г. были связаны с проверками физических лиц, 2 млн – автомашин, 7,1 млн – документов (в 2019 г. эти цифры соответствовали следующим показателям: 83,5 млн; 2,4 млн; 6,2 млн).

Российскими правоохранительными органами в 2018 и 2019 гг. было обнаружено порядка 400 автомашин, разыскиваемых зарубежными правоохранительными органами по линии Интерпола. При этом из 217 автомобилей, найденных в 2018 г., большинство были похищены с территории Германии (56), Италии (42) и Украины (36). В свою очередь благодаря информационному взаимодействию по линии Интерпола за рубежом иностранными партнерами было обнаружено 398 автомашин, разыскиваемых МВД России, около половины из которых были выявлены в ближнем зарубежье (Грузии, Республике Казахстан, Украине). Приведенные цифры указывают на то, что несмотря на все противоречия между Россией и Украиной, возникшие с 2014 г., механизмы взаимодействия по линии Интерпола позволяли в той или иной мере до 24 февраля 2022 г. обеспечивать международное взаимодействие между ними.

В рамках международного сотрудничества НЦБ Интерпола МВД России всегда стремилось обеспечить исполнение международных следственных поручений и запросов компетентных органов зарубежных стран об оказании правовой помощи. Например, в 2019 г. количество выполненных поручений достигло 4,1 тыс. (в 2016 г. – 3,7 тыс.) При этом по каналам Интерпола в этом же году российскими следственными органами было направлено 2,1 тыс. международных следственных поручений и запросов (ходатайств) об оказании правовой помощи иностранным государствам (в 2016 г. – 2,9 тыс.).

Анализ десятилетних показателей (2012–2022 гг.) деятельности НЦБ Интерпола МВД России по координации деятельности российских правоохранительных органов в сфере международного розыска указывает на следующие тенденции¹. Так, число обвиняемых, разыскиваемых по каналам Интерпола, с 2012 г. возросло более чем в 5 раз (с 1 677 в 2012 г. до 8 887 в 2022 г.). Этот показатель свидетельствует о хорошей организационной работе сотрудников НЦБ Интерпола МВД России, способствующей активизации деятельности различных ОВД в сфере международного розыска. Например, с 2012 г. по 2017 г. ежегодное количество объявлений в международный розыск обвиняемых постоянно росло. Однако после 2018 г. этот показатель стал падать (в 2022 г. снижение в сравнении с 2017 г. на 56 %).

С 2012 по 2018 гг. ежегодно росла активность международного взаимодействия, выраженная в форме выдачи России иностранными государствами разыскиваемых обвиняемых (с 56 в 2012 г. до 114 в 2018 г.). С 2019 г. эти показатели снизились почти в 2,5 раза: в 2022 г. в Российской Федерации были выданы и депортированы лишь 46 обвиняемых, тогда как, например, в 2012 г. этот показатель равнялся 56².

Одним из возможных объяснений снижений показателей в сфере международного розыска является общее уменьшение миграционной активности преступников, вызванное как закрытием в 2019 г. границ в связи пандемией COVID-19, так и началом СВО. Последнее обстоятельство, по мнению практических сотрудников, значительно повлияло

¹ Нижеприведенные данные в сфере международного розыска получены на основе анализа Сводных отчетов по России о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации за периоды с 2012 г. по 2022 г., ежегодно формируемых ГИАЦ МВД России.

² Анализ данных за 2022 г. указывает на то, что подавляющее число лиц, объявленных в международный розыск, обвинялись в участии в незаконном вооруженном формировании (2 603 обвиняемых), в мошенничестве (1 422), терроризме (1 014), убийствах (654), незаконном обороте наркотиков (478), коррупции (186). За организацию и/или участие в деятельности ОПС (ст. 210 УК РФ) разыскивалось 145 обвиняемых, за бандитизм (ст. 209 УК РФ) – 74.

на результативность выдачи преступников. Например, оперативные сотрудники ГУ МВД России по Иркутской области указали на то, что после 24 февраля 2022 г. правоохранительные органы ряда стран, в частности Польши, Великобритании и Латвии, демонстративно прекратили начавшийся уже процесс экстрадиции пяти лиц, обвиняемых по разным уголовным делам, находящимся в производстве следственных органов Иркутской области.

Опрос сотрудников отделов НЦБ Интерпола ГУ МВД России по Иркутской области и МВД России по Республике Бурятия указал на ряд недостатков, связанных с работой сотрудников ОВД, задействованных в международном розыске, в том числе членов ОПГ и ОПС. Ими было отмечено, что многие следователи и оперативные работники ОВД, инициирующие розыск обвиняемых, плохо представляют порядок объявления лиц в международный розыск и процесс их экстрадиции. В частности, целый ряд сотрудников не знает регламентированные в Инструкции по линии Интерпола основания объявления лиц в международный розыск, а также алгоритм и специфику взаимодействия инициаторов розыска с Интерполом, прокуратурой, судом, следственными и оперативными подразделениями. Последнее обстоятельство снижает эффективность осуществления международного розыска и свидетельствует о необходимости усиления служебной подготовки сотрудников ОВД в данной сфере.

В качестве примеров успешной координации сотрудниками НЦБ Интерпола МВД России деятельности российских и зарубежных правоохранительных органов в рамках осуществления специальных операций можно привести следующие факты.

В результате проведения в 2017–2018 гг. международной операции «Opson», в которой вместе с Россией приняло участие 58 стран, было изъято более 3 620 тонн и 9,7 миллиона литров опасных поддельных продуктов питания и напитков на общую сумму около 55 млн евро. При этом благодаря координации НЦБ Интерпола МВД России в нашей стране были ликвидированы 48 подпольных заводов и изъято более 1,6 млн литров незаконно произведенного алкоголя, а контрабандных табачных изделий – на сумму порядка 7 млн евро. По результатам операции были возбуждены уголовные дела в отношении 282 членов ОПГ, многие из которых имели преступные интересы за рубежом¹.

В целях пресечения преступной деятельности международных транснациональных наркогруппировок, специализирующихся на поставках наркотиков из Центральной и Юго-Восточной Азии, а также из Латинской Америки, в 2015 г. с участием сотрудников МВД России, действующих во взаимодействии с ФТС России и ФСБ России, было организовано и проведено 3 международных контролируемых поставки наркотических средств. В результате были арестованы 6 участников транснациональных организованных преступных сообществ, изъято 45,5 кг героина, 18 кг гашиша и около 91 кг кокаина. В ходе совместной операции помимо контролируемой поставки были проведены такие ОРМ, как оперативный эксперимент и оперативное внедрение².

В 2014 г. сотрудники НЦБ Интерпола МВД России успешно координировали деятельность российских оперативно-розыскных органов в рамках участия сразу в нескольких международных полицейских операциях, проводимых по инициативе Генерального секретариата Интерпола (например, «Пангея», направленной на противодействие незаконному распространению в информационно-

¹ Deadly and dangerous counterfeit food and beverages seized during a global operation // Интерпол : офиц. сайт. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2018/Deadly-and-dangerous-fake-food-and-drink-seized-in-global-operation> (дата обращения 15.03.2024).

² Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2015 г. М. МВД России, 2016.

телекоммуникационной сети «Интернет» фальсифицированных лекарственных препаратов; «Interflow», обеспечивавшей обмен информацией между правоохранительными органами различных стран в рамках расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом и контрабандой наркотиков через Африку; «INVEX», «Авто-VIN» и «АвтоКрим», предусматривающих идентификацию, установление местонахождения и задержание похищенных транспортных средств).

В результате последней операции с использованием информационных ресурсов НЦБ Интерпола на территории Российской Федерации в 2014 была обнаружена 431 автомашина, разыскиваемая по каналам Интерпола правоохранительными органами Италии, Германии и Японии¹.

В настоящее время в России и во многих других странах реализуется масштабная операция, одним из инициаторов которой стало НЦБ Интерпола МВД России, получившая наименование «Проекта Тысячелетие» (Project Millennium). Ее целью является выявление и ликвидация наиболее крупных преступных ОПГ и ОПС и связанных с ними международных преступных сетей, включая привлечение к уголовной ответственности «воров в законе» и других крупных лидеров преступных сообществ².

Приведенный краткий обзор результатов работы НЦБ Интерпола МВД России и ее структурных подразделений указывает на важное значение этого оперативного подразделения ОВД в борьбе с организованной преступностью как координатора межгосударственного и внутриведомственного взаимодействия при проведении международных операций. В этой связи хотелось бы акцентировать внимание на определенных правовых пробелах в регулировании деятельности российского Интерпола.

1. В МВД России отсутствует внутриведомственный или межведомственный приказ, который регламентировал бы правила организации и осуществления международных операций, проводимых при посредничестве НЦБ Интерпола МВД России. На наш взгляд, такой нормативный правовой акт с точки зрения обеспечения повышения эффективности управления необходим. Это обусловлено тем, что сотрудникам оперативных подразделений ОВД, принимающим участие в подобных операциях, не всегда ясно, кто является руководителем операции, какие обязанности и полномочия возложены на исполнителей и взаимодействующие органы, какова роль в операции НЦБ Интерпола МВД России и ее структурных подразделений и т. д.

Разработка предложенного варианта нормативного правового акта смогла бы устраниТЬ пробелы в вопросах организации, планирования и управления международными операциями. Особенno это в важно в тех случаях, когда целью операции является ликвидация крупных транснациональных организованных преступных сообществ или их объединений, так как это требует привлечения значительных сил и средств, в том числе международных, взаимодействие с которыми при отсутствии должной правовой регламентации ее организации может быть значительно затруднено.

2. С вышеуказанным аспектом связана и другая проблема. В МВД России вопросы организации и осуществления международного взаимодействия и координации находятся в ведении различных структурных подразделений.

Например, помимо НЦБ Интерпола МВД России в международном сотрудничестве ОВД существенная роль отведена и такому подразделению центрального аппарата МВД России, как Управление международного сотрудничества Министерства внутренних

¹ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2014 г. М. : МВД России, 2015.

² Project Millennium // Интерпол : офиц. сайт. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime/Project-Millennium> (дата обращения: 15.03.2024).

дел Российской Федерации (далее – УМС МВД России). Основное предназначение данной структурной единицы выражается в выполнении дипломатических функций и представлении МВД России на мировой арене. В частности, сотрудники УМС МВД России осуществляют переговоры с органами государственной власти иностранных государств, организуют прием иностранных делегаций, обеспечивают заключение ОВД международных договоров и т. д.

Ю. С. Мандрыка и И. С. Степанян отмечают, что вопросы межгосударственного взаимодействия МВД России с правоохранительными органами стран – участников СНГ находятся в ведении такого координационно-совещательного органа МВД России, как Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (сокращенное наименование – БКБОП), созданного решением Совета глав государств СНГ от 24 сентября 1993 г., а также главных управлений МВД России (например, ГУУР МВД России, ГУЭБиПК МВД России, ГУПЭ МВД России) [5, с. 24].

На наш взгляд, такое разнообразие субъектов международного сотрудничества с различием в их полномочиях приводит к определенной дезорганизации, что может негативно сказываться на эффективности международного взаимодействия ОВД, включая участие их в международных операциях. Данная структурная особенность МВД России в определенной мере противоречит и международным соглашениям, согласно которым НЦБ Интерпола должны быть размещены вместе с другими подразделениями, осуществляющими взаимодействие с правоохранительными органами других государств. И если имеется возможность, эти органы должны:

- 1) являться структурным подразделением одной и той же организации;
- 2) иметь общий управленческий орган;
- 3) размещаться в одном здании¹.

На основании изложенного считаем возможным рассмотреть вопрос о принятии мер по устранению децентрализации управления в сфере международного сотрудничества ОВД и приведению структуры МВД России к стандартам Интерпола. Для этого целесообразно передать полномочия вышеуказанных подразделений в ведение НЦБ Интерпола МВД России, для чего требуются соответствующие правовые и организационно-штатные изменения. Последняя позиция основывается не только на рекомендациях Генерального секретариата Интерпола, но и на том, что, в отличие, например, от УМС МВД России, сотрудники НЦБ Интерпола МВД России наделены оперативно-розыскными полномочиями, что дает им возможность не только координировать проведение международных операций, но и непосредственно участвовать в них путем осуществления различных ОРМ.

3. Изучение полномочий сотрудников НЦБ Интерпола МВД России выявило еще один пробел, который может отрицательно сказываться на эффективности участия сотрудников указанного оперативного подразделения ОВД в международных операциях и исполнении ими международных запросов о проведении ОРМ на территории России. Проблема заключается в том, что приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» сотрудники НЦБ Интерпола МВД России относятся к сотрудникам ОВД, правомочным на осуществление ОРД. Однако данную деятельность они вправе

¹ Служебные стандарты национальных центральных бюро Интерпола : утверждены на 73 сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола, г. Канкун, Мексика, 5–8 октября 2004 г. Выдержки приведены в приложении № 2 Инструкции по линии Интерпола.

реализовывать в усечном объеме. Так, согласно п. 7 Приложения к указанному приказу сотрудники российского Интерпола вправе осуществлять ОРД только по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств и только путем проведения лишь трех из пятнадцати видов ОРМ, а именно опроса, наведения справок и отождествления личности. На наш взгляд, такая правовая ведомственная позиция весьма спорна и не поддерживается многими практическими сотрудниками. В частности, как показало исследование В. Н. Митькова и А. А. Бабушкина, практические сотрудники ОВД, проходящие службу в г. Санкт-Петербурге, Белгородской, Воронежской, Тульской и Челябинских областях, считают, что действующие ограничения отрицательно сказываются на работе региональных подразделений НЦБ Интерпола МВД России, так как сковывают их инициативу. В связи с этим указанные авторы предлагают закрепить за сотрудниками рассматриваемых оперативных подразделений ОВД право проводить все виды ОРМ [6, с. 64].

Поддерживая данную точку зрения, считаем, что расширение полномочий сотрудников НЦБ Интерпола МВД России позволит им полноценно принимать участие в международных специальных операциях, проводимых в сфере борьбы с организованной преступностью, например, самостоятельно планировать и осуществлять контролируемые поставки, оперативные внедрения, инициировать проведение оперативно-технических мероприятий. При этом обязательное знание сотрудниками российского Интерпола иностранных языков предполагает возможность и целесообразность командирования именно сотрудников рассматриваемого подразделения за рубеж для участия в проведении ОРМ совместно с иностранными партнерами. Кроме того, возможность самостоятельного проведения всех видов ОРМ позволит сократить время на исполнение международных запросов, не отвлекая на их исполнение сотрудников иных оперативных подразделений, как это в настоящее время и происходит.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. НЦБ Интерпола МВД России является ведущим координатором международного сотрудничества ОВД в борьбе с организованной преступностью.

2. Результаты деятельности НЦБ Интерпола МВД России свидетельствуют о достаточно высоких показателях последних 10 лет работы данного подразделения, в том числе в сфере борьбы с международными ОПГ и ОПС. При этом наиболее важная роль данному структурному подразделению МВД России отводится в сферах организации розыска лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда, осуществлении международных полицейских операций в отношении членов транснациональных ОПГ и ОПС, а также в организации их международного учета и контроля, в том числе путем проведения ОРМ.

3. Одним из факторов, снижающих активность международного сотрудничества по линии Интерпола, является незнание отдельными сотрудниками ОВД, в чьи полномочия входит борьба с ОПГ и ОПС, положений Инструкции по линии Интерпола. Эта проблема указывает на необходимость включения соответствующими руководителями территориальных ОВД в тематику служебной подготовки специальных вопросов, позволяющих углубленно изучить особенности международного взаимодействия в сфере борьбы с организованной преступностью.

4. Мировые явления, связанные с пандемией и СВО, затруднили по некоторым направлениям международное сотрудничество по линии Интерпола, но не привели к его прекращению. Тем не менее МВД России и другим компетентным государственным органам следует постоянно активизировать дипломатическое присутствие Российской Федерации на международной арене, отстаивая необходимость в международном

сотрудничестве в сфере борьбы с ОПГ и ОПС и предлагая новые формы для его оптимизации.

5. Повышению эффективности деятельности НЦБ Интерпола МВД России могут служить следующие нормативные и организационные решения:

1) разработка ведомственного или межведомственного приказа о правилах участия сотрудников ОВД в международных полицейских операциях и совместных следственных и/или оперативных группах;

2) расширение видов ОРМ, разрешенных для проведения сотрудниками НЦБ Интерпола МВД России;

3) устранение децентрализации управления в сфере международного сотрудничества ОВД и приведение структуры МВД России к стандартам Интерпола путем включения в состав НЦБ Интерпола МВД России иных подразделений, выполняющих в настоящее время различные функции в сфере международного и межгосударственного взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евдокимов, К. Н., Хобонкова, К. В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности сотрудничества // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 90–95.

2. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебник / отв. ред. Р. А. Каламкарян. М. : Юрайт, 2019. 349 с.

3. Водянов, А. В., Пузырева, Ю. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51.

4. Тронева, В. Н. Основные направления международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью // Безопасность в современном мире : мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Волгоград, 2021. С. 349–356.

5. Мандрыка, Ю. С., Степанян, И. С. Международное взаимодействие по борьбе с преступностью на территории стран - участниц СНГ // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2018. С. 23–28.

6. Митьков, В. Н., Бабушкин, А. А. Региональные подразделения НЦБ Интерпола МВД России как субъекты оперативно-розыскного противодействия транснациональной преступности в современных условиях // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 60–64.

REFERENCES

1. Evdokimov, K.N., Khobonkova, K.V. K probleme sovershenstvovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere protivodejstviya kiberprestupnosti sotrudnichestva [On the problem of improving international cooperation in countering cybercrime cooperation]. Sibirskij yuridicheskij vestnik – Siberian Legal vestnik. 2022, no. 3 (98), pp. 90–95.

2. Kalamkarian R. A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s prestupnost'yu [International cooperation in the fight against crime]. Moscow, 2019. 349 p.

3. Vodianov A.V., Puzyreva Yu.V. Informacionnoe obespechenie sotrudnichestva gosudarstv po linii Interpola [Information support for cooperation between states through Interpol]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry – Education. Science. Scientific staff. 2018, no. 1, pp. 48-51.

4. Troneva V.N. Osnovnye napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere bor'by s prestupnost'yu [The main directions of international cooperation in the field of combating

crime]. *Bezopasnost' v sovremenном мире – Security in the modern world.* Volgograd, 2021, pp. 349-356.

5. Mandryka Yu.S., Stepanyan I.S. *Mezhdunarodnoe vzaimodejstvie po bor'be s prestupnost'yu na territorii stran - uchastnic SNG* [International cooperation in combating crime on the territory of the CIS member states] *Aktual'nye problemy teorii i praktiki ugolovnogo processa – Actual problems of theory and practice of criminal procedure.* Rostov-on-Don. 2018, pp. 23-28.

6. Mitkov V.N., Babushkin A.A. *Regional'nye podrazdeleniya NCB Interpola MVD Rossii kak sub"ekty operativno-rozysknogo protivodejstviya transnacional'noj prestupnosti v sovremennyh usloviyah* [Regional divisions of the NCB Interpol of the Ministry of Internal Affairs of Russia as subjects of operational investigative counteraction to transnational crime in modern conditions]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii – Vestnik of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2015, no. 1 (4), pp. 60-64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каленюк Игорь Петрович, начальник. Межмуниципальный отдел МВД России «Усть-Илимский». 666685, г. Усть-Илимск, ул. Декабристов, 2.

Кузнецов Евгений Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета. 664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kalenyuk Igor Petrovich, the head Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Ust-Ilimsky" 666685, Ust-Ilimsk, 2, str. Dekabristov.

Kuznetsov Evgeny Viktorovich, candidate of law sciences, associate professor, associate professor of the Department of Judicial Law the Law Institute of Irkutsk State University. 664082, Irkutsk, 10, str. Ulan Batorskaya.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 148–162.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 148–162.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9гл

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.93.87.013

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ
ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА, ИНИЦИИРОВАННЫХ РОСТОМ
ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА,
И МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

Кобец Петр Николаевич

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Российская Федерация,
г. Москва, pkolets37@rambler.ru

Введение. На текущий момент безопасность общества и государства зависит от многих обстоятельств. В частности, среди ученых и практиков все больше крепнет уверенность в том, что обозначенной защищенности может серьезно угрожать усиливающийся с каждым годом рост инновационных составляющих в сфере искусственного интеллекта. По этой причине автором проведено криминологическое исследование возможных угроз для общественной и государственной безопасности, которые происходят на фоне стремительного роста цифровизации, а также обозначенных технологий. Выявление и последующее детальное изучение потенциальных рисков в рассматриваемой сфере в первую очередь необходимо для идентификации негативных последствий, а также их дальнейшей минимизации.

Материалы и методы. Исходя из теоретических предпосылок настоящего исследования, в качестве его методической основы мы взяли разнообразные научные данные и множественные источники информации, предоставляющие возможность для наиболее полной и объективной оценки потенциальных угроз, которые таят в себе инновационные процессы в сфере рассматриваемых технологий. В процессе исследования автором проводилось обобщение полученных информационных данных по анализируемой проблематике, в том числе изложенных в научных работах, подготовленных отечественными и зарубежными специалистами в течение последних пяти лет. В рамках проведения данного исследования автором использовались общенаучные и специальные методы познания, в частности статистический, системно-структурный, логический анализ, системный подход, систематизация и обработка информационных данных. Используемая методика способствовала проведению данного криминологического исследования.

Результаты исследования рассматриваемой проблематики показали, что, несмотря на существенную прогнозируемость и предсказуемость ряда процессов цифровизации современного общества, чрезвычайно сложно делать прогнозы относительно всех возможных негативных последствий после включения новых технологий в правовое поле, а также во все сферы общественной жизнедеятельности.

Вместе с этим с того момента, как системам, работающим на основе искусственного интеллекта, удастся достичь максимального уровня своего развития, они смогут превосходить возможности человека в любых сферах его жизнедеятельности. Динамичное и стремительное развитие этих технологий должно настораживать человечество появлением катастрофических рисков. Проведенное криминологическое исследование показало, что в большинстве своем эксперты и правоведы оценивают потенциальные угрозы, возникающие от преступной деятельности, основанной на использовании новых технологий, по ряду основных направлений (преступный вред, преступные доходы, достижимость, поражаемость). В связи с этим в дальнейшем в целях противодействия потенциальным рискам и угрозам необходимо придерживаться именно данных векторов.

Выводы и заключения. Автор приходит к выводу, что, принимая во внимание риски использования новых технологий, важно повышать и совершенствовать уровень безопасности в процессе их применения. Чтобы более результативно предупреждать рассматриваемые угрозы, необходимо незамедлительно проработать и внедрить весь антикриминальный ресурс в исследуемой области. Внедрение новейших разработок в сфере прогнозирования анализируемых рисков должно стать приоритетным направлением в политике государства. В том числе немаловажным является принятие правовых норм по регулированию различных правоотношений в рассматриваемой сфере. В обязательном порядке в краткосрочной перспективе следует провести ряд научных исследований для более точного и полного формулирования необходимых требований, направленных на осуществление предупредительных мер в сфере преступности с использованием устройств, работающих на основе новых цифровых технологий.

Ключевые слова: криминологическое исследование, общественная безопасность, новые технологии, процессы цифровизации общества, опасность машинного обучения, угрозы цифровизации, причины преступности, противодействие преступности, правоохранительные органы, риски, вызванные робототехникой, внедрение научных разработок, правоохранительная практика, противодействие цифровой преступности, обеспечение цифровой безопасности

Для цитирования: Кобец, П. Н. Криминологическое исследование потенциальных угроз для общества и государства, инициированных ростом инноваций в сфере искусственного интеллекта, и меры их предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. №3 (110). С. 148–162.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.93.87.013

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

CRIMINOLOGICAL RESEARCH OF POTENTIAL THREATS TO SOCIETY AND THE STATE INITIATED BY THE GROWTH OF INNOVATIONS IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PREVENTION MEASURES

Peter N. Kobets

All-Russian Scientific Research Institute of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, pkobets37@rambler.ru

Introduction: At present, the security of society and the state depends on many circumstances. In particular, among scientists and practitioners there is a growing belief that the designated security can be seriously threatened by the increasing growth of innovative

components in the field of artificial intelligence. For this reason, the author conducted a criminological study of possible threats to public and state security, which occur against the background of rapid growth of digitalization, as well as the designated technologies. The identification and subsequent detailed study of potential risks in the area under consideration is primarily necessary for the identification of negative consequences, as well as their further minimization.

Materials and Methods: Based on the theoretical assumptions of this study, as its methodological basis we have taken a variety of scientific data and multiple sources of information that provide an opportunity for the most complete and objective assessment of the potential threats posed by innovation processes in the field of the technologies under consideration. In the course of the study, the author generalized the received information data on the analyzed problems, including those set out in scientific papers prepared by domestic and foreign experts over the past five years. Within the framework of this research the author used general scientific and special methods of cognition, in particular, statistical, system-structural, logical analysis, system approach, systematization and processing of information data. The methodology used contributed to this criminological study.

The Results of the Study of the issues under consideration have shown that, despite the significant predictability and predictability of a number of processes of digitalization of modern society, it is extremely difficult to make predictions regarding all possible negative consequences after the inclusion of new technologies in the legal field, as well as in all spheres of social life. At the same time, from the moment the systems based on artificial intelligence reach their maximum level of development, they will be able to surpass human capabilities in all spheres of life. The dynamic and rapid development of these technologies should alert humanity to the emergence of catastrophic risks. The conducted criminological research has shown that, for the most part, experts and legal scholars assess potential threats arising from criminal activities based on the use of new technologies in a number of basic areas (criminal harm, criminal proceeds, attainability, defeatability). Therefore, in order to counter potential risks and threats, these vectors should be followed in the future.

Findings and Conclusions: the author concludes that, taking into account the risks of using new technologies, it is important to increase and improve the level of security in the process of their application. In order to prevent the threats in question more effectively, it is necessary to immediately develop and implement all anti-crime resources in the field under study. The introduction of the latest developments in the field of forecasting the analysed risks should become a priority in the policy of the state. Including of no small importance is the adoption of legal norms on regulation of various legal relations in the considered sphere. In the short term, a number of scientific studies should be carried out in order to formulate more precise and complete requirements for the implementation of preventive measures in the field of crime using devices based on new digital technologies.

Keywords: criminological research, public safety, new technologies, processes of digitalization of society, the danger of machine learning, threats of digitalization, causes of crime, combating crime, law enforcement agencies, risks caused by robotics, implementation of scientific developments, law enforcement practice, combating digital crime, ensuring digital security.

For citation: Kobets P.N. Kriminologicheskoe issledovanie potentsialnikh ugroz dlya obshchestva i gosudarstva, initsiirovannikh rostom innovatsii v sfere iskusstvennogo intellekta, i

meri ikh preduprezhdeniya [Criminological study of potential threats to society and the state initiated by the growth of innovations in the field of artificial intelligence, and measures to prevent them]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 148–162.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.93.87.013

Проблематика, связанная со становлением и развитием технологий искусственного интеллекта, уходит корнями во времена возникновения философского воззрения Р. Декарта и Т. Гоббса о вычислительной теории разума. Существенная трансформация сферы искусственного интеллекта стала происходить в 1950-х гг. года, после того как Аланом Тьюрингом было высказано предположение относительно возможности мыслительных процессов у машин [1, с. 36]. О термине «искусственный интеллект» впервые заговорили на Дартмутской конференции, которая прошла в 1956 г. Она послужила отправной точкой также для появления академической дисциплины, имеющей одноименное название, предмет которой состоит в исследовании теоретических и практических аспектов искусственных интеллектов [2, р. 17].

Как отмечают зарубежные эксперты, «в общем виде принцип работы искусственного интеллекта заключается в сочетании большого объема данных с возможностями их быстрой обработки с помощью интеллектуальных алгоритмов, что позволяет программам автоматически обучаться на базе закономерностей и признаков, содержащихся в информационных данных» [3, с. 99]. При этом сегодня среди основного конкурентного преимущества в сфере искусственного интеллекта начинают выступать сами информационные данные. Возможности использования новых технологий чрезвычайно широки, поскольку с каждым днем эти технологии входят в современные используемые нами предметы. Они присутствуют практически везде, например в обычных смартфонах – от предугадывания вводимого нами текста сообщений до автофокусирования видеокамер. Все это свидетельствует о том, что новейшие цифровые технологии не должны появиться в каком-то будущем, они существуют и используются нами уже сегодня, при этом демонстрируя свою результативность. При этом современный искусственный интеллект способен быстро принимать необходимые и оптимальные решения в режиме онлайн и одновременно анализировать колоссальные объемы информации.

Сегодня в отечественной и зарубежной науке и практике разработаны различные подходы относительно толкования рассматриваемого феномена, в то же время большинство экспертов полагают, что искусственный интеллект является сложнейшей компьютерной программно-аппаратной системой, которой присущи такие свойства, как субстантивность и автономность, а также возможность восприятия и анализа информационных данных [4, с. 123].

Актуальность проведения исследований в рассматриваемой сфере, в том числе изучения правовой проблематики, связанной с использованием анализируемых технологий, во многом подтверждается научными работами ряда отечественных правоведов: Е. В. Балацкого, И. Р. Бегишева, В. В. Бычкова, Г. А. Гаджиева, Д. С. Гришина, Н. С. Еманова, А. В. Нестерова, И. В. Понкина, С. Б. Полич, А. И. Редькиной, О. В. Ревинского, В. Н. Синельковой, Ф. В. Ужова, В. Н. Черкасовой, О. А. Ястребова и других. Кроме того, данную проблематику исследовали и зарубежные эксперты, среди которых Д. Винсен, М. Дельво, В. Курки, Н. Невенъяс, Д. Робертсон, Л. Соумул, Х.К. Сафарализода и другие.

В то же время стоит отметить, что с каждым годом анализируемая тема побуждает актуализировать все больше новых вопросов, на которые современная юридическая наука и практика пока не могут дать утвердительные ответы. В то же время уже сегодня проблематика ответственности рассматриваемых технологий является наиболее обсуждаемой всеми членами общества, а не только учеными и специалистами, активно дискутирующими по этому поводу на страницах различных правовых изданий. К людям постепенно приходит осознание потенциальных рисков и угроз, которые исходят от искусственного интеллекта.

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с последствиями четвертой промышленной революции, впервые были озвучены главой Всемирного экономического форума К. Шваб. В частности, им было отмечено, что в процессе четвертой промышленной революции возникнут технологии, позволяющие выполнить работу самостоятельно. В результате «многие профессии и специальности перестанут быть нужными, такие как таксисты, психологи, консультанты, переводчики, бухгалтеры и десятки иных профессий» [5, с. 67].

Основные черты угроз всех промышленных революций были освещены отечественным экспертом Е. В. Балацким. Он отмечал, что «открытие паровой машины было признаком первой промышленной революции, в результате которой многие люди остались без работы. В то же время изобретение электричества считается признаком второй промышленной революции, и многие люди, потеряв работу в сфере физического труда, обратились в сферу интеллектуального труда. Изобретение электронных вычислительных машин считается признаком третьей промышленной революции, в процессе которой люди потеряли работу в сфере интеллектуального труда, а появление искусственного интеллекта является признаком четвертой промышленной революции, в результате которой многие люди теряют работу в сфере интеллектуального труда» [6, с. 10].

В настоящее время очень сложно делать прогнозы относительно всех возможных последствий после включения новых технологий в правовое поле, а также во все сферы общественной жизнедеятельности. При этом немаловажно отметить, что чрезвычайно непросто предсказывать, насколько высока в ближайшем будущем будет степень развития искусственного интеллекта, поскольку в настоящее время его развитие ограничивается рядом технических возможностей, в том числе и программным обеспечением. Когда обозначенные проблемы будут решены, как полагают многие ученые, в том числе и сам автор, то развитие рассматриваемых технологий уже ничем не будет ограничиваться [7, с. 99].

По мнению ряда экспертов, с того момента, как системам, работающим на основе рассматриваемых технологий, удастся достичь максимальных мощностей в своем развитии, они смогут превосходить возможности человека в любых сферах его жизнедеятельности. С наступлением подобной ситуации возможны фундаментальные прорывы в различных секторах, от экономики до социальной сферы и политики. Подобное развитие ситуации в области промышленной революции должно настороживать человечество появлением катастрофических рисков, которые связаны с деструктивным использованием технологий искусственного интеллекта. Причем в первую очередь могут возникнуть серьезные риски при условии развития технологий "сильного" искусственного интеллекта. В ранее проведенном исследовании автором детально раскрывается данная проблема, поэтому нет необходимости на ней подробно останавливаться [8, с. 145].

В то же время важно подчеркнуть, что некоторые оценки представителей Ассоциации по развитию искусственного интеллекта свидетельствуют о том, что

искусственный разум, который будет сопоставим по когнитивным возможностям с человеческим разумом, может возникнуть уже в 2075 г., а более 70 % экспертов ожидают разработку даже суперискусственного интеллекта. По результатам исследований компании Deloitte, рассматриваемые технологии к 2030 г. могут автоматизировать порядка 35 % рабочих мест в Великобритании. Важно и то, что, как указывают отечественные эксперты из РАНХиГС, часть россиян в случае развития широкого процесса автоматизации производства могут заменить робототехникой. При этом, как указывается в проведенном учеными РАНХиГС исследовании, автоматизация производства ведет к повышению необходимости постоянного обновления знаний, а также совершенствования навыков и умений¹.

Согласно отчету, сделанному в 2023 г. американским банком Goldman Sachs, развитие новейших сервисов и приложений в сфере анализируемых технологий, таких как чат-бот ChatGPT, вне всякого сомнения, способствует тому, что порядка 300 млн чел. во всем мире останутся без работы. Кроме того, проведенный данной компанией анализ довольно четко и объективно свидетельствует о том, что в недалеком будущем следует ожидать масштабных изменений на рынках труда².

Как отмечается одним из крупнейших экспертов в сфере разработки программного обеспечения технологий искусственного интеллекта, а также специалистом по информатике Кай-Фу Ли, риски использования рассматриваемых технологий в первую очередь обусловлены тем, что они функционируют на основе принципа «победители обладают всем, помогая основную долю мировых богатств предоставить различным экономическим компаниям, тем самым увеличивая численность безработных и социальное неравенство, привнося кризисы в различные политические системы». Все это приводит к изменению миропорядка и подрыву экономической стабильности в ряде регионов мира. Многие столетия человечество применяло физический и умственный труд для поиска пропитания и иных необходимых предметов, что в свою очередь способствовало формированию культурных ценностей, используемых для воспитания будущих поколений в духе честности и любви к труду. Однако, вне всякого сомнения, развитие цифровых технологий в дальнейшей перспективе будет все больше нести в себе угрозу для многих человеческих ценностей [9, с. 32].

Совершенно очевидно, что в цифровом обществе, которое сегодня активно развивается, будут выстраиваться в том числе и новые экономические процессы, бичом которых станет неравенство, поскольку зависимость корпораций от рабочей силы человека постоянно будет снижаться, и практически вся чистая прибыль, за небольшим исключением, будет предназначаться лицам, владеющим этими корпорациями и компаниями. В дальнейшем технологическая зависимость современного общества будет только возрастать вследствие продвижения цифровизации, и соответственно, численность пострадавших из-за деятельности машин продолжит увеличиваться. Вновь возникающие технологии будут все быстрее и способнее людей, и поэтому необходимо совершенствовать предупреждение негативных последствий, обусловленных данными технологиями. Они должны быть в обществе на первом месте.

¹ Предсказаны сроки потери работы россиянами из-за роботов // Lenta.ru – Новости России и мира сегодня : сайт. URL: https://lenta.ru/news/2019/09/10/no_job/?ysclid=1wakh6jhu5284398750 (дата обращения: 17.05.2024).

² 300 млн человек рискуют лишиться работы из-за искусственного интеллекта // Новости на РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1089032-razvitiye-ii-sposobno-lishit-raboty-300-mln-chelovek-i-uvelichit-mirovoi-vvp-na-7?ysclid=1wakf71pd6971254910> (дата обращения: 17.05.2024).

Еще одной важной проблемой, которая возникает параллельно с внедрением технологий искусственного интеллекта, является организация защиты персональных данных россиян, которая будет соответствовать всем возникающим угрозам в этой сфере. Становится совершенно понятно и очевидно, что для того, чтобы проводить машинное обучение, необходимо наличие огромного объема информационных данных для их накапливания в технических отделах учреждений, ведущих разработку новых технологий, и по-другому никак не обойтись. В том числе в достаточной мере очевидно, что основной объем информационных данных будет браться из различных учреждений и организаций, в интересах которых будут проектироваться продукты, использующие технологии искусственного интеллекта.

Собранные подобным образом и опять же для этих целей базы данных могут в дальнейшем представлять серьезную опасность для общества, поскольку утечки различных информационных данных из подобных технических центров и бюро уже совершенно точно избежать не удастся.

Кроме того, нежелательные последствия в процессе использования рассматриваемых технологий также вполне могут возникнуть в связи с непониманием ими всего контекста задач, которые были поставлены разработчиками. Не менее важной проблемой в процессе функционирования новых технологий непременно станет непонимание некоторых алгоритмов их действия для пользователей. Ученые в настоящее время ведут серьезные споры о том, как осуществляют свою работу нейросети. От технологий по искусственному интеллекту требуется обрабатывать колossalный массив данных, чтобы выдать результат, и человеку сложно понять, согласно каким принципам, принимается решение данными технологиями. Совершенно очевидно, что данными технологиями выискиваются какие-то определенные закономерности, но, скорее всего, иногда их сложно обнаружить, поскольку искусственный интеллект не человек и не может видеть всю общую картину сразу. Поэтому, чтобы избежать рисков неправильных решений, принятых данными технологиями, в дальнейшем специалистам в рассматриваемой сфере следует придумать ряд комплексных инструментов, проверяющих и обнаруживающих ошибки в их логике [10, с. 45].

Кроме того, в недалеком будущем мы можем столкнуться с рядом рисков, вызванных неочевидными алгоритмами работы систем с искусственным интеллектом, еще и потому, что в настоящее время мы не обладаем доступными информационными данными об их значимости для анализируемых технологий. На сегодняшний день никакие технические устройства и системы, имеющие способность к самообучению, не могут предоставить информационные данные, при помощи которых именно критерии принимались ими решения. В связи с этим закономерно встает вопрос, необходимо ли делать ставку на результаты решений, принятых системами с искусственным интеллектом, и насколько они могут быть достоверными, корректными и точными [11, с. 389].

В качестве серьезного недостатка в работе систем с искусственным интеллектом ряд зарубежных исследователей видит низкий уровень прогностической достоверности редких событий, поскольку для составления достоверных прогнозов эти системы должны обладать достаточным объемом исходных данных, и чем их будет в этих системах больше, тем, соответственно, точнее будут и сами прогнозы [12, р. 581]. В связи с этим следует согласиться с позицией, высказанной отечественными экспертами относительно того, что ни одна из систем с искусственным интеллектом не будет полностью отвечать всему набору требований прозрачности [13, с. 19].

Именно по этой причине немедленно необходима разработка правовых основ, регулирующих деятельность систем, использующих новые технологии в системе

уголовного судопроизводства. Причем в основе подобной деятельности должно быть не стремление заменить судебный персонал, а необходимость оказать помощь всему уголовному судопроизводству для подготовки и принятия законно обоснованных и справедливых решений.

Между тем многие положительные аспекты применения высокотехнологичных решений на основе анализируемых технологий зачастую приводят к проблемным ситуациям, связанным с этическими вопросами, что существенно может затруднить использование анализируемых технологий, в том числе и в правоохранительной сфере. Например, совершенно понятно, что машинное обучение способствует поиску разного рода закономерностей, в то же время решения, принятые техническими устройствами, работающими на основе обсуждаемых технологий, могут оказаться предвзятыми и нецелесообразными. При этом машинное обучение не в состоянии осознавать, что оно основано на определенных алгоритмах, при помощи которых возможно только выявлять закономерности. Немаловажным является и то, что при помощи такого обучения чрезвычайно сложно выявить любые нарушения в рассматриваемой сфере.

Именно в силу обозначенных выше причин в марте 2023 г. более тысячи экспертов сферы высоких технологий выступили с открытым письмом, в котором были изложены требования остановить обучение мощных нейросетей. Среди подписавшихся оказался и Стив Возняк, который был в числе сооснователей корпорации Apple. Инициаторы данного документа выражают общую позицию большинства представителей научного сообщества о том, что анализируемые системы являются угрозой для общества. В том числе, по мнению большинства зарубежных специалистов, подписавших данный документ, стремительное развитие новых технологий может закончиться потерей контроля над ними. В связи с этим зарубежными учеными и экспертами предложено перейти к разработке общих протоколов безопасности и осуществлять регулирование и контроль над новыми технологиями на уровне государств¹.

Примечательно и то, что в марте 2023 г., принимая участие в международной конференции в г. Лос-Анджелесе (США) по обсуждению проблематики рассматриваемых технологий, Илон Маск согласился с перспективными оценками, высказанными канадско-английским ученым Джоном Хинтоном, который специализируется на данных технологиях. В частности, американским инженером и предпринимателем Илоном Маском было сделано заявление о том, что дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта приведет к уничтожению человечества².

По мнению заместителя главы Еврокомиссии Марграты Вестагер, по потенциалу воздействия на человеческую цивилизацию технологии искусственного интеллекта можно сравнить с эффектом ядерного оружия, поскольку они несут экзистенциальные угрозы для всего современного человечества. Она также добавила, что, поскольку в настоящее время развитие данных технологий ничем не ограничивается и строго не контролируется, они несут разрушительный потенциал, что в свою очередь может повлиять на изменение самих принципов существования общества. При этом она абсолютно уверена в том, что в настоящее время мировому сообществу необходимо приступить не только к разработке,

¹ Илон Маск призвал остановить обучение мощных нейросетей // Новости на РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1089407-ilon-mask-prizval-ostanovit-obuchenie-moshchnykh-neirosetei> (дата обращения: 17.05.2024).

² Маск оценил вероятность уничтожения человечества из-за ИИ в 20 % // Новости на РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1206322-ilon-mask-zaiavil-chto-ii-unichtozhit-chelovechestvo-s-veroyatnostyu-do-20> (дата обращения: 17.05.2024).

но и к внедрению общих правовых механизмов по контролю за развитием и использованием данных технологий – аналогичным контролю за ядерным оружием¹.

Важно еще отметить, что, поскольку в основе технологий искусственного интеллекта лежит цифровая природа, они являются технологиями двойного назначения, используемые как в легальной, так и в незаконной деятельности, в том числе для совершения противоправных деяний [14, с. 46]. Поэтому не стоит исключать того, что рост развития рассматриваемых технологий способствует развитию новых видов преступных проявлений, о которых человечество еще и не догадывается. В связи с этим следует согласиться с отечественными экспертами из числа ученых и практиков, полагающими, что любые научные решения, которыми пользуются правоохранители, также могут быть использованы преступным миром для достижения своих криминальных целей.

В настоящее время существует немало доказательств того, что уже сегодня преступники пытаются использовать новые технологии в следующих направлениях: в целях совершения масштабных киберпреступлений, которые связаны с возможностями атак на крупные торговые площадки; для управления дронами или иной робототехникой в процессе трансграничного трафика запрещенных веществ и предметов, а также незаконной доставки товаров различного назначения на территорию пенитенциарных учреждений; с целью проведения крупномасштабных атак на объекты финансовой и банковской инфраструктуры и др. [15, с. 17].

Особые качества и свойства новых технологий значительно повышают возможности по совершению с их помощью различных противоправных деяний, важнейшим из свойств которых выступает наличие цифровых информационных данных, которые являются признаком, характеризующим предмет в составе преступного посягательства. Одна из самых больших опасностей может возникать по отношению к объектам критической информационной структуры нашей страны, поскольку сегодня работа обозначенных объектов в обязательном порядке строится с учетом функционирования автоматизированных систем управления, основанных на цифровых информационных данных, а также системных комплексов безопасности по ее защите. По этой причине важно сказать о том, что применяемые технологии, которые создаются для использования во вредоносных компьютерных программах, могут повысить возможности обозначенных автоматизированных систем управления для разного рода нарушения системы их защиты, что в свою очередь повлечет массу негативных последствий в работе объектов критической инфраструктуры [16, с. 410].

Становится очевидно, что широкая роботизация и внедрение новых ИТ-технологий, вне всякого сомнения, вызовут появление новых видов и рост числа уже имеющихся преступлений в сфере телекоммуникационных систем. Новые виды преступлений потребуют совершенствования законодательства в большинстве отраслей права и активизации работы правоохранительных органов в области раскрытия преступных посягательств, связанных с высокотехнологичной сферой. В данном контексте нельзя не упомянуть об опасности использования полученных знаний в деятельности, связанной с киберпреступностью международных террористических организаций.

Совершая кибератаки, международные террористы могут заниматься несанкционированным проникновением, взломом и блокированием объектов критически важной инфраструктуры, а также иных промышленных предприятий, что приведет к сбоям

¹ Искусственный интеллект сравнили с ядерным оружием // Новости на РЕН ТВ : сайт. URL: <https://ren.tv/news/v-mire/1209116-v-ek-iskusstvennyi-intellekt-sravnili-s-iadernym-oruzhiem?ysclid=luv1kwwobt866301645> (дата обращения: 17.05.2024).

в работе платежных, транспортных и ряда других жизненно-важных систем. В частности, по оценкам АТЦ СНГ, международные террористы активно используют «в качестве источников доходов средства, полученные от онлайн-казино, хищения денежных средств через подставные интернет-магазины, сайты-двойники, фишинговых и фарминг-атак, несанкционированного доступа к банковским ресурсам и криптовалютным биржам, также технологии терроризма обогащаются и за счет использования современной робототехники, прежде всего беспилотных летательных аппаратов»¹. Поэтому дальнейшее совершенствование технических характеристик беспилотных летательных аппаратов, основанных на анализируемых технологиях, используемых международными террористическими организациями, может способствовать новым вызовам и угрозам в правоохранительной сфере.

Отдельно хотелось бы акцентировать внимание на том, что в настоящее время человечество начинает очень сильно зависеть от того, как функционируют сложные вычислительные сети, как в финансовых и торговых сферах, так и в таких областях, как коммуникация, политика, социальные отношения, новостные данные и т. д. Кроме того, много времени современное общество стало проводить в телекоммуникационных сетях, из которых оно стремится получить самые свежие информационные данные, забывая о том, что при помощи этих же сетей может быть разрушена их репутация. Скорее всего, данные тенденции будут не только сохранены в дальнейшем, но и получат еще большее развитие, и это должно наводить на размышление не только практиков, но и научное сообщество.

Обладая криминальным потенциалом, рассматриваемые технологии используются преступниками как инструмент в процессе совершения преступных деяний с целью разработки поддельного контента с последующим шантажом либо дискредитацией потерпевших. В то же время сами противоправные деяния остаются традиционными: как правило, это кражи, вымогательства, запугивание, акты террора. В то же время данные системы могут выступать и в качестве орудий преступления, которые используются для обхода средств защиты, препятствующих совершению киберпреступлений. При помощи используемых преступниками систем, работающих на основе новых цифровых технологий, возможно совершение различных преступлений в киберпространстве, которые не только наносят серьезный материальный ущерб, но и подрывают доверие населения к власти.

Противоправные деяния, совершаемые с использованием рассматриваемых технологий, могут быть разнообразными. Данный вид преступной деятельности нацелен как на отдельных граждан, так и на целые предприятия и организации, а также различную инфраструктуру. Мотивом данной деятельности, как правило, могут являться финансовые выгоды и приобретение властных полномочий. При помощи данных преступлений может быть подорвана репутация отдельных лиц, нанесен вред различным правоотношениям, произведены изменения в политике, посеяна вражда. Их также совершают, чтобы не подвергнуться наказанию за совершение иных преступных деяний, из мести, с различными религиозными и политическими целями и т. д.

Как показывает данное криминологическое исследование, в большинстве своем эксперты и правоведы оценивают потенциальные угрозы, возникающие от преступной деятельности, основанной на использовании новых технологий, по ряду основных направлений: преступный вред, преступные доходы, достижимость, поражаемость.

¹ Террористы все активнее используют ИТ-технологии, заявили в АТЦ СНГ // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20200218/1564913906.html?in=t&> (дата обращения: 17.05.2024).

1. Вред потерпевшим в процессе применения технологий искусственного интеллекта, в том числе социальный вред, который выражается в финансовых потерях как для отдельных лиц, так и в виде подрыва доверия в целом к государственным органам.

2. Получение преступных доходов в процессе реализации преступных целей при использовании новых технологий способствует причиняет финансовые убытки и репетиционный ущерб гражданам.

3. Достижимость для совершения преступлений – готовность различных технических устройств и оборудования для получения доступа к необходимым информационным данным.

4. Поражаемость, которая заключается в оценке того, насколько способы совершения преступлений являются сложными либо простыми.

Именно поэтому в дальнейшем в целях противодействия потенциальным рискам и угрозам необходимо придерживаться именно данных направлений. И поскольку рассматриваемые технологии могут быть задействованы для совершения преступлений, то в первую очередь необходимо сосредоточиться на предупреждении противоправных деяний, совершаемых с их использованием. Очевидно, что сегодня в большинстве государств мира правоохранители испытывают некую конкуренцию со стороны криминала по возможности применения высокотехнологических устройств и анализируемых технологий. Поэтому поставленные перед отечественными правоохранителями задачи требуют выработки путей их оптимальной реализации, с акцентом на особенности мирового положительного опыта. Также обязательно учитывать то обстоятельство, что использование технологий искусственного интеллекта связано с множеством экономических, юридических, этических, политических и иных проблем.

В ближайшей перспективе, чтобы более результативно предупреждать рассматриваемые преступные посягательства, специалистам уголовно-правовой и криминологической сферы необходимо совместно с экспертами, представляющими ИТ-сообщество, разработать цифровой антикриминальный ресурс в исследуемой области. Подобные шаги необходимо предпринять в первую очередь потому, что в настоящее время во всем мире ряд самых популярных систем по социальному контролю переводится на цифровой язык. Причем в эту систему следует загрузить все имеющиеся на сегодняшний день информационные данные в рассматриваемой сфере.

В дальнейшем всем заинтересованным службам следует сосредоточиться не только на предупреждении, но и на расследовании данных преступных посягательств. При этом правоохранителям необходимо сконцентрироваться на более детальном исследовании мотивации лиц, совершающих рассматриваемые преступные посягательства, причем именно в контексте индивидуальных теорий злоумышленников, которые стремятся объяснить новые способы совершения преступлений как инструмент для совершения других, давно известных в уголовном праве противоправных деяний [17, с. 48].

Совершенно очевидно, что во многом риски развития рассматриваемых технологий сложно прогнозировать, и данное обстоятельство в значительной мере осложняет задачу по принятию упреждающих законодательных решений, направленных на минимизацию разного рода угроз [18, с. 136]. Именно поэтому чрезвычайно важно отметить, что до настоящего времени не существует единого юридического понятия искусственного интеллекта. Отсутствие подобной правовой дефиниции выступает в качестве сдерживающего фактора по решению многих юридических проблем, которые возникают при определении правосубъектности данного феномена, а также видов ответственности за причинение ущерба, нанесенного в процессе использования новых технологий.

Сегодня наша страна является безусловным лидером в области роботизации экономических процессов, и важнейшим сопутствующим условием в этой сфере могла бы стать разработка необходимых норм по регулированию сферы робототехники. Не менее важны разработка и принятие правовых норм по регулированию различных правоотношений в рассматриваемой сфере. Что касается механизмов, с помощью которых можно было бы осуществлять привлечение к ответственности за противоправные деяния в анализируемой области, то среди отечественных экспертов по данному вопросу имеются достаточно разнообразные точки зрения [19, с. 109].

В том числе в дальнейшем следует провести ряд научных исследований для более точного и полного формулирования необходимых требований, направленных на осуществление предупредительных мер в сфере преступности с использованием устройств, работающих на основе новых цифровых технологий. Немаловажно и то, что разработка подобных технологий в нашей стране должна происходить с учетом потребностей именно нашего государства и, соответственно, нести в себе в первую очередь выгоду для государственных, а затем уже для частных компаний. Внедрение новейших разработок в сфере прогнозирования рассматриваемой преступности должно стать приоритетным в политике государства.

Таким образом, принимая во внимание риски использования новых технологий, важно повышать и совершенствовать уровень безопасности в процессе их применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолин, Д. В. Введение в искусственный интеллект : конспект лекций. М. : Физматлит, 2004. 208 с.
2. Charniak E., McDermott D. Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts: Ad- dison-Wesley, 1985. 57 р.
3. Сафарализода, Х. К. Вызовы и угрозы научно-технического и технологического прогресса // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддина Национальной академии наук Таджикистана. 2021. № 3. С. 97–102.
4. Сокова, А. А. Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 122–125.
5. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М. : Эксмо, 2020. 288 с.
6. Балацкий, Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Terra Economicus. 2019. Т.17. № 2. С. 6–12. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17- 2-6-22.
7. Кобец, П. Н. Причины и условия негативных последствий, возникающих в процессе цифровизации, и меры их предупреждения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 1 (103). С. 93–101.
8. Кобец, П. Н. Криминологическая оценка возможных рисков при условии развития технологий «сильного» искусственного интеллекта // Философия права. 2024. № 1 (108). С. 142–148.
9. Кай-Фу, Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / пер. с англ. Н. Константиновой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.
10. Брянцева, О. В., Брянцев, И. И. Проблема субъектности искусственного интеллекта в системе общественных отношений // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23, № 3. С. 37–50. DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50.
11. Ларина, Е. С., Обнинский, В. С. Искусственный интеллект. Этика и право. («Коллекция Изборского клуба»). М. : Кн. мир, 2020. 192 с.

12. Sutherland A.A. et al. Sexual Violence Risk Assessment: An Investigation of the Interrater Reliability of Professional Judgments Made Using the Risk for Sexual Violence Protocol // International Journal of Forensic Mental Health. 2012. Vol. 11. № 2. P. 571–588.
13. Тьюринг, А. Вычислительные машины и разум. М. : Изд-во АСТ, 2019. 128 с.
14. Бычков, В. В., Прорвич, В. А. Искусственный интеллект в борьбе с преступлениями, совершаемыми по экстремистским мотивам, с использованием Интернета // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 1, № 1 (2). С. 34–49.
15. Агеев, В. В. Большие данные и искусственный интеллект на службе полиции // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 октября 2019 года / отв. за выпуск В. О. Лапин. М. : Академия управления МВД России. 2019. С. 11–23.
16. Ишбулдин, Т. Р., Кирпичников, Д. В. О некоторых аспектах использования искусственного интеллекта в преступных целях // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако : мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. В 2 т., Тамбов, 22–23 мая 2020 года. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. С. 408–412.
17. Вирич, Ю. А. Криминалистическое противодействие новым способам совершения преступлений на основе технологий искусственного интеллекта // Еромен. Global. 2023 № 39. С. 42–49.
18. Кобец, П. Н. Необходимость разработки мер уголовно-правового предупреждения преступлений, совершаемых при помощи технических средств, использующих технологии искусственного интеллекта // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 1 (108). С. 135–140.
19. Кравцов, Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.

REFERENCES

1. Smolin D.V. Vvedenie v iskusstvennyi intellekt: konspekt lektsii [Introduction to artificial intelligence: lecture notes]. M. Fizmatlit, 2004, 208 p.
2. Charniak E., McDermott D. Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts: Addison-Wesley, 1985, 57 p.
3. Safaralizoda H.K. Vizovi i ugrozi nauchno-tehnicheskogo i tekhnologicheskogo progressa [Challenges and threats of scientific, technical and technological progress]. Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Natsionalnoi akademii nauk Tadzhikistana – News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan. 2021, no. 3, pp. 97–102.
4. Sokova A.A. Iskusstvennyi intellekt: vozmozhnosti i neobkhodimost yego ugolovno-pravovoii okhrani [Artificial intelligence: possibilities and necessity of its criminal legal protection]. Molodoi uchenii – Young scientist. 2019, no. 16(254), pp. 122-125.
5. Schwab K. Chetvertaya promishlennaya revolyutsiya [The Fourth Industrial Revolution]. M. Eksmo, 2020, 288 p.
6. Balatsky E.V. Globalnie vizovi chetvertoi promishlennoi revolyutsii [Global challenges of the fourth industrial revolution]. Terra Economicus. 2019, vol.17, no. 2, pp.6–12. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22
7. Kobets P.N. Prichini i usloviya negativnykh posledstvii, voznikayushchikh v protsesse tsifrovizatsii, i meri ikh preduprezhdeniya [Causes and conditions of negative consequences arising in the process of digitalization, and measures to prevent them]. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 1(103), pp. 93–101.
8. Kobets P.N. Kriminologicheskaya otsenka vozmozhnikh riskov pri uslovii razvitiya tekhnologii «silnogo» iskusstvennogo intellekta [Criminological assessment of possible risks

subject to the development of “strong” artificial intelligence technologies]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*. 2024, no. 1(108), pp. 142–148.

9. Kai Fu Lee. *Sverkhderzhavi iskusstvennogo intellekta. Kitai, Kremnievaya dolina i novii mirovoi poryadok*. [Superpowers of artificial intelligence. China, Silicon Valley and the new world order]. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2019, 240 p.

10. Bryantseva O.V., Bryantsev I.I. *Problema subektnosti iskusstvennogo intellekta v sisteme obshchestvennykh otnoshenii* [The problem of subjectivity of artificial intelligence in the system of public relations]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Vestnik of the Volga Institute of Management*. 2023, vol. 23, no. 3. pp. 37–50. – DOI 10.22394/1682-2358-2023-3-37-50.

11. Larina E.S., Obninsky V.S. *Iskusstvennyi intellekt. Etika i pravo*. («Kollektsiya Izborskogo kluba») [Artificial intelligence. Ethics and law (“Collection of the Izborsk Club”)]. M.: Book. world, 2020, 192 p.

12. Sutherland A.A. et al. *Sexual Violence Risk Assessment: An Investigation of the Interrater Reliability of Professional Judgments Made Using the Risk for Sexual Violence Protocol*. *International Journal of Forensic Mental Health*. 2012. Vol. 11. No. 2. P. 571–588.

13. Turing A. *Vichislitelnie mashini i razum* [Computing machines and intelligence]. M.: Publishing house AST, 2019, 128 p.

14. Bychkov V.B., Prorvich B.A. *Iskusstvennyi intellekt v borbe s prestupleniyami, sovershaemimi po ekstremistskim motivam, s ispolzovaniem Interneta* [Artificial intelligence in the fight against crimes committed for extremist reasons using the Internet]. *Sovremennoe ugolovno-protsessualnoe pravo - uroki istorii i problemi dalneishego reformirovaniya – Modern criminal procedural law - lessons from history and problems of further reform*. 2020, vol. 1, no. 1(2), pp. 34–49.

15. Ageev V.V. [Big data and artificial intelligence in the service of the police]. *Strategicheskoe razvitiye sistemi MVD Rossii: sostoyanie, tendentsii, perspektivi: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moskva, 30 oktyabrya 2019 goda [Strategic development of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: state, trends, prospects: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 30, 2019]. Moscow, 2019, pp. 11–23.

16. Ishbuldin T.R., Kirpichnikov D.V. [On some aspects of the use of artificial intelligence for criminal purposes]. *Tambovskie pravovye chteniya imeni F.N. Plevako: Materiali IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. V dvukh tomakh, Tambov, 22–23 maya 2020 goda Tambov: Izdatelskii dom «Derzhavinskii» [Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako: Materials of the IV international scientific and practical conference. In two volumes, Tambov, May 22–23, 2020]. Tambov, 2020, pp. 408–412.

17. Virich, Yu. A. *Kriminalisticheskoe protivodejstvie novym sposobam sovershenija prestuplenij na osnove tehnologij iskusstvennogo intellekta* [Criminalistic counteraction to new ways of committing crimes on the basis of artificial intelligence technologies]. *Epomen. Global*. 2023, no. 39, pp. 42-49.

18. Kobets P.N. *Neobkhodimost razrabotki mer ugolovno-pravovogo preduprezhdeniya prestuplenii, sovershaemikh pri pomoshchi tekhnicheskikh sredstv, ispolzuyushchikh tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [The need to develop measures for criminal legal prevention of crimes committed with the help of technical means using artificial intelligence technologies]. *Yurist-Pravoved – Lawyer-Private*. 2024, no. 1(108), pp. 135–140.

19. Kravtsov D.A. *Iskusstvennyi razum: preduprezhdenie i prognozirovaniye prestupnosti* [Artificial intelligence: crime prevention and forecasting]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018, no. 3, pp. 108–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of scientific information, training of scientific personnel and ensuring the activities of scientific councils. All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, st. Povarskaya, d. 25, p. 1.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 204 № 3 (110). С. 163–171.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 163–171.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.41.014

**СВОЙСТВА ОБЪЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ
ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Лавелина Валерия Владимировна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Российская Федерация,
г. Москва, lavelinavalery@icloud.com

Введение. В статье рассмотрены особенности получения криминалистически важной информации в процессе экспертного исследования тканей и выделений человека и животных. На основании анализа свойств молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты, ее функциональной значимости рассмотрены идентификационные и диагностические возможности производства генетической экспертизы, способствующие решению задач правоохранительных органов по раскрытию и расследованию тяжких и особо тяжких преступлений. Рассмотрение методических особенностей работы с биологическими объектами исследования позволило прийти к обоснованному мнению о том, что общим объектом исследования генетической экспертизы является «биологический материал как потенциальный носитель ДНК». Структурированы основания для прекращения производства генетической экспертизы по итогам анализа результатов начального этапа выделения ДНК в представленных объектах исследования.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе целей и задач генетической экспертизы, отраженных в заключениях экспертов по исследованию тканей и выделений человека и животных (исследованию ДНК). В работе использованы общие и частные методы научного познания, а также молекулярно-биологические методы исследования ДНК, лежащие в основе изучения генома.

Результаты исследования позволили на основе анализа этапов проведения генетической экспертизы и методических особенностей ее производства предложить использование уточненного понятия общего объекта генетической экспертизы, определить ее цели и выделить диапазон решаемых задач.

Выводы и заключения. Отмечена необходимость организации эффективного взаимодействия инициаторов производства исследования ДНК с сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения по вопросам предоставления объектов генетической экспертизы и постановки грамотных и информативно ёмких вопросов, разрешение которых позволит получить криминалистически значимую и доказательственную информацию.

Ключевые слова: следы биологического происхождения, молекулярно-генетическая экспертиза, ДНК-анализ, объект, цели и задачи генетической экспертизы

Для цитирования: Лавелина, В. В. Свойства объектов исследования, обуславливающие возможность реализации целей и задач генетической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 163–171.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.41.014

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

PROPERTIES OF DNA RESEARCH OBJECTS THAT DETERMINE THE POSSIBILITY OF REALIZING THE GOALS AND OBJECTIVES OF GENETIC EXPERTISE

Valeria V. Lavelina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Russian Federation, Moscow, lavelinavalery@icloud.com

Introduction. The article considers the peculiarities of obtaining forensically important information in the process of expert examination of human and animal tissues and secretions. On the basis of the analysis of properties of deoxyribonucleic acid molecule, its functional significance the identification and diagnostic possibilities of genetic expertise production are considered, contributing to the solution of tasks of law enforcement agencies in the detection and investigation of grave and especially grave crimes. Consideration of methodological peculiarities of work with biological objects of research allowed to come to a reasonable opinion that the general object of research of genetic expertise is 'biological material as a potential carrier of DNA'. The grounds for termination of the production of genetic expertise based on the results of analysing the results of the initial stage of DNA isolation in the presented research objects are structured.

Materials and Methods. The study is based on the analysis of the goals and objectives of genetic expertise, reflected in expert conclusions on the study of human and animal tissues and excretions (DNA research). The work uses general and private methods of scientific knowledge, as well as molecular-biological methods of DNA research underlying the study of the genome.

The Results of the Study made it possible, based on the analysis of the stages of genetic examination and the methodological features of its production, to propose the use of a refined concept of a common object of genetic examination, to determine its goals and highlight the range of tasks to be solved.

Findings and Conclusions: The necessity to organise effective interaction between the initiators of DNA testing and the staff of the expert forensic unit on the issues of providing objects of genetic expertise and asking competent and informative questions, the resolution of which will allow to obtain forensically significant and evidentiary information, was noted.

Keywords: traces of biological origin, molecular genetic examination, DNA analysis, object, goals and objectives of genetic examination.

For citation: Lavelina V.V. Svojstva ob'ektov issledovaniya, obuslavlivayushchie vozmozhnost' realizacii celej i zadach geneticheskoy ekspertizy [Properties of dna research

objects that determine the possibility of realizing the goals and objectives of genetic expertise]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 163–171.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.76.41.014

Формирование полноценной доказательственной базы – одна из основных задач органов предварительного расследования. В этом процессе ведущая роль отводится инновационным и высокотехнологичным отраслевым инструментам криминалистической техники, позволяющим получить ценную криминалистически значимую и доказательственную информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступлений. В связи с этим результаты экспертных исследований зачастую играют решающую роль в достижении задач, стоящих перед правоохранительными органами.

Производство любой судебной экспертизы подразумевает постановку инициатором определенных целей и задач исследования. С развитием науки и техники способы совершения преступлений становятся все более сложными и разнообразными, преступники достаточно хорошо осведомлены о современных средствах, используемых при расследовании преступлений, и тщательно скрывают следы своего пребывания на месте происшествия.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость формирования у сотрудников различных подразделений правоохранительных органов компетенций в сфере использования передовых разработок науки, совершенствования специальных знаний в области новых направлений судебно-экспертной деятельности, разработки тактических приемов и методов исследования, опережающих темпы развития преступного сообщества.

Содержание специальных знаний сотрудников судебно-экспертных учреждений определяется глубоким изучением предмета исследования [1]. По мнению Т. Ф. Моисеевой, благодаря расширению круга таких знаний за счет «интеграции научно-технических достижений и появлению принципиально новых методов и средств стали возможны исследования традиционных объектов судебной экспертизы на более высоком информативном уровне, а также использование в качестве источников информации о событии преступления объектов, ранее непригодных для этого» [2, с. 69], что обуславливает выделение новых родов и видов экспертиз.

Расследование тяжких и особо тяжких преступлений редко обходится без наиболее востребованного вида экспертного исследования – генетической (генотипоскопической) экспертизы, в ходе которой исследованию подвергается дезоксирибонуклеиновая кислота (далее – ДНК), кодирующая наследственные признаки каждого живого организма. Имея в арсенале столь значимый идентификационный объект, генетическая экспертиза с конца XX века вошла в число инструментария судебно-экспертного обеспечения как разновидность биологической экспертизы. Углубленное изучение структуры данного объекта исследования открыло новые перспективы для решения криминалистических задач. Появилась возможность трансформировать решение диагностических вопросов, ранее стоявших перед биологической экспертизой (установление групповой принадлежности), в идентификационные (установление тождества «след–лицо»), разрешаемые в рамках изучения ДНК, что обусловило появление нового термина – ДНК-дактилоскопии.

В основе генетической экспертизы лежат методы ДНК-анализа, принципы которых базируются на свойствах биологических объектов. Целью данного экспертного направления является установление конкретного лица по оставленным следам, установление биологического родства между людьми. В основе ДНК-анализа лежит молекулярно-биологический метод полимеразной цепной реакции (далее – ПЦР), позволяющий исследовать даже микротомические объекты, их клеточные структуры, которые на уровне ранее

использованных методик не рассматривались как возможные объекты экспертного исследования.

Правильное формулирование цели судебной экспертизы является важнейшим этапом определения круга решаемых ею задач, однако необходимо учитывать, что условия выполнения той или иной задачи в каждом отдельном случае могут разниться, так как способы достижения цели довольно часто отличаются друг от друга. В этом случае результат исследования должен рассматриваться «как совокупность средств и условий, при которых цель может быть реализована» [2, с. 69]. Так, целью исследования ДНК, объектом которого является любой биологический материал, включающий в себя как сами объекты, так и следы различных производных человеческого и животного организмов, является установление тождества между этим материалом и лицом (животным), его оставившим. При этом в каждом конкретном случае меняются обстоятельства обнаружения потенциального объекта исследования, что дополнительно обуславливает вариационность круга стоящих перед экспертом задач.

Задачи любого экспертного исследования находят свое отражение посредством постановки инициатором перечня вопросов, разрешение которых предусматривает необходимость использования специальных знаний. Диапазон задач, решаемых в рамках экспертного исследования, определяется возможностями действующих экспертных методик, базирующихся на особенностях исследования каждого вида объекта с учетом его структурных особенностей.

Именно знание специфических индивидуальных свойств того или иного объекта определяет границы возможностей экспертного исследования, то есть ограничивает круг вопросов, подлежащих разрешению. Все это в совокупности с оптимально подобранными и правильно примененными методиками, разработанными для решения специфических задач, считает Е. Ю. Фролова, позволяет инициатору конкретного вида судебного исследования сформировать представление о компетенции такого рода экспертизы и ограничить диапазон ее возможных результатов [3, с. 176].

В настоящее время к числу типичных объектов генетической экспертизы отнесены все биологические производные живых организмов. Однако анализ практики ДНК-исследования и методы, используемые при его производстве, имеющие молекулярно-биологические научные основы, дают основание полагать, что данный подход не в полной мере отвечает потребностям практики. С учетом того, что задачи исследования вытекают из свойств объекта конкретного вида, по мнению автора¹, не совсем верно определять объект исследования ДНК общим термином «биологический материал». По нашему мнению, основной объект исследования, на свойствах которого базируются возможности проводимой экспертизы, четко указан в самом ее названии, то есть – это молекула ДНК. Именно на ее свойствах, которые более подробно будут проанализированы далее, основана возможность постановки идентификационных целей данной экспертизы, обуславливающих перечень решаемых в ходе ее производства задач.

К числу объектов экспертизы ДНК относится биологический материал (объекты, следы, сравнительные образцы), изъятый в ходе различных следственных действий, целью которых является раскрытие преступлений, установление неопознанных трупов, розыск без вести пропавших лиц. Как уже отмечалось, биологический материал живого организма является носителем молекул ДНК, однако не каждый биологический материал по тем или иным причинам содержит ДНК в пригодном для проведения генетического исследования виде и количестве (отсутствие клеточных структур – носителей ДНК, высокая степень деградации молекулы, обусловленная воздействием разрушающих факторов: давность образования следов,

¹ Данное суждение основано на личном опыте работы (15 лет) в должности эксперта отдела биологических экспертиз ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю.

гнилостные процессы, воздействие ультрафиолета и др.). То есть профессионально грамотный качественно-количественный анализ выделенного геномного материала является первостепенной составляющей генетического исследования.

Установление наличия или отсутствия в изучаемом объекте ДНК-компонентта, достаточного для чувствительности применяемых приборной базы и реагентов, является важным этапом процесса генетического исследования, в ходе которого анализируются результаты этапа выделения ДНК и в дальнейшем принимается решение о продолжении исследования или его прекращении по следующим причинам:

1) отсутствие биологического материала (в случае работы с потенциальными предметами-носителями, например, не подтвердилось наличие крови, не обнаружены клетки кожного эпителия);

2) непригодность биологического материала для дальнейшего исследования (ДНК не выделена, что, вероятно, обусловлено отсутствием клеточных структур: например, наличие потожирового вещества в следах папиллярных узоров без присутствия ядроодержащих эпителиальных клеток);

3) непригодность выделенной ДНК:

а) недостаточное количество (низкая концентрация выделенной ДНК в растворе) – ниже пределов чувствительности применяемых реагентов согласно рекомендациям разработчиков;

б) высокая степень деградации, то есть значительное разрушение молекулярной целостности, препятствующее выявленную соответствующих идентификационных признаков: например, образцы крови трупов, подверженные сильным гнилостным изменениям;

с) непреодолимое влияние ингибиторов – сопутствующих веществ, тормозящих последующую полимеразную цепную реакцию: например, стойких красителей, примесей ГСМ и др.

Учитывая разнообразие исходных ситуаций первоначального этапа экспертного исследования ДНК, который в ряде случаев является решающим для достижения его целей, представляется, что с точки зрения использования конкретных методик, наиболее оправданно определить общим объектом исследования генетической экспертизы «биологический материал как потенциальный носитель ДНК». Данное определение общего объекта охватывает весь спектр свойств, являющихся основой для достижения конечной идентификационной цели, формирующй круг решаемых в процессе производства генетической экспертизы задач. Следует согласиться с мнением Н. В. Бурвикова, указывающего, что «знание круга экспертных задач конкретной экспертизы способствует пониманию того, какие именно свойства объекта изучает данный род экспертизы» [4, с. 151]. Таким образом, постановка экспертных задач обуславливает производство комплекса действий, направленных на преобразование полученной доказательственной информации, содержащейся в представленных на экспертизу объектах, в актуальную достоверную доказательную базу, используемую инициатором назначения экспертизы для принятия грамотного процессуального решения.

Полноценный спектр задач экспертного исследования должен реализовываться инициатором его назначения с учетом имеющихся у него знаний свойств и специфики объектов конкретного вида судебной экспертизы, а также общего понимания этапности применяемых экспертных методов. Только в этом случае создается полное представление о компетенции судебной экспертизы данного рода [4, с. 152].

Как уже отмечалось ранее, классификация задач, решаемых в процессе исследования ДНК, основывается на свойствах и функциональных особенностях специфических объектов, а

именно молекулы ДНК, без понимания которых невозможно уяснить фундаментальные принципы постановки целей и последующего решения задач. Непосредственное исследование ДНК (а точнее, закодированной в ней нуклеотидной последовательности) основано на инновационных подходах к криминалистическому изучению биологического материала с учетом не только внешних, но и внутренних свойств объектов (на клеточном уровне), их состава и строения [5, с. 210]. Ранее исследование биологических следов носило чисто морфологический характер, и только с развитием молекулярной биологии, связанной с изучением структуры ДНК и расшифровкой генома, стало возможным проводить идентификацию любого живого организма с конкретным биологическим объектом.

Биологический материал как потенциальный носитель ДНК – довольно широкое понятие и включает в себя биологические объекты, представленные в основном фрагментами тканей человека и животных (фрагменты мягких тканей, костные останки, жизнеспособные волосы, фрагменты ногтевых пластин) и следы биологического происхождения. К числу наиболее распространенных в экспертной практике производства исследования ДНК объектов относятся следы крови, спермы, слюны (буккальный эпителий), потожирового вещества с сопутствующим кожным эпителием и других выделений живого организма.

При этом в рамках проведения генетической экспертизы исследуются клеточные структуры организма человека (в основном изымаемые в ходе расследования преступлений против жизни и здоровья личности, ее половой неприкосновенности, противоправных деяний имущественного характера, дорожно-транспортных происшествий) и животных (выявляемые преимущественно в рамках расследования экологических преступлений). Данное обстоятельство обуславливает отнесение исследования ДНК к разновидности судебной биологической экспертизы тканей и выделений человека и животных¹.

Так как задачи экспертного исследования базируются на свойствах его объекта, следует выделить специфические структурные и функциональные молекулярно-биологические особенности объектов, лежащие в основе применяемых методик геномной экспертизы.

Практически весь биологический материал в той или иной степени является носителем генетической (наследственной) информации, закодированной в молекулах ДНК, характеризующихся рядом свойств и функций, без конкретизации которых сформулировать и понять суть криминалистических задач исследования биологического материала как потенциального носителя ДНК не представляется возможным.

Итак, основными свойствами молекулы ДНК, важнейшего источника криминалистической экспертной информации геномного исследования, являются [6]:

1) Универсальность структуры, то есть единство принципа ее построения у всех организмов.

2) Специфичность заложенной в ней информации, которая определяется соотношением азотистых оснований: аденин-тимин, гуанин-цитозин, универсальным для каждого биологического вида. Так, у человека оно составляет 1,35, у бактерий – 0,39 [7]. Азотистые основания сгруппированы в нуклеотиды и представляют собой мономеры, структурные единицы ДНК, вид и очередность которых у каждого вида живых организмов имеют строгие отличительные особенности. Данное свойство обуславливает индивидуализацию всех живых существ и возможность их дальнейшей идентификации.

3) Способность молекулы ДНК к репликации, иными словами, к самоудвоению, суть которого можно объяснить как биологическую функцию организма точно воспроизводить

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 : ред. от 27.09.2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 02.04.2024).

заложенную нуклеотидную последовательность в каждом последующем поколении. Эта уникальная способность организма дает возможность устанавливать родственные связи между особями. Наследственная, или, как ее еще называют, генетическая информация, подлежащая молекулярному структурированию в ходе исследования ДНК, называется генотипом.

4) Относительная устойчивость молекулы ДНК во времени к факторам окружающей среды (температурным колебаниям, ультрафиолетовому воздействию, длительности хранения биологического материала и т. д.), что дает возможность исследовать столь специфичные объекты, обнаруженные не только по факту недавно совершенного преступления, но и со значительными сроками давности.

Вышеперечисленные основные свойства молекулы ДНК обусловлены ее специфическими функциями, важнейшими из которых являются: хранение генетической информации организма и передача ее потомству в неизменном виде (за исключением мутаций, ошибок при копировании генома).

Функция записи генетической информации в виде биохимического кода и контроль за всеми вышеуказанными процессами определяют неизменяемость генома человека и животных, что делает его универсальным и идентификационно значимым в экспертной практике. Такая упорядоченная система функционально обусловленных генетических свойств индивидуума находится в основе отождествления его с оставленными им следами.

Производство генетической экспертизы основано на изучении вышеуказанных свойств молекулы ДНК. Их совокупность составляет основу реализации цели геномного исследования, результатом которого является установление аналогии (тождества) различных тканей и выделений организма с биологическим образцом, предоставленным инициатором в качестве сравнительного материала. При этом источник генетической информации и сравниваемый образец могут иметь различную биологическую природу, так как закодированная в них нуклеотидная последовательность будет идентична.

Таким образом, уникальностью генотипа каждого индивидуума (исключение составляют лишь монозиготные (одногодичные) близнецы, которые по сути являются клонами), его постоянством (неизменности) в течение всей жизни, генетической идентичностью различных производных организма, способностью к самоудвоению для наследственной передаче потомству, а также высокой степенью устойчивости молекулы ДНК к факторам окружающей среды и времени объясняется возможность криминалистической идентификации конкретного лица с биологическим материалом, им оставленным, в целях раскрытия и расследования преступлений.

Возвращаясь к постановке задач генетической экспертизы, основанных на специфической форме организации молекулы ДНК, стоит также отметить, что ДНК в зависимости от локализации в клетке и генной последовательности, закодированной в ней, подразделяется на ядерную (локализованную в ядре клетки в двух повторах, имеющую сложную двуцепочечную структуру спирального типа и несущую полный набор наследственных признаков от родительского организма потомству) и митохондриальную (расположенную в митохондриях клетки в десятках и даже сотнях копий, имеющую более простую, но значительно более прочную тугоплавкую структуру циклического типа, несущую наследственную информацию от материнского организма). Данные виды ДНК разнятся по структуре, количеству и ряду принципиально важных свойств (в данном контексте ведущую роль играет количественный критерий и прочность молекулы), что оказывает значительное влияние на круг решаемых экспертных задач, особенно в части возможности исследования биологического материала значительной давности. При этом изучение митохондриальной ДНК в криминалистической практике на сегодняшний день не имеет столь широкого применения, как ядерной, так как в

ходе ее исследования идентификация конкретного лица невозможна, речь может идти лишь о диагностике родства по женской линии.

Основываясь на достаточно подробно изложенных свойствах ДНК, можно четко определить перечень задач генетической экспертизы. Приоритетное место как наиболее весомого и значимого инструмента данной отрасли криминалистикой техники занимают идентификационные направления, предусматривающие решение вопросов установления прямого тождества с лицом, биологический материал которого обнаружен в ходе расследования преступления, а также установления родственных связей по вопросам отцовства, материнства, опознания лиц, поиска без вести пропавших. В число диагностических задач входит установление половой принадлежности, родства по женской и мужской линиям, диагностика заболеваний, установление фенотипических особенностей (расовой принадлежности, возраста, цвета волос, глаз, формы носа и пр.), что в недалекой перспективе даст возможность правоохранителям составлять фоторобот по расшифровке последовательности нуклеиновых кислот.

Подводя итог проведенного анализа свойств объектов генетической экспертизы, лежащих в основе ее целей и задач, еще раз хочется подчеркнуть, что общим объектом исследования ДНК, по мнению автора, является молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты, так как именно научные разработки ее функциональных и структурных особенностей дают возможность решать идентификационные задачи правоохранительной направленности на микробиологическом (клеточном) уровне. Анализ свойств ДНК, а именно уникальность генома, его неизменность в течение жизни, идентичность различных производных организма, наследственная передача закодированной информации потомству благодаря самоудвоению молекулы, а также высокая степень ее устойчивости лежат в основе целей генетического исследования и определяют круг решаемых им задач, направленных на раскрытие и расследование преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основы судебной экспертизы: курс общей теории : учеб. пособие. М. : РФЦСЭ, 1997. Ч. 1. 164 с.
2. Моисеева, Т. Ф. Новые методы и средства в формировании новых видов судебно-экспертных исследований // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. №3. С. 69–75.
3. Фролова, Е. Ю. Расширение частных начал в судебно-экспертной деятельности // Пространство экономики. 2013. № 3-3. С .176–179.
4. Бурвиков, Н. В. К вопросу о классификации задач судебной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 151–157.
5. Моисеева, Т. Ф. Современные методы диагностики свойств и состояний человека по его биологическим следам // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 210–213.
6. Виноградов, А. Б., Афонина, Т. Д. Молекулярные основы наследственности : метод. пособие. Пермь, 2009. 51с.
7. Афонина, С. Н., Павлова, М. М., Лебедева, Е. Н. и др. Молекулярные основы наследственности : учеб. пособие // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8 (часть 2). С. 206–207.
8. Афонина, С. Н., Павлова, М. М., Лебедева, Е. Н. и др. Биосинтез нуклеиновых кислот и белков : учеб. пособие. Оренбург : Оренбургская гос. мед. академия. 2008. 102 с.
9. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т 1. Общая теория криминалистики. М., 1999. 592 с.
10. Фролова, Е. Ю. Задачи и объекты исследования судебной экспертизы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 3. С. 141–147.

REFERENCE

1. Osnovy sudebnoj ekspertizy: kurs obshchej teorii [Fundamentals of forensic examination: a course in general theory. Study guide]. Moscow, RFCSE, 1997, Part. 1, 164 p.
2. Moiseeva T.F. Novye metody i sredstva v formirovaniy novykh vidov sudebno-ekspertnyh issledovanij [New methods and tools in the formation of new types of forensic research]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina - Vestnik of the O. E. Kutafin University. 2014, no 3, pp. 69-75.
3. Frolova E. YU. Rasshirenie chastnyh nachal v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti [Expansion of private beginnings in forensic activities]. Prostranstvo ekonomiki - The space of the economy. 2013, no 3-3, pp. 176-179.
4. Burvikov N.V. K voprosu o klassifikacii zadach sudebnoj ekspertizy. [On the issue of the classification of the tasks of forensic examination]. Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of TulSU. Economic and legal sciences. 2013, no. 4-2, pp. 151-157.
5. Moiseeva T.F. Sovremennye metody diagnostiki svojstv i sostoyaniy cheloveka po ego biologicheskim sledam [Modern methods of diagnosing human properties and conditions by their biological traces]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti – Vestnik of Economic Security. 2019, no. 2, pp. 210-213.
6. Vinogradov A.B., Afonina T.D. Molekulyarnye osnovy nasledstvennosti [The molecular basis of heredity]. Perm, 2009, 51 p.
7. Afonina S.N., Pavlova M.M., Lebedeva E.N., Raimova E.K., Kanunikova E.A., Nefedova E.M., Solovyh G. N. Molekulyarnye osnovy nasledstvennosti [The molecular basis of heredity]. Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya - International Journal of Experimental Education. 2015, no. 8-2, pp. 206-207.
8. Afonina S.N., Pavlova M.M., Lebedeva E.N., Raimova E.K., Kanunikova E.A., Nefedova E.M. Biosintez nukleinovyh kislot i belkov. Kratko posobie dlya studentov i vrachej po sovremennym voprosam biohimii i biologii. Processov anabolizma nukleinovyh kislo i belkov v funkcioniruyushchej kletke [Biosynthesis of nucleic acids and proteins. A short guide for students and doctors on modern issues of biochemistry and biology. The processes of anabolism of nucleic acids and proteins in a functioning cell]. Orenburg, 2008, 102 p.
9. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki [Criminology course]. Moscow, 1999, 592 p.
10. Frolova E. YU. Zadachi i ob"ekty issledovaniya sudebnoj ekspertizy [Tasks and objects of forensic examination research]. Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik - North Caucasian Legal vestnik. 2018, no. 3, pp. 141-147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лавелина Валерия Владимировна, преподаватель кафедры экспертино-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117437, г. Москва, ул. Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeria V. Lavelina, lecturer of the Department of Forensic science of the educational and scientific complex of forensic examination. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 117437, Moscow, Volgina Street, 12.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 172–180.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 172–180.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.985

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.72.23.015

**ФАКТОРЫ, СОЗДАЮЩИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ
КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ЗАКУПОК**

Мартынов Артём Олегович¹, Лис Влас Игоревич²

¹Академия МВД Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск

²Логойский районный исполнительный комитет, Республика Беларусь, г. Логойск

¹⁻²martyinovartsiom@gmail.com

Введение. В статье рассматриваются факторы, способствующие совершению коррупционных преступлений в сфере государственных закупок в Республике Беларусь. Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие порядок проведения государственных закупок в Республике Беларусь. Выделены объективные и субъективные факторы, способствующие совершению коррупционных преступлений в сфере государственных закупок Республики Беларусь.

Материалы и методы. В процессе подготовки данной научной статьи использовались нормативные правовые акты Республики Беларусь, материалы диссертационных исследований в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, научные публикации ученых, исследовавших проблемные аспекты совершения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок.

В основу методологии исследования положен комплекс общенациональных и частно-научных методов, в частности, анализ, синтез, сравнение и др.

Результаты исследования позволили определить комплекс мер, позволяющий сотруднику оперативных подразделений наиболее эффективно выявлять преступления коррупционной направленности в сфере государственных закупок.

Выводы и заключения. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что выявляя общие причины и условия коррупционной преступности, оперативному сотруднику следует обращать внимание на индивидуальные условия формирования конкретной личности с целью глубокого изучения, понимания и предотвращения преступности в сфере государственных закупок. Только в таком случае сотрудники оперативных подразделений смогут эффективно выявлять преступления коррупционной направленности в сфере экономики и обеспечить ее стабильность и устойчивость.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, коррупция, причины и условия коррупционной преступности, государственные закупки, противодействие коррупции.

Для цитирования: Мартынов А.О. Факторы, создающие условия для совершения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок / А.О. Мартынов, В.И. Лис // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. №3 (110). С. 172–180.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.72.23.015

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

FACTORS CREATING CONDITIONS FOR THE COMMISSION OF CORRUPTION CRIMES IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Artsiom O. Martynau¹, Vlas I. Lis²

¹Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Republic of Belarus, Minsk

²Logoi District Executive Committee, Republic of Belarus, Logoysk

¹⁻²martynauartsiom@gmail.com

Introduction: The article examines the factors contributing to the commission of corruption crimes in the field of public procurement in the Republic of Belarus. The normative legal acts regulating the procedure for public procurement in the Republic of Belarus are analyzed. Objective and subjective factors contributing to the commission of corruption crimes in the field of public procurement of the Republic of Belarus are highlighted.

Materials and Methods: In the process of preparing this scientific article, normative legal acts of the Republic of Belarus, materials of dissertation research in the field of criminology, operational investigative activities, scientific publications of scientists who have studied problematic aspects of committing corruption crimes in the field of public procurement were used.

The research methodology is based on a set of general scientific and private scientific methods, in particular, analysis, synthesis, comparison.

The Results of the Study: The results of the study allowed us to identify a set of measures that allows an employee of operational units to most effectively identify corruption-related crimes in the field of public procurement.

Findings and Conclusions: Based on the results of the research, it has been concluded that, in order to identify the common causes and conditions of corruption crimes, an operational officer should pay attention to the individual circumstances that lead to the formation of a particular personality. This will help them to study, understand, and prevent corruption in the field of public procurement. Only in this way will the staff of operational units be able to effectively identify and prevent corruption-related crimes in the economic sphere, ensuring the stability and sustainability of the system.

Keywords: detective activities, detective measures, corruption, causes and conditions of corruption crime, public procurement, anti-corruption.

For citation: Martynov A.O., Lis V.I. Faktory, sozdayushchie usloviya dlya soversheniya korrupcionnyh prestuplenij v sfere gosudarstvennyh zakupok [Factors creating conditions for the commission of corruption crimes in the field of public procurement]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No 3 (110). С. 172–180.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.72.23.015

Одной из главных угроз экономической безопасности Республики Беларусь является коррупция. Правонарушения коррупционного характера наносят непоправимый вред экономическим интересам государства, законным правам и интересам граждан.

Всякий процесс или событие, происходящее в природе или обществе, обуславливается иным явлением, процессом или событием, то есть определенными причинами или же их совокупностью. Поведение лиц, которое находит свое отражение в коррупционных правонарушениях, не является исключением из этого правила.

Склонность к коррупции появилась у человека с момента развития общества, экономических отношений, что находит свое отражение в историческом аспекте данного вопроса. В настоящее время учеными были выдвинуты различные гипотезы о причинах возникновения и условиях совершения коррупционных преступлений, что обусловлено повышенным вниманием общественности к этой проблеме.

Так, А.И. Долгова отмечает, что коррупция является следствием как общих процессов детерминации и причинности преступности, так и специфических. Последние преимущественно связаны с государственной или иной службой, а также с развитием организованной экономической преступности, отсутствием действенных преград на пути перерастания экономического интереса соответствующих преступников в политический и использования криминальных доходов на подкуп [1, с. 723].

Некоторые ученые предлагают разграничить понимание коррупции в широком и узком смысле. Так И.И. Басецкий и А.В. Башан под коррупцией в широком смысле понимают негативное социальное явление, опасность которого для государства и общества обусловлена корыстным мотивом должностных лиц. В узком смысле слово «коррупция» представляет использование (злоупотребление либо превышение) предоставленных должностному лицу полномочий в личных интересах [2].

Анализируя приведенные мнения, можно сделать вывод, что коррупция характеризуется как умышленное использование служебных полномочий (служебного положения) в целях противоправного получения имущества или другой выгоды, освобождения себя или своих близких от материальных затрат, а также подкуп должностного или приравненного к нему лица.

Отдельные аспекты рассмотрения организации и тактики выявления и раскрытия коррупционных преступлений в сфере государственных закупок нашли свое отражение в работах А.В. Анникова, В.Н. Боркова, В.В. Дараган, С.Г. Еремина, П.И. Иванова, В.Н. Радомана, А.М. Шинкевича и др. [3–8]. Вместе с тем труды указанных ученых в основном затрагивали криминалистические аспекты раскрытия рассматриваемых преступлений, при этом вопросы, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, затронуты ими достаточно фрагментарно. Указанные обстоятельства побудили к изучению отдельных аспектов коррупционных преступлений в сфере государственных закупок и стали темой настоящей статьи.

В связи с тем, что коррупция является разноплановым явлением, то и причины ее весьма разнообразны. В научной литературе принято выделять факторы, которые выступают движущей силой в развитии того или иного явления. Вместе с тем коррупция, как и любое иное социальное явление, не может быть поставлена в зависимость от одного или нескольких факторов, поскольку является многогранным и многосторонним явлением [9, с. 1].

Факторы, создающие условия для совершения коррупционных преступлений можно классифицировать на объективные и субъективные.

К объективным факторам относятся те, которые находят свое отражение во внешней среде, а именно в правовом, организационно-управленческом, социально-экономическом и нравственно-психологическом аспектах. Рассмотрим их более подробно.

Правовые факторы обуславливаются несовершенством законодательной базы, они связаны с возникновением общественных отношений, которые не регламентируются нормативными правовыми актами.

В современной отечественной и зарубежной литературе выделяется организационно-управленческие фактор, под которым понимается необходимость совершенствования эффективности деятельности государственных организаций, направленная на создание условий для проведения правомерной процедуры государственной закупки [10, с 37].

Социальный фактор играет крайне важную роль, так как коррупция касается каждой сферы общества (например, сферы образования, медицины, промышленности, строительства и др.). Одним из важнейших факторов, обуславливающих коррупцию, является гражданское общество, которое не до конца осознает ее вред или не в состоянии противостоять заинтересованному в ней меньшинству. Безразличное отношение к коррупции в обществе порождается слабым выражением у людей чувства собственного достоинства, терпимостью к неравенству. Люди свыкаются с привилегированностью коррупционеров и тех, кто занимается подкупом. Слабое гражданское общество не может иметь правовой культуры.

Социальный фактор отражает терпимость либо нетерпимость населения в отношении коррупции, что находит отражение в направленности социальной установки: положительной, отрицательной или нейтральной. Положительная установка предполагает позитивное отношение общества к коррупции, ввиду чего последнее видит в ней возможность для решения своих проблем. Отрицательная установка предполагает нетерпимость к такому негативному явлению как коррупция, полной готовностью борьбы с ней. Нейтральная установка заключается в индифферентности общества к коррупции.

В экономическом секторе коррупция оказывает негативное воздействие как в масштабах всей страны, так и уровне конкретного предприятия (ведомства). Наличие в денежной системе неучтенных денежных средств служит экономической причиной коррупции. По мнению А.Г. Хабибулина, питательной средой коррупции являются свободные неучтенные деньги. В этой связи автор предлагает для эффективного противодействия коррупции снизить оборот наличных денежных средств в хозяйственной деятельности; осуществить мероприятия по пресечению незаконных финансовых потоков [11, с.47].

Анализируя психологические факторы коррупционного поведения, следует отметить, что психологическая атмосфера в любой сфере жизни и в любом коллективе

серьезно оказывают влияние на количественные показатели коррупционных преступлений. Также важную роль играет система установок и нравственный барьер, который предполагает добровольный отказ от совершения преступления либо пресечения такого действия. Однако, это не исключает формирование коррупционной предрасположенности граждан, которое в дальнейшем распространяется на окружающих, побуждая их к совершению коррупционных преступлений. В результате происходит массовое разложение сознания должностных лиц.

Объективные факторы существенно обособленно от субъективных, однако, они подчиняют себе субъективные факторы, оказывают влияние на их формирование у конкретной личности.

Субъективные факторы характеризуют внутреннюю способность к совершению коррупционного преступления. Анализ научной литературы свидетельствует, что субъективными факторами, определяющими коррупционную преступность, являются: должностное положение лица; возраст; образование; психологическая навыки.

Законодательством Республики Беларусь определен специальный субъект в коррупционных преступлениях в сфере государственных закупок – должностное лицо. Последнее занимает определенное должностное или служебное положение. В зависимости от указанного положения в системе управления должностные лица могут быть классифицированы на две группы: руководители и рядовые исполнители. Данная классификация позволяет разграничить указанных лиц по их компетентности и подчиненности, что в свою очередь оказывает влияние на квалификацию совершенного деяния.

Возраст играет значительную роль в системе субъективных факторов, создающих условия для совершения коррупционных преступлений. Возраст, как правило, характеризует моральную зрелость субъекта к совершению правонарушения, направленность умысла на совершение коррупционных преступлений. Так, среднестатистический возраст лиц, занимающихся коррупционной деятельностью, составляет от 30 до 50 лет. Это связано с тем, что должностное лицо к данному возрасту имеет определенный опыт, знания и полномочия, которые позволяет ему создавать условия, способствующие совершению коррупционных преступлений. Поэтому оперативным сотрудникам стоит обратить внимание на возраст должностного лица. Как правило, образ жизни, поведение их существенно не отличается от поведения законопослушных граждан. У большинства осужденных хорошие отношения в семьях, они положительно характеризуются по месту работы, имеют достаточный материальный уровень.

Образование субъекта характеризует его интеллектуальные возможности в его профессиональной сфере деятельности. Указанное отражается в его изобретательности в создании условий и инструментов совершения коррупционных преступлений. Некоторые должности имеют определенные критерии, которые закрепляются на уровне законодательства, где наличие высшего образования является обязательным пунктом. Например, на должность главного бухгалтера может быть назначено лицо, которое имеет высшее или среднее специальное образование, предоставляющее право работать в должности главного бухгалтера организации, и стаж работы в области бухгалтерского учета, отчетности и (или) аудита не менее трех лет. В связи с вышеизложенным, оперативным сотрудникам необходимо обратить внимание на образование лица,

представляющее оперативный интерес, с целью выявления умений и навыков способствующих совершению преступлений в сфере государственных закупок.

Как правило, должностные лица с высшим образованием, имеющие большой опыт в своей сфере государственных закупок деятельности более изобретательны, что выражается в более изощренных формах совершения коррупционного преступления, а также сокрытия факта совершения преступного деяния.

Должностные лица в сфере государственных закупок, осуществляют управленческие функции, что подразумевает наличие у них определенных психологических навыков. Изучение практики деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями показывает, что субъекты коррупционных преступлений обладают специфическими свойствами личности, такими как повышенная коммуникабельность. Многие из коррупционеров весьма наблюдательны, знают психологию, что позволяет им манипулировать другими людьми с целью вовлечения в коррупционную деятельность. Должностные лица, как правило, могут быстро оценить складывающуюся обстановку, принять определенные решения исходя из этой обстановки, а также подвергать анализу возникающие процессы и явления. При этом, стоит учесть способность субъекта противостоять переживаниям, связанным с посткриминальным поведением. Само по себе преступление представляет собой внешний акт, который оставляет определенные следы на месте происшествия. Но, помимо этого, преступления оставляют внутренние следы, которые изменяют психическое состояние личности. Как правило, после совершения преступления напряжение не спадает, а наоборот увеличивается, что подразумевает под собой изменение самой личности.

Под влиянием субъективных и объективных факторов должностное лицо определяет свое внешнее выражение преступного деяния. Как правило, оно выражается во взяточничестве, проявляющемся, в том, что должностное лицо с целью получения материальной либо иной выгоды для себя или своих близких создает определенные условия, гарантирующие победу конкретному участнику. Еще одним способом совершения преступлений в сфере государственных закупок является заключение договора по завышенной цене с целью последующего хищения и распределения разницы между должностными лицами заказчика и исполнителя. Необходимо отметить, что при указанных обстоятельствах обязательства по заключенному договору могут исполняться в полном объеме, частично либо не исполняться вовсе.

Причины и условия, способствующие совершению коррупционных преступлений в сфере государственных закупок, необходимо изучить с целью открытия новых возможностей и инструментов по борьбе с коррупционными преступлениями, повышения эффективности борьбы с коррупцией государственных органов, а также искоренения коррупции как явления в государственных органах и организациях.

Немаловажным вопросом является выявление и документирование данных преступлений оперативными сотрудниками. Коррупционные преступления в сфере государственных закупок выявляются путем анализа документации, отражающие признаки коррупционных преступлений. Такими документами являются: годовой план закупок организации; задания на закупки; учредительные документы организации; документы кадровой службы проверяемой организации; положения о структурных подразделениях, осуществляющих закупки; приказ о создании комиссии по закупкам; справки о процедурах закупок; списки участников процедур закупок, переписку с ними;

документы, представляемые участникам для подготовки предложений (в т. ч. приглашения; проекты договоров и иные документы). Исследование вышеперечисленных документов, в том числе проведенное негласно, позволяет сотрудникам подразделений по борьбе с экономическими преступлениями получить представление о создающихся либо уже созданных условиях для совершения уголовно-наказуемых деяний.

Помимо изучения документов, целесообразно провести комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий. Так, в ряде случаев целесообразно провести такие оперативно-розыскные мероприятия как оперативный опрос, наведение справок, контроль в сетях электросвязи, наблюдение и так далее. Также немаловажным аспектом выявления преступлений в сфере государственных закупок является работа с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. Для наиболее эффективной работы с данными лицами, необходимо провести анализ ранее заключенных контрактов на проведение закупки определенной продукции (оказание услуг), с целью выявления лиц потерпевших материальной или иной ущерб от коррупционных действий лица, представляющий оперативный интерес. Помимо этого, следует использовать возможности сети Интернет, осуществлять взаимодействие с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. В ряде случаев целесообразно получать консультации у лиц, обладающих специальными знаниями в области проведения процедуры государственных закупок [12].

Данный комплекс мероприятий даст наилучший результат в том случае, если оперативным сотрудником будут проанализированы все вышеперечисленные причины и условия совершения коррупционных преступлений, а также субъективные и объективные факторы, формирующие внешние выражение преступного деяния лица в сфере государственных закупок.

Таким образом, выявляя общие причины и условия коррупционной преступности, оперативному сотруднику следует обращать внимание на индивидуальные условия формирования конкретной личности с целью глубокого изучения, понимания и предотвращения преступности в сфере государственных закупок. Только в таком случае сотрудники оперативных подразделений смогут эффективно выявлять преступления коррупционной направленности в сфере экономики и обеспечить ее стабильность и устойчивость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгова А.И. Криминология: учеб. пособие / А.И. Долгова. – 3-е изд. – Казань: Норма, 2010. – 358 с.
2. Басецкий И.И. Коррупция: теория и практика противодействия: монография. / И.И. Басецкий, А.В. Башан. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 567 с.
3. Анников А. В. О понятии и сущности применения оперативно-розыскных мер по выявлению и раскрытию экономических и коррупционных преступлений в сфере закупок для нужд оборонно-промышленного комплекса / А.В. Анников // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 160–162.
4. Борков, В. Н. Квалификация получения незаконного вознаграждения за приемку товаров, работ или услуг при исполнении контракта / В. Борков // Законность. – 2020. – № 9. – С. 39–43.
5. Дараган, В. В. Организационно-правовые меры предупреждения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок (международный опыт) / В. В. Дараган // Веснік Гродзенскага дзяржайна гаукцузства. Серыя 4, Правазнаўства. – 2015. – № 4. – С. 93–104.

6. Еремин, С. Г. Проблемы своевременного выявления, раскрытия преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок и меры по их преодолению [Электронный ресурс] / Еремин С. Г., Кондуков А. А. // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 4. – С. 123–127.

7. Радоман, В. Н. Противодействие коррупционным проявлениям при осуществлении государственных закупок / В. Н. Радоман, А. В. Воронов // 338 Теоретико-правовые вопросы обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь : респ. науч.-практ. конф. (Минск, 19 дек. 2017 г.) : тез. докл. / УО "Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь" ; [редкол.: А. А. Вишневский (отв. ред.), А. И. Авраменко, В. Н. Радоман]. – Минск, 2017. – С. 177–181.

8. Шинкевич, А. М. Оперативно-розыскное противодействие преступлениям в сфере государственных закупок / А. М. Шинкевич // Промышленно-торговое право. – 2016. – № 2. – С. 88–91.

9. Нечаев А.Д. Оценка факторов, влияющих на уровень коррупции, методами регрессионного анализа : (на примере Ростов. обл.) / А.Д. Нечаев, Е.В. Тищенко – Саратов : Гос. Юрид. Акад., 2011. – 176 с.

10. Коррупция в органах государственной власти : природа, меры предупреждения, междунар. сотрудничество : сб. науч. ст. / под ред. П.Н.Панченко, А.Ю.Чупровой, А.И.Мизерия. – Н. Новгород, 2001. – 299 с.

11. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности : методология, проблемы и пути их решения / А.Г. Хабибулин – Москва, 2007. – 133 с.

12. Мартынов, А. О. Консультационно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности / А. О. Мартынов // III Минские криминалистические чтения : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 15 дек. 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Р. М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 433–436.

REFERENCES

1. Dolgova A.I. Kriminologiya: ucheb. posobie [Criminology: studies. stipend]. Kazan': Norma, 2010. – 358 p.
2. Baseckij I.I. Korrupciya: teoriya i praktika protivodejstviya: monografiya. [Corruption: theory and practice of counteraction: monograph]. Minsk. 2005. 567 p.
3. Annikov, A. V. O ponyatii i sushchnosti primeneniya operativno-rozysknyh mer po vyyavleniyu i raskrytiyu ekonomiceskikh i korruptionnyh prestuplenij v sfere zakupok dlya nuzhd oboronno-promyshlennogo kompleksa [On the concept and essence of the application of operational investigative measures to identify and disclose economic and corruption crimes in the field of procurement for the needs of the military-industrial complex]. Zakon i pravo – Law and Law. 2019. No 1. Pp. 160–162.
4. Borkov, V. N. Kvalifikaciya poluchenija nezakonnogo vozna grazhdenija za priemku tovarov, rabot ili uslug pri ispolnenii kontrakta [Qualification of receiving illegal remuneration for the acceptance of goods, works or services in the performance of a contract]. Zakonnost' – Legality. 2020. No 9. Pp. 39–43.
5. Daragan, V. V. Organizacionno-pravovye mery preduprezhdeniya korruptionnyh prestuplenij v sfere gosudarstvennyh zakupok (mezhdunarodnyj opyt) [Organizational and legal measures to prevent corruption crimes in the field of public procurement (international experience)]. Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaýnaga ýniversiteta. Seryya 4, Pravaznaýstva. – 2015. No 4. Pp. 93–104.
6. Eremin, S. G. Problemy svoevremennogo vyyavleniya, raskrytiya prestuplenij v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok i mery po ih preodoleniju [Problems of timely detection, disclosure of crimes in the field of state and municipal procurement and measures to overcome them]. Jurist"-Pravoved"- Jurist-Pravoved. 2020. No 4. Pp. 123–127.

7. Radoman, V. N. Protivodejstvie korrupcionnym proyavleniyam pri osushchestvlenii gosudarstvennyh zakupok / V. N. Radoman, A. V. Voronov // 338 Teoretiko-pravovye voprosy obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Respubliki Belarus' : resp. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 19 dek. 2017 g.) [Countering corruption in public procurement. Theoretical and legal issues of ensuring economic security of the Republic of Belarus : Rep. scientific and practical conference]. Minsk, 2017. Pp. 177–181.

8. Shinkevich, A. M. Operativno-rozysknoe protivodejstvie prestupleniyam v sfere gosudarstvennyh zakupok [Operational investigative counteraction to crimes in the field of public procurement]. Promyshlenno-torgovoe pravo – Industrial and commercial law. 2016. No 2. Pp. 88–91.

9. Nechaev A.D. Ocenka faktorov, vliyayushchih na uroven' korrupcii, metodami regressionnogo analiza : (na primere Rostov. obl.) [Assessment of factors influencing the level of corruption using regression analysis methods : (using the example of the Rostov region)]. Saratov, 2011. 176 p.

10. Korrupciya v organah gosudarstvennoj vlasti : priroda, mery preduprezhdeniya, mezhdunar. sotrudnichestvo : sb. nauch. st. [Corruption in public authorities: nature, preventive measures, international relations. cooperation : collection of scientific articles]. N. Novgorod, 2001, 299 p.

11. Habibulin A.G. Korrupciya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti : metodologiya, problemy i puti ih resheniya [Corruption as a threat to national security : methodology, problems and solutions]. Moscow, 2007, 133 p.

12. Martynov, A. O. Konsul'tacionno-spravochnaya deyatel'nost' specialista kak forma ispol'zovaniya special'nyh znanij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti / A. O. Martynov // III Minskie kriminalisticheskie chteniya : mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 15 dek. 2022 g.) [Consulting and reference activity of a specialist as a form of using special knowledge in operational investigative activities / A. O. Martynov // III Minsk criminalistic readings : mater. International Scientific and Practical Conference (Minsk, December 15, 2022)]. Minsk, 2023. Pp. 433–436.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мартынов Артём Олегович, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции. Академия МВД Республики Беларусь. 220005, г. Минск, пр. Машерова, 6а.

Лис Влас Игоревич, оперуполномоченный группы по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции. Логойский районный исполнительный комитет. 223141, Республика Беларусь, Минская обл., г. Логойск, ул. Комсомольская, 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Martynau Artsiom Olegovich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Faculty of Criminal Police. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 6a Masherova ave., Minsk, 220005.

Lis Vlas Igorevich, an operative of the group for combating economic crimes of the criminal militia of the Logoisk district Executive Committee. 13 Komsomolskaya str., Logoisk, Minsk region, Republic of Belarus, 223141.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 23.06.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 23.06.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 181–193.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
No. 3 (110). P. 181–193.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.01

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.32.18.016

**ИННЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА:
АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Репецкая Анна Леонидовна¹, Бархатова Екатерина Николаевна²

¹⁻²Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, г. Иркутск

¹repetsk@mail.ru

²solncevelvet@rambler.ru

Введение. Иные меры уголовно-правового характера являются одним из рычагов уголовно-правового механизма, позволяющим гармонично сочетать карательное и поощрительное воздействие. Вместе с тем в последнее время все чаще поднимается вопрос об их эффективности, обусловленный в одном случае сокращением числа фактов их применения, в другом – нюансами законодательной регламентации.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались работы отечественных ученых, данные уголовной статистики, нормативные документы. При написании статьи использовались общенаучные методы: системный подход, индукция, аналогия, анализ, синтез, а также частнонаучный метод экстраполяции, позволивший получить основные результаты исследования.

Результаты исследования. Проведен анализ статистических данных, отражающих результаты применения уголовно-правовых норм об иных мерах уголовно-правового характера, как в части изменения показателей в динамике и структуре, так и в части повторного совершения лицами, к которым такие меры были применены, преступлений и общественно опасных деяний.

Выводы и заключения. Сделаны выводы о достаточно высоком уровне их эффективности и перспективах дальнейшего развития. Указано, что требует доработки порядок применения иных мер уголовно-правового характера, а также требует уточнения статус некоторых из них, что отражается на качестве их применения.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, анализ эффективности, общественно опасные деяния невменяемых.

Для цитирования: Репецкая А. Л., Бархатова Е. Н. Иные меры уголовно-правового характера: анализ эффективности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 181–193.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.32.18.016

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

OTHER MEASURES OF A CRIMINAL LEGAL NATURE: EFFICIENCY ANALYSIS

Anna L. Repetskaya¹, Ekaterina N. Barkhatova²

¹⁻²East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk

¹repetsk@mail.ru

²solncevelvet@rambler.ru

Introduction: Other measures of a criminal legal nature are one of the levers of the criminal legal mechanism, allowing for a harmonious combination of punitive and incentive effects. At the same time, recently the question of their effectiveness has been increasingly raised, due in one case to a reduction in the number of facts of their use, in another - to the nuances of legislative regulation.

Materials and Methods: The research used the work of domestic scientists, criminal statistics, and regulatory documents. When writing the article, general scientific methods were used: a systematic approach, induction, analogy, analysis, synthesis, as well as the private scientific method of extrapolation, which made it possible to obtain the main results of the study.

The Results of the Study: An analysis of statistical data reflecting the results of the application of criminal law norms on other measures of a criminal legal nature was carried out, both in terms of changes in indicators in dynamics and structure, and in terms of the repeated commission of crimes and socially dangerous acts by persons to whom such measures were applied.

Findings and Conclusions: Conclusions are drawn about a fairly high level of their effectiveness and prospects for further development. It is indicated that the procedure for applying other measures of a criminal law nature requires refinement, and the status of some of them also requires clarification, which affects the quality of their application.

Key words: criminal law, compulsory medical measures, confiscation of property, court fine, effectiveness analysis, socially dangerous acts of the insane.

For citation: Repetskaya A.L., Barkhatova E.N. Other measures of a criminal legal nature: analysis of effectiveness // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical. magazine Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (110). pp. 181–193.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.32.18.016

Иные меры уголовно-правового характера выступают способом воздействия на лиц, совершающих преступления, наряду с наказанием. Соответствующий раздел Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) формировался постепенно и изначально состоял только из принудительных мер медицинского характера. Тенденция к расширению института альтернативного воздействия на преступников доказывает востребованность данных норм и их эффективность. Вместе с тем, следует отметить, что эффективность той или иной нормы на современном этапе развития законодательства подтверждается или опровергается статистическими данными. С целью получения объективных результатов рассмотрим статистические показатели применения иных мер уголовно-правового характера в четырех блоках – общем и отдельно по каждому виду мер. Для анализа выберем временной промежуток – период действия УК РФ, т.е. с 1997 по 2023 гг. При этом не следует забывать, что эффективность конкретной меры уголовно-правового характера определяется не только интенсивностью ее применения, но и

последующим результатом, в этой связи нас будет интересовать число лиц, фактически повторно совершивших преступления после применения соответствующей меры.

На первом этапе проанализируем эффективность принудительных мер медицинского характера, поскольку в период с 1997 по 2006 гг. данные меры были единственными, входящими в раздел об альтернативном воздействии на преступников (хотя рядом авторов вполне обоснованно оспаривается уголовно-правовая природа этих мер) [1, с. 155].

Как верно отмечает Е.А. Федорова, судебная практика свидетельствует о стабильном уровне применения ПММХ по рассмотренным судами России уголовным делам – около 1% от числа всех осужденных [2, с. 4].

В период с 1997 по 2002 гг. принудительные меры медицинского характера назначались в среднем 0,8% лиц, совершивших преступления [3, с. 84]. В 2003 году отмечается снижение количества уголовных дел с применением принудительных мер медицинского характера (на 3%), что связано с изменениями, внесенными Федеральным законом №162 от 8 декабря 2003 г. в ст. 97 УК РФ, ст. 433 УПК РФ, исключившими из категории лиц, к которым применяются принудительные меры медицинского характера, лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией. Однако в 2004 г. указанный показатель снова вырос на 2% [4, с. 9]. В 2005-2006 годах принудительные меры медицинского характера применялись к 1% осужденных за преступления лиц.

После дополнения УК РФ в 2006 году конфискацией имущества, а позже – судебным штрафом и формирования раздела «Иные меры уголовно-правового характера» количественный показатель применения принудительных мер медицинского характера практически не изменился и все последующие годы составлял примерно 1%.

Далее сведения о процентном соотношении числа лиц из числа осужденных, к которым применены принудительные меры медицинского характера, и общего числа осужденных представлены в таблице¹.

Таблица 1

Сведения о числе осужденных, к которым применены принудительные меры медицинского характера и массовой доле таких лиц из общего числа осужденных в России с 2007 по 2023 гг.

Год	Количество осужденных, к которым применены ПММХ из общего числа осужденных	Процентное соотношение
2007	9923 из 931057	1,1%
2008	9065 из 941936	1%
2009	7744 из 892361	0,9%
2010	7453 из 845071	0,9%
2011	6371 из 782274	0,8%
2012	5832 из 739278	0,8%
2013	6606 из 735340	0,9%
2014	7962 из 719297	1,1%
2015	8203 из 734581	1,1%
2016	8795 из 741329	1,2%
2017	8334 из 697054	1,2%
2018	8171 из 658291	1,2%
2019	7866 из 598207	1,3%
2020	7064 из 530998	1,3%
2021	7642 из 565523	1,4%
2022	7835 из 578751	1,4%
2023 (1-е полугодие)	3771 из 268921	1,4%

¹ Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2005-2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.04.2024).

В 2009-2013 гг. наблюдаются колебания рассматриваемого числа. Такие отклонения в сторону уменьшения числа фактов применения ПММХ к осужденным наблюдаются на фоне роста количества психически больных. Так, по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2013 году показатель доли психически больных лиц на 100 тыс. населения составлял 520,6, а уже в 2014 году – 501,7¹. Возможно, снижение доли лиц, осужденных за преступления, к которым в 2009-2013 гг. применялись принудительные меры медицинского характера, обусловлено процессуальными вопросами применения данных мер. Так, справедливо отмечает А.И. Видергольд, что до принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в 2011 году постановления № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» перед судами стояло множество вопросов, в том числе процессуальных, отрицательно влияющих на формирование единообразной судебной практики и способствовавших воздержанию судей в некоторых случаях от принятия решения о применении рассматриваемых мер [5, с. 38]. Также верно отмечается, что в судебно-психиатрической практике встречаются случаи, когда временное психическое расстройство, возникшее у лица после совершения инкриминируемого ему деяния, препятствует определению психического состояния в момент совершения этого деяния. Применительно к прежнему уголовному законодательству данный пробел был восполнен специальным постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1985 г. «О применении статьи 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Постановление допускало возможность применения к лицам рассматриваемой категории принудительных мер медицинского характера до выхода из временного болезненного расстройства психической деятельности. В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» этот вопрос разрешен иначе, что препятствует судам в применении к соответствующим лицам принудительных мер медицинского характера [5, с. 38].

Начиная с 2014 года число случаев применения к осужденным принудительных мер медицинского характера практически ежегодно растет и тому есть ряд причин. Во-первых, в 2012 году перечень оснований для применения принудительных мер медицинского характера, закрепленных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, расширен и дополнен положением о возможности применения таких мер к совершеннолетним лицам, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости. Данное дополнение существенно расширило круг лиц, к которым стали применяться принудительные меры медицинского характера. Однако фактически пункт «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ стал применяться судами с 2017 года. Значительный временной промежуток между введением нормы и началом ее реализации объясняется подготовкой необходимой организационно-материальной базы.

Во-вторых, в целом число лиц, страдающих психическими расстройствами как в России, так и во всем мире растет. По данным национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского в России по

¹ Статистический сборник Министерства здравоохранения Российской Федерации за 2014 год. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2014-god> (дата обращения: 05.04.2024).

состоянию на 1 января 2024 года около 4 млн человек страдают различными психическими заболеваниями, в мире – 970 млн человек. В России рост показателя по сравнению с предыдущими годами отмечается примерно на 3%. При том, что в период с 2015 по 2020 гг. число лиц с психическими расстройствами сократилось в целом на 5%¹. Скобликов также приводит данные о том, что число лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера, растет (в 2021 г. +31 % по сравнению с 2012 г.), на фоне существенного снижения общего числа лиц, осужденных за различные преступления (-23,53 %) [6, с. 84].

Анализ статистических данных по применению принудительных мер медицинского характера за первое полугодие 2023 года, к сожалению, демонстрирует тенденцию к дальнейшему росту данного показателя.

Эффективность принудительных мер медицинского характера определяется, в том числе, количеством повторных общественно опасных деяний, совершенных лицами, к которым такие меры были применены. По оценкам экспертов доля лиц, повторно совершивших общественно опасные деяния, после или во время принудительного лечения, составляет в среднем одну пятую часть от общего числа лиц, проходящих принудительное лечение в связи с совершением общественно опасного деяния [7, с. 6].

По данным Министерства здравоохранения в 2010 году в Российской Федерации амбулаторное принудительное лечение проходили 7245 человек, из которых 1544 – в связи с совершением общественно опасного деяния, при этом 89 человек повторно совершили общественно опасное деяния, находясь на амбулаторном принудительном лечении (т. е. 5,8%). Во всех видах психиатрических стационаров в 2010 году содержалось 17467 лиц. Примерно каждый десятый нападал на персонал, около 180 человек планировали побег [8, стр. 135–168].

В 2016 году впервые на амбулаторное принудительное лечение за совершение общественно опасного деяния поступило 2043 лица (+32% по сравнению с показателем 2010 года), в стационары всех видов – 6550 лиц (в 2010 году – 6202 лица, т. е. отмечается рост на 5,6%). Примерно 3,5% лиц от общего числа содержащихся в стационарах в 2016 году совершили повторное общественно опасное деяние (в 2010 году – 4,3%) [9]. Указанные сведения дают основания говорить о достаточной эффективности принудительных мер медицинского характера, что, возможно, выступает одним из условий учащения их назначения лицам, совершившим общественно опасные деяния.

Так, в 2022 году принудительные меры медицинского характера применены к 7 835 лицам. Структура преступлений, по поводу совершения которых к лицам применены указанные меры, выглядит следующим образом².

¹ Около 4 млн россиян страдают психическими расстройствами. URL: <https://www.interfax.ru/russia/945840> (дата обращения: 05.04.2024); В России возросло число психических расстройств. URL: <https://smotrim.ru/article/3593532?ysclid=lumagw1nr4546219348> (дата обращения: 05.04.2024).

² Данные судебной статистики. URL: <http://stat.апи-пресс.рф> (дата обращения: 12.02.2024).

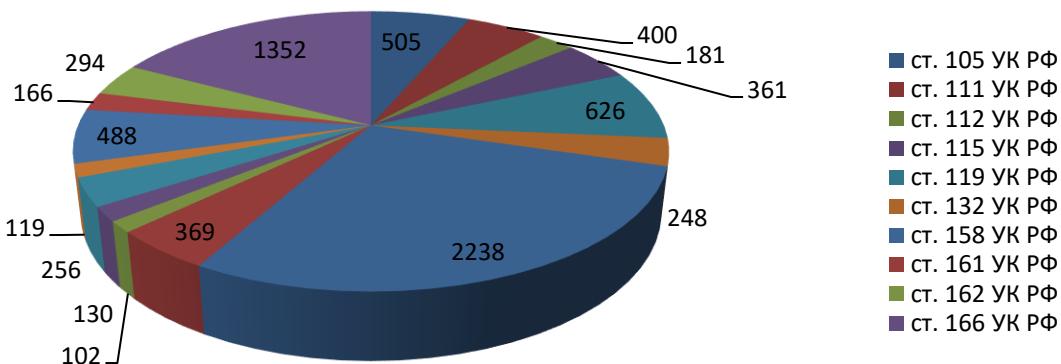

Рис. 1. Структура преступлений, по поводу совершения которых к лицам применены принудительные меры медицинского характера за 2022 год по России

Разумеется, такая структура объясняется частично превалированием общего числа перечисленных преступлений в общей массе, а частично – спецификой данных преступлений.

Также экспертами установлен качественный состав таких повторных противоправных посягательств (представлен на рис.е 2) [7, с. 7].

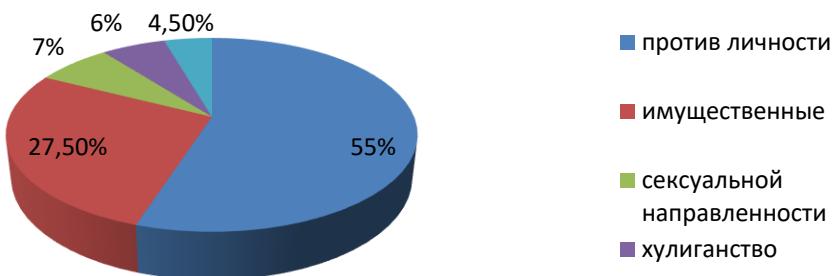

Рис. 2. Массовая доля общественно опасных деяний различной направленности в общей структуре общественно опасных деяний, повторно совершенных лицами, к которым применены принудительные меры медицинского характера в связи с совершением общественно опасного деяния (усредненный показатель)

Представленная структура несколько отличается от первичной противоправной деятельности лиц, страдающих психическими расстройствами, что может быть обусловлено более высокой степенью агрессивности лиц, склонных к посягательствам на жизнь и здоровье другого человека.

В качестве промежуточного вывода можно отметить тенденцию к учащению случаев назначения судами принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния и страдающим психическими расстройствами, что обусловлено как ростом общего числа лиц, нуждающихся в психиатрической помощи, так и эффективностью применяемых мер, подтверждающуюся сокращением числа повторных общественно опасных деяний, совершаемых такими лицами.

Второй этап нашего исследования посвящен конфискации имущества. Для анализа частоты и эффективности применения данной меры возьмем временной промежуток с 2007 по 2023 годы, поскольку соответствующие положения были внесены в уголовный

закон в 2006 году. Ниже представлена таблица с указанием статистических данных о лицах, к которым применена конфискация имущества.

Таблица 2
Число лиц, к которым применена конфискация имущества в период с 2007 по 2023 гг. в России

Год	Число лиц
2007	73
2008	511
2009	800
2010	849
2011	700
2012	954
2013	920
2014	1178
2015	1810
2016	1934
2017	2059
2018	2459
2019	2616
2020	2580
2021	3463
2022	4195
2023 (1-е полугодие)	5619

Для большей наглядности представим данные сведения в виде графика.

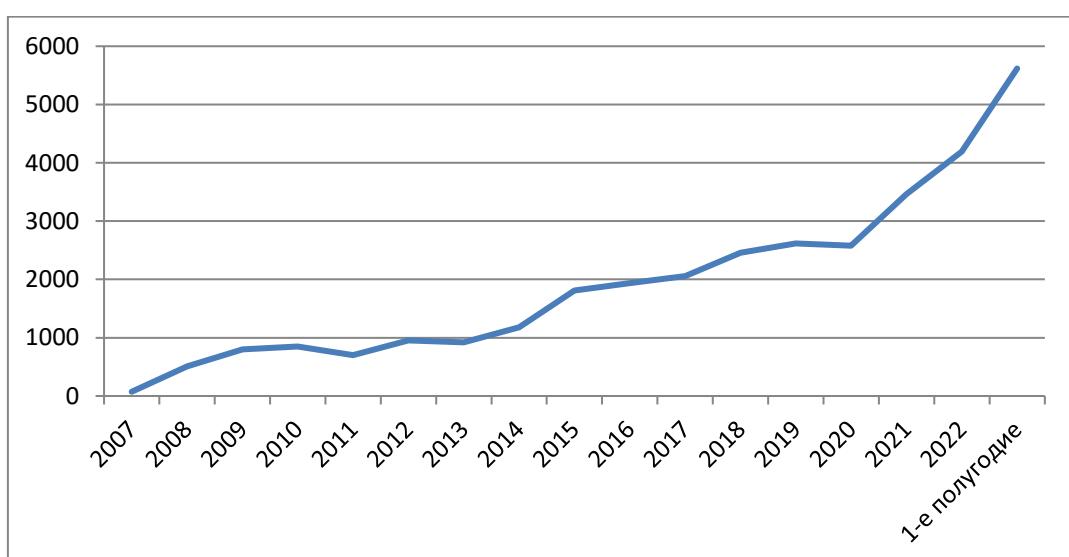

Рис. 3. Число лиц, к которым применена конфискация имущества в период с 2007 по 2023 гг. в России

На графике видны незначительные колебания, обусловленные соответствующими изменениями в общем числе осужденных за преступления лиц, а также формированием единообразной судебной практики, выражаясь в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. В целом же демонстрируется устойчивая тенденция к росту числа осужденных, к которым применяется конфискация. С 2007 года указанное число возросло в 57 раз, а показатель за полугодие 2023 года уже на 34% превысил показатель за полный 2022 год.

Интересно изменение структуры преступлений, по уголовным делам о которых к осужденным применяется конфискация имущества. Так, в 2009 году большую часть таких деяний составляли экологические преступления.

Рис. 4. Структура преступлений, по уголовным делам о которых применена конфискация имущества в 2009 году в России¹

Анализ данных за первое полугодие 2023 года свидетельствует об активном использовании данного уголовно-правового инструмента в целях противодействия незаконному обороту наркотиков и преступлениям против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2009 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=840> (дата обращения: 10.04.2024).

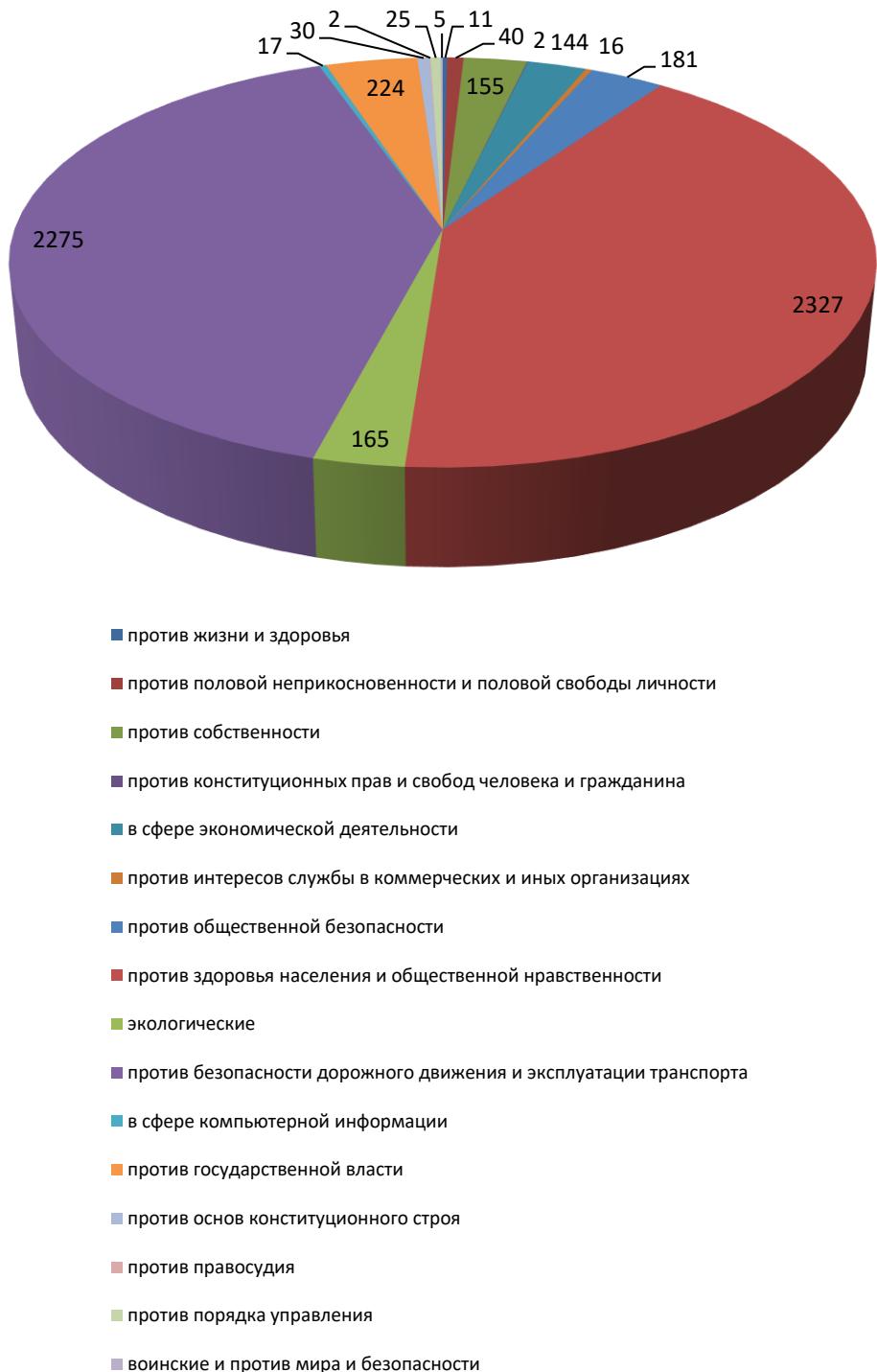

Рис. 5. Структура преступлений, по уголовным делам о которых применена конфискация имущества в первом полугодии 2023 года в России¹

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 10.04.2024).

Изменения структуры обусловлены дополнениями, внесенными в ст. 104¹ УК РФ в 2022-2024 гг., позволившими, в частности, изымать транспортные средства, принадлежащие обвиняемому и использованные им при совершении ряда преступлений против безопасности дорожного движения.

Практика применения измененных норм демонстрирует, что законодатель учитывает тенденции социальных изменений и принимает своевременные решения, способствующие достижению цели профилактики преступлений.

Эффективность конфискации имущества как меры уголовно-правового характера можно проследить на статистических данных о преступлении, предусмотренном ст. ст. 264¹ УК РФ. Так, в первом полугодии 2022 года зарегистрировано 26695 таких преступлений. В июле 2022 года ст. 104¹ УК РФ была дополнена пунктом «д», позволяющим конфисковать транспортное средство, послужившее средством совершения преступления. Уже в первом полугодии 2023 года рассматриваемый показатель сократился на 11,1% (с 26695 до 23745)¹. В этой связи не согласимся с В.А. Масловым, утверждающим, что: «Утверждение о том, что у конфискации имущества имеется существенный превентивный потенциал в сравнении с избранным законодателем подходом (наказуемостью штрафом), по меньшей мере в отношении преступлений против собственности и бандитизма, видится спорным» [10, с. 187].

Судебный штраф начал применяться с 2017 года. Статистические данные свидетельствуют о нестабильности его применения и наблюдающуюся в последнее время тенденцию к снижению числа фактов назначения данной меры.

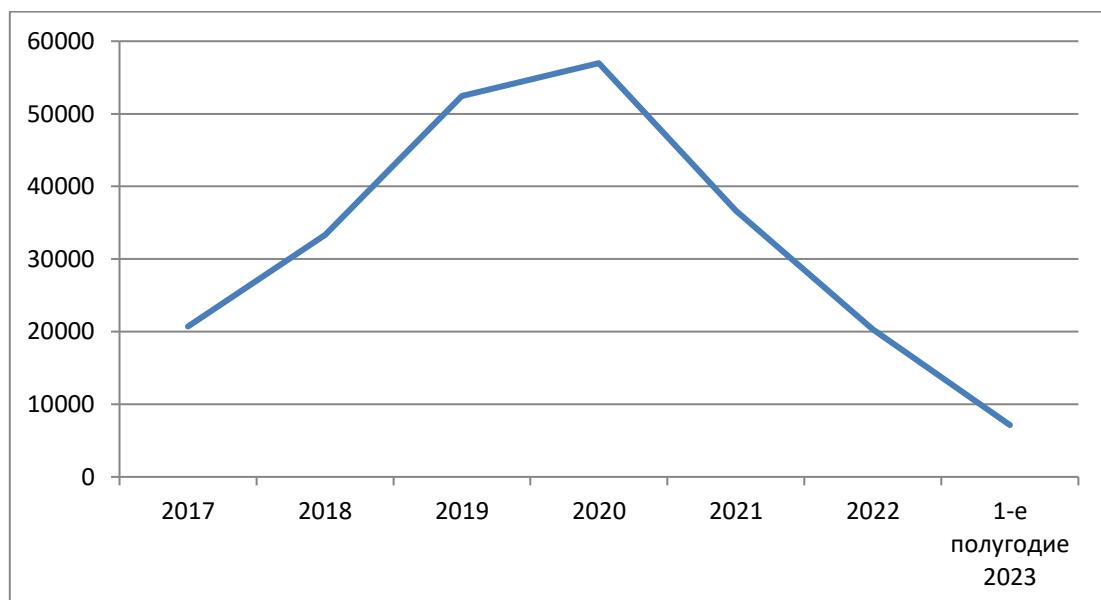

Рис. 6. Число лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, в России с 2017 по 2023 гг².

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2023 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 10.04.2024).

² Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2017-2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.04.2024).

Для более корректного сравнения отметим, что по итогам первого полугодия 2022 года исследуемый показатель превышал аналогичный за первое полугодие 2023 года на 34%¹.

Снижение числа случаев освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа обусловлено тем, что Верховный Суд Российской Федерации фактически усложнил процедуру применения данной меры, указав, что «...для применения к обвиняемому судебного штрафа первостепенное значение имеют возмещение ущерба или принятие мер по заглаживанию вины иными способами. Но освобождать от уголовной ответственности можно не за любые социально одобряемые действия, а только за те, которые касаются вреда, причиненного данным конкретным преступлением. И при этом суд в каждом случае вправе решать, достаточно ли предпринятых виновным действий «для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности»².

По данным за 2022 год из общего количества осужденных 5 317 (или 0,9%) ранее уже привлекались к уголовной ответственности, но были освобождены от нее по нереабилитирующим основаниям, к каковым, в частности, относится и судебный штраф³. Таким образом, определенная доля лиц, которым государство предоставило кредит доверия, не оправдывают последнее. Вместе с тем эта доля незначительная и может быть оправдана психологическими особенностями человека.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что существующие на сегодняшний день в уголовном законе иные меры уголовно-правового характера востребованы и эффективны. Разумеется, остаются многочисленные вопросы по их корректировке, совершенствованию, приведению в соответствие с иными нормами (если такое несоответствие имеет место). Уточнения требует и порядок их реализации (с точки зрения уголовно-исполнительного права). Вместе с тем правильность избранного законодателем подхода неоспорима в свете приведенного статистического анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнеев, С.А. Принудительные меры медицинского характера в структуре уголовно-правового воздействия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 153–160.
2. Федорова, Е.А. Принудительные меры медицинского характера в уголовном законодательстве Российской Федерации: учебное пособие. Красноярск, 2021. 80 с.
3. Маркелова, А.С. Статистическое исследование социально-демографической дифференциации судимости населения России: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2004. 173 с.
4. Шагеева, Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 28 с.

¹ Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за первое полугодие 2022 года. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 11.04.2024).

² Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 14.02.2024).

5. Видергольд, А.И. Реализация судебных правовых позиций Верховного суда Российской Федерации, касающихся вопросов о применении судами принудительных мер медицинского характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3. С. 36–41.
6. Скобликов, П.А. Современные проблемы предупреждения и пресечения общественно опасных деяний со стороны лиц с психическими расстройствами, уже совершивших аналогичные деяния // Сибирский юридический вестник. 2023. № 3. С. 79–86.
7. Макушкина, О.А., Якимович, Л.А. Повторные общественно опасные действия лиц, страдающих психическими расстройствами: проблемы профилактики // Российский психиатрический журнал. 2014. № 2. С. 4–10.
8. Судебно-психиатрическая профилактика в Российской Федерации: аналитический обзор / под ред. Б.А. Казаковцева, О.А. Макушкиной. М.: ФГБУ ГНЦСП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России, 2012. 356 с.
9. Голланд, В.Б., Лазько, Н.В., Румянцев, В.А. Динамика показателей, характеризующих состояние оказания принудительного лечения в Российской Федерации по данным годовых отчетов «Сведения о контингентах больных с психическими расстройствами, находящихся на активном диспансерном наблюдении и принудительном лечении» (Форма № 36-ПЛ) в 2006-2016 гг.». URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1712558889&tld=ru&lang=ru&name> (дата обращения: 08.04.2024).
10. Маслов, В.А. Эффективность конфискации имущества в контексте официальной статистики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12. С. 175–190.

REFERENCES:

1. Korneev, S.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v strukture ugolovno-pravovogo vozdejstvija [Compulsory medical measures in the structure of criminal law]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 2. Pp. 153-160. (in Russian).
2. Fedorova, E.A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiijskoj Federacii: uchebnoe posobie. [Compulsory medical measures in the criminal legislation of the Russian Federation: tutorial]. Krasnoyarsk, 2021. 80 p. (in Russian).
3. Markelova, A.S. Statisticheskoe issledovanie social'no-demograficheskoy differenciacii sudimosti naselenija Rossii: diss. ... kand. jekonom. nauk. [Statistical study of socio-demographic differentiation of the criminal record of the Russian population: dissertation. ...cand. economy sciences]. Moscow, 2004. 173 p. (in Russian).
4. Shageeva, R.M. Problemy primenenija prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera v ugolovnom processe: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. [Problems of using compulsory medical measures in criminal proceedings: abstract. diss. ...cand. legal Sci.] Ufa, 2005. 28 p. (in Russian).
5. Vidergol'd, A.I. Realizacija sudebnyh pravovyh pozicij Verhovnogo suda Rossiijskoj Federacii, kasajushhihsja voprosov o primenenii sudami prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera. [Implementation of judicial legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation concerning issues of the use of compulsory measures of a medical nature by courts]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2015. No. 3. Pp. 36-41. (in Russian).
6. Skoblikov, P.A. Sovremennye problemy preduprezhdenija i presechenija obshhestvenno opasnyh dejanij so storony lic s psihicheskimi rasstrojstvami, uzhe sovershavshih analogichnye dejanija. [Modern problems of preventing and suppressing socially dangerous acts by persons with mental disorders who have already committed similar acts]. Sibirskij juridicheskij vestnik. - Siberian Legal Bulletin. 2023. No. 3. Pp. 79-86. (in Russian).

7. Makushkina, O.A., Jakimovich, L.A. Povtornye obshhestvenno opasnye dejstvija lic, stradajushhih psihicheskimi rasstrojstvami: problemy profilaktiki. [Repeated socially dangerous actions of persons suffering from mental disorders: problems of prevention]/ Rossijskij psihiatriceskij zhurnal. - Russian Psychiatric Journal. 2014. No. 2. Pp. 4-10. (in Russian).

8. Sudebno-psihiatriceskaja profilaktika v Rossijskoj Federacii: analiticheskij obzor / pod red. B.A. Kazakovceva, O.A. Makushkinoj. [Forensic psychiatric prevention in the Russian Federation: analytical review / ed. B.A. Kazakovtseva, O.A. Makushkina]. M.: FGBU GNCSSP im. V.P. Serbskogo Minzdravsocrazvitija Rossii, 2012. 356 p. (in Russian).

9. Golland, V.B., Laz'ko, N.V., Rumjancev, V.A. Dinamika pokazatelej, harakterizujushhih sostojanie okazanija prinuditel'nogo lechenija v Rossijskoj Federacii po dannym godovyh otchetov «Svedenija o kontingentah bol'nyh s psihicheskimi rasstrojstvami, nahodjashhihsja na aktivnom dispansernom nabljudenii i prinuditel'nom lechenii» (Forma № 36-PL) v 2006-2016 gg.». [Dynamics of indicators characterizing the state of provision of compulsory treatment in the Russian Federation according to the annual reports «Information on the contingents of patients with mental disorders undergoing active dispensary observation and compulsory treatment» (Form No. 36-PL) in 2006-2016]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1712558889&tld=ru&lang=ru&name> (data obrashhenija: 08.04.2024). (in Russian).

10. Maslov, V.A. Jeffektivnost' konfiskacii imushhestva v kontekste oficial'noj statistiki. [The effectiveness of property confiscation in the context of official statistics]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - Current problems of Russian law. 2022. T. 17. No. 12. Pp. 175-190. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Репецкая Анна Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Бархатова Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Repetskaya Anna Leonidovna, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Criminal Law and Criminology. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Barkhatova Ekaterina Nikolaevna, Candidate of Law, Docent, Professor of Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 194–202.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 194–202.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.3/7

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.97.26.017

**ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УМЫШЛЕННЫЕ УНИЧТОЖЕНИЕ
ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ, А РАВНО НЕЗАКОННЫЕ ДОБЫЧУ, СБОР И ОБОРОТ
ОСОБО ЦЕННЫХ РАСТЕНИЙ И ГРИБОВ**

Русскевич Любовь Александровна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Российская Федерация,
г. Москва, russkevich_22@mail.ru

Введение. Проблемы обеспечения охраны окружающей среды остаются в центре внимания российского законодателя. Это проявляется не только на уровне совершенствования регулирования экологических правоотношений, но и в части установления новых оснований юридической ответственности за посягательства на флору и фауну. Примером последнего стало установление в 2023 году уголовной ответственности за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов (ст. 260¹ УК РФ).

Материалы и методы. Исследование основывается на диалектическом всеобщем методе, а также включает методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, логический, формально-юридический и системно-структурный методы.

Результаты исследования. В статье раскрыты социально-правовые предпосылки криминализации рассматриваемого деяния. Автором проанализирован состав преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ, а также выделены конкретные уголовно-правовые риски применения указанной нормы.

Выводы и заключения. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что, сконцентрировавшись на модели, заложенной в ст. 258¹ УК РФ, законодатель упустил из виду, что по смыслу не менее близкой к проектируемой норме является и ст. 261 УК РФ, которая традиционно признает отягчающим обстоятельством уничтожение или повреждение объектов растительного мира путем поджога и иным общеопасным способом. Отсутствие такого квалифицирующего признака в ст. 260¹ УК РФ не выдерживает критики. Преодолеть возможные негативные следствия криминализации рассматриваемого деяния еще предстоит Верховному Суду Российской Федерации путем выработки конкретных рекомендаций и правил применения ст. 260¹ УК РФ. Свою роль в этом должна сыграть и отечественная наука уголовного права.

Ключевые слова: особо ценные растения и грибы, умышленные уничтожение или повреждение, незаконные добыча, сбор и оборот, охрана окружающей среды

Для цитирования: Русскевич, Л. А. Об уголовной ответственности за умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 194–202.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.97.26.017

**5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)**

Original article

**CRIMINAL LIABILITY FOR THE INTERNATIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE,
AS WELL AS THE ILLEGAL EXTRACTION, COLLECTION AND TRAFFICKING
OF ESPECIALLY VALUABLE PLANTS
AND MUSHROOMS**

Lyubov A. Russkevich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya,
Moscow, Russian Federation, russkevich_22@mail.ru

Introduction: The problems of ensuring environmental protection remain in the focus of attention of the Russian legislator. This is manifested not only at the level of improving the regulation of environmental legal relations, but also in terms of establishing new grounds for legal liability for encroachments on flora and fauna. An example of the latter was the establishment in 2023 of criminal liability for intentional destruction or damage, as well as illegal extraction, collection and trafficking of especially valuable plants and fungi (Article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation).

Methods and Materials: The research is based on the dialectical universal method and also includes methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, formal-legal and system-structural methods.

The Results of the Study: The article reveals the socio-legal prerequisites for the criminalisation of the act in question. The author analyses the corpus delicti of the crime provided for by article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as identifies specific criminal-legal risks of application of this norm.

Findings and Conclusions: Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that by focusing on the model laid down in Article 258¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator lost sight of the fact that Article 261 of the Criminal Code of the Russian Federation is no less close to the projected norm, which traditionally recognizes the destruction or damage of flora objects by arson and other generally dangerous means as an aggravating circumstance. The absence of such a qualifying feature in Article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation does not stand up to criticism. The Supreme Court of the Russian Federation has yet to overcome the possible negative consequences of criminalization of the act in question by developing specific recommendations and rules for the application of Article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The domestic science of criminal law should also play a role in this.

Keywords: especially valuable plants and mushrooms, intentional destruction or damage, illegal extraction, collection and trafficking, environmental protection

For citation: Russkevich L.A. Ob ugovolovnoj otvetstvennosti za umyshlennye unichtozhenie ili povrezhdenie, a ravno nezakonnye dobychu, sbor i oborot osobo cennyh rastenij i gribov [On criminal liability for intentional destruction or damage, as well as illegal extraction, collection and trafficking of especially valuable plants and mushrooms]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (110). Pp. 194–202.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.97.26.017

Специальное выделение в апреле 2023 г. уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконные действия с особо ценными растениями и грибами, принадлежащими к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами, явилось своевременным и ожидаемым решением законодателя. Действительно, в системе дифференциации ответственности за посягательства на объекты животного и растительного мира наблюдался вполне заметный перекос в пользу первых. На это было обращено внимание и в науке уголовного права [1, с. 130–131]. Из этого же исходили и авторы законопроекта, напрямую указывая в пояснительной записке, что реализация инициативы по изменению Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ позволит обеспечить единый подход к уголовно-правовой защите особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов и объектов растительного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами².

Конечно же, появление ст. 260¹ УК РФ имеет под собой и более глубинные основания, чем стремление к гармонизации механизма уголовно-правовой охраны. Предпосылки к такой казуализации Особенной части УК РФ были вполне ясно очерчены в последних документах стратегического развития России в области обеспечения экологического благополучия. Так, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. называет основными вызовами и угрозами экологической безопасности сокращение биологического разнообразия, усиление деградации земель и почв, сокращение количества видов растений³. Согласно Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г.⁴, наибольшее количество редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и грибов сосредоточено на Кавказе, юге Сибири и Дальнего Востока. Некоторые типы экосистем, в частности биомы европейских степей и широколиственных лесов, практически исчезли и сегодня представлены фрагментами экосистем на особо охраняемых природных территориях. При этом одним из основных мероприятий по сохранению исчезающих видов растений и грибов было определено совершенствование нормативной правовой базы в части противодействия незаконной добыче, обороту, а также ввозу в Российскую Федерацию и вывозу из Российской Федерации редких и находящихся под угрозой исчезновения видов растений и грибов, их частей или дериватов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : принят Гос. Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.04.2024).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон № 113-ФЗ : принят Гос. Думой 6 апреля 2023 года : одобрен Советом Федерации 12 апреля 2023 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444690/ (дата обращения: 10.01.2024).

³ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (дата обращения: 15.01.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁴ Об утверждении Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 г. № 212-р // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159411/ (дата обращения: 25.01.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Проблема эффективной защиты растительного мира имеет самый актуальный характер. Процессы урбанизации и технологизации, экспоненциальное развитие отраслей производства, в т. ч. связанных с использованием природных ресурсов, вызывают давнюю и обоснованную тревогу у экологов. Специалистами неустанно и справедливо подчеркивается, что исчезновение отдельных растений – это не только утрата конкретного вида, это и предвестник необратимых и глобальных изменений в экосистеме. Как известно, в природе ничто не является бесполезным, все, даже самые, казалось бы, непримечательные, представители животного и растительного мира имеют свое место и миссию. Подобные вполне банальные истины следует помнить тем немногим критикам выделения ст. 260¹ УК РФ, которые легкомысленно полагают, что законодателю следовало бы сфокусировать свое внимание на более значимых проблемах, чем установление ответственности за какие-то действия с грибами или растениями.

Норма об ответственности за рассматриваемое преступление вступила в силу с 12 октября 2023 года. Как показывает изучение материалов правоприменения, новелла уголовного закона оказалась востребованной. Так, уже имеются решения суда в Приморском крае об избрании или продлении меры пресечения в отношении подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 260¹ УК РФ¹.

Предметом – исходным и ключевым криминообразующим признаком – рассматриваемого преступления являются особо ценные растения и грибы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами. Соответственно, для непосредственной реализации положений ст. 260¹ УК РФ перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов был дополнен списком особо ценных растений и грибов. В этот список попали: женьшень настоящий (*panax ginseng*), родиола розовая (*rhodiola rosea* [*rhodiola arctica*]), за исключением популяции, произрастающей на территории Республики Тыва, Алтайского края, Красноярского края и Магаданской области, а также виды грибов: рядовка мацутакэ (*tricholoma matsutake*)².

Помимо особо ценных растений и грибов к предмету рассматриваемого преступления также относятся их продукты, части и дериваты (производные). Под продуктами особо ценных растений и грибов надлежит понимать их производные в процессе естественного жизненного цикла, прежде всего семена. Как справедливо отмечает Н. Г. Иванов, основополагающая характеристика продукта в контексте ст. 260¹ УК РФ – порождаемость соответствующих плодов соответствующим биологическим организмом или выделение таких плодов [2, с. 25].

¹ Об избрании меры пресечения : Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 01.12.2023 № 22К-6551/2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=AODV&n=3971167&cacheid=2078448EBD6D57A7D44A2EB0892A31B2&mode=splus&rnd=dGLKCQ#E2jr6IUMym2Zul001/> (дата обращения: 25.01.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226¹, 258¹ и 260¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. № 978 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/ (дата обращения: 01.02.2024). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

В свою очередь частями особо ценных растений и грибов являются не подвергшиеся обработке искусственно выделенные фрагменты либо вещества (например, шляпка гриба, стебель растения). Дериватами (производными) особо ценных растений и грибов являются продукты их хозяйственной переработки (например, пищевые продукты, медицинские и биологические препараты, сувениры и др.).

Уже сейчас вполне уверенно можно говорить об очевидных рисках необоснованного уголовного преследования и потенциальных проблемах правоприменения, которые связаны с установлением признаков именно предмета преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ. Объясняется это близким сходством отдельных видов растений и грибов. Так, Э. Н. Жевлаков справедливо отмечает, что «трудности определения предмета преступления на практике могут состоять в том, что у большинства грибов, причисленных в Красной книге Российской Федерации и ее субъектов к редким и исчезающим, есть двойники... отличить запрещенные к обороту грибы от тех, которые собирать можно, часто не могут даже эксперты и инспектора по охране природных территорий» [3, с. 5].

Совершение действий, описанных в диспозиции ст. 260¹ УК РФ, в отношении разных объектов растительного мира (деревьев и кустарников, краснокнижных растений и грибов, особо ценных краснокнижных растений и грибов) в зависимости от обстоятельств дела может служить основанием для юридической оценки содеянного по ст. 191¹ УК РФ, ст. 260 УК РФ, ст. 261 УК РФ и ст. 8.35 КоАП РФ¹.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит в альтернативных формах и предполагает: уничтожение либо повреждение до степени прекращения роста особо ценных растений и грибов, а также незаконную добычу, сбор, приобретение, хранение, перевозку, пересылку или продажу таких растений и грибов, их продуктов, частей и дериватов. В целом совершение преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ, предполагает активное поведение субъекта. Вместе с тем нельзя исключать и возможность преступного бездействия, например, применительно к уничтожению либо повреждению таких растений лицом с использованием своего служебного положения. Бездействие является вероятным и в ситуации приобретения частей или дериватов, когда лицо оставляет в своем владении доставшуюся ему от родственника коллекцию растений и их производных.

Здесь, к слову, сразу возникает важный вопрос о квалификации приобретения, хранения либо продажи таких коллекций с частями либо дериватами особо ценных краснокнижных растений и (или) грибов. Отсутствие указания на специальную цель, с которой совершаются действия, указанные в ст. 260¹ УК РФ, подводит к мысли о том, что такие действия являются преступными. С другой стороны, очевидно, что в случае с наследованием либо иным получением (например, в качестве подарка) объемного собрания частей растений лицо, не являясь специалистом, не обладая достаточными познаниями, может попросту не осознавать содержание соответствующих признаков предмета преступления. Последнее обстоятельство по понятным причинам исключает возможность уголовного преследования. Однако же если лицо, например, при продаже проявляет свою полную осведомленность (описывает напрямую характеристики

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : КоАП : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.02.2024).

экземпляров коллекции в объявлении), содеянное может быть квалифицировано по ст. 260¹ УК РФ.

Анализируемая уголовно-правовая норма является бланкетной. Во всех случаях правопримениителю следует устанавливать, что действия лица с особо ценностными краснокнижными растениями и (или) грибами, их частями, продуктами и дериватами были незаконными. Даже уничтожение особо ценных растений может иметь правовые основания, то есть являться законным (например, при принятии решений о строительстве зданий и сооружений, магистральных трубопроводов, линий электропередач, дорог и т. п.).

Э. Н. Жевлаков, раскрывая содержание уничтожения по смыслу ст. 260¹ УК РФ, распространяет его действие также на части, продукты и дериваты растений либо грибов [3, с. 6]. Полагаем, что такое понимание уголовно-правового запрета в этой части, а равно применительно к повреждению является дискуссионным. Диспозиция ст. 260¹ УК РФ изложена таким образом, что предметом уничтожения либо повреждения являются исключительно растения или грибы. В отношении продуктов, частей и дериватов установлена ответственность за добычу, сбор, приобретение, хранение, перевозку, пересылку или продажу. Как представляется, в случае уничтожения или повреждения таких предметов лицо может нести ответственность по ст. 167 УК РФ или по ст. 168 УК РФ при наличии на то оснований, прежде всего в части установления необходимого материального ущерба потерпевшему.

Незаконная добыча и сбор предполагают изъятие особо ценных растений и грибов из среды их произрастания без уничтожения. В отличие от сбора, добыча представляет собой изъятие растений и грибов в большом количестве для их последующей переработки и массовой реализации и (или) последующего изготовления медицинских и биологических препаратов в значительных размерах. Иными словами, критерием добычи является промысловый характер деятельности.

Совершенно противоположную позицию занимает по данному вопросу Н. Г. Иванов, отмечая, что «сбор отличается от добычи тем, что добыча предполагает меньший масштаб изъятия биообъектов из природной среды, тогда как сбор – это масштабное предприятие, предполагающее накопление или собирание добытого материала. Добыча может быть представлена в единственном варианте, а сбор предполагает масштабность предприятия» [2, с. 26].

Из этого расхождения в представлениях о содержании конкретных форм совершения преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ, можно сделать один весьма неутешительный вывод: законодатель при конструировании диспозиции допустил непозволительную многословность. Очевидно, что применительно к ст. 260¹ УК РФ вполне можно было бы ограничиться такой формой, как приобретение, которая охватывает все способы получения соответствующих предметов. Как справедливо пишет по данному вопросу Ю. А. Тимошенко, не во всех статьях, предусматривающих ответственность за экологические преступления, допустимо использование общего абстрактного понятия наряду с казуальным перечислением более узких по содержанию терминов. В некоторых статьях указание на частные случаи применения положений закона является избыточным и приводит к излишнему загромождению текста Кодекса [4, с. 199].

Толкование хранения, перевозки или пересылки применительно к ст. 260¹ УК РФ не имеет каких-либо особенностей от аналогичных действий, предметом которых выступает оружие либо наркотические средства.

Состав анализируемого преступления по конструкции объективной стороны является формальным. На уровне правоприменения это неминуемо приведет к немалым сложностям с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Как известно, по делам о незаконной добыче водных биологических ресурсов разъяснения по данному вопросу содержатся в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)»¹. Разумеется, что в отсутствие специальных рекомендаций относительно ст. 260¹ УК РФ допустимо исходить из тех же соображений – формальная незаконность действий с особо ценными краснокнижными растениями и грибами не предопределяет положительного ответа на вопрос об общественной опасности содеянного и, соответственно, о преступности. Вместе с тем критерии малозначительности здесь являются крайне неопределенными. Количество соответствующих предметов, их характеристики, наличие объективно подтвержденных вредных последствий для экосистемы, обстоятельства непосредственного совершения (место, время, способ и др.) – вот тот неполный перечень условий, которые должны быть приняты во внимание при разрешении вопроса о применении ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако же несмотря на неоспоримую сложность, во многих случаях вопрос о малозначительности не просто может, но и должен быть поставлен. Так, полагаем, что сбор таких растений и грибов, а равно их продуктов в обстоятельствах, угрожающих им неизбежной гибелью (пожар, подтопление и т. п.) со всей очевидностью не обладает общественной опасностью. При этом применение ч. 2 ст. 14 УК РФ должно быть возможным и в тех случаях, когда имеются признаки квалифицированных видов состава преступления (например, такой сбор осуществляли работники заповедника, что образует признаки п. «а» ч. 3 ст. 260¹ УК РФ). Сложно говорить об общественной опасности приобретения особо ценных растений отдельными энтузиастами с той целью, чтобы высадить соответствующие экземпляры и попытаться компенсировать причиненный экосистеме вред. Последнее заслуживает обсуждения, конечно же, лишь при установлении неоспоримых доказательств наличия у конкретных лиц таких благих намерений.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 260¹ УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла. В пояснительной записке к законопроекту специально оговаривалось то обстоятельство, что лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за уничтожение, повреждение, добычу, сбор и оборот особо ценных объектов растительного мира при совершении таких деяний по неосторожности.

Система квалифицирующих признаков ст. 260¹ УК РФ изложена при очевидном копировании модели дифференциации уголовной ответственности, реализованной в ст. 258¹ УК РФ. На это, напомним, были нацелены и авторы законопроекта – создать аналог специальной нормы об ответственности за незаконные действия с краснокнижными животными, но в отношении растений и грибов. Соответственно, новая норма переняла все просчеты и противоречия своего прототипа. О достоинствах и недостатках конструкции ст. 258¹ УК РФ в теории уголовного права уже написано достаточно

¹О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2010 № 26 (ред. от 31.10.2017) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107129/ (дата обращения: 15.02.2024).

подробно [5; 6; 7]. Чтобы не повторяться, можно лишь сделать предположение, что аналогичные проблемы на правоприменительном уровне с большой вероятностью возникнут и при реализации ст. 260¹ УК РФ.

Важно отметить другое. Сконцентрировавшись на модели, заложенной в ст. 258¹ УК РФ, законодатель упустил из виду, что по смыслу не менее близкой к проектируемой норме является и ст. 261 УК РФ, которая традиционно признает отягчающим обстоятельством уничтожения или повреждения объектов растительного мира поджог и иной общеопасный способ (травление, например). Отсутствие такого квалифицирующего признака в ст. 260¹ УК РФ, полагаем, не выдерживает критики.

Будущность новеллы уголовного закона об ответственности за незаконные действия с отдельными объектами растительного мира, конечно же, покажет время. Нет сомнений в обоснованности закрепления ст. 260¹ УК РФ. Есть, однако же, опасения по поводу возможных «перегибов» на местах, на уровне непосредственной реализации исследуемого уголовно-правового запрета. Преодолеть эти негативные следствия криминализации, судя по всему, еще предстоит Верховному Суду Российской Федерации путем выработки конкретных рекомендаций и правил применения ст. 260¹ УК РФ. Свою роль в этом должна сыграть и отечественная наука уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Забавко, Р. А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной добычей и оборотом особо охраняемых объектов растительного мира // Проблемы современной уголовной политики : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (посв. 305-летию российской полиции) / гл. ред. О. В. Ивушкина, зам. гл. ред. Т. В. Удилов. Иркутск, 2023. С. 130–131.
2. Иванов, Н. Г. Уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 260.1 УК РФ) // Уголовное право. 2023. № 10. С. 24–31.
3. Жевлаков, Э. Н. Статья 260¹ УК РФ: сложности применения и уголовно-правовая характеристика преступления // Уголовное право. 2023. № 9. С. 3–10.
4. Тимошенко, Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления (теория и практика) : монография. М., 2020. 384 с.
5. Диканова, Т. А. Проблемы борьбы с незаконной торговлей дикими животными и растениями, находящимися под угрозой уничтожения // Экологическое право. 2023. № 1. С. 12–16.
6. Забавко, Р. А., Рогова, Е. В. Квалифицирующие признаки составов экологических преступлений и их влияние на судебно-следственную практику // Экологическое право. 2019. № 6. С. 24–28.
7. Русскевич, Л. А. Проблемы квалификации незаконного оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12. № 6. С. 85–98.

REFERENCES

1. Zabavko R.A. [Criminal liability for crimes related to the illegal extraction and trafficking of specially protected flora objects]. Problemy sovremennoj ugolovnoj politiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (posvyashchennoj 305-letiyu

rossijskoj policii) [Problems of modern criminal policy. Materials of the international scientific and practical conference]. Irkutsk, 2023, pp. 130-131.

2. Ivanov N. G. Ugolovnaya otvetstvennost za umyshlennoe unichtozhenie ili povrezhdenie, a ravno nezakonnee dobychu, sbor i oborot osobo cennyh rastenij i gribov, prinadlezhashih k vidam, zanesennym v Krasnuyu knigu Rossijskoj Federacii i (ili) ohranyaemym mezhdunarodnymi dogovorami Rossijskoj Federacii (st. 260.1 UK RF) [Criminal liability for intentional destruction or damage, as well as illegal extraction, collection and trafficking of especially valuable plants and fungi belonging to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation (Article 260.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Ugolovnoe parvo - Criminal law. 2023, no 10, pp. 24-31.

3. Zhevlakov E. N. Statya 260¹ UK RF: slozhnosti primeneniya i ugolovno-pravovaya harakteristika prestupleniya [Article 260¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: difficulties of application and criminal law characteristics of the crime]. Ugolovnoe parvo - Criminal law. 2023. No 9. pp. 3-10.

4. Timoshenko Yu. A. Konstruirovaniye ugolovno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya (teoriya i praktika) [Construction of criminal law norms on responsibility for environmental crimes (theory and practice)]. Moscow, 2020, 384 p.

5. Dikanova T.A. Problemy bor'by s nezakonnoj torgovlej dikimi zhivotnymi i rasteniyami, nahodyashchimisya pod ugrozoy unichtozheniya [Problems of combating illegal trade in endangered wild animals and plants]. Ekologicheskoe parvo – Environmental law. 2023, no. 1, pp. 12 – 16.

6. Zabavko R.A., Rogova E.V. Kvalificiruyushchie priznaki sostavov ekologicheskikh prestuplenij i ih vliyanie na sudebno-sledstvennuyu praktiku [Qualifying features of environmental crimes and their impact on judicial and investigative practice]. Ekologicheskoe parvo – Environmental law. 2019, no. 6, pp. 24 – 28.

7. Russkevich L. A. Problemy kvalifikacii nezakonnogo oborota osobo cennyh dikh zhivotnyh i vodnyh biologicheskikh resursov [Problems of qualification of illegal trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources]. Izvestiya YUgo-Zapadnogo universiteta. Seriya: Iстoriya i pravo. – Proceedings of the Southwestern University. Series: History and Law. 2022, vol. 12, no 6, pp. 85 – 98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Русскевич Любовь Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права. Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Russkevich Lyubov Aleksandrovna, Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya. 117437, Moscow, Akademika Volgina st,12.

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (108). С.203–210.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (108). P.203–210.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.985.2

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.20.98.018

**СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ**

**Сергеев Сергей Михайлович¹, Напханенко Игорь Павлович²,
Билоус Евгений Николаевич³**

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,

³Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Российская Федерация, г. Рязань,

¹ssmirk@mail.ru

²⁻³nip1966@yandex.ru

Введение: В решении задач борьбы с преступностью ключевое место отведено оперативно-розыскной деятельности. Неотъемлемой частью оперативно-розыскной деятельности являются оперативно-розыскные мероприятия. В настоящей статье авторы рассматривают некоторые аспекты, связанные с обеспечением прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Также, авторами на основе проведенных исследований предлагаются пути решения проблемных вопросов, в части, касающиеся соблюдения конституционных прав человека и гражданина, возникающие при подготовке, проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также использования результатов, полученных при их проведении.

Материалы и методы: сбор, анализ, обработка теоретического и эмпирического материала осуществлялись на законах диалектического материализма с использованием общенаучных методов научного познания и эмпирического исследования, таких как анализ, обобщение, систематизация, формализация, описание, сравнение, методов и правил формальной логики и др., а также методов познания правовой действительности.

Результаты исследования: сформулированы выводы, направленные на повышение эффективности обеспечением прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрены пути решения проблемных вопросов, в части, касающиеся соблюдения прав человека и гражданина, возникающие при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также использования результатов, полученных при их проведении.

Выводы и заключения: оперативно-розыскные мероприятия, с получением информации, напрямую затрагивают конституционные права человека на неприкосновенность частной жизни, что обуславливает важность установления на законодательном уровне оснований, условий, порядка санкционирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, прослушивание телефонных переговоров, следственные действия, контроль и запись переговоров.

Для цитирования: Сергеев С.М., Напханенко И.П., Билоус Е.Н. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 203–210.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.20.98.018

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

OBSERVANCE OF HUMAN AND CITIZEN RIGHTS AND FREEDOMS IN CONDUCTING CERTAIN OPERATIVE-SEARCH MEASURES

Sergey Mikhailovich Sergeev¹, Igor Pavlovich Napkhanenko², Evgeny Nikolaevich Bilous³

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian Federation, Irkutsk

²Rostov State University of Railway Engineering, Russian Federation, Rostov-on-Don

³Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Russian Federation, Ryazan

¹ssmirk@mail.ru

²⁻³nip1966@yandex.ru

Introduction: In solving the problems of combating crime, a key place is given to operational-search activities. An integral part of operational-search activities are operational-search measures. In this article, the authors consider some aspects related to ensuring the rights and freedoms of citizens during operational-search measures. Also, based on the conducted research, the authors propose ways to solve problematic issues, in terms of compliance with the constitutional rights of man and citizen, arising during the preparation, conduct of operational-search measures, as well as the use of the results obtained during their implementation.

Materials and methods: collection, analysis, and processing of theoretical and empirical material were carried out on the basis of the laws of dialectical materialism using general scientific methods of scientific knowledge and empirical research, such as analysis, generalization, systematization, formalization, description, comparison, methods and rules of formal logic, etc., as well as methods of knowing legal reality.

Results of the study: conclusions are formulated aimed at increasing the efficiency of ensuring the rights and freedoms of citizens during operational search activities. Ways to solve problematic issues in terms of respect for human and civil rights arising during operational search activities, as well as the use of the results obtained during their implementation are considered.

Findings and conclusions: operational investigative activities, with the receipt of information, directly affect the constitutional rights of a person to the inviolability of private life, which determines the importance of establishing at the legislative level the grounds, conditions, procedure for sanctioning and conducting operational investigative activities.

Key words: Operational investigative activities, operational investigative measures, wiretapping of telephone conversations, investigative actions, monitoring and recording of conversations.

For citation: Sergeev S.M., Napkhanenko I.P., Bilous E.N. Soblyudenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri provedenii otdel'nyh operativno-rozysknyh meropriyatiy [Observance of human and civil rights and freedoms during certain operational-search activities]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (110). Pp. 203–210.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.20.98.018

В решении задач борьбы с преступностью ключевое место отведено оперативно-розыскной деятельности. Неотъемлемой частью оперативно-розыскной деятельности являются оперативно-розыскные мероприятия, представляющие собой действия, осуществляемые гласно и (или) негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ Об ОРД) соблюдением регламентированных законом оснований и условий, а также с использованием сил и средств оперативно-розыскной деятельности в целях решения задач данной деятельности. [1, с. 81].

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть некоторые аспекты, связанные с обеспечением прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В действующем оперативно-розыскном законодательстве определены принципы оперативно-розыскной деятельности, в соответствии с которыми данный вид деятельности должен осуществляться. Одним из основополагающих является принцип соблюдения прав и свобод граждан, который в полном объеме распространяется и на оперативно-розыскные мероприятия.

Принимая во внимание различную степень ограничения свобод и прав человека, то все оперативно-розыскные мероприятия можно разделить на две группы:

– первая группа состоит из оперативно-розыскных мероприятий, осуществление которых никак, либо минимально ограничивает основные права лиц, в отношении которых они производятся. В качестве примера таких мероприятий, можно привести опрос, наведение справок, отождествление личности и др.

– вторая группа включает оперативно-розыскные мероприятия, осуществление которых напрямую ограничивает те или иные основные права человека, закрепленные на конституционном уровне. Примером таких мероприятий являются прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации и др.

В связи с этим, важной видится классификация рассматриваемых мероприятий с точки зрения их санкционирования.

Учитывая виды санкционирования, оперативно-розыскные мероприятия принято классифицировать на следующие группы:

- 1) Оперативно-розыскные мероприятия, для осуществления которых не требуется специального разрешения, например, опрос;
- 2) Оперативно-розыскные мероприятия, для производства которых требуется получение внутриведомственного одобрения (санкционирования). Примером данного мероприятия является проверочная закупка;

3) Оперативно-розыскные мероприятия, для проведения которых требуется в обязательном порядке получение судебного разрешения. Например, прослушивание телефонных переговоров. [2, с. 91]

Важную роль в обеспечении прав и свобод человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий играют условия их осуществления, закрепленные в ст. 8 ФЗ Об ОРД. К этим условиям следует отнести обязательный регламент, соблюдение которого способствует обеспечению их эффективности, соблюдение основных аспектов оперативно-розыскной деятельности, баланс государственных и личностных интересов в решении задач борьбы с преступностью.

Соблюдение особого регламента санкционирования наиболее значимо в отношении оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых связано с ограничением конституционных прав человека, например, таких как право на тайну переписки, неприкосновенность жилища и др. Их проведение требует соблюдения определенных условий. К ним относятся наличие:

1. Судебного решения;

2. Признаков подготавливаемого, совершающего или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Соблюдение указанных условий является гарантией законного ограничения конституционных прав граждан в области личностной тайны и неприкосновенности. Проведенный нами анализ действующего уголовного-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, а также деятельности оперативных подразделений, показал, что ряд норм требует дополнительной законодательной регламентации, например, обеспечение прав граждан при проведении следственного действия «контроль и запись переговоров» и оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров». Целью их проведения является получение сведений, необходимых для выявления, предупреждения, расследования и раскрытия преступлений. Однако, порядок их осуществления имеет ряд отличий.

1. Порядок осуществления контроля и записи переговоров определен ст. 186 УПК РФ, а прослушивания телефонных переговоров ФЗ Об ОРД.

2. Перечень задач, решаемых при проведении следственного действия существенно ограничен. Например, при проведении следственного действия решаются задачи, необходимые для расследования конкретного уголовного дела, а при проведении оперативно-розыскного мероприятия могут быть получены сведения, позволяющие выявить и раскрыть другие преступления.

3. Основанием проведения ОРМ в рамках расследования конкретного уголовного дела требуется специальное разрешение (письменное поручение) следователя, расследующего уголовное дело.

4. Субъектами проведения контроля и записи переговоров являются следователь (инициатор) и сотрудники оперативных подразделений, а прослушивания телефонных переговоров – сотрудники оперативных подразделений.

Далее хотелось бы остановиться более подробно на этапах проведения рассматриваемых нами оперативно-розыскного мероприятия и следственного действия. Их можно разделить на подготовительный, исполнительный и заключительный.

Основной целью подготовительного этапа является принятие следователем решения о необходимости проведения контроля и записи переговоров, а также подготовка и оформление необходимых процессуальных документов.

Основанием принятия решения о необходимости проведения контроля и записи переговоров, являются результаты следственных действий, проведенных в рамках конкретного уголовного дела. После этого следователь выносит постановление, в котором ходатайствует перед судом о разрешении проведения данного следственного действия в отношении одного из участников процесса, как правило, подозреваемого или обвиняемого. Далее суд должен принять решение об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства следователя о производстве следственного действия. При получении положительного решения суда, следователь направляет соответствующее отдельное поручение органу, осуществляющему технические мероприятия оперативно-розыскного характера. Руководитель оперативного подразделения, после получения соответствующих документов, дает задание оперативным сотрудникам, которые непосредственно проводить контроль и запись переговоров, а полученные сведения должны незамедлительно передаваться следователю, в производстве которого находится конкретное уголовное дело.

Однако необходимо отметить, что оперативные подразделения не могут провести контроль и запись переговоров именно в качестве следственного действия. Это связано с тем, что согласно ст.1 ФЗ Об ОРД данные подразделения могут осуществлять ОРД только в пределах их законных полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В этом случае возникает ситуация, когда руководитель оперативного подразделения, на основании постановления следователя о производстве контроля и записи переговоров и при наличии соответствующего судебного решения должен дать распоряжение на проведение именно оперативно-розыскного мероприятия, которое достаточно близко по своей сущности и содержанию к следственному действию, указанному в постановлении следователя, а именно прослушивание телефонных переговоров. В итоге, для того, чтобы осуществить контроль и запись переговоров оформляется два комплекта документов как на следственное действие, так и как на оперативно-розыскное мероприятие [3, с. 459].

Исполнительный этап исследуемого нами следственного действия включает в себя:

- непосредственно проведение оперативно-розыскного мероприятия – прослушивание телефонных переговоров;
- оформление его результатов;
- передачу полученных результатов от специалиста, непосредственно проводящего прослушивание органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, который после анализа и выявления информации, которая имеет значение по расследуемому уголовному делу, по которому и принято решение производить следственное действие, готовит необходимые документы и физические носители информации для передачи следователю.

Кроме этого необходимо обратить внимание на ещё одну проблему, которая может иметь место на практике, а именно что при проведении оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого в рамках производства следственного действия контроля и записи переговоров, может собираться достаточно много технической информации

(например, записей телефонных переговоров). Оперативный сотрудник сам принимает решение все ли записи передавать следователю или те, которые, по его мнению, несут в себе информационную составляющую. Такое «отсеивание» технических записей, с одной стороны, уменьшает нагрузку на следователя, сокращая объём той информации, которую ему впоследствии необходимо будет прослушать, но, с другой стороны, может привести к утрате значимой для следствия информации. На данное обстоятельство, очевидно, следует обратить внимание и учитывать в правоприменительной практике.

Заключительный этап рассматриваемого нами следственного действия, включает в себя изучение полученных материалов с последующим оформлением необходимых процессуальных документов и приобщением их к материалам уголовного дела.

Исходя из представленных этапов очевидна излишняя формализация процесса, так как необходимо проводить два действия: контроль и запись переговоров и прослушивание телефонных переговоров, которые имеют единую цель, но разное правовое регулирование: следственное действие регулируется УПК РФ, а оперативно-розыскное мероприятие - ФЗ ОБ ОРД. Такое положение дел многими исследователями оценивается как проблемное и требующее своего совершенствования [4, с. 12].

Обращаем внимание на то, что проведение рассматриваемого нами следственного действия, исходя из норм действующего законодательства, подразумевает получение двух судебных решений: одно из них относительно проведения следственного действия, другое - относительно оперативно-розыскного мероприятия. При этом, данные судебные решения получают две отдельные структуры в системе правоохранительных органов, что неизбежно приводит к совершенно необоснованным временными затратам и задержкам начала его проведения.

Кроме этого, расшифровка фонограмм проводится различными исполнителями, а именно сотрудником оперативного подразделения и следователем.

Наличие выявленных проблем, как нам представляется, не только значительно усложняет работу оперативных подразделений, но и приводит к потенциальной возможности нарушения прав иных граждан, чьи интересы задействованы процессом следствия, так как «затягивание» процесса прослушивания может негативно отразиться на процессе расследования, на эффективности расследования.

Решение выявленных и других проблем в производстве контроля и записи переговоров видится либо в кардинальном изменении действующего законодательства (осуществление контроля переговоров только в рамках оперативно-розыскного мероприятия, а не следственного действия), либо во внесении в действующее законодательство изменений, в частности, отмены необходимости оформления документов на проведение оперативно-розыскного мероприятия в виде прослушивания телефонных переговоров (достаточным следует признать только оформление руководителем органа, осуществляющего ОРД, поручения конкретному оперативно-розыскному подразделению о прослушивании).

Несмотря на наличие отдельных проблем в применении в практике такого оперативно-розыскного мероприятия, как прослушивание телефонных переговоров, действующее законодательство предусматривает ряд дополнительных гарантий, обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан. К элементам правовой системы соблюдения человеческих прав и свобод, в частности, относятся законодательно закрепленные дополнительные ограничения на прослушивание разговоров по телефону, которые, в соответствии с ч.4 ст.8 ФЗ Об ОРД, могут допускаться лишь по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким. Кроме этого, необходимо учитывать, что прослушивание переговоров может проводиться не только в отношении лиц,

подозреваемых в совершении преступления, но также может осуществляться в отношении людей, предположительно обладающих определенной информацией о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях.

В аспекте рассмотрения проблематики соблюдения прав граждан в процессе оперативно-розыскной деятельности, в том числе и при осуществлении прослушивания телефонных и иных переговоров, следует акцентировать внимание на том, что действующее законодательство и инструкции требуют хранения полученных оперативными сотрудниками записей в опечатанном виде. Данное установление, на наш взгляд, не допускает потенциальную возможность получения третьими лицами информации, содержащейся в данных записях, что, естественно, сделано в рамках обеспечения прав граждан на тайну переговоров и служит дополнительной защитной мерой, охраняющей права на тайну разговоров по телефону [5, с. 826].

В заключении представляется возможным сделать следующие основные выводы:

- осуществление практически всех видов оперативно-розыскных мероприятий так или иначе оказывает влияние на права и законные интересы граждан;

- оперативно-розыскные мероприятия, связанные с прослушиванием, с получением информации, передаваемой при помощи электронных ресурсов, напрямую затрагивают конституционные права человека на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и телефонных переговоров, что обуславливает важность установления на законодательном уровне оснований, условий, порядка санкционирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

- соблюдение законодательных требований осуществления оперативно-розыскных операций способствует обеспечению необходимых гарантий защиты гражданских прав и минимизации опасности неправомерного их ограничения в оперативно – розыскной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Напханенко И.И., Билоус Е.Н., Фёдоров А.В. К вопросу об определении понятия оперативно-разыскного мероприятия // Юристъ-Правоведъ, 2016, № 3 (76). С. 81-85.
2. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: Изд-во СПб. университета МВД России, 2016. 232 с.
3. Туртanova Е.В. Различия и сходства контроля и записи переговоров и прослушивания телефонных переговоров // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации: материалы научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. С. 457-460.
4. Арестова Е.Н. Правоприменительные проблемы производства контроля и записи телефонных и иных переговоров // Российский следователь. 2019. № 1. С. 10-13.
5. Кравченко А.В., Крапчатова И.Н. Обеспечение прав личности при осуществлении контроля и записи переговоров в российском уголовном судопроизводстве // Экономика и социум. 2020. № 11. С.818-823.

REFERENCES

1. Naphanenko I.I., Bilous E.N., Fedorov A.V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya operativno-razysknogo meropriyatiya [On the definition of the concept of operational investigative measures]. YUrist"-Pravoved" – Lawyer-Jurist, 2016, no. 3 (76). Pp. 81-85.
2. Chechetin A.E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya [Ensuring the rights of the individual during operational investigative

measures: monograph]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 232 p.

3. Turtanova E.V. Razlichiy i skhodstva kontrolya i zapis peregovorov i proslushivaniya telefonnyh peregovorov [Differences and similarities of control and recording of negotiations and wiretapping]. Kriminalistika - nauka bez granic: tradicii i novacii: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii – Criminalistics - science without borders: traditions and innovations: materials of a scientific and practical conference. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. Pp. 457-460.

4. Arrestova E.N. Pravoprimenitel'nye problemy proizvodstva kontrolya i zapis telefonnyh i inyh peregovorov [Law enforcement problems of control and recording of telephone and other negotiations]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2019, no. 1. Pp. 10-13.

5. Kravchenko A.V., Krapchatova I.N. Obespechenie prav lichnosti pri osushchestvlenii kontrolya i zapis peregovorov v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Ensuring the rights of the individual in the exercise of control and recording of negotiations]. Ekonomika i socium - Economy and society. 2020, no. 11, Pp. 818-823.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергеев Сергей Михайлович, кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Напханенко Игорь Павлович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплин. Ростовский государственный университет путей сообщения.

344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2.

Билоус Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности. Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

390043, г. Рязань, ул. 1-я Красная, д. 18.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergeev Sergey Mikhailovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

664074, Irkutsk, st. Lermontova, 110.

Naphanenko Igor Pavlovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines. Rostov State Transport University.

344038, Rostov-on-Don, pl. Rostov Rifle Regiment of the People's Militia, no. 2.

Bilous Evgeniy Nikolaevich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Operational-Investigative Activities. Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V.Ya. Kikotya.

390043, Ryazan, st. 1st Krasnaya, 18.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 211–224.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 211–224.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.12.38.019

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО
АППАРАТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ**

Светличный Александр Алексеевич

Тульский государственный университет, Российская Федерация, г. Тула
alexandrsvetl@rambler.ru

Введение. В статье рассматриваются вопросы возникновения, формирования и развития криминалистической тактики, как раздела криминалистики, сквозь призму терминологических аспектов. В частности, объектами исследования выступают некоторые спорные и неоднозначные вопросы относительно использования и употребления как в теории, так и на практике некоторых ключевых терминов – важных составляющих терминологического аппарата криминалистической тактики как раздела криминалистической науки. Рассматриваются позиции ученых-криминалистов разных этапов времени относительно содержания криминалистической тактики в системе криминалистического знания. Отдельное внимание уделяется вопросам терминологии тактики следственной деятельности. На примере производства некоторых следственных действий автор рассуждает о корректности употребления термина «тактика» и его производных терминологических конструкций.

Материалы и методы. Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, уголовно-процессуальное законодательство РФ, а также научные труды отечественных и зарубежных авторов по вопросам обозначенной проблематики. При написании статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные методы научного познания, в том числе, исторический и сравнительно-правовой, логико-философский, обобщения, описания и другие.

Теоретическая и практическая значимость данной статьи определяется сформулированными в ней положениями и выводами относительно некоторых методологических аспектов криминалистики как самостоятельной науки, в том числе, критическом авторском взгляде на укоренившееся использование в криминалистической тактике терминов, целесообразность употребления которых в том или ином контексте в процессе расследования преступлений ставится под сомнение. Для обоснования своей позиции автор исследует этимологию и генезис данных терминов, а также приводит мнения других ученых-криминалистов относительно обозначенных вопросов.

Результаты исследования. На основе анализа нормативно-правовой базы системы предварительного расследования, теоретических позиций различных ученых-криминалистов, с учетом правил и законов, разработанных в терминоведении, автор приводит аргументированное мнение относительно целесообразности, а, в ряде случаев, некорректности употребления некоторых терминов в понятийном аппарате криминалистики.

Выводы и заключения. По результатам проведенных исследований сделан ряд выводов и предложений относительно совершенствования терминологического аппарата криминалистической тактики, как раздела криминалистики. В частности, аргументируется авторское мнение о том, что уместность использования термина «тактика» находится в прямой зависимости от конкретной следственной ситуации, обусловленной прогностической и поисковой деятельностью следователя, поэтому как в теории, так и на практике, важно понимать и разграничивать «тактику», «организацию и подготовку», «технологию» следственных действий.

Автор полагает, что сделанные им выводы и предложения требуют дальнейшего обсуждения в научной среде с целью выработки единой позиции ученых относительно дискуссионных вопросов понятийного аппарата криминалистики для его унификации и внедрения в сферу практической деятельности, что облегчит процесс взаимодействия всех субъектов процесса раскрытия и расследования преступлений, и, соответственно, будет способствовать противодействию преступности в целом.

Ключевые слова: терминология, криминалистическая тактика, следователь, тактика следственных действий, организация и подготовка следственных действий, технология следственных действий.

Для цитирования: Светличный А.А. К вопросу о некоторых проблемах терминологического аппарата криминалистической тактики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 211–224.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.12.38.019

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

ON THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF THE TERMINOLOGICAL APPARATUS OF FORENSIC TACTICS

Svetlichny Alexander Alekseevich

Tula State University, Russian Federation, Tula, alexandrsvetl@rambler.ru

Introduction. The article examines the issues of the emergence, formation and development of forensic tactics, as a branch of criminology, through the prism of terminological aspects. In particular, the objects of the study are some controversial and ambiguous issues regarding the use and use, both in theory and in practice, of some key terms – important components of the terminological apparatus of forensic tactics as a branch of forensic science. The positions of forensic scientists at different stages of time regarding the content of forensic tactics in the system of forensic knowledge are considered. Special attention is paid to the terminology of investigative tactics. Using the example of the production of some investigative actions, the author discusses the correctness of the use of the term "tactics" and its derivative terminological constructions.

Materials and methods. The normative base of the study was the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as

scientific works of domestic and foreign authors on the issues of the designated issues. When writing the article, the fundamental provisions of materialistic dialectics were used, as well as general and particular methods of scientific cognition, including historical and comparative legal, logical and philosophical, generalizations, descriptions, and others.

The theoretical and practical significance of this article is determined by the provisions and conclusions formulated in it regarding some methodological aspects of criminology as an independent science, including the author's critical view of the entrenched use of terms in criminalistic tactics, the expediency of using them in a particular context in the process of investigating crimes is questioned. To substantiate his position, the author explores the etymology and genesis of these terms, as well as provides opinions of other forensic scientists on the issues identified.

Research results. Based on the analysis of the regulatory framework of the preliminary investigation system, the theoretical positions of various criminologists, taking into account the rules and laws developed in terminology, the author gives a reasoned opinion on the expediency, and, in some cases, the incorrectness of the use of certain terms in the conceptual apparatus of criminology.

Conclusions. Based on the results of the conducted research, a number of conclusions and proposals have been made regarding the improvement of the terminological apparatus of forensic tactics as a section of criminology. In particular, the author's opinion is argued that the appropriateness of using the term "tactics" is directly dependent on the specific investigative situation caused by the predictive and search activity of the investigator, therefore, both in theory and in practice, it is important to understand and distinguish between "tactics", "organization and preparation", "technology" of investigative actions.

The author believes that his conclusions and proposals require further discussion in the scientific community in order to develop a unified position among scientists on the controversial issues of the conceptual apparatus of criminology for its unification and implementation in the field of practical activity, which will facilitate the process of interaction of all subjects of the process of disclosure and investigation of crimes, and, accordingly, will contribute to countering crime in general.

Keywords: terminology, forensic tactics, investigator, tactics of investigative actions, organization and preparation of investigative actions, technology of investigative actions.

For citation: Svetlichny A.A. K voprosu o nekotoryh problemah terminologicheskogo apparata kriminalisticheskoy taktiki [On the question of some problems of the terminological apparatus of forensic tactics]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutennykh Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 211–224.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.12.38.019

Проблемы понятийного аппарата криминалистики всегда были объектом пристального внимания ученых. Практически все видные исследователи в своих трудах так или иначе касались и до сих пор затрагивают эти методологические проблемы, решение которых является основой и прочным фундаментом для развития всей науки в целом. Например, отдельные вопросы языка криминалистики были предметом исследования О.Я.Баева, В.Г.Даева, А.Р.Белкина, А.Д.Прошлякова, Т.С.Волчецкой, А.Ю. Головина, Н.П.Майлис, В.И.Комиссарова, О.А.Малютиной, Т.В. Толстухиной и других

ученых, заложивших и продолжающих развивать фундаментальные основы науки о раскрытии и расследовании преступлений

И внимание к этим вопросам отнюдь не случайно, так как в зависимости от того, насколько четко, логично сформирован терминологический аппарат науки, можно судить не только о степени развития ее методологии, но и остальных разделов – криминалистической тактики, техники и методики расследования отдельных видов преступлений. С другой стороны, сформированный должным образом понятийный аппарат науки позволяет гармонично вписываться в имеющуюся систему терминов новым понятиям, появление которых неизбежно происходит в рамках каждой наукой по мере ее развития.

Как показали поведенные нами ранее исследования [1, с. 92-98; 2, с. 24-29; 3, с. 342–350], терминологический аппарат современной криминастики прошел длительный путь развития, в большей степени отражающий специфику самой науки. Так, например, с самого первоначального момента возникновения в качестве самостоятельной области знания, криминастика была под непосредственным влиянием и воздействием иных различных наук уголовно-правового цикла, особенно, уголовного сыска, который под действием эволюционных процессов преобразовался в уголовный процесс и оперативно-розыскную деятельность, а также уголовного права [4, с. 71]. Это вовсе не говорит нам об отсутствии у криминастики самостоятельного предмета и объекта исследования, то есть не ущемляет ее самостоятельность и независимость, но порождает ряд терминологических проблем, находящихся на стеке наук уголовно-правового блока, заложенных еще в начале прошлого века. Например, в своих трудах некоторые ученые говорили о том, что розыск преступника, преследование и его задержание, а также розыск предметов, добытых преступным путем, относится исключительно к проблемам уголовной (криминалистической) тактики [5, с. 21].

Еще одной особенностью, наложившей отпечаток на современный терминологический аппарат криминастики является ее интеграционность [6, с. 103; 7, 37; 8, с. 148]. Ни одна другая науки из уголовно-правового блока не может похвастаться таким успешным воплощением в себе различных достижений, открытий и изобретений технических, естественных, экономических и иных наук, которые применяются при раскрытии и расследовании преступлений, в частности, и, противодействии преступности, в целом. Соответственно, богатство и широта языка криминастики включают в себя термины различных областей знания. Это также создает иногда определенные терминологические сложности, так как даже в рамках одной науки не всегда удается привести в гармонию и унифицировать все имеющиеся там термины, что уж говорить о том, когда мы их объединяем в одну систему. Противоречия здесь неизбежны.

Как опять же показывают проведенные нами ранее исследования [9, с. 4-5], а также отмечают и другие авторы [10, с. 10-11; 11, с. 3], пополнение терминологического аппарата уголовно-правовых наук в целом, и, криминастики, в частности, не всегда происходило с учетом выработанных в терминологии специальных правил, что создает определенные сложности не только в теории, но и на практике, так как затрудняет процесс взаимопонимания субъектов и создает лишние сложности в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Несколько таких примеров мы можем найти в таком разделе криминастики, как «криминалистическая тактика».

Сам термин «тактика» настолько стал для всех криминалистов привычным и обыденным, что почти никто из них не задумывается об уместности его употребления в том или ином контексте. В результате у нас образовалось множество терминологических единиц, в основе которых лежит данный термин, например, «тактический прием», «тактическая комбинация», «тактическое решение» и др. А применительно к вопросам назначения и производства следственных действий, редко где можно найти фразу без присовокупления к тому или иному следственному действию термина «тактика»: «тактика обыска или выемки», «тактика допроса», «тактика проверки показаний на месте», «тактика осмотра места происшествия», «тактика следственного эксперимента», «тактика предъявления для опознания» [12, с. 18; 13, с. 328; 14, с. 194] и др.

Но насколько это уместно и оправдано? Всегда ли это соответствует изначально заложенному смыслу термина «тактика»? И можем ли мы, соответственно, не нарушая норм и правил терминологии, его использовать в той или иной ситуации?

Для ответа на эти вопросы для начала обратимся к этимологии и генезису термина «тактика», чтобы понять, какой смысл и содержание в него вкладывали с момента его возникновения в введение в область научных изысканий.

Согласно толковым и этимологическим словарям, термин «тактика» происходит от др.-греч. *τακτικός* – относящийся к построению войска, от *τάξις* – построение, расположение, далее из *τάσσω* – строить, располагать [15, 16]. Далее он активно стал использоваться во французском языке, обозначая «строевое искусство». И только потом, ближе к концу XVIII века, когда на территории нашего государства представители интеллигенции больше говорили на французском, нежели на русском языках вплоть до Отечественной войны 1812 г., его употребление стало встречаться и в русском языке. Но область применения по-прежнему была исключительно военной, так как он обозначал отрасль военной науки, занимающей подчиненное положение к стратегии и оперативному искусству. Соответственно, вопросы, которые были «тактическими», касались изучения сущности боя, его закономерностей, способов ведения, на основании этого вырабатывались различного рода правила и рекомендации для военного искусства.

По мере развития нашего общества, научных отраслей знания, термин «тактика» несколько расширил свои границы использования и к началу прошлого века стал употребляться и в других научных сферах, но его изначальное значение, обозначающее присутствие противоборства, соперничества двух и более сторон, сохранилось и в наше время. Например, для нас уже не удивительно слышать не только о военной тактике, но и о политической тактике, тактике шахматной игры и др.

Естественно, данный термин легко и непринужденно вошел в оборот криминастики, где элементы противоборства и противостояния государства в лице уполномоченных лиц, с одной стороны, и преступности, с другой стороны, занимают центральное значение.

Отметим, что пионером употребления термина «тактика» в области криминалистического знания был немецкий ученый Л. Вейнгард. В вышедшей в 1910 году его работе в самом начале была такая фраза: «Цель этой книги - дать руководство к составлению планов (расследования) и их выполнению. Она имеет в виду дать криминалисту то, что дает военному стратегия и тактика. Поэтому я и назвал ее «уголовная тактика» [17, с. 5].

Как показало нам время, это послужило отправной точкой для наших ученых в области исследования и разработки различного рода рекомендаций по криминалистической тактике, которая стала отдельным самостоятельным разделом криминастики.

В этой связи интересно отметить, что взгляд на роль и место криминалистической тактики в структуре криминалистического знания отличается в различных странах, что, наверное, не совсем логично, так как криминастика – это не отрасль права, а прикладная юридическая наука, исследующая закономерности приготовления, совершения и раскрытия преступлений, возникновения и существования его следов, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также разрабатывающая систему основанных на познании этих закономерностей специальных приёмов, методов и средств применяемых в ходе предварительного расследования для предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Вполне естественно, что данные закономерности, составляющие объект криминастики, должны способствовать ее межнациональной интеграции, в том числе, посредством активного научного взаимодействия между отечественными и зарубежными криминалистами. Однако, на практике данная тенденция не наблюдается. В частности, что касается криминалистической тактики, в США, например, как отмечают ученые, аналогом ее является «полицейская тактика», состоящая из трех разделов: вводной части; центральной части, где исследуются вопросы тактики гласных и негласных полицейских действий; заключительной части, где рассматриваются особенности участия полицейского в судебном разбирательстве [18, с. 43-44].

Тем не менее, несмотря на различные подходы к криминалистической тактике, нет сомнений, что существенная роль в эффективности расследования преступлений, принадлежит именно «... умению определить направление и характер действий в определенной ситуации и рационально осуществить их с учетом ее особенностей и поставленных задач», т.е. тактическому умению.

В советской, а потом и российской криминалистической науке, взгляды на роль, место и, главное, содержание криминалистической тактики, также весьма часто менялись и довольно часто были предметом для дискуссионных обсуждений в научной среде.

Например, И. Вакарелски, В. Гутекунет, Е.У. Зицер в содержание тактики включали в основном способы и приемы осуществления следственных действий. Да и в целом, если рассматривать научные труды смотреть с 20-х годов и до начала второй половины прошлого века, то с уверенностью можно сделать вывод о том, что криминалистическая тактика рассматривалась как часть криминастики, изучающая отдельные аспекты организации следственной деятельности и одновременно являющаяся общими положениями частных методик расследования преступлений.

Однако, начиная с 50-х годов XX века, позиция ученых несколько изменилась, причиной чему, на наш взгляд, послужило начало формирования теоретической части криминалистической методики расследования преступлений, поэтому стала обосновываться позиция о том, что криминалистическая тактика должна быть самостоятельным разделом науки, изучающим только элементы следственной деятельности.

Что касается содержательного компонента термина «тактика», то, например, А.Н. Васильев под тактикой предлагал считать метод действия в расследовании для

достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил [19, с. 250].

В современной науке традиционным стало понимание криминалистической тактики, предложенное еще Р.С. Белкиным и Е.М. Лифшицом, – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов проведения отдельных следственных и судебных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений [20, с. 3].

Л.Е. Чистова полагает, что «именно криминалистическая тактика дает знания о том, какие доказательства могут быть получены при производстве конкретного следственного действия; возможности сочетания следственных действий таким образом, чтобы каждое последующее логически вытекало из предыдущего» [21, с. 120].

По мнению В.Я. Карлова, криминалистическая тактика – это «система научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования и тактике проведения отдельных следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательств по уголовным делам» [22, с. 3].

Анализ научных работ по криминалистике за последние годы показывает нам, что большинство авторов позиционируют криминалистическую тактику как определённую систему рекомендаций о целесообразности применения того или иного приёма в процессе расследования преступления.

Отдельно хотелось бы выделить позицию А.А. Бессонова, который убедительно и вполне справедливо рассуждает о том, что суть содержания криминалистической тактики отражается во взаимосвязи с другими разделами криминалистики, прежде всего, криминалистической техникой и криминалистической методикой [23, с. 112]. Мы полностью поддерживаем указанную точку зрения и также полагаем, что разработка наиболее эффективных тактических приемов и комбинаций должна происходить только на основе тесной интеграции криминалистических знаний из всех ее разделов, только в этом случае можно достичь максимальной эффективности в процессе раскрытия и расследования преступлений, противодействию преступности.

В рамках криминалистической тактики центральное место занимают вопросы тактики следственной деятельности. Так, например, В.П. Бахин определяет тактику следственной деятельности как «... использование специфических способов действия для получения доказательственной информации, состоящих в выборе и применении тактических приемов, соответствующих характеру сложившейся ситуации расследования и направленных на преодоление и нейтрализацию противодействия установлению объективной истины» [24, с. 111].

Рассуждая в целом о значении и содержательном компоненте криминалистической тактики, В.Ю. Шепитко приходит к выводу о необходимости разделения таких понятий как «тактика следственного действия» и «организация следственного действия» [25, с. 10].

Мы также полагаем, что это два разных понятия и не следует их употреблять в качестве синонимов. Так, например, выбор порядка проведения, например, обыска (последовательный, параллельный, встречный) не следует относить к тактическим, его необходимо рассматривать как порядок организации следственного действия. Однако, как

показывает практика, провести четкую линию разграничения между «тактикой» и «организацией» не так то просто. Как, например, расценивать организацию проведения тактической операции, необходимость которой возникает непосредственно в процессе этой тактической операции и организовать ее заранее было невозможно? Тем не менее, позиция относительно необходимости разграничения организации расследования, (планирование расследования, организация отдельных следственных действий и подготовка к ним; организация всего расследования в целом) от тактики проведения следственных действий вполне логична, не противоречива и терминологически обоснована.

С другой стороны, насколько целесообразно повсеместно употреблять термин «тактика», когда мы занимаемся вопросами разработки рекомендаций о наиболее эффективных способах действий уполномоченных субъектов, наиболее целесообразной их линии поведения при сабирании, исследовании и использовании доказательств и т.д., то есть производстве тех или иных следственных действий?

Учитывая описанную выше этимологию термина «тактика», генезис его вхождения в научных оборот, полагаем, что далеко не каждая рекомендация по проведению следственного действия является «тактической», ведь не всегда в процессе расследования наличествует ситуация конфликта и противодействия, присутствует элемент противоборства, дающих нам «право» на употребление этого термина.

Например, если мы разрабатываем рекомендации для следственных ситуаций, когда допрос проходит в бесконфликтной обстановке и подозреваемый (обвиняемый) дает признательные показания и всячески пытается содействовать процессу расследованию, либо производится обыск при отсутствии противодействия с внешней стороны, вряд ли они будут «тактическими».

Подчеркнем, это вовсе не говорит о том, что данного рода рекомендации не нужны и научные изыскания по данным вопросам не следует проводить, речь идет именно о корректности использования терминологии. Безусловно, в описанных выше ситуациях также нужна выработка линии поведения, следователю необходимо должным образом подготовиться к тому или иному следственному действию, в зависимости от специфики складывающейся ситуации (принять необходимые меры по сохранности следов, заранее обеспечить участие понятых и т.д.).

Иногда ученые конфликтность расследования связывают с возможным противодействие со стороны природы. Например, как пишет О.Я.Баев, не известно – пойдет ли в конкретном случае перед осмотром места происшествия (или во время него) дождь или снег, который смоет или скроет следы преступления, но, предполагая гипотетически такую возможность, криминалистическая тактика и выработала одну из своих основополагающих относительно данного следственного действия рекомендаций – о неотложном его характере с учетом этого возможного противодействия со стороны природы» [26, с. 284].

Позволим себе не в полной мере согласиться с этой позицией и не считать это «противодействие» со стороны природы основанием для применения термина «тактика» при разработке рекомендаций, направленных на устранение возможных сложностей при производстве осмотра для следователя. Вряд ли обоснованно можно считать природу «соперником», стороной, умышленно противодействующей расследованию. На наш взгляд, в данной ситуации более корректно было бы говорить об объективных условиях,

которые могут не противодействовать, а служить препятствием для следователя и специалиста при осуществлении поиска, закрепления и изъятия доказательств и информации доказательственного значения. На основании этого мы полагаем, что в подобных случаях следует употреблять термин не «тактика», а «подготовка» или «организация проведения следственного действия».

Также вызывает некоторое сомнение высказывание О.Я. Баева о том, что «объективное изменение следовой обстановки на одежде (потерпевшего либо лица, совершившего преступление) в случае ее контакта с другими объектами обусловило разработку соответствующих тактических рекомендаций по ее изъятию и хранению для предупреждения таковых контактов и последовательности назначения судебных экспертиз по данному объекту, и т.д.» [26, с. 284]. Здесь термин «тактика» также не к месту, это просто «рекомендация».

Интересна позиция О.Я. Баева еще по одному вопросу: такие следственные действия как эксгумация и получение образцов для сравнительного исследования он относит к предследственным или вспомогательным действиям [26, с. 282].

Согласимся с мнением О.Я. Баева, что эксгумация представляет исключительно организационный характер, здесь о тактике вообще неуместно говорить. Но относительно вопроса о получении образцов для сравнительного исследования, на наш взгляд, не все так просто, здесь уже недостаточно говорить о чисто организационных действиях следователя для максимально возможного получения необходимой информации для успешности расследования. Полагаем, здесь тоже можно использовать «тактику», так как имеется субъект, от которого эти образы получены (или их предстоит получить). Поэтому уместны «тактические» рекомендации, например, по правильному отбору образцов почерка (их количества, вариативности, состояния писавшего и иных особенностей), следов рук (четкости следов, локализации участков и т.п.) и т.д.

В рамках обозначенной нами проблемы заслуживает внимание и позиция некоторых ученых, в частности, А.Г. Филиппова, о возможности выделения в структуре криминалистики нового раздела, включающего в себя вопросы организации раскрытия и расследования преступлений [27, с. 34]. Отметим, что об этом писали еще в середине прошлого века, особенно после издания отдельного труда, посвященного вопросам планирования расследования преступлений [28], однако вопрос так и остался в рамках научных дискуссий. Например, в учебнике по криминалистике под общ. редакцией А.Г. Филиппова и Е.П. Ищенко указывается о возможности существования нового раздела, однако курс излагается в рамках устоявшейся четырехзвенной классической структуры [29, с. 41-46], где в рамках криминалистической тактики предлагается выделять две ее части: общие положения криминалистической тактики (исследуются общие вопросы ее понятия, сущности и содержания), а также тактика отдельных следственных действий [29, с. 474]. На наш взгляд, мнение о выделении нового раздела в свете закономерного обогащения криминалистикой новыми знаниями, вполне естественно и рано или поздно мы к этому придем, однако, это вопрос не сегодняшнего дня, так как для этого нужны более фундаментальные разработки и обоснования многих положений нового раздела.

Таким образом, на основании проведенных исследований, мы полагаем, что далеко не в каждом случае при разработке рекомендаций по проведению следственных действий, целесообразно использовать термин «тактика». На наш взгляд, термин «тактика» как в теории криминалистики, так и в ее практической составляющей обусловлен

прогностической и поисковой деятельностью следователя и должен употребляться только в определенных случаях:

- 1) когда имеется противодействие деятельности следователя и необходимо его преодоление;
- 2) либо когда противодействие расследованию отсутствует, но происходит общение следователя с иными участниками процесса расследования (свидетель, обвиняемый, потерпевший).

Это соотносится с этимологией слова «тактика» и не противоречит логическому употреблению данного термина в иных сферах деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Светличный А.А. Формирование, современное состояние и некоторые тенденции развития терминологического аппарата криминалистики // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы правоохранительной деятельности», посвященной памяти прокурора Казахской ССР Утегена Сеитовича Сеитова / Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2022. С. 92-98.
2. Светличный А. А. Новации в терминологическом аппарате криминалистики: потребность науки и практики или дань моде? // Юридическое образование и наука. 2022. № 5. С. 24-29.
3. Светличный А.А. Закономерности формирования и развития отечественной юридической терминологии // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы. Международная научно-практическая конференция. 2022. С. 342-350.
4. Светличный А.А. Генезис и некоторые современные тенденции формирования терминологического аппарата криминалистики // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 2 (53). с. 69-74.
5. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с издания 1925 г. / Якимов И.Н. - М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
6. Светличный А.А. Современные интеграционные процессы терминологического аппарата уголовно-правовых наук // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 102-113.
7. Светличный А. А. Интеграция научных знаний как фактор унификации и оптимизации формирования единой терминоведческой системы дисциплин уголовно-правового блока // Юридическое образование и наука. 2022. № 3. С. 36-41.
8. Светличный А.А. Интегрирование терминологических моделей смежных дисциплин уголовно-правового блока в единую терминологическую систему // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 146-150.
9. Панарина Д.В., Светличный А.А. Термины и определения судебной экспертизы: генезис, методология и проблемы: учебно-методическое пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. Т.В. Толстухиной. М.: Юрлитинформ, 2023. 152 с.
10. Белицкий В.Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1. (13). С. 9-15.

11. Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: Дис. ...канд. юрид. наук. Тула, 2018. 238 с.
12. Старичков М.В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 2(61). С. 18-26.
13. Сотова Т.Н., Перякова Ю.А. Тактика проведения следственного эксперимента // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Всероссийского государственного университета юстиции. Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Казань, 2020. С. 328-334.
14. Гаврилова П.Л., Мирошников И.А. Актуальные вопросы тактики производства освидетельствования // Современные проблемы правотворчества и правоприменения студенческой научно-практической конференции. Том 1. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Иркутск, 2019. С. 194-197.
15. Фасмер. М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - 4-е изд., стер. Москва: Астрель: АСТ, 2007. 671 с.
16. Шанский Н.М. , Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа. 2004. 398 с.
17. Вейнгард Л. Уголовная тактика. Овруч, 1910. 463 с.
18. Волчецкая Т.С., Головин А.Ю., Осипова Е.В. Особенности развития российской и американской криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29 С. 40-52.
19. Васильев А.Н. Криминалистика. Следственная тактика (общие положения). М., 1971. 462 с.
20. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997. 176 с.
21. Чистова Л. Е. О некоторых элементах тактико-криминалистического обеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 116-120.
22. Карлов В.Я. Криминалистическая тактика: учеб. пособие для бакалавров. Москва: Юрлитинформ, 2013. 182 с.
23. Бессонов А.А. Криминалистическая тактика: учебник. Москва: Юрлитинформ, 2015. 199 с.
24. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002). Киев, 2002. 268 с.
25. Шепитко В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. Харьков, 1995. 200 с.
26. Баев О.Я. Избранные работы: в 2т. Т.1. Воронеж, 2011. 429 с.
27. Филиппов А.Г. Еще раз об одной неактуальной проблеме // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 32-34.
28. Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., Гоюриздан, 1957. 199 с.
29. Криминалистика. Учебник под редакцией Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2007. 1275 с.

REFERENCES

1. Svetlichny A.A. Formirovanie, sovremennoe sostojanie i nekotorye tendencii razvitiya terminologicheskogo apparata kriminalistiki [Formation, current state and some trends in the development of the terminological apparatus of criminalistics]. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye voprosy pravoohranitel'noj dejatel'nosti», posvjashchennoj pamjati prokurora Kazahskoj SSR Utegena Seitovicha Seitova – Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference "Topical issues of law enforcement" dedicated to the memory of the prosecutor of the Kazakh SSR Utegen Seitovich Seitov. Kosschy: Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, 2022. Pp. 92-98. (in Russian).
2. Svetlichny A.A. Novacii v terminologicheskem apparae kriminalistiki: potrebnost' nauki i praktiki ili dan' mode? [Innovations in the terminological apparatus of criminology: the need for science and practice or a tribute to fashion?]. Juridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal education and science. 2022. no. 5. pp. 24-29. (in Russian).
3. Svetlichny A.A. Zakonomernosti formirovaniya i razvitiya otechestvennoj juridicheskoy terminologii [Patterns of formation and development of Russian legal terminology]. Sovershenstvovanie zakonodatel'noj i pravoprimenitel'noj praktiki v sfere ugolovno-pravovyh nauk v sovremennoy uslovijah: diskussionnye voprosy – Improvement of legislative and law enforcement practice in the field of criminal law sciences in modern conditions: controversial issues. International Scientific and Practical Conference. 2022. pp. 342-350. (in Russian).
4. Svetlichny A.A. Genezis i nekotorye sovremennye tendencii formirovaniya terminologicheskogo apparata kriminalistiki [The genesis and some modern trends in the formation of the terminological apparatus of criminology]. Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina – Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. no. 2 (53). pp. 69-74. (in Russian).
5. Jakimov I.N. Criminalistics. Manual of criminal technique and tactics. A new edition, reprinted from the 1925 edition [Criminology. A guide to criminal techniques and tactics. New edition, reprinted from the 1925 edition]. Moscow, 2003. 496 p. (in Russian).
6. Svetlichny A.A. Sovremennye integracionnye processy terminologicheskogo apparata ugolovno-pravovyh nauk [Modern integration processes of the terminological apparatus of criminal law sciences]. Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Economic and legal sciences – Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences 2022. no. 1. pp. 102-113. (in Russian).
7. Svetlichny A.A. Integracija nauchnyh znanij kak faktor unifikacii i optimizacii formirovaniya edinoj terminovedcheskoj sistemy disciplin ugolovno-pravovogo bloka [Integration of scientific knowledge as a factor of unification and optimization of the formation of a unified terminological system of disciplines of the criminal law block]. Juridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal education and science. 2022. no. 3. pp. 36-41. (in Russian).
8. Svetlichny A.A. Integrirovaniye terminologicheskikh modeley smezhnnyh disciplin ugolovno-pravovogo bloka v edinuju terminologicheskiju sistemju [Integration of terminological models of related disciplines of the criminal law block into a single terminological system]. Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Right. 2022. no. 2 (59). pp. 146-150. (in Russian).

9. Panarina D.V., Svetlichny A.A. Terminy i opredelenija sudebnoj jekspertizy: genezis, metodologija i problemy: educational and methodological manual [Terms and definitions of forensic examination: genesis, methodology and problems: educational and methodical manual]. Moscow, 2023. 152 p. (in Russian).
10. Belitsky V.Yu. Ponjatijno-kategorial'nyj apparat kriminalisticheskoy nauki [Conceptual and categorical apparatus of forensic science]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra – Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020. no. 1. (13). pp. 9-15. (in Russian).
11. Panarina D.V. Sovremennye problemy i tendencii razvitiya jazyka obshhej teorii sudebnoj jekspertizy: Dis. ...cand. jurid. sciences' [Modern problems and trends in the development of the language of the general theory of forensic examination: Dis. ...cand. Jurid. sciences']. Tula, 2018. 238 p. (in Russian).
12. Starichkov M.V. Taktika osmotra i vyemki nositelej komp'juternoj informacii [Tactics of inspection and seizure of computer information carriers]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutennih Del Rossii - . Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2012. no. 2(61). pp. 18-26. (in Russian)
13. Sotova T.N., Peryakova Yu.A. Taktika provedenija sledstvennogo jeksperimenta [Tactics of conducting an investigative experiment]. Gosudarstvo i obshhestvo: aktual'nye voprosy vzaimodejstvija]. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta yusticij – Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the All-Russian State University of Justice. Kazan. 2020. pp. 328-334. (in Russian).
14. Gavrilova P.L., Miroshnikov I.A. Aktual'nye voprosy taktiki proizvodstva osvidet'stvovaniya [Current issues of the tactics of the production of the survey]. Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tom 1. Irkutskij institut (filial) Vserossijskogo gosudarstvennogo universiteta yusticij (RPA Minyusta Rossii) – Modern problems of law-making and law enforcement of the student scientific and practical conference. Irkutsk. 2019. pp. 194-197. (in Russian).
15. Fasmer. M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 tomah [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 2007. 671 p. (in Russian).
16. Shansky N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. Proishozhdenie slov [School etymological dictionary of the Russian language. The origin of the words]. Moscow, 2004. 398 p. (in Russian).
17. Weingard L. Ugolovnaja taktika [Criminal tactics]. Ovruch, 1910. 463 p. (in Russian).
18. Volchetskaya T.S., Golovin A.Yu., Osipova E.V. Osobennosti razvitiya rossijskoj i amerikanskoj kriminalistiki: kriminalisticheskaja tehnika, taktika i metodika [Features of the development of Russian and American criminology: forensic techniques, tactics and methods]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Bulletin of Tomsk State University. Right. 2018. No. 29 p. 40-52. (in Russian).
19. Vasiliev A.N. Kriminalistika. Sledstvennaja taktika (obshchie polozhenija) [Criminology. Investigative tactics (general provisions)]. Moscow, 1971. 462 p. (in Russian)
20. Belkin R.S., Lifshits E.M. Taktika sledstvennyh dejstvij [Investigative tactics] Moscow, 1997. 176 p.
21. Chistova L.E. O nekotoryh jelementah taktiko-kriminalisticheskogo obespechenija [About some elements of tactical and forensic support]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD

Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. no. 2. pp. 116-120. (in Russian).

22. Karlov V.Ya. Kriminalisticheskaja taktika: ucheb. posobie dlja bakalavrov [Forensic tactics: studies. a handbook for bachelors]. Moscow, 2013. 182 p. (in Russian).

23. Bessonov A.A. Kriminalisticheskaja taktika: uchebnik [Forensic tactics: a textbook]. Moscow, 2015. 199 p. (in Russian).

24. Bakhin V.P. Kriminalistika. Problemy i mnenija (1962-2002) [Criminology. Problems and opinions]. Kiev, 2002. 268 p. (in Russian).

25. Shepitko V.Yu. Teoreticheskie problemy sistematizacii takticheskikh priemov v kriminalistike [Theoretical problems of systematization of tactical techniques in criminology]. Kharkiv, 1995. 200 p. (in Russian).

26. Baev O.Ya. Izbrannye raboty [Selected works]. Voronezh, 2011. 429 p. (in Russian).

27. Filippov A.G. Eshche raz ob odnoj neaktual'noj probleme [Once again about one irrelevant problem]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 10. P. 32-34. (in Russian).

28. Vasil'ev A.N., Mud'yugin G.N., Yakubovich N.A. Planirovanie rassledovaniya prestuplenij. [Planning of crime investigation]. Moscow, Goyurizdat, 1957. 199 p. (in Russian).

29. Kriminalistika. Uchebnik pod redakcijej E.P. Ishchenko, A.G. Filippova [Criminology. Textbook edited by E.P. Ishchenko, A.G. Filippov]. Moscow., 2007. 1275 p. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светличный Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы и таможенного дела. Тульский государственный университет. 300012, г. Тула, пр. Ленина, д. 92.

ORCID: 0000-0001-5611-9914

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlichny Alexander Alekseevich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Science and Customs. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tula State University", 300012, Tula, Lenin Ave., 92.

ORCID: 0000-0001-5611-9914

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 16.08.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 16.08.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 225–243.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 225–243.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.33

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.67.52.020

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Смирнов Кирилл Вячеславович, Югорский государственный университет,
Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, kirilka1998@mail.ru

Введение. Статья посвящена анализу правовой базы международного противодействия преступлениям в сфере безопасности мира и человечества. Исследованы международные нормативно-правовые акты, служащие правовой основой для развития национальной правовой политики в сфере противодействия преступлений против мира и безопасности человечества. В статье представлен детальный анализ ключевых международных конвенций в области международной безопасности. Выявлены недостатки международного законодательства в области противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества и поддержания мирного сосуществования государств мира.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе сочетания общенациональных и частнонаучных методов, включая формально-логический, диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы научного познания.

Результаты исследования. Автором рассмотрена проблематика международной правовой базы в сфере противодействия преступлениям против мира, указаны недостатки правового и правоприменительного характера в сфере поддержания мирного сосуществования мировых держав.

Выводы и заключения. Международная нормативно-правовая база имеет ряд нерешенных до сих пор аспектов. Автором предложены конкретные меры по совершенствованию нормативной и правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям против мира, а также в сфере поддержания международной стабильности в мире.

Ключевые слова: международные акты, геноцид, противодействие, международные отношения.

Для цитирования: Смирнов, К. В. Международные правовые основы обеспечения мира и безопасности человечества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 225–243.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.67.52.020

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING PEACE AND SECURITY OF MANKIND

Kirill V. Smirnov

Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, kirilka1998@mail.ru

Introduction: the article is devoted to the analysis of the legal framework for international counteraction to crimes in the field of security of the world and humanity. International legal acts that serve as the legal basis for the development of national legal policy in the field of combating crimes against the peace and security of mankind have been studied. The article presents a detailed analysis of key international conventions in the field of international security. The shortcomings of international legislation in the field of combating crimes against the peace and security of mankind, and maintaining peaceful coexistence between the states of the world have been identified.

Materials and Methods: the study was carried out on the basis of a combination of general scientific and specific scientific methods, including formal logical, dialectical, formal legal, comparative legal methods of scientific knowledge.

The Results of the Study: the author examined the problems of the international legal framework in the field of combating crimes against peace, indicated the shortcomings of a legal and law enforcement nature in the field of maintaining peaceful coexistence between world powers.

Findings and Conclusions: the international regulatory framework has a number of aspects that have not yet been resolved. The author has proposed specific measures to improve regulatory and law enforcement practices in the field of combating crimes against peace, as well as in maintaining international stability in the world.

Keywords: international acts, genocide, counteraction, international relations

For citation: Smirnov K.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy obespecheniya mira i bezopasnosti chelovechestva [International legal framework for ensuring peace and security of mankind]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 225–243.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.67.52.020

Вопросы международного противодействия преступлениям в сфере безопасности мира и человечества подлежали рассмотрению на страницах специальной литературы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. В рамках учебной литературы получили освещение составы преступлений против мира и безопасности человечества [8]. Неотъемлемой частью противодействия любому виду преступности является система и четкое исполнение принятых нормативных правовых актов, начиная от международных и заканчивая национальными.

Российская империя неуклонно исполняла нормы, закрепленные в Женевских конвенциях XIX века и в Гаагских конвенциях, принятых в начале XX века. Так, в октябре

1914 г. в разгар боев Первой мировой войны в России было утверждено положение о военнопленных¹. В нем подчеркивалось, что с военнопленными как с законными защитниками своего Отечества надлежит обращаться человеколюбиво. Нами не было обнаружено случаев нарушений со стороны России когда-либо норм международного права и принятых актов внутри Российской империи.

После Октябрьской революции, 4 июня 1918 года, советское правительство во главе с В. И. Ульяновым-Лениным признало все международные конвенции о Красном Кресте, признанные Россией до октября 1915 года [9]. Необходимо отметить, что во время Гражданской войны в России нормы международного гуманитарного права соблюдались условно, что повлекло большую массу жертв с обеих сторон.

В области международного гуманитарного права Советский Союз, ратифицировал некоторые договоры: Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов в 1925 году и Женевскую конвенцию 1929 года об облегчении участия раненых и больных в армиях. Но они рассматривались как часть буржуазного права войны и исполнялись только с учетом воли советского руководства. СССР отказался ратифицировать конвенцию 1929 года о военнопленных, что имело далеко идущие последствия.

Женевские конвенции регулируют вопросы, связанные с правовым статусом всех участников вооруженных конфликтов и вовлеченных в них лиц, перечень которых достаточно широк, начиная от солдат воюющих государств, заканчивая представителями духовенства. Отдельные положения в конвенциях посвящены правовому статусу медицинских работников и корреспондентов средств массовой информации. В этом и есть их главное отличие от Конвенций и Деклараций, принятых международным сообществом в Гааге (1899 и 1907 г.).

Советское правительство ратифицировало Женевские конвенции 1949 года только в 1954 году, а в 1989 – оба протокола. Необходимо отметить, что в 1990 году был издан приказ Министра обороны СССР № 75 об объявлении Женевских конвенций 1949 года в войсках. Данный приказ действует и сегодня².

В России сложилась обширная международная правовая база, имеющая целью регулирование отношений между государствами в период международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Необходимость соблюдения норм международного права, в том числе и международного гуманитарного права, прямо прописана в Конституции Российской Федерации с обязательным приоритетом норм международного права над национальным правом России. На сегодняшний день Российская Федерация является участницей всех основных актов международного и международного гуманитарного права.

Важное значение в противодействии любому явлению имеет четкий план действий. Не становятся исключением и международные отношения. План противодействия в них, как и в юриспруденции, оформляется в виде конвенций и деклараций. Декларация носит

¹ Положение о военнопленных. СПб., 1914. 9 с. // URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17557-rossiya-voennye-ustavy-i-nastavleniya-polozhenie-o-voennoplennyyh-spb-1914#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 04.04.2024).

² Об объявлении Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов к ним (вместе с «Руководством по применению Вооруженными Силами СССР норм международного гуманитарного права») : Приказ Министра обороны СССР от 16.02.1990 № 75 // КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=33563#gjv4ZIUOWkODqDK6> (дата обращения: 04.04.2024). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

призывный (общий) характер, конвенция же содержит в себе понятийный и составной аппарат, а также меры ответственности за нарушение установленных в конвенции правил.

За время развития международных отношений было принято немало конвенций и деклараций как на уровне Организации Объединенных Наций, так и при ее участии в рамках ст. 102 Устава ООН. Другой вопрос в том, как они исполнялись на практике. Особенное значение имеют конвенции и декларации, регулирующие и обеспечивающие международный мир и безопасность.

При рассмотрении, в частности, Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб¹ следует отметить, что конвенция, несмотря на свое «громкое название», регулирует ответственность за сооружение и эксплуатацию атомных реакторов в рамках развития мирного атома. Интересно, что конвенция содержит широкий перечень расшифровок понятий, даже разграничены практически в одном смысле понятия: «ядерный ущерб» и «ядерный инцидент». Причем в обоих понятиях содержатся признаки наступления последствий в виде смерти человека либо ином другом повреждении в результате ядерного происшествия. Подобные неточности понятийного аппарата, по нашему мнению, с одной стороны, разграничивают, но с другой – одновременно запутывают и создают неоднозначности в трактовке отличий одного от другого. Данное обстоятельство считаем недостатком, присущим большинству из конвенций.

Конвенцией предусмотрена ответственность для операторов ядерных установок, одновременно установлена субсидиарная ответственность в случае, если установкой реактора занимались лица, назначенные государствами, т. е. операторами, с целью установки реакторов. Установлены случаи, при которых не будет наступления ответственности за ядерное происшествие. К ним относятся:

- вооруженный конфликт на территории государства, в котором осуществлена установка ядерного реактора;
- восстание на территории государства;
- наступление стихийного бедствия и иных случаев, наступление которых не зависит от человека.

При этом установлено, что для оператора установки как физического лица возможно наступление ответственности за ядерный ущерб в результате стихийного бедствия, но только при условии наличия такой ответственности в государствах, отвечавших за установку оборудования.

Интерес представляет мера финансовой ответственности для операторов за наступление ядерного ущерба. Конвенцией установлена финансовая ответственность. Конвенцией установлен минимум, который должно уплатить физическое лицо (оператор установки) в результате ядерного инцидента, – это сумма не менее 5 миллионов долларов США. Установить подобное ограничение вправе государство, отвечавшее за установку ядерных реакторов. Причем, что интересно, Конвенцией установлен порядок расчета ущерба, исходя исключительно из курса доллара. При этом курс доллара является расчетной единицей, эквивалентной стоимости доллара Соединенных Штатов по его золотому паритету на 29 апреля 1963 года, то есть 35 долларов США за одну тройскую унцию чистого золота. Хотя одновременно установлено, что суммы возмещения ущерба, судебные, страховые и иные расходы должны выплачиваться в валюте пострадавшего государства. Одновременно установлено, что в судебных решениях о ядерных инцидентах не может быть прецедентов, т. е. каждый подобный случай рассматривается отдельным судом.

¹ Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Вена, 21 мая 1963 г.): вступила в силу для Российской Федерации 13 августа 2005 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 35. Ст. 3588.

Считаем, что с учетом современных реалий, положение данной конвенции, касающееся порядка расчета ущерба с привязкой к курсу доллара США, а особенно 1963 года, является не отвечающим интересам Российской Федерации, ратифицировавшей данную Конвенцию в 2005 году. Поэтому считаем целесообразным денонсировать данную Конвенцию либо предложить мировому сообществу внести соответствующие изменения, хотя в последнее верится с трудом ввиду отношения мирового сообщества к современным предложениям России по вопросам совершенствования международных нормативных правовых актов.

Вступление в силу Конвенции 1997 года, дополнявшей меры гражданской ответственности за ядерные инциденты, на сегодняшний день не вступившей в силу по причине нератификации ее пятью государствами, располагающими минимум 400 000 единиц установленной ядерной мощности, также не сняло бы ряд проблем, выявленных в ходе исследования¹.

Кстати, ни в одном соглашении, посвященном запрещению либо ограничению вооружений, не был прописан минимум наличия того же самого ядерного вооружения. Мы отдаем себе отчет в том, что ни одно из ныне обладающих ядерным оружием государство не сможет (даже, условно говоря, не имеет политической воли) отказаться от него вовсе. Ядерное оружие с самого начала его разработки было призвано стать своего рода «дубинкой», силы которой должен бояться каждый потенциальный агрессор. Вполне оправданно появление ядерного оружия, но ведь можно было предусмотреть запреты передачи для государств технологий по его созданию между собой. И нормативно целесообразно было бы закрепить минимальный объем наличия ядерного оружия, необходимого сугубо для обеспечения своей глобальной безопасности. Однако до сих пор так называемый «клуб ядерных держав» не ограничен мировыми державами, создавшими ООН, и по сей день развивается его поражающая мощь. Данное обстоятельство является одним из элементов, могущих привести ко всеобщему разрушению хрупкого международного мира.

Конвенцией 1997 года предусмотрено, что валюту специальных прав на заимствования определяет Международный валютный фонд (далее – МВФ), следовательно, и валюту ущерба определяет тоже МВФ, а это, напомним, не отвечает интересам России и общемировому тренду, в котором расчеты ведутся в национальных валютах. Возможно, что данный аспект мешает вступлению в силу данной Конвенции.

К проблемным аспектам Конвенции 1997 года считаем возможным отнести наличие регресса для операторов. Данное положение, по нашему мнению, вообще сводит на нет необходимость ответственности за данные действия и ставит под сомнение наличие регулирования ядерных аспектов на международном уровне. Считаем целесообразным установить сумму возмещения в валюте государств без привязки к МВФ.

К положительным сторонам Конвенции можно отнести обязанность сторон создать фонд возмещения возможных ядерных инцидентов. Формировать его обязаны государства, желающие вступить в соглашение. Минимальный размер взноса 300 млн. Исходя из содержания конвенции 1997 года, были предусмотрены выплаты пострадавшим физическим лицам от ядерного инцидента, причем независимо от гражданства. Данное положение является, на наш взгляд, положительным, но затратным для любого государства, хотя порой совершенствование, в том числе ядерного оружия, стоит дороже.

¹ Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб (Вена, 12 сентября 1997 г.) : (не вступила в силу) // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901944127?ysclid=ly9uv1kjmw295869057> (дата обращения: 04.04.2024).

Конвенцией предусмотрено, что возмещению подлежат случаи, произошедшие в том числе в морских районах и на борту морских суден государств. В предыдущей Конвенции не было предусмотрено подобных положений.

Немаловажным считаем положение Конвенции 1997 года о наличии в уголовных законодательствах ответственности за совершение ядерных инцидентов, начиная с 1 января 1995 года. В УК РФ такая уголовная ответственность предусмотрена за террористический акт в отношении объектов атомной энергетики. Более того, УК РФ предусматривает ответственность за деяния, сопряженные с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Считаем данный факт объективной стороны еще одним подтверждением перевода ст. 205 УК РФ в 34 главу УК РФ, с учетом уровня общественной опасности возможных последствий от совершения подобных деяний.

Конвенцией 1963 года был установлен временной ограничитель обращения в судебные инстанции в случае наступления ядерного ущерба – 10 лет с момента совершения ядерного инцидента. В случае если ядерный инцидент произошел с материалами, похищенными для совершения ядерного инцидента, установлен срок обращения – 20 лет со дня хищения ядерного материала. В то же самое время срок исковой давности в виде трех лет установлен, если потерпевшее государство знало о наступлении данного последствия.

Конвенцией установлено, что обращаться с исками в суды нужно в судебные органы пострадавшей от ядерного инцидента государства. Если сложно определить территориальность инцидента, то тогда подсудность передается в суды государства-оператора.

Считаем целесообразным установить четкую компетенцию подобных дел за Международным Судом ООН ввиду тяжести последствий наступления ядерных инцидентов и одновременно ввиду возможной предвзятости сторон судебного разбирательства по подобному делу. Подобное предложение можно было бы реализовать, если бы не современная политическая позиция западных государств относительно предложений, выносимых на мировую арену Российской Федерацией. Ведь каждая из сторон, особенно в подобных судебных разбирательствах, будет стремиться снять с себя ответственность. А ведь в мире действует Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), которое имеет право реализовывать гарантии нераспространения ядерного оружия, в том числе путем сбора информации и составления независимого заключения по результатам сбора данных. Международный Суд ООН может учитывать в том числе и мнение МАГАТЭ. Данное право необходимо только нормативно закрепить.

Конвенцией также предусмотрен механизм страхового и финансового обеспечения работ для государств, с помощью которых можно было бы потом в том числе компенсировать ущерб. При этом нет четкой обязанности составления страхового и финансового обеспечения подобных работ. Считаем целесообразным установить обязанность государств по формированию страхового и финансового обеспечения проекта по возведению и проведению работ, связанных с установками и функционированием ядерных реакторов.

По нашему мнению, данная обязанность выступила бы дополнительной гарантией не только для возмещения ущерба государству, пострадавшему от ядерного инцидента, но

и могло бы покрыть затраты, связанные с социальными гарантиями государств для населения, связанными с ядерными инцидентами.

В государства, где в фонды страхования входят и расходы за ядерные инциденты, и расходы за возмещение последствий от несчастных случаев на ядерных производствах, основания выплат определяются законодательством этих государств либо правилами межправительственных организаций, но только при наступлении определенных последствий, а именно:

а) если лицу, являющемуся гражданином договаривающегося государства, за исключением оператора, выплачено возмещение ядерного ущерба с последующей компенсации затрат ему;

б) ничто не должно мешать в возмещении затрат за счет механизмов страхования, понесенные оператором на возмещение ущерба в результате ядерного инцидента от государства, отвечавшего за установку реактора.

Считаем нецелесообразным установление регресса для оператора установок, поскольку в таком случае теряется суть ответственности за аварии на ядерных объектах. В этой связи считаем целесообразным пересмотреть и статью 10 Конвенции, перечисляющую случаи, при которых на сегодняшний день предусмотрен регресс для операторов.

Положение о возможности применения национального законодательства, с одной стороны, является положительной стороной, поскольку международным принципом является мирное регулирование конфликта. Но с другой стороны, на момент подписания конвенции (60-е годы XX века) полноценно отсутствовала международная нормативно-правовая база по вопросам регулирования ответственности за нарушения правил пользования ядерными материалами в мирных целях. Но о том же можно сказать и в отношении национальных (внутренних) законодательств государств.

Данные обстоятельства, по нашему мнению, являются основанием для обновления подобной конвенции. К тому же, считаем целесообразным разработать конвенцию на уровне ООН, в которой была бы предусмотрена гражданская ответственность не только для лиц, наносящих ядерный ущерб нарушением правил эксплуатации мирного атома, но и за совершение на территории государств ядерных взрывов с целью совершенствования ядерного оружия массового поражения, внеся изменения либо в рассматриваемую конвенцию, либо в договор 1968 года о нераспространении ядерного оружия.

Одной из гарантий ответственности регулируемой конвенции является положение о том, что денонсация договора не снимает ответственности с виновных в ядерных ущербах, наступивших до денонсации Конвенции.

Несмотря на ряд положительных моментов рассматриваемой конвенции, имеются и проблемные аспекты в виде установления подсудности дел о ядерных инцидентах в Международный Суд ООН как главный судебный орган организации, отвечающий за сохранение мира и безопасности на планете. Возможность регресса для операторов, ответственных за ядерные инциденты, и механизм оплаты ущерба с привязкой к доллару США либо в валюте, определяемой МВФ, при наличии возможности оплаты ущерба в валюте пострадавшего государства, является противоречивым положением и требует изменений. Есть и иные пути решений проблемных вопросов, регулируемых данной конвенцией. Ныне действующие дополняющие положения Конвенции 1997 года также не снимают ряд проблем.

Следом после Конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб державы – победительницы во Второй мировой войне (СССР, Великобритания и США), желая достичь соглашения о полном разоружении и всеобщем контроле в рамках целей

ООН, подписали между собой договор о запрещении проведения ядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой¹. Государства, подписав данный Договор, брали на себя обязательства по предотвращению и недопущению ядерных взрывов в своих юрисдикциях, по недопущению поощрения или проведения каких-либо ядерных испытаний, в том числе в космосе. То есть мировые державы осознавали будущее значение космического пространства для ведения боевых действий. Конечно, произошло это на фоне первого полета человека в космос, совершенного 12 апреля 1961 года советским космонавтом Ю. А. Гагарином. Но как показывает практика, мировым державам удалось понять перспективы космоса на долгие десятилетия вперед. Данное обстоятельство считаем уникальным, произошел редчайший случай, когда юриспруденции и международным отношениям удалось заглянуть в будущее, а не догонять его.

В договоре было предусмотрено право любого государства присоединиться к данному соглашению. Одновременно был предусмотрен механизм свободного выхода из договора в случае, если сторона решила, что исключительные обстоятельства ставят под угрозу интересы страны. Был предусмотрен и механизм внесения изменений в договор при необходимости.

Однако в договоре не было предусмотрено мер ответственности стран за его нарушение, что можно назвать его отрицательной стороной. Двоюко можно интерпретировать и положение о возможности выхода государства из договора в случае возможного наступления угрозы национальной безопасности стран и не отвечать высшим интересам государств.

Следовательно, такое положение заранее «поставило крест» на эффективности реализации такого договора. То есть, с одной стороны, мировые державы как создатели современной на тот момент системы мировой безопасности и мирного сосуществования между государствами, осознавали вред как человеку, так и природе от производства ядерных испытаний, с другой стороны, они заранее расписались в том, что могут и не исполнять положения данного договора. И практика подтвердила подобное желание мировых держав: по данным Организации Объединенных Наций, в период с 1945 по 1996 годы во всем мире было осуществлено более 2 000 ядерных испытаний, из них:

- Соединенные Штаты провели 1 032 испытания в период 1945–1992 гг.;
- Советский Союз осуществил 715 испытаний в период 1949–1990 гг.;
- Великобритания осуществила 45 испытаний в период 1952–1991 гг.;
- Франция провела 210 испытаний в период 1960–1996 гг.;
- Китай провел 45 испытаний в период 1964–1996 гг.;
- Индия провела 1 испытание в 1974 году.

Из более чем 2 000 ядерных взрывов, которые осуществлялись во всем мире в период 1945–1996 гг., 25 %, или более 500 бомб, были взорваны в атмосфере.

Количество ядерных арсеналов в мире в течение «холодной войны» стремительно росло: с 3 000 единиц в 1955 году до более чем 37 000 единиц в 1965 году (Соединенные Штаты – 31 000 и Советский Союз – 6000), с 47 000 в 1975 году (Соединенные Штаты – 27 000 и Советский Союз – 20 000) до более чем 60 000 на конец 1980-х годов (Соединенные Штаты – 23 000 и Советский Союз – 39 000).

Считаем такие «двойные стандарты» международного регулирования недопустимыми, а подобные соглашения – «пустыми» по своей сути. По нашим данным, данный договор остается действующим и имеющим свою юридическую силу (по

¹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Москва, 5 августа 1963 г.) // Правда. 1963. 26 июля (№ 207).

состоянию на 1 октября 1996 года – 137 государств-участников), что подтверждается приведенной выше практикой реализации данного действующего соглашения.

Понимая сложность реализации на практике положений договора 1963 года, государства мира в 1968 году заключили новый договор о нераспространении ядерного оружия¹. Он предусматривал обязательство для государств, ратифицировавших его (в том числе СССР в 1969 году), в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем. Кстати, международный договор о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем не принят до сих пор.

Принимая, подписывая и ратифицируя данный договор, страны-участники осознавали опасность ведения «гонки вооружений» в том числе и ядерных, начавшейся, по сути, после знаменитой речи У. Черчилля в г. Фултон штата Миссури 5 марта 1946 года, когда уже находившийся на тот момент в отставке Премьер-министр Великобритании озnamеновал начало «Холодной войны» между Западом и СССР. Таким образом и началась «Холодная война», окончившаяся только распадом СССР в 1991 году. Речь У. Черчилля, находившегося в отставке, показала уровень влияния его слов на ход мировых событий и развитие международных отношений, несмотря на отставку премьер-министра. Данное обстоятельство, по нашему мнению, еще раз подтвердило роль субъекта права, говоря юридическим языком, в обеспечении мира либо в развязывании мирового противостояния между странами и даже континентами. Следовательно, ход истории, несмотря на самые правильно составленные акты, зависит от человека, и порой не облеченного властью.

Договор 1968 года предусматривал возможность проведения исследований с целью развития исключительно мирного атома, в остальном Договор 1968 года подтвердил и несколько развел договор 1963 года. В частности, государства, не владеющие ядерным оружием, были обязаны заключить соглашения с МАГАТЭ либо с другими государствами, но обязательно уведомив МАГАТЭ о заключении соглашений по развитию экономики и технологий с применением ядерных технологий исключительно в мирных целях. Таким образом, в договоре впервые была прописана хоть сколько-то четко роль международной организации атомной энергии, созданной в том числе для реализации целей, провозглашенных государствами – создателями ООН.

Договором 1968 года, в частности, было предусмотрено проведение в качестве гарантий один раз в пять лет международной конференции по соблюдению Международного договора 1968 года. Безусловно, данное положение является положительно влияющим фактором. Так, в 1975 году, по истечении пяти лет после вступления в силу договора, в г. Женева (Швейцария) прошла международная конференция по контролю за исполнением Договора². На конференции государства подтвердили принципы договора, в том числе по недопущению развития ядерного

¹ Договор о нераспространении ядерного оружия (Женева, 1 июля 1968 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 14. Ст. 1669.

² Заключительная Декларация конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора : (принята в Женеве 30 мая 1975 г.) // Министерство юстиции Республики Таджикистан : информ.-правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=126 (дата обращения: 04.04.2024).

вооружения. На конференции государства были призваны усилить экспортный контроль за передачей ядерных материалов и т. д.

Однако, как и в договоре 1963 года, в договоре 1968 года не были предусмотрены четкие меры ответственности для государств и физических лиц за создание ядерного оружия или помохи в таковом, с описанием судебных процедур по рассмотрению таких споров. Считаем отсутствие таких положений в договоре, регулирующем ядерные вопросы, отрицательно влияющим на практику реализации данных договоров.

Одновременно примерно с 2005 года, то есть через 37 лет после принятия Договора 1968 года, мировое сообщество осознало необходимость совершенствования системы контроля за его исполнением и его норм. Однако до сих пор мировому сообществу не удается прийти к единому мнению по вопросам дальнейшей реализации данного соглашения. А соглашение это можно и нужно реанимировать во имя поддержания мира на планете, через запрет в данном случае развития ядерного оружия, способного уничтожить все живое на планете.

В частности, конференция 2015 года по рассмотрению действия Договора не смогла согласовать субстантивный итоговый документ главным образом из-за разногласий по вопросу о путях продвижения вперед в осуществлении резолюции 1995 года по Ближнему Востоку¹. Тем не менее государства-участники провели перспективный диалог по всем трем основным компонентам Договора, в том числе обсудили возможные меры по достижению ядерного разоружения.

По нашему мнению, сведение решений вопросов по таким существенным вопросам, как ядерное разоружение, к проведению обычных диалогов ни к чему не может привести, поскольку такие диалоги не имеют под собой никаких правовых и иных международных основ. Международное право в силу своего влияния всегда должно быть подкреплено документами, имеющими юридическую силу.

Одними международными конвенциями и декларациями международные отношения и международное регулирование не ограничиваются. После заключения глобальных (на уровне ООН) международных актов, часто общего плана, государства должны, по нашему мнению, подкреплять их принятием соглашений одного государства с другим. Именно из Деклараций и конвенций ООН и других организаций и, что немаловажно, из дальнейших соглашений между государствами складывается механизм международной безопасности и других вопросов, регулируемых на международном уровне.

Одними из таких составных элементов всеобщей международной безопасности и были ряд соглашений между мировыми державами (СССР, США, Великобритания, Франция).

Рассмотрим ряд соглашений между СССР и США, заключенных с целью ограничения и попыток всеобщей отмены оружия массового поражения друг у друга.

Две сверхдержавы с 1946 года вступили в конфронтацию друг с другом, совершая «гонку вооружений». Направлена данная «гонка» была на создание новых и совершенствования имевшихся видов оружия массового поражения. Процесс принятия актов по взаимному сдерживанию друг друга был весьма трудным. Однако в целом две мировые державы осознавали свою роль и ответственность за сохранение «хрупкого мира» и опасность возможных напряженостей и применения различных видов оружия массового поражения.

¹ Десятая Конференция 2020 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) // ООН : сайт. URL: <https://www.un.org/ru/conferences/npt2020/background> (дата обращения: 04.04.2024).

В период с 1946 по 1991 год и в дальнейшем был принят ряд международных соглашений по сдерживанию вооружения. Начиная от соглашения о запрещении всяческих ядерных взрывов в различных сферах земного шара и заканчивая, к сожалению, пока неудачной попыткой налаживания всеобщего контроля за оружием массового поражения, имеющегося у мировых держав¹.

Так, начиная с 1972 года был подписан ряд международных актов между СССР и США, касавшихся ограничения противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений государств².

В частности, в Договоре между СССР и США были предусмотрены обязательства по ограничению системы противоракетной обороны и неразвертыванию системы ПРО на территории своих государств. Государства были вправе развертывать системы ПРО не далее, как на расстоянии сто пятьдесят километров от столицы в центре обороны с ней. Установлено ограничение по количеству развернутых пусковых установок противоракет и не более ста противоракет, которые могут находиться на старте, с целью предупреждения и отражения возможной атаки. Радиолокационные станции ПРО должны были формироваться в количестве не более шести в диаметральном расположении не более трех километров. Также государства были вправе установить две, но крупные РЛС ПРО с фазированной решеткой по аналогии по потенциалу с находившимися в боевом составе на дату подписания Договора, т. е. 26 мая 1972 года, и не более восемнадцати РЛС ПРО меньшей мощности.

Государства обязаны были остальные компоненты ПРО убрать с боевого дежурства, а также как минимум прекратить строительство, реконструкцию и разработку составных элементов ПРО. Государства были обязаны не развертывать и не создавать больше системы ПРО и его компоненты. Отдельно запрещалось испытывать и развертывать автоматические или полуавтоматические и их аналоги средств скоростного перезаряжания пусковых установок противоракет.

Договором был установлен запрет для США и СССР по выстраиванию противоракетной обороны государств с расположением РЛС за пределами территорий. Данное положение было закреплено с целью неповторения подобных Карибскому кризису 1962 года событий, когда в ответ на действия США по размещению своей системы ПРО в Турции с целью отражения возможного нападения стран Варшавского договора на США СССР разместил свои системы ПРО на территории Кубы. Данные события привели

¹ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 24 сентября 1996 (не вступил в силу) // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902054?ysclid=ly9tk7m9m0645339790> (дата обращения: 04.04.2024).

² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Москва, 31 июля 1991 г.) : ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ 4 ноября 1992 года № 3798-1 : прекратил действие с 6 декабря 2009 года // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901760878?ysclid=ly9urcik9t17270604> (дата обращения: 04.04.2024); Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических республик и Соединенных штатов Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений от 26 мая 1972 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 45; Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны (Москва, 3 июля 1974 г.) : прекратил действие с 14 июня 2002 г. // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901885?ysclid=ly9uq7mn6s193327358> (дата обращения: 04.04.2024).

великие державы к «сползанию» к возможной Третьей мировой войне. Избежать ее получилось только благодаря политической воле, выдержке и благородству двух глав США и СССР – Дж. Кеннеди и Н. С. Хрущева, которые сначала провели телефонно-телеграфные переговоры, а затем и личную встречу, на которой пришли к разрешению кризиса. Было решено взаимно вывести системы ПРО великих держав с территории Турции и Кубы соответственно.

Государства также взяли на себя обязательство по непередаче своих технологий другим государствам. Все не отвечающие системы ПРО подлежали уничтожению. Каждая из Сторон обязалась не принимать никаких международных обязательств, которые противоречили бы данному Договору. Стороны должны были продолжать переговоры между собой по поводу ограничений стратегических наступательных вооружений.

Была установлена возможность контроля за исполнением данного соглашения между государствами. Каждое государство имело право вести контроль за соблюдением данного Договора. Не должно было быть препятствий для проведения контроля одного государства за другим в рамках соглашения, а также не должно было проводиться никаких мероприятий по маскировке ПРО с целью укрытия возможных нарушений договора.

Но исполнению практически всех конвенций и соглашений, по нашему мнению, мешают разногласия государств о системах контроля за исполнением соглашений. Нередко одни государства заранее отказываются пускать международных наблюдателей на свои объекты, аргументируя это тем, что присутствие международных наблюдателей угрожает или ставит под сомнение суверенитет государства.

Было решено создать для содействия исполнению договора Постоянную консультационную комиссию государств, в круг обязанностей которой было решено включить вопросы, в том числе:

- а) касающиеся выполнения принятых обязательств, а также связанные с этим ситуации, которые могут считаться неясными;
- б) предоставлять на добровольной основе информацию, которую каждое из двух государств считает необходимой для обеспечения уверенности в выполнении принятых обязательств;
- в) согласовывать процедуры и сроки уничтожения или демонтажа систем ПРО или их компонентов в случаях, предусматриваемых положениями Договора, и другие вопросы.

Таким образом, договор можно было бы считать практически идеальным за всю историю дипломатии, если бы не несколько моментов с «двойными стандартами», которые были минимизированы государствами в Протоколе и временном соглашении к рассматриваемому Договору 1972 года, в частности положение о том, что:

– Советский Союз не будет развертывать систему ПРО или ее компоненты в районе размещения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР), как это разрешено пп. «б» ст. 3 Договора, а Соединенные Штаты Америки не будут развертывать систему ПРО или ее компоненты в районе с центром, находящимся в их столице, как это разрешено пп. «а» ст. 3 Договора;

– Советский Союз имеет право демонтировать или уничтожить систему ПРО и ее компоненты в районе с центром, находящимся в его столице, и развернуть систему ПРО или ее компоненты в районе расположения шахтных пусковых установок Межконтинентальных баллистических ракет (далее-МБР), как это разрешается пп. «б» ст. 3 Договора, а Соединенные Штаты Америки имеют право демонтировать или уничтожить систему ПРО и ее компоненты в районе расположения шахтных пусковых установок МБР и развернуть систему ПРО или ее компоненты в районе с центром, находящимся в их столице, как это разрешается пп. «а» ст. 3 Договора.

Помимо протокола СССР и США заключили временное соглашение сроком на пять лет¹, которым предусматривалась обязанность сторон также не переоборудовать пусковые установки легких МБР наземного базирования и его старых видов. Тем же времененным соглашением предусматривалась возможность модернизации и замены стратегических наступательных баллистических ракет и пусковых установок к ним, на которые распространялось действие основного договора.

Несмотря на наличие порой неудобных, в том числе для СССР, положений Договора и его Протокола, СССР, а затем и Российской Федерации были готовы исполнять данный Договор.

Хотя, как и в других соглашениях, в Договоре 1972 года об ограничении систем ПРО, несмотря на наличие указаний минимальных требований к количеству ПРО, которые разрешалось странам оставить на боевом дежурстве, даже на нормативном уровне отсутствовало закрепление меры конкретной ответственности для государств и их должностных физических лиц, а также отсутствовало описание действий, направленных на разрешение межгосударственного конфликта по реализации данного соглашения в судебных органах. Наличие возможности обращения в том числе в международные суды отвечало бы, по нашему мнению, мирному урегулированию споров как одному из способов мирного решения споров, особенно учитывая откровенное неисполнение решений, изложенных в рассматриваемом международном договоре.

Однако США фактически так и не выполняли положений данного договора, а также договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1993 года и 13 июня 2002 года вышли из данного соглашения. В связи с выходом США из двух означенных Договоров в рамках «зеркальных мер», не видя возможности дальнейшего их исполнения ввиду отсутствия цели и предмета соглашений, из них вышла и Российской Федерация в 2002 году, выпустив по этому поводу соответствующее Заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации².

Хотя была возможность внесения изменений, как и в любой международный договор, однако действия США свели на нет все усилия по составлению, подписанию целого ряда соглашений, не только касающихся ядерного сдерживания. Такие односторонние действия, безусловно, негативно влияют на судьбу человечества.

Еще одним ключевым мероприятием международного характера, целью которого было поддержать всеобщий мир на Земле, было Хельсинкское совещание 1975 года. На нем был принят практически всеми государствами мира так называемый «Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»³. Данный документ указывал на то, что государства должны в своей деятельности руководствоваться строго Уставом ООН, был установлен приоритет Устава ООН над другими международными соглашениями и

¹ Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Москва, 26 мая 1972 года) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 45.

² О правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений : Международное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации от 14 июня 2002 года // Дипломатический вестник. № 7. 2002 год.

³ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва – Лондон – Вашингтон, 16 декабря 1971 г.) // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXVI сессии. Нью-Йорк, 1973. С. 33.

актами. Акт предусматривал взаимное уважение государствами мира независимости, территориальной целостности и суверенитета, а также обязательство государств решать свои споры исключительно мирными путями, в том числе с помощью арбитража.

Кроме вопросов глобального характера Актом предусматривалось, что государства должны уважать права человека, провозглашенные Всеобщей декларацией 1948 года, и, несмотря на свои правовые и идеологические различия, способствовать воссоединению семей, находящихся в разных государствах. Подобного положения более нигде не было прописано на международном уровне. Государства взаимно признавали границы, в том числе сложившиеся по итогам Второй мировой войны. Государства должны были сотрудничать друг с другом, в том числе посредством направления специалистов из одной страны в другую для налаживания разного рода сотрудничества. Акт исключал возможность военного решения любых споров.

Хельсинкские соглашения регулировали как публичные, так и частно-публичные и частные отношения. Регулирование отдельных вопросов впервые было нормативно закреплено практически всеми государствами. Однако опять-таки подписание практически всеми государствами данного, безусловно, важнейшего Акта не гарантировало миру отсутствие военных способов решения конфликтов. Подтверждением тому служат Боснийский кризис 1992 года и бомбардировки Белграда и в целом Югославии в 1999 году, приведшие к началу, по сути, гражданской войны на территории бывшей Югославии. Каждая из указанных операций ознаменована фактическим вмешательством во внутренние дела одного государства другим известным государством, которое фактически стало депозитарием ООН. Хотя всяческое вмешательство во внутренние дела государств со стороны других государств прямо запрещено Хельсинкскими соглашениями 1975 года, действующими и в данный момент времени. Опять мы видим расхождение положений международного права с практикой их реализации.

В 1979 году США и СССР подписали договор, дополняющий, по сути, Договор 1972 года об ограничении стратегических наступательных вооружений. Срок действия договора 1979 года истекал в 1985 году. Договор 1979 года устанавливал количественные и качественные характеристики стратегического наступательного вооружения, которое подлежало ограничению либо уничтожению. По договору СССР и США должны были уничтожить пусковые установки МБР, пусковые установки БРПЛ, тяжелые бомбардировщики, а также БРВЗ суммарным количеством, не превышающим 2 400 единиц. Суммарное количество боеприпасов должно было быть не больше 2 250 единиц. В процессе модернизации и замены шахт пусковых установок МБР не должно было увеличиваться их количество больше чем на 32 %. Стороны были обязаны не проводить испытаний МБР, БРПЛ, БРВЗ. Был установлен числовой ограничитель для развертывания на тяжелых бомбардировщиках для нанесения ударов крылатыми ракетами дальностью свыше 600 км производственной мощностью 28. Также Договором 1979 года было установлено ограничение по установке пусковых установок для МБР и БРПЛ, оснащенных индивидуальной системой наведения; количество тяжелых бомбардировщиков не должно превышать 1 320 единиц; ограничить количество установок для ММБР и БРПЛ с системой самонаведения в количестве не более 1 200 единиц; ограничить количество пусковых установок для самонаводящиеся МБР в суммарном количестве не более 820 единиц. Все перечисленные виды вооружений сверх меры подлежали уничтожению.

Среди недостатков данного договора можно отметить возможность развертывания пусковых установок МБР и БРПЛ, а также пусковых установок для космических летательных аппаратов. Пункт о возможности размещения пусковых установок

баллистических ракет в космос свидетельствует как минимум об одностороннем желании милитаризировать космическое пространство. А ведь возможности милитаризации космического пространства нельзя допустить ни в коем случае. В таком случае какое-либо государство сможет без особых усилий из космоса угрожать любому объекту земного шара. Стороны обязались не проводить летных испытаний крылатых ракет с дальностью больше 600 км или БРВЗ с летательным аппаратом, не являвшимся бомбардировщиком. Под такое далеко идущее определение, как не являющиеся бомбардировщиком, можно отнести даже современные беспилотные летательные аппараты. Таким образом, государства осознавали уровень и скорость развития военно-технологических разработок.

Одновременно СССР и США обязались не создавать, не развертывать и не использовать:

- баллистические ракеты с дальностью свыше 600 км для установки на плавучих средствах, не являющихся подводными лодками, а также пусковые установки таких ракет;
- средства для вывода на околоземную орбиту ядерного оружия или любых других видов оружия массового уничтожения, включая частично орбитальные ракеты и другие виды оружия массового поражения.

Договором 1979 года были установлены даже сроки ликвидации превышающего количества каждого отдельного вида вооружения, входящего в состав оружия массового поражения.

Так, в частности:

- четыре месяца для пусковых установок МБР;
- шесть месяцев для пусковых установок БРПЛ;
- три месяца для тяжелых бомбардировщиков и т. д.

Более четко было прописано положение о том, что государства должны не обходить ограничений, прописанных договором, через иностранные государства или каким-либо иным образом. Скорее всего, имелась в виду в том числе возможность закупки запрещенного и ограниченного в качестве видов вооружений через его импорт.

На смену Договорам 1972 и 1979 годов по ограничению стратегических видов наступательных вооружений пришли еще ряд международных соглашений между США и СССР¹ (с 1991 года Российской Федерации)². Однако реализации каждого из них объективно мешали недружественные действия США, которые то отказывались ратифицировать такие соглашения, то оттягивали всячески их исполнение, то объявляли о своем одностороннем выходе из них.

Российской Федерацией последовательно были подписаны ряд двусторонних соглашений с Соединенными Штатами Америки относительно сокращения

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 33; Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) (Москва, 31 июля 1991 г.); О правовом статусе Договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений : Международное заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации от 14 июня 2002 года.

² Письмо МИД России от 13 января 1992 г. № 11-Угп «О выполнении Российской Федерацией обязательств по заключенным СССР международным договорам» // Устранение двойного налогообложения. М., 1997.

стратегических вооружений¹. Так, ныне приостановленный Российской Федерации² Договор о сокращении стратегических видов наступательного вооружения 2010 года³ уже предусматривал ограничение до:

а) 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков;

б) 1 550 единиц для боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками;

в) 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков.

Но отрицательной стороной Договора 2010 года считаем возможность для подписавших государства самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений. Данное положение, считаем, обнуляет всю суть данного и подобных соглашений. Определяя самостоятельно структуру вооружений, государства смогут в том числе скрывать подпадающие под действие договора виды вооружения или оспаривать их реальные тактико-технические характеристики.

В качестве предложения считаем возможным предусмотреть запрет для государств по выходу их из договоров об уничтожении и ограничении стратегических видов наступательных вооружений, вплоть до ядерного. А государства, обладающие наибольшим или излишним количеством видов стратегических вооружений, принудительно обязать заключать подобные соглашения. Возможность выхода из них должна присутствовать, по нашему мнению, только при наличии сведений о неисполнении соглашений одной из заключивших его сторон, и только при условии, если порядок исполнения подобных соглашений после поступления сведений о его неисполнении одной из сторон был рассмотрен на заседаниях СБ или ГА ООН. Также считаем необходимым исключать еще на стадии проекта международных договоров по вопросам ограничения или уничтожения стратегических видов вооружений наличие норм, могущих поставить под сомнение возможность выполнения таких межгосударственных договоров.

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Прага, 8 апреля 2010 г.) : (действие приостановлено) // Официальное интернет-представительство Президента России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 04.04.2024); Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Москва, 24 мая 2002 г.) : не действует с 5 февраля 2011 года на основании Международного договора от 8 апреля 2010 года // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901818621?ysclid=ly9u0uyu296211260> (дата обращения: 04.04.2024).

² О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений : Федер. закон № 38-ФЗ : принят Гос. Думой 22 февраля 2023 года : одобрен Советом Федерации 22 февраля 2023 года // Кодекс: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1300888030?ysclid=ly9u2pqkxs512473109> (дата обращения: 04.04.2024).

³ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Прага, 8 апреля 2010 г.) : (действие приостановлено) // Официальное интернет-представительство Президента России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 04.04.2024).

В то же время считаем возможным более активно использовать механизм внесения необходимых согласованных изменений. Подписание отдельных, но порой дублирующих норм конвенций, деклараций и договоров, по нашему мнению, негативно влияет на их юридическое толкование и последующую правоприменительную практику.

Нельзя не отметить и положительные случаи выполнения заключенных договоров в сфере ограничения или уничтожения оружия массового поражения. Ведь получилось, например, у Российской Федерации выполнить свои обязательства¹ [9] в рамках Конвенции 1993 года, предусматривавшей обязанность государств по уничтожению химического оружия².

Но не все государства выполняют свои обязательства. В частности, США, которые обещали ликвидировать свои запасы к 2023 году, до сих пор не уничтожили свои запасы химического оружия. А ведь еще действует и международная конвенция о необходимости запрета разработки и хранения биологического оружия государствами³. Но исполнению ее, как и практически всех подобных конвенций и соглашений, по нашему мнению, мешают разногласия государств в вопросах системы контроля за исполнением соглашений.

Нередко одни государства заранее отказываются пускать международных наблюдателей на свои объекты, аргументируя это тем, что присутствие международных наблюдателей угрожает или ставит под сомнение суверенитет государства, а некоторые требуют неравномерного присутствия международных наблюдателей в одних государствах, в отличие от других. Подобная позиция государств в лице их руководителей делает невозможным заключение необходимых международных актов, призванных регулировать вопросы, в том числе касающиеся сохранения и поддержания всеобщего мира на планете, путем необходимости взаимного ограничения количества оружия массового поражения, имеющегося у государств, особенно у мировых держав.

К тому же подобное поведение государств может, по нашему мнению, затормозить процесс хотя бы правового закрепления ограничений не только на уже имеющиеся виды оружия массового поражения, но и на те, которые могут появиться в будущем. Особенно если учесть скорость военно-технического развития, в том числе инженерной науки, и уровень военно-технологического потенциала как минимум ведущих держав мира.

Считаем, что наши предложения усилият меры ответственности для государств по сохранению всеобщего мира, в том числе для мировых держав как государств – создателей ООН, несущих особую ответственность за сохранение мира. Считаем, безусловно, лучшим фактором выполнения любого соглашения явное желание государства, и в первую очередь руководства, выполнять соглашения, заключенные в рамках международного права. Нормы конвенций, деклараций и договоров могут быть прекрасно изложены, но акты могут не исполняться вследствие их банального игнорирования руководством стран.

¹ Птичкин, С. В России завершился процесс уничтожения химического оружия // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2017/09/27/v-rossii-zavershilsia-process-unichtozheniya-himicheskogo-oruzhiiia.html?ysclid=lrc1gxmn510815672> (дата обращения: 04.04.2024).

² Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.) : с изм. и доп. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 6. Ст. 682.

³ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва – Лондон – Вашингтон, 16 декабря 1971 г.) // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXVI сессии. Нью-Йорк, 1973. С. 33.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеева, О. А., Авдеев, В. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности мира и человечества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (104). С. 102–112.
2. Смирнов, К. В. Уголовно-правовая характеристика планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны // Современность в творчестве начинающего исследователя : мат-лы науч.-практ. конф. молодых ученых (Иркутск, 24 марта 2023 года). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. С. 200–204.
3. Смирнов, К. В. Роль юридической науки в условиях новых угроз и обеспечения безопасности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : мат-лы XX междунар. науч.-теорет. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года) : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 423–427.
4. Смирнов, К. В. Международно-правовые основы противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества // Закон и право. 2023. № 1. С. 220–223.
5. Смирнов, К. В. Теоретико-правовой анализ проблем противодействия геноциду // Закон и право. 2023. № 12. С. 267–270.
6. Смирнов, К. В. Защита интересов Российской Федерации в иностранных и международных судах // Закон и право. 2023. № 3. С. 237–240.
7. Смирнов, К. В. Великая Отечественная война: современные интерпритации победы над фашизмом // XXIV Всерос. студ. науч.-практ. конф. Нижневартовского гос. ун-та (Нижневартовск, 5–6 апреля 2022 года). Нижневартовск : Нижневартовский гос. ун-т, 2022. Ч. 5. С. 316–322.
8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / В. А. Авдеев, И. А. Клепицкий, Л. В. Иногамова-Хегай и др.; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2016. 624 с. ISBN 978-5-392-21098-5.
9. Борисов, А. В. Нюрнбергский процесс : сборник документов (приложения). М., 2019. 1424 с.

REFERENCES

1. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Pravovaya politika Rossijskoj Federacii v sfere obespecheniya bezopasnosti mira i chelovechestva [The legal policy of the Russian Federation in the field of ensuring the security of peace and humanity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, no. 1 (104), pp. 102–112.
2. Smirnov, K. V. [Criminal law characteristics of planning, preparation, unleashing or waging aggressive war]. Sovremennost' v tvorchesvte nachinayushchego issledovatelya : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh (Irkutsk, 24 marta 2023 goda) [Modernity in the work of a novice researcher : materials of the scientific and practical conference of young scientists (Irkutsk, March 24, 2023)]. Irkutsk, 2023, pp. 200–204.
3. Smirnov, K. V. [The role of legal science in the context of new threats and security]. Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) : materialy XX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 27-28 aprelya 2023 goda) [State and law: evolution, current state, development prospects (to the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs Materials of the XX International Scientific and Theoretical Conference (St. Petersburg, April 27-28, 2023)). St. Petersburg, 2023, pp. 423–427.

4. Smirnov, K. V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy protivodejstviya prestupleniyam protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [International legal foundations for countering crimes against the peace and security of mankind]. *Zakon i pravo - Law and legislation*. 2023, no. 1, pp. 220–223.
5. Smirnov, K. V. Teoretiko-pravovoj analiz problem protivodejstviya genocidu [Theoretical and legal analysis of the problems of countering genocide]. *Zakon i pravo - Law and legislation*. 2023, no. 12, pp. 267–270.
6. Smirnov, K. V. Zashchita interesov Rossijskoj Federacii v inostrannyh i mezdunarodnyh sudah [Protection of the interests of the Russian Federation in foreign and international courts]. *Zakon i pravo - Law and legislation*. 2023, no. 3, pp. 237–240.
7. Smirnov, K. V. [Protection of the interests of the Russian Federation in foreign and international courts]. XXIV Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (Nizhnevartovsk, 5-6 aprelya 2022 goda) [XXIV All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, April 5-6, 2022)]. Nizhnevartovsk : Nizhnevartovsk State University, 2022, Part 5, pp. 316–322.
8. Avdeev V. A., Klepitsky I. A., Inogamova-Khegay L. V. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaja i Osobennaja [Criminal Law of Russia. Parts General and Particular]. Moscow, 2016, 624 p. ISBN 978-5-392-21098-5.
9. Borisov, A. V. Njurnbergskij process: sbornik dokumentov (prilozhenija) [The Nuremberg Trials : a collection of documents (appendices)]. M., 2019, 1424 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Кирилл Вячеславович, аспирант Высшей школы права. Югорский государственный университет. 628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirno Kirill Vyacheslavovich, Graduate student of the Higher School of Law. Ugra State University. 628012, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16.

Статья поступила в редакцию 09.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 09.05.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (109). С. 244–257.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (108). Pp. 244–257.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.80.36.021

**ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОШЛЫХ ЛЕТ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИКИ**

Степаненко Диана Аркадьевна

Байкальский государственный университет, Восточно-Сибирский институт МВД России,
Российская Федерация, г. Иркутск
diana-stepanenko@mail.ru

Введение. Результативность процесса расследования преступлений – это некая степень реализации запланированной следователем деятельности и достижения запланированных им результатов. Оценка результативности, в первую очередь, связана с установлением степени законченности действий, степени исполнения данных следователем поручений, достижимости цели, полноты выполнения обязанностей и реализации прав участников расследования. Нормативную основу процесса расследования составляют уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные должностные инструкции; нормативно-справочные и другие документы, которые определяют рамки управляющего воздействия. В статье расследование преступлений прошлых лет рассматривается в технологическом аспекте как процесс познавательной и поисковой деятельности следователя, развернутый во времени и управляемый следователем в зависимости от сложившейся ситуации. Определяются параметры этого процесса, позволяющие оценить результативность расследования, дается краткая их характеристика. Уделяется внимание отдельным вопросам криминалистического и организационного обеспечения расследования преступлений прошлых лет, решение которых способствует повышению качества и эффективности поисково-познавательной деятельности следователя, а значит, и результативности расследования. В заключении делаются выводы о способах повышения результативности расследования преступлений прошлых лет, а также роли предпринятых следователем действий по расследованию ранее совершенных преступлений.

Материалы и методы. Основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, а также познавательные методы обобщения, описания, приемы наблюдения, сравнения и анализа.

Результаты исследования. Обозначены основные направления развития криминалистической науки в целях повышения эффективности расследования преступлений прошлых лет.

Выводы и заключения. Предложенные рекомендации будут способствовать повышению качества расследования преступлений прошлых лет.

Ключевые слова: расследование преступлений, преступления прошлых лет, реконструкция события преступления, следственные ошибки, следственные ситуации, познавательная деятельность.

Для цитирования: Степаненко, Д.А. Повышение результативности расследования преступлений прошлых лет как одна из задач криминалистики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практич. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 244–257.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.80.36.021

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)

Original article

INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES OF PAST YEARS AS ONE OF THE TASKS OF CRIMINOLOGY

Diana A. Stepanenko

Baikal State University, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk, diana-stepanenko@mail.ru

Introduction. The effectiveness of the crime investigation process is a certain degree of implementation of the activities planned by the investigator and the achievement of the results planned by him. Evaluation of effectiveness, first of all, is associated with establishing the degree of completeness of actions, the degree of fulfillment of the instructions given by the investigator, the achievability of the goal, the completeness of the fulfillment of duties and the implementation of the rights of the participants in the investigation. The regulatory basis for the investigation process is criminal procedural legislation, departmental job descriptions; regulatory reference and other documents that define the scope of control actions. In the article, the investigation of crimes of past years is considered in a technological aspect as a process of cognitive and search activity of the investigator, unfolded in time and controlled by the investigator depending on the current situation. The parameters of this process are determined, allowing one to evaluate the effectiveness of the investigation, and a brief description of them is given. Attention is paid to certain issues of forensic and organizational support for the investigation of crimes of past years, the solution of which helps to improve the quality and efficiency of the search and cognitive activity of the investigator, and therefore the effectiveness of the investigation. In conclusion, conclusions are drawn about ways to increase the effectiveness of the investigation of crimes of past years, as well as the role of the actions taken by the investigator to investigate previously committed crimes.

Materials and methods. The basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, departmental regulatory legal acts regulating the use of special knowledge in the investigation of crimes. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as cognitive methods of generalization, description, methods of observation, comparison and analysis.

The results of the study. The main directions of development of forensic science are outlined in order to increase the efficiency of the investigation of crimes of past years.

Findings and conclusions. The proposed recommendations will help improve the quality of investigations into past crimes.

Keywords: crime investigation, crimes of past years, reconstruction of crime events, investigative errors, investigative situations, cognitive activity.

For citation: Stepanenko, D.A. Povyshenie rezul'tativnosti rassledovaniya prestuplenij proshlyh let kak odna iz zadach kriminalistiki [Increasing the effectiveness of the investigation of crimes of past years as one of the tasks of criminology] // Vestnik Vostochno-Sibirskego instituta MVD Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110) pp. 244–257.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.80.36.021

Результативность процесса расследования преступлений может быть определена как степень реализации запланированной следователем деятельности (системы следственных, иных процессуальных действий, действий по взаимодействию и т. д.) и достижения запланированных (предполагаемых) им результатов. Оценка результативности связана с установлением степени законченности действий, степени исполнения данных следователем поручений, достижимости цели, полноты выполнения обязанностей и реализации прав участников расследования.

С технологической точки зрения под процессом расследования преступлений принято принимать некую последовательность действий уполномоченных на это лиц развернутую во времени, подчиненную управляющему воздействию, а также обеспеченную необходимыми ресурсами и установленными требованиями к параметрам входа, выхода и самого процесса. *В свою очередь параметры входа и выхода определены уголовно-процессуальным законодательством (они универсальны) и детерминированы ситуациями, в которых расследование осуществляется.*

Как известно, следователь – должностное лицо, которое несет процессуальную ответственность за результаты осуществляющей им деятельности, является организатором поискового и познавательного процесса, решает вопросы обеспечения расследования, оказывает на него управляющее воздействие. Управляющее воздействие можно определить как «задание» системе на выполнение всех необходимых действий для осуществления перевода объекта управления в требуемое состояние и получения ожидаемого результата. Эта система имеет в своем составе и объект (объекты) управления. Управляющие воздействия – влияние следователя на процесс, его состояние и параметры. Поисково-познавательная деятельность выступает как раз той самой системой, управляемой следователем. В. Д. Корма, В. А. Образцов отмечают, что данная система направлена «на мысленное реконструирование (воссоздание) юридически значимых обстоятельств и участников подготавливаемого, совершающего или совершенного деяния с признаками преступления путем обнаружения, фиксации и исследования материальных носителей уголовно-релевантной информации, получения, анализа, проверки, оценки данной информации, преобразования ее в доказательства и использования их в целях установления и принятия законных, обоснованных, справедливых правовых и организационно-тактических решений в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [1, с.63]. Структурными элементами системы являются: *объекты* поисково-познавательной деятельности (целостные материальные, идеальные, цифровые образования, отображающие обстоятельства расследуемого события, или их

части); *субъекты* (следователь, дознаватель, судебный эксперт, специалист, группа следователей, комиссия судебных экспертов); следственные действия следователя как *познавательный инструментарий* следователя и оперативно-разыскные мероприятия, инициируемые следователем в процессе расследования; *криминалистические средства и технологии* (технико-криминалистические и тактические средства, приемы, их комплексы).

Нормативную основу процесса расследования составляют уголовно-процессуальное законодательство, ведомственные должностные инструкции; нормативно-справочные и другие документы, *которые определяют рамки управляющего воздействия*. Основными показателями результативности процесса, удовлетворенности его результатами становятся качественные и количественные параметры, характеризующие процесс и его результат, соответствующий целям и задачам расследования. *Нельзя забывать о помехах – непредвиденных обстоятельствах (форс-мажоре), возникающих в процессе расследования. Их тоже следует предполагать и прогнозировать.*

Расследование преступлений как вид процессуальной деятельности имеет криминалистическое, оперативно-разыскное и судебно-экспертное обеспечение, что представляет собой «ресурсный багаж», позволяющий решать задачи и достигать цели поисково-познавательной деятельности следователя. К составляющим «ресурсного багажа» можно отнести: информацию (документы, файлы), финансы, материалы, исполнителей, оборудование, *средства его обслуживания, технологии, методики выполнения тех или иных действий*, необходимые для выполнения процесса расследования.

Для осуществления своей деятельности следователь должен иметь в своем распоряжении соответствующие поставленным задачам: команду (кадровый потенциал), инфраструктуру (основу функционирования системы), программное и аппаратное обеспечение, информационное обеспечение.

Оценивание результативности проводимого или проведенного расследования должно осуществляться по ряду параметров. Например, таким как:

- параметры *механизма реализации* процесса поисково-познавательной деятельности) – уровень состояния материально-технической, технологической и метрологической базы, степень профессионализма исполнителей,
- параметры *самого процесса* поисково-познавательной деятельности) – факторы, определяющие возможность выполнения поискового и познавательного процесса и достижения его целевой функции,
- параметры *продукции* этого процесса (промежуточного или итогового знания) – характеристика полученного знания, которая определяет удовлетворенность следователя результатами процесса его поисково-познавательной деятельности.

Процесс ознакомления с материалами уголовного дела и их анализ будут направлены на оценку тех ресурсов, которые были в распоряжении у следователя, ранее расследовавшего преступление, на оценку результативности использования ресурса и полученных результатов, а также на поиск слабых зон процесса расследования, следственных недоработок и ошибок, осуществляемый с осознанием возможности их устранения (исправления) в научных, нормативных реалиях сегодняшнего дня. Разделяем точку зрения таких ученых как, В. Н. Карагодин, Е. В. Морозова, рассматривающих

механизм устранения следственных ошибок как комплексное явление уголовного судопроизводства, которое состоит из взаимосвязанных элементов и методов [2, с. 14]:

- механизма выявления следственных ошибок субъектами уголовного судопроизводства с помощью средств уголовно-процессуальной деятельности;
- механизма прогнозирования следственных ошибок;
- механизма предупреждения следственных ошибок, состоящего из комплекса процедур профилактической направленности, обеспечивающих своевременное обнаружение предпосылок допущения ошибок;
- механизма исправления следственных ошибок, т. е. ликвидации допущенных субъектами предварительного расследования ошибок посредством использования инструментов уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 110].

Для последовательного полного, всестороннего и объективного анализа исследуемых следователем материалов уголовного дела необходимо ретроспективно учитывать условия и обстоятельства, в которых находился следователь, расследовавший преступление, на момент первоначального расследования, т. е. воссоздать следственные ситуации.

При расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, необходимо проанализировать ряд аспектов, к которым И.Ю. Кулеева относит:

- конкретные следственные ситуации, сложившиеся на момент приостановления предварительного следствия;
- используемые следователем тактические, технико-криминалистические, информационные, методические средства и методы осуществления его деятельности по приостановленному делу до момента его возобновления;
- следственные ситуации, складывающиеся к началу расследования после возобновления производства по делу;
- специфику планирования расследования по возобновленному делу;
- особенности тактики производства следственных действий по возобновленному делу [4, с. 74].

Следует учитывать ряд факторов, препятствующих установлению виновных лиц, к которым Ю.П. Гармаев и Д.В. Ким относят:

- исчезновение (уничтожение) материальных, идеальных и цифровых следов спустя длительное время с момента их образования;
- произошедшие существенные изменения на месте происшествия, его прежней обстановки;
- сложности в опознании предполагаемого подозреваемого из-за изменений его внешности, произошедших со временем;
- трудности, связанные с воспроизведением свидетелями (очевидцами) первоначальной картины криминального события в своих показаниях;
- недостаточное использование возможностей криминалистического и оперативно-справочного учетов;
- высокая вероятность безвозвратных потерь предметов по истечении продолжительного времени;
- недостаточная работа с открытыми и негласными источниками информации;
- недооценка помощи общественности и СМИ;

– невостребованность оперативной информации ФСИН России и отсутствие ее анализа [5, с. 463].

Ознакомление следователем с материалами прошлых уголовных дел происходит, как правило, посредством изучения (чтения) рукописных документов. Восприятие текста как процесс и результат речемыслительной деятельности человека, как отмечают специалисты в данной области, сложно и многоаспектно [6, с. 56]. Анализ таких документов позволил выявить ряд наиболее характерных погрешностей, которые допускаются при их составлении. Преимущественно они касаются стиля изложения, семантической структуры текста. Нередко отмечаются отсутствие пластичности текста и его низкая когерентность (**целостность текста, заключающаяся в логико-семантической, грамматической и стилистической соотнесенности и взаимозависимости составляющих его элементов (слов, предложений и т. д.)**). Конечно, следователь вряд ли осмысливает все эти недостатки (лежащие больше в лингвистической плоскости) читаемого им текста, но вкупе они не позволяют ему сосредоточить внимание на нужных моментах, заметить важные детали и создают ситуацию, допускающую неверную смысловую оценку сообщаемой информации.

Кроме того, люди по-разному воспринимают рукописный текст, что объясняется особенностями реципиентов: физиологическими, индивидуально-психологическими, возрастными, социально-историческими. Так, если для одних расшифровка знаковой записи не представляет особой сложности, для других становится действием, требующим немалых усилий и интеллектуальных, эмоциональных, временных затрат.

Для адекватного восприятия текста лицу необходимо уметь понять его как знаковую упорядоченность смыслов, соотнести текст с действительностью, со своими знаниями и представлениями о действительности.

Особое внимание следует уделять поиску противоречий в показаниях лиц – участников уголовного процесса, а также анализу результатов проверки алиби.

Исследование данных является важным инструментом для принятия обоснованных решений и повышения эффективности деятельности следователя. Одним из методов такого исследования является визуализация анализируемой информации. Под визуализацией анализируемых данных принято понимать процесс представления информации в графическом или визуальном формате, позволяющем отображать большие объемы данных и выявлять в них закономерности и взаимосвязи.

К целям визуализации можно отнести:

– упрощение понимания данных. Например, графическое представление данных (визуализация) делает их более доступными и понятными для анализа, позволяет наглядно выделить ключевые моменты и сделать выводы;

– выявление трендов и закономерностей. Так, визуализация позволяет обнаружить скрытые взаимосвязи и тренды в данных, которые могут быть незаметны при простом анализе числовых значений;

– коммуникация результатов: визуализация данных помогает эффективно представить результаты исследования или анализа другим людям.

Существуют традиционные (составление таблиц, доски с фотографиями и записывание идей по методу мозгового штурма и т. д.) и цифровые инструменты (Matplotlib, Tableau, D3.js – JavaScript-библиотека и др.) визуализации.

Другой важной задачей, которую должен решить следователь при расследовании ранее совершенных преступлений, является сопоставление и выявление соответствия результатов следственных действий заключениям судебных экспертиз.

Потенциал, которым располагает современная судебная экспертиза, дает возможность заново исследовать объекты судебно-экспертного исследования и получить новое знание, позволяющее сдвинуть с мертвой точки расследование.

С помощью современных технико-криминалистических средств криминалистической и экспертной деятельности также можно получить новую информацию о криминальном событии и его участниках.

Следует обращать пристальное внимание на наличие в материалах дела фото-, видеоизображений, аудиозаписей. При помощи современных технологий можно повысить степень распознавания изображений и записей. Информация о них может храниться в разных информационно-телекоммуникационных системах (например, «Безопасный город» и т. п.). На сегодняшний день важное значение приобретает анализ биллинговой информации, ставший доступным с 2004 г.

Использование специальных знаний, без которых невозможно сегодня представить ни одно расследование, позволяет получить криминалистически значимую информацию по многим направлениям:

- установление времени исполнения текста документа [см. напр. 7];
- исследование электронного документа – объекта, несущего информацию, имеющую смысловое значение и существующую только в электронной среде [8,9];
- исследование следов применения оружия [10], взрывных устройств и взрывчатых веществ [11];
- исследование биологических выделений, волос, тканей и органов человека методом геномной идентификации личности [12] и др.

Следующая задача, стоящая перед следователем носит организационный характер. Основными тактическими вопросами, которые необходимо решить в процессе организации расследований преступлений прошлых лет, заключаются в следующем: в совершенствовании функций субъектов организации, в четкой организации первоначального этапа расследования, в взаимодействии следователей и работников органов дознания, в организации расследования в криминалистически сложных ситуациях, организации использования специальных знаний в расследовании, в координации действий всех участников расследования и др.

Важным моментом является анализ уголовного дела на предмет серийности. При возобновлении производства по делу, кроме составления общего плана расследования, целесообразным является составление планов проведения отдельных следственных действий, поскольку значение каждого нового следственного действия для проверки, оценки и использования ранее собранных материалов значительно возрастает. Планируя проведение отдельных следственных действий, следователь учитывает особенности тактики их производства по возобновленному делу.

Однако представляется не совсем правильным подход, согласно которому следователь при планировании следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий ограничивается рамками информации, имеющейся в материалах дела.

Одной из насущных проблем является проблема хранения вещественных доказательств. Доказательственная и иная криминалистически значимая информация

нередко утрачивается в связи с переездом служб в новые помещения, несоблюдением условий хранения (как правило, для хранения вещественных доказательств отводятся подвальные помещения, объемы камер хранения небезграничны, нередки случаи затопления, приводящего к порче и утрате документов). Кроме того, пока не стала повсеместным явлением оцифровка собранного материала уголовного дела и т. п. Это обстоятельство существенно затрудняет расследование дел прошлых лет.

Информационные массивы, накопленные криминалистическими учетами, дают базу для соответствующих аналитических исследований, предпринятых с целью максимально сузить круг заподозренных лиц, сделать работу следователя и оперативного сотрудника более содержательной.

После изучения архива уголовных дел, систематизации и ревизии документов следователь решает вопрос о перспективах их раскрытия. Так, например, анализируется информации о наличии вещественных доказательств, которые подвергались молекулярно-генетическому исследованию. Сегодня возможности получения категорического заключения по геномной экспертизе высоки. Геномная база постоянно пополняется. На практике всё чаще встречаются случаи применения судебно-одорологического исследования. Развивается такое направление криминалистической трасологии как дактилоскопия (исследуются не только фаланги пальцев рук, но и потожировые наслонения. Комплексные дактило-геномные исследования дают возможность получения нового достоверного знания.

При расследовании преступлений прошлых лет немаловажное значение имеет эффективность проведения повторных следственных действий. Повторное следственное действие производится в рамках одного уголовного дела после выполнения одноименного первоначального действия в отношении одних и тех же лиц или объектов в целях проверки, уточнения собранных доказательств либо в целях получения по делу новых доказательств. «Во многих случаях производство повторных следственных действий обусловливается не «браком в работе», а необходимостью непрерывной проверки, уточнения, дополнения в ходе расследования получаемой доказательственной информации», как отмечает И.И. Ульвачева [13, с. 10]. Но нельзя не отметить, что к низкой результативности первоначальных следственных действий приводят такие тактико-организационные ошибки, как неполный либо неквалифицированный поиск доказательственной информации в ходе первичных следственных действий; неквалифицированная фиксация доказательственной информации в ходе первичных следственных действий; неполное либо неквалифицированное исследование полученной доказательственной информации; неполная либо неквалифицированная оценка полученной доказательственной информации [13, с. 5-7].

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что основаниями производства повторных следственных действий могут стать:

- необходимость получения новых доказательств, которые могли быть получены при производстве первичного действия, но не были получены по субъективным причинам;
- необходимость получения новых доказательств взамен ранее собранных, но утраченных доказательств;
- необходимость проверки доказательств, полученных в ходе первичных следственных действий; необходимость уточнения доказательств, полученных в ходе первичных следственных действий;

– необходимость получения новых доказательств, которые не могли быть получены в ходе первичного следственного действия по объективным причинам;

– необходимость получения новых доказательств взамен ранее собранных, но признанных в соответствии со ст. 75 УПК РФ недопустимыми.

В свою очередь, повторные следственные действия рекомендуется производить в случаях, когда:

–производство первичного следственного действия производится в условиях первичного накопления доказательств, когда следователем только уясняются основные цели и задачи расследования по конкретному уголовному делу, четко не определены круг субъектов – носителей доказательственной информации, линия поведения заподозренных лиц и т. д.;

–следователем получены доказательства, которые опровергают ранее полученные сведения либо ставят под сомнение объективность источника доказательственной информации;

–производство первичного следственного действия вследствие острого дефицита времени производится в усеченном виде, но его осуществление необходимо для определения направлений расследования и раскрытия преступления по горячим следам;

–первичное следственное действие производилось с участием источника вербальной информации (потерпевший, свидетель) непосредственно после совершения преступления или спустя непродолжительное время после его совершения;

–субъекты противодействия расследованию (прежде всего подозреваемые, обвиняемые, их окружение) после нерезультативных первичных следственных действий пришли к убеждению, что цель противодействия достигнута, а повторные следственные действия следователем осуществляться не будут.

Как правило, следственная ситуация, в которой оказывается следователь, ведущий расследование по возобновленному уголовному делу, является проблемной. Проблемность ситуации обусловлена необходимостью поиска данных, причинно связанных с событием преступления и еще не известных расследованию. При таких обстоятельствах действенным криминалистическим средством решения стоящих перед следователем задач, как отмечает С.А. Кумжиева может стать тактическая операция. Существует несколько групп тактических операций [14, с. 399].

Первую группу тактических операций составляют операции, целью которых является установление причинно-следственных связей между наступившим результатом и действиями конкретного лица. Данные операции обеспечивают эффективное установление обстоятельств совершения преступлений в типовых ситуациях расследования и носят название «Фиксация».

Следующая группа – тактические операции группы «Поиск». Цель – розыск отсутствующих элементов криминалистической структуры вида преступления. Данная группа операций является эффективным средством решения задач обнаружения отсутствующих элементов криминалистической структуры того или иного вида преступлений с целью воссоздания полной и объективной картины расследуемого события преступления.

Также в криминалистической литературе выделяются и другие тактические операции, основанные на реконструкции преступления [см. напр. 15, 5-7], которые представляют собой систему действий, нацеленных на изучение следователем объекта, на

котором планируется проведение следственного действия, для получения сведений о его особенностях, качествах, имеющих значение для принятия и уточнения тактического или организационного решения [16, с. 1020].

Реконструкция события преступления (или его отдельного эпизода) как эффективное тактическое средство, обеспечивающее получение криминалистически значимой информации. Структура процесса криминалистической реконструкции события преступления включает в себя несколько этапов:

- 1) получение и предварительный общий анализ наличного информационного массива, связанного с расследуемым событием;
- 2) формулирование познавательной задачи (задач);
- 3) выдвижение предположительного объяснения по поводу причинно-следственных связей между полученными и предполагаемыми информационными блоками. Формирование системы версий позволит определить пути решения познавательной (и, возможно, поисковой) задачи (задач);
- 4) дедуцирование следствий из выдвинутых версий;
- 5) планирование проверочных действий по верификации или фальсификации выдвинутых версий. На этом этапе возможно возникновение необходимости использовать такие методы познания, как эксперимент и моделирование, и тогда появляются дополнительные этапы:
- 6) создание модели (при мысленном моделировании – идеальной модели, при физическом моделировании – создание материальных квазиобъектов в качестве модели какого-либо предмета, используемых в эксперименте. Цифровые технологии позволяют использовать и цифровые модели);
- 7) исследование модели в процессе натурального или мысленного эксперимента, получение новой криминалистически значимой информации [см. напр. 17, 18];
- 8) восстановление механизма преступного события.

Таким образом, повысить результативность расследования преступлений прошлых лет возможно прежде всего путем тщательного анализа условий первоначального расследования; проведения оценки результативности/нерезультативности поисковой и познавательной деятельности (по параметрам, указанным выше) следователя, который вел расследование; анализа следственной ситуации, сложившейся на настоящий момент; а также посредством привлечения имеющихся ресурсных, кадровых возможностей, информационного, программного и аппаратного, экспертного обеспечения; определения перспектив расследования. Результаты предпринятых следователем действий по расследованию преступления, совершенного ранее, позволят ему определиться с тактическим решением, обеспечивающим верное планирование деятельности и оптимальный выбор средств и технологий, способствующих выполнению стоящих перед ним задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корма, В. Д., Образцов, В. А. К вопросу о структуре и особенностях криминалистической теории следственного познания // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Современные проблемы отечественной криминастики и перспективы ее развития». Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. С. 60-65.

2. Карагодин, В. Н., Морозова, Е. В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения ошибок : учебно-практическое пособие. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2003. 23 с.
3. Ахмедов, У. Н., Дутов, Н. Ю. Правовые последствия и пути устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России : науч. журн. 2022. № 1. С. 110-115.
4. Кулеева, И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : диссертация кандидата юридических наук: 12.00.09 / [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. Омск, 2010. 231 с.
5. Гармаев, Ю.П., Ким, Д.В. Криминологические и криминалистические проблемы преодоления противодействия уголовному преследованию // Всероссийский криминологический журнал : науч. журн. 2020. Т. 14. № 3. С. 461-470.
6. Москальская, О. И. Грамматика текста : пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. Москва : Высшая школа, 1981. 183 с.
7. Шумилкин, А. В., Чебышев, А. В. Применение метода химико-спектрального анализа штрихов паст шариковых ручек для определения давности исполнения документов // Криминастика XXI век. Материалы научно-практической конференции 26–28 февраля 2001 г. Том 1. М., 2001. С. 397–400.
8. Вехов, В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2013. № 9. С. 22–24.
9. Кукарникова, Т. Э. Предварительное исследование электронного документа // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Вып. 5. Воронеж, 2004. С. 137–146.
10. Корма, В. Д. Предварительные криминалистические исследования следов применения оружия : учебно-практическое пособие. М., 2007. – 143 с.
11. Сабанов, А. Ю. Формы использования специальных знаний специалиста-взрывотехника // Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : материалы межвузовского научного семинара, 13 ноября 2008 г. Академия управления МВД России. М., 2008. С. 238–242.
12. Алешкина, Т. Н. Становление геномной регистрации // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 28-29 мая 2010 г. Ч. 2. Академия управления МВД России. М., 2010. С. 18–27.
13. Ульвачёва, И. И. Повторные следственные действия (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 10.
14. Куемжиева, С.А. О понятии и содержании групповой методики расследования преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 398–407.
15. Лакомская, М. Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 5–7.
16. Лебедев, Н.Ю., Лебедева, Ю.В. Управленческие компетенции следователя и особенности их реализации при расследовании преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 6. С. 1017-1024.

17. Степаненко, Д. А. Моделирование как метод научного исследования в приложении к решению задач уголовного судопроизводства : Некоторые актуальные аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1996. 22 с.
18. Протасевич, А. А., Степаненко, Д. А. Шиканов, В. И. Моделирование в реконструкции расследуемого события. Очерки теории и практики следственной работы. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1997. 208 с.

REFERENCES

1. Korma, V. D., Obrazcov, V. A. K voprosu o strukture i osobennostyah kriminalisticheskoy teorii sledstvennogo poznaniya [On the question of the structure and features of the forensic theory of investigative cognition]. Sbornik nauchnyh statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Sovremennye problemy otechestvennoj kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya». – Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific-practical conference (with international participation) “Modern problems of domestic criminology and prospects for its development.” Krasnodar : Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I. T. Trubilina, 2019. Pp. 60-65.
2. Karagodin, V.N., Morozova, E.V. Kriminalisticheskie problemy obnaruzheniya i ustraneniya oshibok : uchebno-prakticheskoe posobie [Forensic problems of detection and elimination of errors: educational and practical guide]. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 23 p.
3. Akhmedov, U. N., Dutov, N. Yu. Pravovye posledstviya i puti ustraneniya sledstvennyh oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve [Legal consequences and ways to eliminate investigative errors in criminal proceedings]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii : nauch. zhurn. – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. no. 1. 2022. Pp. 110-115.
4. Kuleeva, I. YU. Pravovoe regulirovanie i kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya neraskrytyh prestuplenij proshlyh let : dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.09 [Legal regulation and forensic support for the investigation of unsolved crimes of past years: dissertation of a candidate of legal sciences]. Omsk, 2010. 231 p.
5. Garmaev, YU.P., Kim, D.V. Kriminologicheskie i kriminalisticheskie problemy preodoleniya protivodejstviya ugolovnomu presledovaniyu [Criminological and forensic problems of overcoming counteraction to criminal prosecution]. All-Russian criminological journal – Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal : nauch. zhurn. 2020. T. 14. no 3. Pp. 461-470.
6. Moskal'skaya, O. I. Grammatika teksta : posobie po grammatike nemeckogo yazyka dlya institutov i fakul'tetov inostrannyh yazykov [Text Grammar: a manual on German grammar for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Higher School Moskva : Vysshaya shkola, 1981. 183 p.
7. SHumilkin, A. V., CHebyshev, A. V. Primenenie metoda himiko-spektral'nogo analiza shtrihov past sharikovyh ruchek dlya opredeleniya davnosti ispolneniya dokumentov [Application of the method of chemical-spectral analysis of strokes of ballpoint pen pastes to determine the prescription of documents]. Kriminalistika XXI vek. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii – Forensic science XXI century. Proceedings of the scientific and practical conference. Tom 1. M., 2001. Pp. 397–400.

8. Vekhov, V. B. Rabota s elektronnymi dokazatel'stvami v usloviyah izmenivshegosya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva [Working with electronic evidence in the context of changed criminal procedural legislation]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator 2013. no 9. Pp. 22–24.
9. Kukarnikova, T. E. Predvaritel'noe issledovanie elektronnogo dokumenta [Preliminary research of an electronic document]. Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya: sb. nauch. tr. – Voronezh forensic readings. Collection of scientific papers Vyp. 5. Voronezh, 2004. Pp. 137–146.
10. Korma, V. D. Predvaritel'nye kriminalisticheskie issledovaniya sledov primeneniya oruzhiya : uchebno-prakticheskoe posobie [Preliminary forensic studies of traces of the use of weapons: educational and practical guide]. Moscow, 2007. – 143 p.
11. Sabanov, A. YU. Formy ispol'zovaniya special'nyh znanij specialista-vzryvotekhnika [Forms of using special knowledge of an explosives specialist]. Problemy rassledovaniya neraskrytyh prestuplenij proshlyh let : materialy mezhvuzovskogo nauchnogo seminara – Problems of investigating unsolved crimes of past years: materials of an interuniversity scientific seminar. Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moscow, 2008. Pp. 238–242.
12. Aleshkina, T. N. Stanovlenie genomnoj registracii [Formation of genomic registration]. Problemy sovremennoj sostoyaniya i puti razvitiya organov predvaritel'nogo sledstviya – Problems of the current state and ways of development of preliminary investigation bodies: materials of the All-Russian scientific and practical conference: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, CH. 2. Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moscow, 2010. Pp. 18–27.
13. Ul'vachyova, I. I. Povtornye sledstvennye dejstviya (ugolovno-processual'nyj i kriminalisticheskij aspekty) : avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. [Repeated investigative actions (criminal procedural and forensic aspects): abstract. dis. ...cand. legal Sci]. Voronezh, 2005. – Pp. 10.
14. Kuemzhieva, S.A. O ponyatii i soderzhanii gruppovoj metodiki rassledovaniya prestuplenij [On the concept and content of group methods for investigating crimes]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – All-Russian Criminological Journal 2017. T. 11. № 2. Pp. 398-407.
15. Lakomskaya, M. YU. Problemnye situacii rassledovaniya prestuplenij i ih razreshenie posredstvom takticheskikh operacij : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Problematic situations of crime investigation and their resolution through tactical operations: abstract. dis. ...cand. legal Sci.] Krasnodar, 2019. P. 5–7.
16. Lebedev, N.YU., Lebedeva, YU.V. Upravlencheskie kompetencii sledovatelya i osobennosti ih realizacii pri rassledovanii prestuplenij [Managerial competencies of the investigator and features of their implementation in the investigation of crimes]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – All-Russian criminological journal 2019. T. 13. № 6. Pp. 1017–1024.
17. Stepanenko, D. A. Modelirovaniye kak metod nauchnogo issledovaniya v prilozhenii k resheniyu zadach ugolovnogo sudoproizvodstva : Nekotorye aktual'nye aspekty problemy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Modeling as a method of scientific research as applied to solving problems of criminal proceedings: Some current aspects of the problem: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci.] Tomsk, 1996. 22 p.

18. Protasevich, A. A., Stepanenko, D. A., SHikanov, V. I. Modelirovaniye v rekonstrukcii rassleduemogo sobytiya. Ocherki teorii i praktiki sledstvennoj raboty. [Modeling in the reconstruction of the event under investigation. Essays on the theory and practice of investigative work]. Irkutsk : Izd-vo IGEA, 1997. 208 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; профессор кафедры криминалистики. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana A. Stepanenko, Doctor in Law, Associate Professor, Professor of criminalistic, forensic science expertise and legal psychology. Baikal State University, 664003, Russia, Irkutsk, st. Lenina, 11. Professor of the Department of Criminalistics. East Siberian Institute of the MIA of Russia. 664071. 110, st. Lermontov, Irkutsk.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принятая к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 01.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 258–266.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no. 3 (110). P. 258–266.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.985.2

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.10.022

**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
СЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

Столбова Наталья Алексеевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, Иркутск,
stolna_85@mail.ru

Введение. Предмет преступления как один из основных элементов криминалистической характеристики незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», является малоизученным аспектом криминалистики и представляет собой достаточно перспективное направление для дальнейших исследований.

Материалы и методы. Основу данного исследования составляют Конституция Российской Федерации и уголовно-процессуальное законодательство. В качестве методологической основы был использован общий диалектический подход к научному познанию, а также различные методы познания, такие как обобщение, описание, наблюдение, сравнение и анализ.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило выявить актуальные вопросы в формировании учения о предмете как элементном составе криминалистической характеристики незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Кроме того, установлена необходимость усовершенствования ряда научных направлений, связанных с данной тематикой.

Выводы и заключения. В рамках проведенного исследования определено, что предмет рассматриваемого вида преступлений как элемент криминалистической характеристики обладает двойственной природой, а именно синтезирует в себе два компонента, один из которых является материальным, а второй – нематериальным.

Ключевые слова: незаконный оборот огнестрельного оружия, незаконный оборот огнестрельного оружия в сети Интернет, предмет, информационно-телекоммуникационная сеть.

Для цитирования: Столбова, Н. А. Предмет преступления как элемент криминалистической характеристики незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024, № 3 (110). С. 258–266.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.10.022

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

THE SUBJECT OF THE CRIME AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL TRAFFICKING IN FIREARMS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS, INCLUDING THE INTERNET

Natalia A. Stolbova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk,
stolna_85@mail.ru

Introduction: The subject of the crime as one of the main elements of the criminalistic characteristics of illicit trafficking in firearms using information and telecommunications networks, including the Internet, is a little-studied aspect of criminology and represents a rather promising area for further research.

Materials and Methods: The Constitution of the Russian Federation and criminal procedural legislation form the basis of this study. As a methodological basis, the general dialectical approach to scientific cognition was used, as well as various methods of cognition, such as generalization, description, observation, comparison and analysis.

The Results of the Study: the study has allowed to identify relevant issues in the formation of the doctrine of the subject matter as an element of the criminalistics characteristic of illicit trafficking in firearms using information and telecommunications networks, including the Internet. In addition, the need to improve a number of scientific areas related to this topic has been identified.

Findings and Conclusions: within the framework of the conducted research it was determined that the subject of the considered type of crime as an element of criminalistics characteristics has a dual nature, namely, it synthesizes two components, one of which is tangible and the other is intangible.

Keywords: illegal trafficking of firearms, illegal trafficking of firearms on the Internet, subject, information and telecommunications network

For citation: Stolbova N.A. Predmet prestupleniya kak element kriminalisticheskoy harakteristiki nezakonnogo oborota ognestrel'nogo oruzhiya s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej, v tom chisle seti «Internet» [The subject of the crime as an element of the forensic characteristics of the illegal trafficking of firearms using information and telecommunication networks, including the Internet]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutrennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 258–266.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.42.10.022

Предмет преступления является одним из ключевых элементов криминалистической характеристики незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Ввиду своей минимальной научной разработки соответствующее научное направление представляется весьма перспективным в аспекте обогащения не только теории, но и практики расследования рассматриваемого вида преступлений.

Изучение предмета преступления, связанного с незаконным оборотом огнестрельного оружия через информационно-телекоммуникационные сети, позволяет выявить особенности данного вида преступлений, а также определить специфические методы их совершения. Кроме того, такие исследования способствуют разработке новых технологических и методологических подходов к расследованию и предотвращению таких преступлений [1, с. 35].

В контексте изучения незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», в качестве предмета преступления могут выступать не только материальные, но и нематериальный объекты. Пример такого предмета преступления – информация, имеющая под собой материальную основу [2, с. 226].

В данном направлении проводила исследования М. В. Кардашевская, которая полагает, что предметом преступления могут быть не только материальные объекты, но и весь перечень объектов, который попадает под регламентацию гражданского права [3, с. 237].

В работе А. Ю. Попова приведены следующие позиции, определяющие предмет преступления:

1. Предмет преступления – это не только объекты, относящиеся к материальному миру, но и иные объекты имущественных отношений, такие как электрическая энергия, имущественные права, интеллектуальные ценности и информация.

2. Предмет преступления – это объект материального мира или информация, фигурирующие в уголовном законодательстве, при обращении к которым происходит посягательство на объект преступления [4, с. 202].

Как можно заметить, многие современные авторы относят к предмету преступления как материальные, так и нематериальные объекты. При этом важным представляется недопущение отождествления нематериальных предметов преступления и объекта преступления.

Для того чтобы подчеркнуть значимость такого элемента криминалистической характеристики преступления, как предмет преступления, не только для теории, но и для практики, в том числе практики расследования незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», хотелось бы указать на факторы, которые можно определить на основании знания о предмете преступления.

Информация о предмете преступления может позволить предположить следующее:

- круг возможных очевидцев преступления;
- круг лиц, в число которых входит возможный преступник;
- способ совершения преступления;
- цель, мотив совершенного деяния;
- информационные ориентиры в отношении потерпевшего, личность которого остается неизвестной [5, с. 231].

Конкретизируя предмет такого преступления, как незаконный оборот огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», можно сообщить о том, что он, как и иные элементы криминалистической характеристики данного вида преступлений, обладает двойственной сущностью.

С одной стороны, предмет преступления соответствует предмету традиционного оборота огнестрельного оружия. С другой стороны, способ совершения преступления, в котором фигурирует задействование информационных и телекоммуникационных технологий, «обновляет» предмет незаконного оборота огнестрельного оружия. В связи с этим необходимо рассмотреть как традиционный предмет незаконного оборота огнестрельного оружия, так и «обновленный», обусловленный использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В первую очередь рассмотрим предмет преступления, заключающегося в незаконном обороте огнестрельного оружия в целом.

В качестве предмета незаконного оборота огнестрельного оружия выступает конкретное огнестрельное оружие, в отношении которого реализуются незаконные действия, такие как хищение, приобретение, вымогательство [6, с. 296].

В ст. 1 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»¹ содержится определение огнестрельного оружия, к которому можно отнести «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов».

Как можно заметить, определение огнестрельного оружия, приведенное выше, является достаточно широким, не позволяющим отразить его сущность. Однако законодатель в целях уточнения понятия огнестрельного оружия, его видов сформировал правовую базу, позволяющую устраниить данный недостаток. В качестве примера рассмотрим специфику законодательного определения огнестрельного оружия, способного стать предметом незаконного оборота огнестрельного оружия.

В связи с этим хотелось бы обратиться к п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройствах»², где закреплено, что «применительно к статьям 222, 223, 224–226.1 УК РФ под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского огнестрельного оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для механического поражения живой или иной цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда».

В данном контексте стоит обратить внимание на замечание Р. А. Семенова, который подчеркнул, что «для того чтобы отнести те или иные предметы к категории предметов преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия, необходимо обратиться к довольно широкому перечню нормативно-правовых актов» [7, с. 33].

Таким образом, становится ясным, что предмет рассматриваемых преступлений – это огнестрельное оружие, которое на основании действующего законодательства признается нелегальным.

Представляет интерес вопрос конкретизации видов огнестрельного оружия, которое наиболее часто распространяется в сети «Интернет» нелегально.

Согласно данным ООН, наиболее часто происходит нелегальное распространение огнестрельного оружия, полученного в ходе переделки огнестрельного оружия для стрельбы холостыми патронами. При этом ООН подчеркивает, что данный процесс, ранее имевший по

¹ Об оружии : Федер. закон № 150-ФЗ : принят Гос. Думой 13 ноября 1996 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 21.01.2024).

² О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35853/ (дата обращения: 21.01.2024).

большей части кустарный характер, в последние годы получает все большую массовость¹. Переделка огнестрельного оружия, в результате которой оно становится предметом незаконного оборота, подразумевает совершение в отношении него следующих действий: модификация; стирание/изменение маркировки; сборка из компонентов; восстановление нерабочего [8, с. 8].

Анализ правоприменительной практики позволяет подтвердить факт того, что огнестрельное оружие, задействованное в незаконном обороте, часто подвергается переделкам. Подтвердим утверждение материалами уголовного дела.

Согласно протоколу предъявления предмета для опознания от 10.11.2020 г., обвиняемый В.А.А. среди предъявленных ему 3 пистолетов, опознал пистолет под № 1, МР № 371 № 1637114934, который он совместно с Л.А.А. переделал под травматический патрон. При этом В.А.А. разобрал данный пистолет, указал, что пистолет он опознал по рельсам, которые он делал совместно с Л.А.А., по стволу. Кроме того, в данном пистолете, как он и указывал ранее, убран штифт-ограничитель. Также данный пистолет он узнал по горке на стволе, пистолет опознал уверенно. Указав дополнительно, что данный пистолет переделывался им совместно с Л.А.А².

Определяя разновидности огнестрельного оружия, которые чаще всего распространяются по нелегальным каналам, обратимся к статистике ООН. Данные статистики ООН, приведенные в отчете за 2020 год, представлены на рисунке 1 [8].

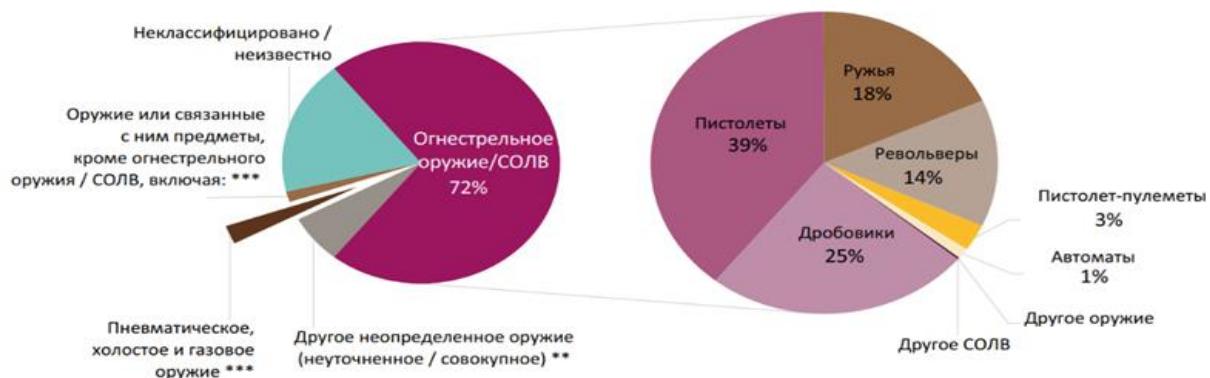

Рисунок 1. Разновидности огнестрельного оружия, которые чаще всего распространяются по нелегальным каналам

Таким образом, согласно статистическим данным, наиболее часто нелегальному распространению подлежит огнестрельное, стрелковое оружие. Часто в нелегальный оборот входят пистолеты, дробовики, ружья. Достаточно редко распространяются по нелегальным каналам автоматы. Однако необходимо учитывать тот факт, что автоматы достаточно часто используются в военных конфликтах, в том числе, как отмечает Д. С. Мельниченко [9, с. 120], в малых. Данное обстоятельство свидетельствует о высоком уровне латентности незаконного

¹ Предупреждение и пресечение незаконного изготовления и оборота боеприпасов // Конференция участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Вена, 4 и 5 мая 2022 года. Электр. версия. URL: unodc.org/documents/treaties/Firearms_2022/CTOC_COP_WG.6_2022_2/CTOC_COP_WG.6_2022_2_R.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

² Уголовное дело № 12002250040000014 от 01.02.2021 // Архив Ленинского районного суда г. Иркутска.

оборота огнестрельного оружия, поскольку строгий учет огнестрельного оружия в условиях ведения военных действий разного масштаба будет сопровождаться существенными сложностями. Соответственно, с высокой степенью достоверности заявить о точном соотношении нелегального огнестрельного оружия будет затруднительно.

Более сложным аспектом исследования является нематериальная форма предмета незаконного оборота огнестрельного оружия, а именно – соответствующая информация, размещенная в сети «Интернет», суть которой сводится к покупке или продаже нелегального огнестрельного оружия, его элементов. При этом хотелось бы вновь отметить, что в настоящее время размещение информации, способствующей незаконному обороту огнестрельного оружия (например, инструкции по сборке огнестрельного оружия), не попадает под действие уголовно-правового закона, что можно расценивать как упущение законодателя.

Р. Г. Асланян, ссылаясь на С. Я. Яшкова, пишет, что «основным существенным признаком информации является то, что информация – это прежде всего сведения. Вместе с тем в научной литературе в качестве признаков информации также выделяются «характеристики» и «свойства», являющиеся с точки зрения формальной логики также признаками, определяющими информацию» [10, с. 18].

Как отмечает А. В. Бумажкина, в процессе развития компьютерных технологий все чаще предметом преступления становится именно информация¹. Для того чтобы подтвердить положение, согласно которому информация может выступать в качестве предмета преступления, заключающегося в незаконном обороте огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», укажем на некоторые признаки, позволяющие говорить о чем-либо как о предмете преступления.

В качестве предмета преступления можно признать лишь то, что:

- не совпадает с объектом преступления, т. е. с общественными отношениями;
- непосредственно выражает в себе свойства преступления;
- позволяет благодаря воздействию на него нанести вред объекту преступления, т. е. общественным отношениям.

Информация, размещенная в сети «Интернет», и содержащая в себе данные, позволяющие сообщить о факте незаконного оборота огнестрельного оружия, в полной мере удовлетворяет требованиям, приведенным выше.

Так, информация в случае с незаконным оборотом огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», не попадает под категорию общественных отношений, посягающих на безопасность общества.

Одновременно с этим такая информация является собой качественное свойство рассматриваемого вида преступления.

Также информация, размещенная в интернет-пространстве, способствует нанесению вреда отношениям, которые являются объектом такого преступления, как незаконный оборот огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

¹ Бумажкина, А. Преступления в сети Интернет и привлечение к уголовной ответственности за «кибер-преступления» // Закон.ру – первая социальная сеть для юристов: сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2012/02/29/prestupleniya_v_seti_internet_i_privlechenie_k_ugolovnoj_otvetstvennosti_za_%E2%80%9Ckiberprestupleniya%E2%80%9D. Дата публикации: 29.02.2012.

Таким образом, можно сделать вывод, что предмет незаконного оборота огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», – это огнестрельное оружие, распространение которого произошло при помощи информации, размещенной путем обращения к информационно-телекоммуникационных сетям, в том числе сети «Интернет».

Предмет исследуемого вида преступления как элемент криминалистической характеристики обладает двойственной природой. С одной стороны, он является собой предмет материального мира, т. е. огнестрельное оружие. При этом наиболее часто нелегальному распространению подлежит огнестрельное оружие, подвергнутое переделке. С другой стороны, с учетом способа совершения данного преступления предметом выступает информация о продаже нелегального оружия, размещенная в сети «Интернет», которая является по своей сути противоречащей законодательству. Конкретизируя предмет исследуемой категории преступлений, можно указать на различные виды огнестрельного оружия, в отношении которых была осуществлена переделка.

Обобщив вышеизложенное, можно прийти к выводу, что предмет преступления в современном информационном сообществе подразумевает объект материального или нематериального мира, покушение на который происходит в ходе совершения преступления. В незаконном обороте огнестрельного оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», предмет преступления синтезирует в себе два компонента, один из которых является материальным, а второй – нематериальным. В рамках рассматриваемого вида преступления предметом является нелегальное огнестрельное оружие, которое стало таковым в итоге действий, совершенных с задействованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Также хотелось бы добавить, что нематериальным предметом рассматриваемого преступления может выступать информация о продаже нелегального огнестрельного оружия. Также целесообразным будет включить в предмет преступления информацию, в которой содержатся инструкции по изготовлению, переделке огнестрельного оружия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов, О. П., Старичков, М. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий : учеб. пособие. Москва, 2017. 160 с.
2. Хлус, А. М. Уголовно-правовой и криминалистический анализ предмета преступного посягательства, его отграничение от предмета преступления // Сб. докл. по итогам IV Междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Тула, 2018. С. 222–228.
3. Кардашевская, М. В. Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 7. С. 236–238.
4. Попов, А. Ю. Становление взглядов правового понимания сущности предмета преступления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 12. С. 199–203.
5. Бессонов, А. А. Объект (предмет) преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступлений // Oriental Studies. 2014. № 4. С. 228–233.
6. Филиппов, А. Г. Криминалистическая методика для дознавателей : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2019. 414 с.

7. Семенов, Р. А. Объект и предмет преступлений в сфере незаконного оборота оружия // Наука через призму времени. 2021. № 5 (55). С. 30–34.
8. Глобальное исследование по незаконному обороту огнестрельного оружия 2020 : сб. ключевых выводов и заключений: отчет ООН. Нью-Йорк, 2020. 44 с.
9. Мельниченко, Д. С., Потапова, А. П. Использование автомата Калашникова в современном мире // Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. семинара. Рязань, 2021. С. 120.
10. Асланян, Р. Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 21 с.

REFERENCES

1. Gribunov O. P., Starichkov M. V. Rassledovanie prestuplenij v sfere kompyuternoj informacii i vysokih tekhnologij ; Departament gosudarstvennoj sluzhby i kadrov MVD Rossii, Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii [Investigation of crimes in the field of computer information and high technologies; Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Moscow, 2017, 160 p.
2. Khlus A.M. Ugolovno-pravovoj i kriminalisticheskij analiz predmeta prestupnogo posyagatel'stva, ego otgranichenie ot predmeta prestupleniya [Criminal law and forensic analysis of the subject of a criminal attack, its delimitation from the subject of the crime]. Coll. report based on the results of the IV International. scientific-practical Internet conferences. Tula, 2018, pp. 222-228.
3. Kardashevskaya M.V. Predmet prestupnogo posyagatel'stva kak element kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij [The subject of criminal encroachment as an element of the forensic characteristics of crimes]. Vestnik moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017, no. 7, pp. 236-238.
4. Popov A. Yu. Stanovlenie vzglyadov pravovogo ponimaniya sushchnosti predmeta prestupleniya [Formation of views on the legal understanding of the essence of the subject of a crime]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki – Modern science: current problems of theory and practice. 2021, no. 12, pp. 199-203.
5. Bessonov A. A. Ob'ekt (predmet) prestupnogo posyagatel'stva kak element kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij [Object (subject) of criminal encroachment as an element of forensic characteristics of crimes]. Oriental Studies. 2014, no. 4, pp. 228-233.
6. Filippov A. G. Kriminalisticheskaya metodika dlya doznavatelej [Forensic methodology for investigators]. Moscow, 2019, p. 414.
7. Semenov R. A. Ob'ekt i predmet prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota oruzhiya [Object and subject of crimes in the sphere of illegal arms trafficking]. Nauka cherez prizmu vremeni – Science through the prism of time. 2021, no. 5 (55), pp. 30-34.
8. Global'noe issledovanie po nezakonomu oborotu ognestrel'nogo oruzhiya 2020: sb. klyuchevyh vyyvodov i zaklyuchenij: otchet OON [Global Study on Illicit Firearms Trafficking 2020: Sat. Key Findings and Conclusions: UN Report]. New York, 2020, p. 44.
9. Melnichenko D.S., Potapova A.P. Ispol'zovanie avtomata Kalashnikova v sovremennom mire [Use of the Kalashnikov assault rifle in the modern world]. Ryazan, 2021. P. 120.
10. Aslanyan R. G. Informaciya kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk [Information as a subject and means of committing crimes in the sphere of economic activity: dis. ...cand. legal sciences]. Krasnodar, 2016. p. 21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Столбова Наталья Алексеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Stolbova, Candidate of Law Sciences, Lecturer of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; одобрена после рецензирования 17.03.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 267–276.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 267–276.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОСНОВАНИЙ
ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
МЕР БЕЗОПАСНОСТИ**

Табаков Сергей Анатольевич

Омская академия МВД России, Российская Федерация, г. Омск, tabakovsa@rambler.ru

Введение. Статья посвящена исследованию проблем, касающихся формирования оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности. В УПК РФ законодатель предусмотрел широкий круг средств защиты от посткриминального воздействия. Однако правовое регулирование имеет недостатки в нормативном описании оснований для реализации уголовно-процессуальных мер безопасности. Наряду с этим такие меры ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Особенно если речь идет о средствах защиты от посткриминального воздействия, связанных с сокрытием сведений о лице. В этой связи рассмотрены пределы установления следователем оснований для реализации меры безопасности, определен характер сведений, необходимых для обоснованного использования такой меры.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляющий положения, касающиеся оснований, порядка применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Выводы, сделанные в процессе исследования, являются результатом использования различных научных методов, таких как анализ и синтез, а также системного и сравнительного методов.

Результаты исследования. Автором сформулированы предложения, направленные на формирование оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Особый акцент сделан на защиту от посткриминального воздействия путем сокрытия сведений о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы могут использоваться для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальных мер безопасности.

Выводы и заключения. В процессе исследования автор приходит к выводу, что законодатель предусматривает широкий перечень уголовно-процессуальных мер безопасности. Количество этих мер не ограничивается ч. 3 ст. 11 УПК РФ как основной нормой закона, регулирующей порядок их применения. Все средства защиты от посткриминального воздействия в разной степени ограничивают конституционные права участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. В этой связи гарантией законности реализации таких средств выступает надлежащее установление следователем оснований для их использования. Процедура установления оснований представляет особую сложность в связи с наличием в УПК РФ различных подходов в нормативном описании оснований применения конкретных мер безопасности. Существенное ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты имеет место в ходе реализации мер безопасности, связанных с сокрытием данных о лице, оказывающем содействие правосудию. Учитывая данное обстоятельство, следователю необходимо устанавливать доказательства, указывающие на возможное посткриминальное воздействие, доказательства, свидетельствующие об эффективности меры безопасности, связанной с сокрытием личности, а также факт наличия в уголовном деле доказательств, подтверждающих показания, данные защищаемым лицом.

Ключевые слова: защита, меры безопасности, посткриминальное воздействие, основания, следователь

Для цитирования: Табаков С. А. Деятельность следователя по установлению оснований для применения уголовно-процессуальных мер безопасности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 267–276.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR TO ESTABLISH THE SECURITY MEASURES BASED FOR THE APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Sergey A. Tabakov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation,
tabakovsa@rambler.ru

Introduction. The article is devoted to the study of problems concerning the formation of grounds for the application of criminal procedural security measures. In the CPC RF the legislator has provided a wide range of means of protection from post-criminal impact. However, the legal regulation has shortcomings in the normative description of the grounds for the implementation of criminal procedural security measures. Along with this, such measures limit the constitutional rights of participants of criminal proceedings on the part of the defence. Especially when it comes to means of defence against post-criminal influence related to concealment of information about a person. In this regard, the limits of the establishment by the investigator of the grounds for the implementation of security measures are considered, the nature of information necessary for the justified use of such a measure is determined.

Materials and Methods. The normative basis of the study is formed by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which enshrines the provisions concerning the grounds, the order of application of criminal procedural security measures. The conclusions drawn in the process of research are the result of the use of various scientific methods, such as analysis and synthesis, as well as systemic and comparative methods.

The Result of the Study. The author formulated proposals aimed at the formation of grounds for the application of criminal procedural security measures. Particular emphasis is placed on protection from post-criminal influence by concealing information about a person involved in criminal proceedings. The practical significance of the study is that the obtained conclusions can be used for further improvement of criminal procedural security measures.

Findings and Conclusions. In the process of research, the author concludes that the legislator provides a wide list of criminal procedural security measures. The number of these measures is not limited by part 3 of article 11 of the CPC RF as the main norm of the law regulating the procedure for their application. All means of protection from post-criminal influence to varying degrees limit the constitutional rights of participants in criminal proceedings on the part of the defence. In this regard, the guarantee of the legality of the implementation of such remedies is the proper establishment by the investigator of the grounds for their use. The procedure for establishing the grounds is particularly difficult due to the presence in the CPC of the RF of different approaches in the normative description of the grounds for the application of specific security measures. A significant restriction of the constitutional rights of participants of criminal proceedings by the defence takes place in the course of implementation of security measures related to concealment of data about the person assisting justice. Taking into account this circumstance, the investigator needs to establish the evidence indicating the possible post-criminal impact, evidence indicating the effectiveness of the security measure related to the concealment of identity, as well as the fact that there is evidence in the criminal case that confirms the testimony given by the protected person.

Keywords: protection, security measures, post-criminal impact, grounds, investigator

For citation: Tabakov S.A. O deyatel'nost' sledovatelya po ustanovleniyu osnovanij dlya primeneniya ugolovno-processual'nyh mer bezopasnosti [Activities of the investigator to establish the security measures based for the application of criminal procedure]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 267–276.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.11.85.023

В содержании УПК РФ¹ имеется ряд положений, направленных на физическую и материальную защиту лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, от посткриминального воздействия, возникающего в связи с участием их в расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде. В качестве нормативной основы таких положений выступает ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Учитывая, что данные меры находят свое закрепление в нормах УПК РФ, они имеют уголовно-процессуальный характер.

Следует учитывать, что уголовно-процессуальные средства защиты личности от посткриминального воздействия занимают особое место в правовом регулировании производства по уголовному делу. Это проявляется в нескольких моментах. Во-первых, меры безопасности не направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Они служат интересам доказывания, но делают это опосредованно, создавая

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2024).

лишь условия для получения достоверных сведений. Кроме того, меры защиты от посткриминального воздействия, несмотря на относительную обособленность в структуре УПК РФ, выступают в качестве элемента производства отдельных процессуальных действий.

Специфика уголовно-процессуальных мер безопасности проявляется также в том, что они могут реализовываться наряду с мерами государственной защиты, предусмотренными Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹.

Нормы УПК РФ, закрепляющие порядок реализации мер безопасности, выступают существенной гарантией для оперативного реагирования на возникающие угрозы посткриминального воздействия. Нередко следователь первым получает сведения, указывающие на возможное посткриминальное воздействие.

По сравнению с оперативно-розыскной деятельностью предварительное расследование имеет относительно открытый характер. Некоторые материалы уголовного дела в силу требований закона могут оцениваться иными лицами. Такая доступность сопряжена с возможным возникновением у них умысла на осуществление противозаконного воздействия в отношении носителя доказательственной информации. Поэтому уже с самого начала уголовного судопроизводства может возникнуть потребность в защите от посткриминального воздействия. С этих позиций закрепление мер безопасности в УПК РФ является целесообразным.

Часть 3 ст. 11 УПК РФ предусматривает определенный перечень мер безопасности, которые могут применяться в ходе досудебного и судебного производства. К ним относятся: сокрытие данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); производство контроля и записи переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемого опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ); проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ); производство допроса в суде в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Необходимо согласиться с имеющимися в юридической литературе позициями, что указанный перечень мер безопасности является открытым [1, с. 38]. На это указывает и сама формулировка ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которая содержит следующий оборот «... а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации». На первый взгляд может показаться, что речь идет о мерах, не предусмотренных УПК РФ. Однако анализ отдельных норм УПК РФ свидетельствует, что перечень мер безопасности выходит за пределы ст. 11 УПК РФ. Так, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ указывается на возможность избрания меры пресечения при наличии оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый «может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу». Необходимость рассмотрения меры пресечения в качестве меры безопасности обосновывалась в диссертационных исследованиях и иных научных трудах [2, с. 69–70]. В частности, Д. А. Воронов предлагал включить меры пресечения в перечень мер, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ [3, с. 9].

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федер. закон № 119-ФЗ : принят Гос. Думой 31 июля 2004 года : одобрен Советом Федерации 8 августа 2004 года : послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102088392> (дата обращения: 01.03.2024).

Развивая идею широкого применения видео-конференц-связи в ходе осуществления судебного разбирательства, законодатель в 2022 году включил в УПК РФ статью 241.1, предусматривающую в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства участие в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видео-конференц-связи.

Указанные выше обстоятельства показывают отсутствие какой-либо четкой системности и взаимосвязанности между положениями УПК РФ, регулирующими вопросы применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Полагаем, что в ч. 3 ст. 11 УПК РФ законодателю можно было либо отказаться от перечисления конкретных мер безопасности, либо закрепить их полный перечень, внося соответствующие изменения в указанные нормы при корректировке других положений УПК РФ, предусматривающих средства защиты от посткриминального воздействия.

Определенные противоречия имеет и регулирование мер безопасности, непосредственно закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В первую очередь они касаются формулирования оснований для реализации уголовно-процессуальных мер защиты участников уголовного судопроизводства. Так, ч. 3 ст. 11 УПК РФ закрепляет, что меры безопасности применяются «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными действиями». Часть 9 ст. 166 УПК РФ использует формулировку «при необходимости обеспечить безопасность», часть 2 ст. 186 УПК РФ – «при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий...», пункт 4 части 2 ст. 241 УПК РФ – «когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства...», часть 5 ст. 278 УПК РФ – «при необходимости обеспечения безопасности свидетеля...». Указанные формулировки правового регулирования предоставляют широкое поле для усмотрения со стороны правоприменителя.

Анализ мер безопасности, предложенных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также в иных нормах уголовно-процессуального закона, позволяет разделить все средства защиты от посткриминального воздействия, которые могут применяться в досудебном производстве, на три основные группы:

1) Средства защиты от посткриминального воздействия, связанные с сокрытием сведений о лице, оказывающем содействие правосудию. Такие меры являются составляющей производства следственных действий (например, сокрытие сведений о лице в ходе производства допроса, предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознавающего).

2) Средства, направленные на получение сведений о лицах, оказывающих посткриминальное воздействие (контроль и запись переговоров).

3) Средства, ограничивающие свободу источника посткриминального воздействия (меры пресечения).

Все перечисленные средства защиты от посткриминального воздействия связаны с ограничением определенных конституционных прав граждан. В частности, принимая решение о контроле и записи переговоров, правоприменитель ограничивает право на тайну телефонных переговоров, применение мер пресечения сопряжено с неприкосновенностью личности, ограничивается право на передвижение. Вместе с тем контроль и запись переговоров касается лишь одного факта, связанного с расследованием уголовного дела, установление которого может не повлиять на судьбу уголовного дела в целом. Даже признание в качестве недопустимого доказательства сведений, полученных в результате

производства этого следственного действия, не отразится существенным образом на обоснованности основных и промежуточных решений, имеющих место в уголовном судопроизводстве.

Применение мер пресечения направлено на предотвращение противоправного поведения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Целям доказывания меры пресечения служат косвенно. Они лишь создают условия для формирования доказательственной базы. Кроме того, ряд мер пресечения, существенно ограничивающих конституционные права граждан, становятся предметом оценки не только следователя, но и суда. Пределы оценки обоснованности меры пресечения при этом выходят за пределы установления лишь факта угрозы. Ко всему обозначенному следует добавить, что законность меры пресечения может быть проверена в ходе судебного разбирательства с участием сторон. Указанные обстоятельства усиливают гарантии того, что мера пресечения, реализуемая в целях защиты от посткриминального воздействия, применена в рамках закона и является целесообразной относительно отдельно взятой ситуации, складывающейся в ходе расследования уголовного дела.

Совершенно иной характер в части ограничения конституционных прав граждан имеют меры безопасности, направленные на сокрытие сведений о лице, оказывающем содействие правосудию. В отличие от указанных выше средств защиты от посткриминального воздействия, в данном случае правоприменитель имеет дело с доказательством. Построение отечественного процесса доказывания предполагает, что формирование доказательства начинается в его досудебной части. В ходе расследования следователь соединяет воедино два необходимых компонента, создающих доказательство. Одним из них является форма, другим – содержание. Такая позиция вытекает из ст. 74 УПК РФ. Сведения, идентифицирующие свидетеля или потерпевшего, содержащиеся в протоколе допроса, выступают одним из элементов формы такого доказательства как показания. Вместе с тем данные о лице, давшем показания, в совокупности с содержанием доказательства имеют весомое значение для оценки достоверности сведений, сообщенных этим лицом.

Кульминационным этапом в части проверки и оценки сведений по всем параметрам, которые присущи доказательству, выступает судебное разбирательство. Идеальный вариант обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства имеет место в той ситуации, когда сокрытие идентифицирующих сведений сохраняется при рассмотрении уголовного дела в суде. Порядок деятельности судьи в этом случае определяется ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Общий смысл заключается в том, что свидетель является на судебное заседание, однако его допрос осуществляется в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Подлинные данные о личности свидетеля сторонам также не раскрываются. Такой порядок отчасти влияет на непосредственность и устность судебного разбирательства как его общего условия, закрепленного в ст. 240 УПК РФ. В одном из своих учебных произведений В. К. Случевский отмечал, что «благодаря устному допросу оказывается возможным извлечь суду из показаний свидетеля все то, что в состоянии только дать свидетель, выяснить значение обнаружившейся неясности или противоречия в его показаниях, а также определить, насколько личность его заслуживает доверия» [4, с. 55]. Судебная практика свидетельствует, что даже через восприятие внешнего облика лица, дающего показания, можно сделать определенный вывод о достоверности сообщаемых им сведений.

Фактически у суда имеется возможность оценить показания такого свидетеля, сформировать внутреннее убеждение о достоверности сообщенных им сведений. Однако

существенной гарантией в части возможности включения такого доказательства в основу вынесенного итогового судебного решения выступает доступность оценки источника доказательства не только судом и стороной обвинения, но и стороной защиты. Как правильно отмечается в юридической литературе, «участники со стороны обвинения и защиты непосредственно должны участвовать в исследовании всех доказательств и только на них могут ссылаться в прениях» [5, с. 86]. Предоставляя возможность исследования доказательств обвиняемым, законодатель гарантирует ему право на защиту, рассмотрение дела в условиях состязательности и равноправия сторон. Право лица знать о том, кем он обвиняется, вытекает из положений ст. 47 УПК РФ [6, с. 87]. Такие права имеют конституционный характер, обладают ключевым значением при отправлении правосудия. Указанные обстоятельства наводят некоторых ученых на мысль о необходимости перевода мер безопасности в виде засекречивания личности свидетеля и потерпевшего в разряд исключительных [7, с. 130].

Право обвиняемого на допрос показывающего против него свидетеля в современных условиях поставлено на высокий уровень. Об этом свидетельствуют положения закона и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Так, в ч. 2.1. ст. 281 УПК РФ обозначено, что «...решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами». Способ оспаривания доказательства был предложен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Высший судебный орган предложил правоприменителю предоставить возможность лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, задать вопросы показывающему против него свидетелю или потерпевшему в ходе проведения очной ставки, имеющей место в процессе предварительного расследования.

Таким образом, существует определенная конкуренция положений закона, предоставляющих право на защиту лица от посткриминального воздействия путем сокрытия сведений о нем, и правом обвиняемого ознакомиться с источником доказательственной информации. При этом необходимо заметить, что конкурирующие положения несут единую благую цель – обеспечение достоверности сведений, сообщенных участниками уголовного судопроизводства.

Высокое доказательственное значение правильного применения положений закона, касающихся доступа к сведениям о лице, в отношении которого существуют угрозы посткриминального воздействия, выводит на особый уровень среди иных уголовно-процессуальных мер безопасности вопрос об обоснованности решения о сокрытии данных, идентифицирующих свидетеля или потерпевшего в порядке, предусмотренным ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Использование указанной нормы влечет за собой применение особого порядка в части получения и закрепления показаний. Следует согласиться с имеющимся мнением, что «форма получения доказательств преследует цели обеспечения их достоверности, а также защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [8, с. 97]. Отсюда отступление от общепризнанного порядка получения показаний ставит вопрос об их достоверности и проверяемости. Нарушения порядка применения положений закона, связанных с сокрытием данных о лице, могут «сигнализировать о недостоверности сведений, содержащихся в них» [9, с. 389].

Как ранее отмечалось, основания для применения уголовно-процессуальных мер безопасности изначально находят свое закрепление в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Их нормативная

формулировка предполагает, что соответствующие должностные лица могут применить средства защиты от посткриминального воздействия при наличии достаточных данных о том, что лицам угрожают определенными противоправными действиями, перечисленными в указанной норме закона. Содержащаяся в ч. 3 ст. 11 УПК РФ дефиниция «угрожают» вызвала определенную дискуссию на страницах юридической литературы. В частности, Л. В. Брусницын предлагает расширительно толковать ч. 3 ст. 11 УПК РФ и применять меры безопасности «при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства и их близким не только угрожают, но и могут угрожать убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества...» [10, с. 14]. Полагаем, что подходы в толковании ч. 3 ст. 11 УПК РФ не имеют весомого значения для исполнения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Ключевое значение здесь занимает обоснованность решения о реализации указанного средства защиты от посткриминального воздействия. Характер и пределы установления сведений, вкладываемых в необходимость сокрытия данных о лице, являются наиболее сложной составляющей в формировании оснований для применения рассматриваемой меры безопасности.

Часть 3 ст. 11 УПК РФ указывает на достаточность данных. Следует согласиться с существующим мнением, что в число данных могут входить не только доказательства, но и результаты оперативно-розыскной деятельности. Вместе с тем полагаем, что применение меры безопасности, закрепленной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, допустимо только при наличии доказательств. В подтверждение этой позиции можно привести два аргумента. Во-первых, доказательства проверямы процессуальным путем, степень их достоверности, по сравнению с результатами оперативно-розыскной деятельности, высока. Во-вторых, судебное производство по уголовному делу допускает в случае заявления стороной ходатайства о предоставлении ей возможности ознакомиться с указанными сведениями. Следует особо подчеркнуть, что это является правом судьи. Отказывая в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с такими сведениями, суд должен иметь возможность сослаться на какие-либо сведения, имеющиеся в материалах уголовного дела, достоверно подтверждающие обоснованность применения меры безопасности, связанной с сокрытием данных о лице. Наличие в уголовном деле материалов оперативно-розыскной деятельности, имеющих негласный характер, содержащих сведения о возможном посткриминальном воздействии, вряд ли послужит убедительным аргументом, положенным судом в обоснование отказа в удовлетворении ходатайства об ознакомлении со сведениями о лице.

Применяя уголовно-процессуальные меры безопасности, следователь должен создать такую доказательственную базу, которая сможет сформировать у судьи непоколебимое мнение о наличии оснований для ее реализации.

Пределы установления оснований для применения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, должны охватывать также доказательства, свидетельствующие, что данная мера будет иметь эффективный характер. Например, в практике следственных подразделений, занимающихся расследованием преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, имеются случаи применения ч. 9 ст. 166 УПК РФ в отношении субъектов, обладающих сведениями о фактах противоправной деятельности определенного лица. Как правило, такие защищаемые лица принимают участие в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на установление фактов незаконного оборота наркотических средств. Проведенным расследованием формируются доказательства, в своей совокупности свидетельствующие, что активное участие в изобличении лица, совершившего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, осуществлялось со стороны защищаемого свидетеля. Указанный

факт может вытекать даже из содержания самих показаний, данных таким свидетелем. В этой ситуации применение меры безопасности, связанной с сокрытием данных лица, не является эффективным. Для его защиты следует запускать правовой механизм, предусмотренный Федеральным законом № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Можно выделить еще одну гарантию, обосновывающую применение меры безопасности, связанной с сокрытием данных о лице. Она связана с необходимостью установления следователем того, что показания, данные защищаемым лицом, подтверждаются другими имеющимися в материалах уголовного дела доказательствами. Полагаем, что для убедительности судьи, который будет рассматривать дело по существу, анализ таких доказательств может быть приведен в обвинительном заключении.

Таким образом, гарантией обоснованности применения меры безопасности, предусмотренной ч. 9 ст. 166 УПК РФ, выступает наличие в уголовном деле доказательств, указывающих на возможное посткриминальное воздействие, доказательств, свидетельствующих об эффективности применения меры безопасности, а также доказательств, подтверждающих показания, данные защищаемым лицом. Особый подход к деятельности следователя по установлению оснований для реализации мер безопасности, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, обусловлен защитой интересов не только лиц, сопровождающих правосудию, но и субъектов, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайцев, О. А. К вопросу о применении уголовно-процессуальных мер безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 37–38.
2. Епихин, А. Ю. Общие условия эффективности функционирования безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2003. № 4. С. 69–70.
3. Воронов, Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2008. 22 с.
4. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Спб., 1919. 684 с.
5. Кайгородов, А. А. Непосредственность и устность судебного разбирательства // Российское правосудие. 2010. № 8 (52). С. 84–88.
6. Сержантова, Л. А., Свечникова, Е. И. Особенности сохранения данных о личности на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 6 (2). С. 86–89.
7. Устинов, Д. С. Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 126–133.
8. Шаповалова, Т. И., Бондар, Е. В. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 6. С. 97–101.
9. Капустина, Л. К. Соотношение допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 386–390.
10. Брусницын, Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства : науч.-практ. пособие. М., 2013. 152 с.

REFERENCES

1. Zajcev O.A. K voprosu o primenenii ugolovno-processual'nyx mer bezopasnosti [On the issue of applying criminal procedural security measures]. Vestnik Moskovskogo universiteta

MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012, no. 2, pp. 37-38.

2. Epixin A.Yu. Obshchie usloviya effektivnosti funkcionirovaniya bezopasnosti lichnosti v ugolovnom sudoproizvodstve [General conditions for the effectiveness of the functioning of personal security in criminal proceedings]. Ugolovnoe parvo – Criminal law. 2003, no. 4, pp. 68-70.

3. Voronov D.A. Mery` ugolovno-processual`nogo prinuzhdeniya kak sredstva obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva avtoref... kand. yurid. nauk [Measures of criminal procedural coercion as a means of ensuring the safety of participants in criminal proceedings abstract of... Ph.D. legal Sci.]. Omsk, 2008, 22 p.

4. Sluchevskij V. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. [Textbook of Russian criminal procedure]. St. Petersburg, 1919, 684 p.

5. Kajgorodov A.A. Nefosredstvennost` i ustnost` sudebnogo razbiratel`stva [Immediacy and orality of judicial proceedings]. Rossijskoe pravosudie – Russian justice. 2010, no. 8 (52), pp. 84-88.

6. Serzhantova L.A., Svechnikova E.I. Osobennosti soxraneniya danny`x o lichnosti na stadii vozobuzhdeniya ugolovnogo dela [Features of preserving personal data at the stage of initiating a criminal case]. Yuridicheskij Vestnik Samarskogo universiteta – Legal Vestnik of Samara University. 2020, no. 6 (2), pp. 86-89.

7. Ustinov D.S. Osobennosti obespecheniya prava obvinyaemogo na zashhitu pri realizacii mer bezopasnosti v otnoshenii uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Features of ensuring the right of the accused to defense when implementing security measures in relation to participants in criminal proceedings]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Vestnik of the Saratov State Legal Academy. 2022, no. 4 (147), pp. 126-133.

8. Shapovalova T., Bondar E. Sootnoshenie dostovertnosti i dopustimosti dokazatel`stv v ugolovnom processe [The relationship between the reliability and admissibility of evidence in criminal proceedings]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2007, no. 6, pp. 97-101.

9. Kapustina L.K. Sootnoshenie dopustimosti i dostovertnosti dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve [The relationship between the admissibility and reliability of evidence in criminal proceedings]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 3, pp. 386-390.

10. Brusnycyn L.V. Primenenie norm UPK RF, obespechivayushhix bezopasnost` uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Application of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, ensuring the safety of participants in criminal proceedings]. Moscow, 2013, 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Табаков Сергей Анатольевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса. Омская академия МВД России. 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tabakov Sergey Anatolyevich, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 644092, Omsk, Komarova str., 7.

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 277–289.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 277–289.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.52.024

**ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«КОНТРОЛЬ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ,
ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ»**

Фурлет Ярослав Павлович

Академия управления МВД России, Российская Федерация, г. Москва, iafurlet@bk.ru

Введение. В настоящее время представляется актуальным вопрос пересмотра оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений». Это обусловлено тем, что в современном обществе граждане активно используют различные интернет-сервисы для обмена информацией. Получение информации оперативным путем в данной сфере имеет ряд проблем, поэтому предлагается включить подобного рода предметы контроля в рассматриваемое мероприятие. Также актуальным остается вопрос относительно корреспонденции, отправляемой в индивидуальном порядке без использования услуг связи.

Материалы и методы. Для написания работы использовались научная литература и федеральное законодательство. Использовался диалектический метод познания, общенаучные методы: логический (анализ, синтез, описание, сравнение) и специальные методы юридической науки: сравнительно-правовой и формально-юридический.

Результаты исследования позволили выявить индивидуальные особенности, сформулировать понятие и раскрыть классификацию оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений».

Выводы и заключения. Контроль сообщений независимо от способа и формы их передачи позволит оперативным подразделениям органов внутренних дел в установленном законом порядке добывать информацию в данной сфере и представлять полученные результаты оперативно-розыскной деятельности для обеспечения уголовного процесса необходимыми доказательствами.

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», электронное сообщение, услуга связи, технический канал связи, корреспонденция

Для цитирования: Фурлет, Я. П. Понятие, сущность и классификация оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 277–289.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.52.024

**5.1.4. Criminal law sciences
(legal sciences)**

Original article

**CONCEPT, ESSENCE AND CLASSIFICATION
INVESTIGATIVE MEASURE
«CONTROL OF POSTAL, TELEGRAPHIC AND OTHER MESSAGES»**

Iaroslav P. Furlet

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Moscow, Russian Federation, iafurlet@bk.ru

Introduction: Currently, it seems relevant to revise the operational and investigative measure ‘control of mail, telegraphic and other messages’. This is due to the fact that in modern society citizens actively use various Internet services to exchange information. Obtaining information operationally in this area has a number of problems, so it is proposed to include such items of control in the event under consideration. Also relevant is the issue of correspondence sent individually without the use of communication services.

Methods and Materials: Scientific literature and federal legislation were used for writing the work. The dialectical method of cognition, general scientific methods: logical (analysis, synthesis, description, comparison) and special methods of legal science: comparative-legal and formal-legal methods were used.

The Results of the Study: allowed to identify individual features, formulate the concept and disclose the classification of the operational and investigative measure ‘control of postal, telegraphic and other messages’.

Findings and Conclusions: The control of communications, regardless of the method and form of their transmission, will allow operational units of internal affairs bodies to extract information in this area in accordance with the procedure established by law and to present the results of operational and investigative activities to provide criminal proceedings with the necessary evidence.

Keywords: operational and investigative measure ‘control of mail, telegraphic and other messages’, electronic message, communication service, technical communication channel, correspondence

For citation: Furlet I. P. Pomyatie, sushchnost' i klassifikaciya operativno-rozysknogo meropriyatiya «kontrol' pochtovyh otpravlenij, telegrafnyh i inyh soobshchenij» [Concept, essence and classification of the operational search measure «control of postal, telegraphic and other messages»]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 277–289.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.69.52.024

Дефиниции оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» (далее – ОРМ «КПО») в различных источниках охватывают те или иные его признаки. Поэтому для начала представляется важным рассмотреть и проанализировать имеющиеся в научной и учебной литературе понятия, что позволит оценить существующие точки зрения, учесть различные подходы к выделяемым признакам, а также выявить возможные пробелы и неточности в понимании данного мероприятия.

Обратимся к статье профессора Е. Н. Яковца, в которой ОРМ «КПО» определяется как «основанное на оперативно-розыскном законодательстве конспиративное прочтение или просмотр письменной или иным способом зафиксированной на материальном носителе корреспонденции, а также конспиративное установление отправителя и (или) адресата для достижения целей оперативно-розыскной деятельности и решения ее антикриминальных задач» [1, с. 262].

В данном определении в числе отличительных признаков отмечается законодательная закрепленность, что, безусловно, является правильным, ведь ОРМ «КПО», как и остальные оперативно-розыскные мероприятия, закреплено в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ «Об ОРД»). Однако указанный признак прямо вытекает из принципов, закрепленных в вышеуказанном Федеральном законе, в связи с чем не следует относить его к числу обязательных.

В следующей рассматриваемой нами научной статье ОРМ «КПО» представлено как оперативно-техническое мероприятие, которое направлено на получение информации о преступной деятельности подозреваемых лиц путем негласного вскрытия и просмотра почтовой, телеграфной и иной передаваемой по сетям почтовой и электрической связи корреспонденции [2, с. 65].

Включение в число отличительных признаков технической направленности представляется совершенно справедливым, поскольку в настоящее время ОРМ «КПО» действительно является оперативно-техническим мероприятием, при проведении которого применяются специальные средства и техники для вскрытия корреспонденции, зафиксированной на материальном носителе. Однако в случае осуществления контроля электронных сообщений, например зеркального электронного почтового ящика, мероприятие будет носить уже оперативно-аналитический характер, так как инициатору необходимо будет осуществлять постоянный мониторинг и фильтрацию сообщений в целях ознакомления с их содержанием, сбора данных об отправителях и получателях и выявления оперативно значимой информации.

Достаточно полное определение дано в диссертационном исследовании А. В. Земковой, по мнению которой, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений заключается в совокупности действий, проводимых на основании судебного решения, по конспиративному просмотру (перлюстрации) письменной и иной зафиксированной на материальном носителе корреспонденции, направленных на обнаружение сведений о преступной деятельности лица – объекта оперативной

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 15.03.2024).

заинтересованности, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению конкретных задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) [3, с. 383].

В данной дефиниции отмечается, что само мероприятие состоит не из одного действия, а именно из совокупности. Также заслуживает внимания указание на необходимость судебного решения, ведь ОРМ «КПО» ограничивает конституционное право на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, и в соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации¹, наличие судебного решения обязательно.

В диссертационной работе Ю. Н. Соколова дано следующее определение ОРМ «КПО»: «заключается в действиях по конспиративной перлюстрации письменной или иной зафиксированной на материальном носителе корреспонденции с целью обнаружения сведений о преступной деятельности изучаемого лица, проводимой специальными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, посредством личного участия в организации и проведении непосредственно в учреждениях связи по месту отправления или поступления объектов контроля, используя при этом помочь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и специальными знаниями, а также отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе» [4, с. 69].

Пристального внимания заслуживает указание как основных, так и дополнительных субъектов мероприятия. Кроме того, в качестве отличительного признака определено конкретное место проведения мероприятия – учреждение связи. Данный признак вытекает из того, что, в соответствии со ч. 1 ст. 9 ФЗ «Об ОРД», контролю может быть подвергнута корреспонденция, передаваемая по сетям почтовой и электрической связи. В остальном определение перегружено признаками, не являющимися существенными и заужающими его объем.

В учебном пособии Е. С. Лапина и Ю. Н. Михайловой ОРМ «КПО» представлено как мероприятие, заключающееся в негласном отборе и изучении на основе судебного решения почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений в организациях связи в целях получения оперативно значимой информации [5, с. 25].

Указание в определении конкретных действий, а именно «отбор и изучение», отражает не всю совокупность производимых манипуляций при проведении мероприятия. ОРМ «КПО» включает и иные немаловажные действия, такие как вскрытие, фиксация, запечатывание и т. д., однако перечисление всех производимых действий нарушит правило соразмерности и приведет к описанию конкретного признака мероприятия.

В другом учебном издании ОРМ «КПО» обозначено как мероприятие, состоящее в просмотре письменной и иной зафиксированной на материальном носителе корреспонденции в целях обнаружения сведений о преступной деятельности изучаемого лица, выявления его связей и получения иной информации, способствующей решению задач ОРД [6].

В анализируемых понятиях можно выделить ряд схожих признаков, которые содержатся в каждом из них:

¹ Российская Федерация. Конституция : принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с изм., принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 20.02.2024).

- мероприятие направленно на достижение целей ОРД;
- негласный характер проведения;
- предметом контроля являются только материальные носители информации.

Нельзя не согласиться с тем, что ОРМ «КПО» направлено на достижение целей ОРД, однако они достигаются при проведении любого оперативно-розыскного мероприятия, поэтому данный признак не относится к числу отличительных.

Согласимся с авторами, которые справедливо относят к признакам негласный характер проведения мероприятия, который позволяет исключить возможность препятствовать фигурантам деятельности оперативных сотрудников, а также обеспечивает тайну применяемых в конкретном месте и времени оперативно-розыскных сил, средств, методов и форм [7, с. 10].

Как было отмечено, предмет контроля – только материальные носители информации, однако в современной действительности помимо материальных источников следует включать и электронные сообщения в сети Интернет. Кроме того, в названии оперативно-розыскного мероприятия наличие формулировки «иные сообщения» порождает неопределенность, что именно следует под ними понимать.

Некоторые ученые включают в эту категорию информацию, передаваемую вместе с почтовым переводом или принимаемую на бумажном или магнитном носителе для последующей передачи электронным путем в виде электронных писем. В последующем адресату они доставляются уже в запечатанном виде как обычная письменная корреспонденция [1, с. 268].

По мнению профессора Е. Н. Яковца, в категорию «иных сообщений» следует включать любую корреспонденцию, отправляемую по сетям почтовой, электрической связи или другим способом, кроме почтовых отправлений и телеграфных сообщений, то есть которую отправляют без участия операторов почтовой связи, например факсы, телексы, компьютерная электронная почта и т. д. [1, с. 268].

Однако в соответствии с действующим законодательством, осуществление контроля за электронными сообщениями в сети Интернет, факсовыми и телексными отправлениями проводится посредством ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» (далее – ОРМ «СИТКС»), оставляя предметом контроля ОРМ «КПО» только корреспонденцию, зафиксированную на материальном носителе [1, с. 268].

Многие ученые справедливо считают, что именно ОРМ «СИТКС» является средством контроля за подобного рода сообщениями [8, с. 76; 9, с. 109]. По мнению других, хоть сеть Интернет и является одним из видов связи и контроль в данной среде должен проводиться посредством ОРМ «СИТКС», тем не менее, например, электронная почта является аналогом обычной почты, поэтому правовое регулирование должно быть одинаковым [10, с. 84–85; 8, с. 78].

Таким образом, наблюдается смешение ОРМ «КПО» с ОРМ «СИТКС», что может быть связано с различными причинами, такими как недостаточное внимание законодателя к ОРМ «КПО» или то, что ОРМ «СИТКС» охватывает широкий спектр действий на любых технических каналах связи либо с устоявшейся правоприменительной деятельностью оперативных подразделений.

Решить данную проблему предлагают путем ухода от имеющихся оперативно-технических мероприятий и введения совершенно нового ОРМ – «электронное

наблюдение», которое будет направлено на контроль сетей электрической связи без градации по способу используемой связи [11, с. 41; 10, с. 83; 4, с. 79]. Согласно одной из точек зрения, «электронное наблюдение» имеет широкий охват применения, включая контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль, наблюдение с использованием технических средств, негласный контроль за электронными устройствами [12].

Объединение множества оперативно-технических мероприятий в одно ОРМ представляется не совсем правильным решением. Размытие предмета контроля может принести немало трудностей в применении «электронного наблюдения», так как оно будет перенасыщено различными действиями на всевозможных видах связи. Кроме того, отсутствие четко обозначенных границ проведения может привести к нарушению прав и законных интересов граждан. Стоит также отметить, что в настоящее время ОРМ «СИТКС» и так включает множество различных предметов, которые могут быть подвергнуты контролю в ходе его применения. Таким образом, следует не укрупнять ОРМ, а наоборот – разделить между ними предметы контроля.

На момент принятия ФЗ «Об ОРД» информационно-телекоммуникационные сети находились на стадии зарождения и имели совершенно иную структуру и масштабы, чем сегодня. В настоящее время требуется пересмотр оперативно-технических мероприятий с целью включения в сферу ОРМ «КПО» контроля любых сообщений, вне зависимости от способа и формы их передачи, тем самым освободив ОРМ «СИТКС» от предметов контроля, связанных с сообщениями в любом их виде.

Для рассмотрения сущности оперативно-розыскного мероприятия «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» применим метод системно-структурного анализа, заключающийся в расчленении исследуемого объекта на составные части (элементы) и их анализе с позиций системного подхода. ОРМ «КПО», как и всякое организованное действие, имеет свою структуру, которая состоит из пяти взаимосвязанных элементов: объект, субъект, цель, содержательная часть и организационное обеспечение [13, с. 37].

В структуре каждого оперативно-розыскного мероприятия важной составляющей является объект, то есть в отношении кого или чего осуществляется сбор оперативно-розыскной информации [13, с. 41]. При проведении ОРМ «КПО» можно выделить основной объект – это физические лица, состоящие на учете по делу оперативного учета, и дополнительный, к которому относятся события и факты, свидетельствующие о причастности неустановленного лица к противоправной деятельности. Также к последним следует отнести объекты – носители доказательственной информации [14, с. 13]: почтовые отправления, электронные почтовые ящики, аккаунты социальных сетей и мессенджеров, предназначенных для отправки электронных сообщений.

Следующим обязательным элементом является субъект ОРМ «КПО», который в зависимости от выполняемой роли и объема полномочий может быть: основным и дополнительным. Основным субъектом в первую очередь является оперативный сотрудник органов внутренних дел (ОВД), являющийся инициатором и в производстве которого находится дело оперативного учета. Кроме того, к основному субъекту следует отнести и других лиц, участвующих в организации проведения мероприятия, таких как руководители ОВД, уполномоченные на осуществление ОРД, и судьи в части касающейся санкционирования. Также в данную категорию подпадают должностные лица подразделений специальных технических мероприятий ОВД: руководители

соответствующих подразделений и оперативные сотрудники, которые выступают в качестве непосредственных исполнителей. Отдельно стоит отметить оперативных сотрудников Федеральной службы безопасности (ФСБ), осуществляющих ОРМ «КПО» на объектах связи. К дополнительным субъектам относятся лица, которые оказывают необходимое содействие или исполняют законное требование по запросу органа, осуществляющего ОРД: почтовые работники, работники компаний-грузоотправителей, работники организаций, оказывающих услуги по мгновенной отправке сообщений и т. д. В ходе осуществления ОРМ «КПО» указанные лица действуют лишь в пределах законных требований и поручений, при этом они не несут ответственности за свои действия, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством.

Обращаясь к целям, преследуемым ОРМ «КПО», можно отметить общую и специальные. Общая цель представляет процесс накапливания информации об объекте путем получения сведений о лицах, фактах и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес. Специальные определяются тактической задачей, которую предполагается решить, например: проверка информации о причастности лица к совершению преступления, документирование преступной деятельности разрабатываемого лица, установление иных лиц и обстоятельств, способствующих совершению противоправной деятельности.

Содержательная часть представляет собой единство и взаимодействие чувственного и рационального видов познания, направленных на достижение цели, преследуемой инициатором мероприятия.

Одной из форм чувственного познания человеком окружающей действительности является восприятие, то есть чувственное отображение предмета или явления объективной действительности, действующей на органы чувств. В. А. Терёхин утверждает, что восприятие человека – не только чувственный образ, но и осознание субъектом выделяющегося из окружения объекта [15, с. 148]. Автор другого учебного пособия в контексте проведения ОРМ «КПО» выделяет следующие виды восприятия по модальности: зрительное, слуховое и тактильное [16, с. 22].

Зрительное восприятие заключается в процессе «построения зрительного образа различных предметов» [17, с. 65] контроля: письменная корреспонденция, электронная переписка и т. д. Слуховое восприятие позволяет «выяснить особенности звука и его источника» [18, с. 147] в случае, если сообщения представлены в аудиальной форме. Суть тактильного восприятия заключается в отражении характеристик, особенностей поверхности и структуры материалов, из которых изготовлены письма и иные предметы, а также оболочки для их вкладывания, хранения и пересылки.

«Рациональное познание наиболее полно и адекватно выражено в мышлении», то есть способностях человека к обобщениям и идеализациям, суждениям и умозаключениям, другим логическим операциям [19, с. 410]. Оперативные сотрудники читают текст сообщений, интерпретируют и анализируют его, сопоставляют с другими фактами и результатами ОРД, синтезируют весь необходимый массив имеющихся сведений и приходят к конкретному умозаключению. С помощью мыслительных операций выявляются закономерности и скрытые связи между разрозненными деталями, формируется представление о разрабатываемом лице и об осуществляющей им преступной деятельности.

Содержательная часть кроме познавательных приемов включает в себя тактические приемы конспирации, зашифровки и легендирования [13, с. 42], обеспечивающие негласное проведение ОРМ «КПО», а также защищающие от утечки оперативной информации.

Интеграцию всех элементов в единую систему обуславливает организационное обеспечение, создавая необходимые предпосылки для эффективного решения поставленной задачи. Организационные приемы, необходимые для осуществления ОРМ «КПО», заключаются в реализации нескольких этапов:

- 1) анализ и оценка оперативно-тактической ситуации;
- 2) принятие решения и планирование;
- 3) подготовка к проведению;
- 4) непосредственное проведение ОРМ «КПО»;
- 5) документальное оформление результатов ОРД [13, с. 45–46].

Как было отмечено, осуществление мероприятия начинается с анализа и оценки оперативно-тактической ситуации, которые заключаются в изучении инициатором имеющихся у него материалов дела оперативного учета и дальнейшем обсуждении с непосредственным руководителем возможности проведения и доступности для этого необходимых сил и средств, а также прогнозировании возможных сценариев развития событий при непосредственном проведении мероприятия и после.

На этапе принятия решения и планирования предполагается определение конкретных оперативно-тактических задач, осуществляется подготовка необходимых документов и получение санкций. Также определяются тактика, непосредственные участники проведения ОРМ «КПО» и порядок их действий, в том числе детально изучается место проведения.

Во время подготовки инициатор информирует участующих лиц оперативных подразделений о дате, месте и времени, а в случае необходимости уведомляет и дополнительных субъектов. Кроме того, организует связь и оперативное взаимодействие между участующими субъектами.

Ключевым этапом является непосредственное проведение ОРМ «КПО», при котором инициатор обеспечивает беспрепятственный проход на место и выполняет все необходимые действия, способствующие успешному достижению поставленных целей. В обязательном порядке необходимо фиксировать ход и полученные результаты.

Документальное оформление результатов ОРД является заключительным этапом, в ходе которого инициатор отражает в рапорте или справке сведения о том, когда и где проводилось мероприятие, какие получены результаты, когда и кем оно санкционировалось. К составленному документу могут быть приобщены материальные носители информации, например фотоснимки и диски, на которых зафиксированы ход и результаты проведения ОРМ «КПО».

Наряду с обязательными ОРМ «КПО» включает в себя факультативные элементы (действия):

- а) техническое обеспечение;
- б) сопутствующие действия и действия, повышающие эффективность [3, с. 59].

Техническое обеспечение имеет ключевое значение при вскрытии оболочек для вкладывания, хранения и пересылки различного рода предметов. Наличие современных оборудования, инструментов, средств и техник позволяет оперативным службам наиболее

быстро извлекать носители информации, а также минимизирует риски оставления следов. Также техническое обеспечение предполагает наличие у оперативного сотрудника автоматизированного рабочего места, оснащенного персональным компьютером с доступом к сети Интернет и установленными на нем программами, необходимыми для обработки данных при контроле электронных сообщений.

Если при проведении ОРМ «КПО» оперативным сотрудником получены сведения о непосредственной угрозе жизни и здоровью лица, а также угрозе государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» он вправе негласно произвести действия, направленные на изъятие пересылаемых документов, предметов, материалов и сообщений, а также предпринять меры для прерывания предоставления услуг связи.

На основе рассмотренных и проанализированных нами составных элементов ОРМ «КПО» и представленных в работе определений можно выделить ряд его индивидуальных особенностей.

В качестве первой особенности можно отметить широкий круг субъектов, которые могут быть задействованы при непосредственном проведении ОРМ: оперативные сотрудники подразделений специальных технических мероприятий (далее – ПСТМ) и иных оперативных подразделений ОВД, оперативные сотрудники ФСБ, работники организаций связи и прочие лица, оказывающие содействие в проведении.

Второй ключевой особенностью является то, что предметом контроля могут быть любые сообщения вне зависимости от их формы и способа передачи.

Следующей отличительной чертой является необходимость применения специальных знаний, навыков и средств, предназначенных для негласного вскрытия различных оболочек для вкладывания, хранения и пересылки писем и иных предметов без оставления следов. С другой стороны, если осуществляется контроль электронных сообщений, то действия могут быть и не связаны техническим характером.

Таким образом, на основе проведенного анализа представляется правомерным понятие ОРМ «КПО» изложить следующим образом: это совокупность действий оперативно-технического и (или) оперативно-аналитического характера, осуществляемых в зависимости от предмета контроля сотрудниками оперативных подразделений ОВД или ФСБ с целью негласного добывания и изучения информации из отправлений вне зависимости от формы и способа их передачи.

ОРМ «КПО» является многогранным оперативно-розыскным мероприятием, проведение которого зависит от различных факторов, а также поставленных задач. С целью систематизации и организации знания, представив его в «надежном и удобном для обозрения, распознавания и сопоставления виде» [20, с. 252], ОРМ «КПО» можно классифицировать по разным основаниям в зависимости от:

1) складывающихся правоотношений:

а) в сфере оказания услуг связи;

б) в сфере оказания услуг доставки;

в) в рамках пользовательского соглашения по поводу использования физическим лицом какого-либо интернет-сервиса;

г) правоотношения отсутствуют, так как предмет контроля пересылается в индивидуальном порядке;

- 2) непосредственного исполнителя:
 - а) сотрудники оперативных подразделений ОВД, за исключением ПСТМ;
 - б) оперативные сотрудники ПСТМ;
 - в) оперативные сотрудники ФСБ;
- 3) предмета контроля:
 - а) сообщения в письменной форме;
 - б) сообщения в электронной форме (текстовые, аудиосообщения, видеосообщения);
 - в) иные предметы;
- 4) способа контроля:
 - а) негласное вскрытие упаковочного материала;
 - б) осуществление мониторинга электронных сообщений;
 - в) перехват сообщений по каналам электросвязи;
- 5) места, выбор которого может диктоваться различными обстоятельствами:
 - а) стационарное (в служебном помещении органа, осуществляющего ОРД);
 - б) в организации (связи, доставки и т. д.)
 - в) объектовое (в любом другом месте, где находится предмет контроля в тот или иной момент времени).

Авторское понятие отражает ключевые особенности, которые отличают ОРМ «КПО» от других оперативно-розыскных мероприятий, и дает возможность увидеть его совершенно с иной стороны. Классификация позволяет более глубоко проникнуть в суть и лучше уяснить его специфику и применение в различных ситуациях. Указанные научные категории будут способствовать уменьшению разногласий и неоднозначностей в интерпретации, что станет важным шагом в едином понимании данного оперативно-розыскного мероприятия.

В представленном нами виде ОРМ «КПО» подразумевает контроль любых форм сообщений – будь то почтовые отправления или электронные сообщения независимо от способов их передачи, что имеет важное значение в контексте современных средств связи, таких как социальные сети, мессенджеры и электронная почта. Включение таких предметов позволит оперативным подразделениям ОВД более полно осуществлять сбор оперативной информации и в установленном законом порядке представлять полученные результаты ОРД, которые могут служить важными доказательствами по уголовным делам. Обеспечивая комплексный и всесторонний охват различных видов коммуникаций, ОРМ «КПО» станет актуальным на сегодняшний день оперативно-розыскным мероприятием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковец, Е. Н. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений как «интрузивное» оперативно-розыскное мероприятие // Эпомен. 2021. № 60. С. 260–279.
2. Быкадорова, Е. В. Оперативно-розыскные мероприятия судебного санкционирования // Евразийский Союз Ученых. 2018. № 3 (48). С. 64–66.
3. Земскова, А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 420 с.

4. Соколов, Ю. Н. Использование результатов электронного наблюдения в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 218 с.
5. Лапин, Е. С., Михайлова, Ю. Н. Краткий курс теоретических основ оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие для студентов. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. 148 с.
6. Баженов, С. В., Бакланов, Л. А., Васильченко, Д. А. и др. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : электронное учебное издание. Омск : Омская академия МВД России, 2020. URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page98.html> (дата обращения 25.01.2024).
7. Правовые основы организации оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / А. В. Парфенов, В. М. Атмажитов, Ю. А. Лапунова и др. М. : Академия управления МВД России, 2021. 104 с.
8. Середнев, В. А. Интернет как эффективное сетевое пространство для проведения оперативно-розыскных мероприятий // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 4 (55). С. 67–80.
9. Правовая регламентация оперативно-розыскных мероприятий : лекция / С. И. Захарцев, В. А. Вихров, Н. О. Кирюшкина и др. // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 5. С. 98–135.
10. Шаров, В. И. Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 82–87.
11. Машков, С. А. О несоответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1. С. 36–41.
12. Лавышик, А. О. Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : мат-лы круглого стола с междунар. участием, 15.11.2018, Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., каф. криминалистики; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) и др. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/210874/1/77-80.pdf> (дата обращения 05.02.2024).
13. Чечетин, А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. 49 с.
14. Бобров, В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. М. : Академия управления МВД России, 2003. 64 с.
15. Терёхин, В. А. Ощущение и восприятие : учебник. Ростов н/Д, 2009. 270 с.
16. Жабакова, Т. В. Общая психология. Психические познавательные процессы : учеб. пособие. Челябинск : Южно-Уральский научный центр РАО, 2021. 76 с.
17. Барабанов, Р. Е. Психологические механизмы зрительного восприятия формы и пространства // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12, № 8-1. С. 64–75.
18. Немов, Р. С. Психология : учебник / 2-е изд., стер. М. : КНОРУС, 2020. 718 с.
19. Философия : учеб. пособие для высших учебных заведений / В. П. Кохановский и др.; изд. 6-е, перераб. и доп. Ростов н/Д : «Феникс», 2003. 576 с.

20. Понкин, И. В., Редькина, А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3 (37). С. 249–259.

REFERENCES

1. Yakovec E.N. Kontrol' pochtovyh otpravlenij, telegrafnyh i inyh soobshchenij kak «intruzivnoe» operativno-rozysknoe meropriyatiye [Control of postal items, telegraphic and other messages as an "intrusive" operational search activity]. Epomen – Epomen. 2021, no. 60, pp. 260–279.
2. Bykadorova E.V. Operativno-rozysknye meropriyatiya sudebnogo sankcionirovaniya [Operational investigative measures of judicial authorization]. Evrazijskij Soyuz Uchenyh – Eurasian Union of Scientists. 2018, no. 3 (48), pp. 64-66.
3. Zemskova A.V. Teoreticheskie osnovy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti pri rassledovanii prestuplenij: dissertaciya doktora yuridicheskikh nauk [Theoretical foundations of the use of the results of operational investigative activities in the investigation of crimes: dissertation...Doctor of Law]. Moscow, 2002, 420 p.
4. Sokolov Yu. N. Ispol'zovanie rezul'tatov elektronnogo nablyudeniya v ugolovnom sudoproizvodstve i operativno-rozysknoj deyatel'nosti: dissertaciya... kand.yurid.nauk [The use of the results of electronic surveillance in criminal proceedings and operational investigative activities: dissertation... Candidate of Legal Sciences]. Ekaterinburg, 2004, 218 p.
5. Lapin E.S., Mihajlova Yu.N. Kratkij kurs teoreticheskikh osnov operativno-rozysknoj deyatel'nosti [A short course on the theoretical foundations of operational investigative activities]. Saratov, 2006, 148 p.
6. Bazhenov S.V., Baklanov L.A., Vasil'chenko D.A., Gusev V.A., Desyatov M.S., Zen'kin D.V., Lugovik V.F., Lugovich S.M., Malahov A.S., Nevskij E.P., Serov A.V., Chechetin A.E. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del. Obshchaya chast'. Elektronnoe uchebnoe izdanie [Operational investigative activities of the internal affairs bodies. The general part. An electronic educational publication]. Omsk, 2020. URL: <https://ordrf.ru/uchebnik/page98.html> (date of application 25.01.2024).
7. Parfenov A.V., Atmazhitov V.M., Lapunova Yu.A., Hannanov R.R. Pravovye osnovy organizacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti [The legal foundations of the organization of operational investigative activities: a course of lectures]. Moscow, 2021, 104 p.
8. Serednev V.A. Internet, kak effektivnoe setevoe prostranstvo dlya provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatiij [The Internet as an effective network space for conducting operational investigative activities]. Voprosy sovremennoj yurisprudencii – Issues of modern jurisprudence. 2016, no. 4 (55), pp. 67-80.
9. Zaharcev S.I., Vihrov V.A., Kiryushkina N.O., Sal'nikov V.P. Pravovaya reglamentaciya operativno-rozysknyh meropriyatiij [Legal regulation of operational investigative measures]. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' – Legal science: history and modernity. 2018, no. 5, pp. 98-135.
10. Sharov V.I. Operativno-rozysknye meropriyatiya v seti Internet [Operational investigative measures on the Internet]. Obshchestvo i pravo – Society and Law 2018, no. 2 (64), pp. 82-87.

11. Mashkov S.A. O nesootvetstvii naimenovanij operativno-rozysknyh meropriyatiy ih soderzhaniyu [On the discrepancy between the names of operational investigative measures and their content]. Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Journal of Law. 2018, no. 1, pp. 36-41.
12. Lavyshik A.O. Taktika i metodika rassledovaniya prestuplenij: teoriya, praktika, innovacii: materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, 15.11.2018 [Tactics and methods of crime investigation: theory, practice, innovations: materials of the round table with international participation]. Minsk, URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/210874/1/77-80.pdf> (date of application 05.02.2024).
13. Chechetin A.E. Operativno-rozysknye meropriyatiya: ponyatie, sushchnost', struktura [Operational investigative measures: concept, essence, structure]. Barnaul, 2004, 49 p.
14. Bobrov V.G. Ponyatie operativno-rozyskного meropriyatiya. Osnovaniya i usloviya provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatiy [The concept of an operational search event. The grounds and conditions for conducting operational search activities]. Moscow, 2003, 64 p.
15. Teryohin V.A. Oshchushchenie i vospriyatiye [Sensation and perception]. Rostov-on-Don, 2009. 270 p. URL: <https://studylib.ru/doc/6389109/uchebnik-o.iv.-terehin> (date of application 12.02.2024).
16. Zhabakova T.V. Obshchaya psihologiya. Psihicheskie poznavatel'nye processy [General psychology. Mental cognitive processes]. Chelyabinsk, 2021, 76 p.
17. Barabanov R.E. Psihologicheskie mekhanizmy zritel'nogo vospriyatiya formy i prostranstva [Psychological mechanisms of visual perception of form and space]. Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya – Psychology. Historical and critical reviews and modern research.. 2023, no. 8-1, pp. 64-75.
18. Nemov R.S. Psihologiya [Psychology]. Moscow, 2020, 718 p.
19. Kokhanovskiy V.P. Filosofiya: [Philosophy]. Rostov n/D, 2003, 576 p.
20. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Klassifikaciya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoy nauke [Classification as a method of scientific research, in particular in legal science]. Vestnik Permskogo universiteta – Yuridicheskie nauki. Vestnik of the Perm University. Legal sciences.2017, no. 3 (37), pp. 249-259.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фурлэт Ярослав Павлович, аспирант. Академия управления МВД России. 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Furlet Iaroslav Pavlovich, Associate. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh street, 8.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 18.09.2024.

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 3 (110). С. 290–299.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
Vol. no.3 (110). P. 290–299.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

Научная статья

УДК: 343.13

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

ЗАДЕРЖАНИЕ – ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Шелегов Юрий Владимирович¹, Игумнов Александр Владимирович²

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск

²Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Российская Федерация, г. Иркутск

¹shelegoff@list.ru

²igumnov.a.v.1@yandex.ru

Введение. В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов, который связан с определением места задержания в современном отечественном уголовном процессе, как иной меры уголовно-процессуального принуждения. Автор в своем исследовании подвергает анализу предпосылки возникновения действующего правового регулирования в аспекте рассматриваемого института. В работе развивается идея сущностного и правового разделения различных элементов задержания: фактического задержания, процессуального оформления и личного обыска, призванная обеспечить в рамках уголовного судопроизводства единство процессуальной формы и сделать институт задержания более целостным и логически структурированным правовым явлением. Автор делает попытку определить возможные пути законодательного совершенствования рассматриваемого правового института с точки зрения обеспечения прав и свобод граждан.

Материалы и методы. В нормативную базу исследования автором включены Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон «О полиции», а также иные федеральные законы по рассматриваемой теме. Методологический базис исследования составил метод материалистической диалектики, выступающий основой научного познания. Кроме того, в работе реализован такой методологический инструментарий как анализ, компаративистика и другие.

Результаты исследования позволили выявить дефекты текущего нормативно-правового регулирования в сфере общественных отношений затрагивающих вопрос определения места задержания как меры уголовно-процессуального принуждения.

Выводы и заключения. Автором внесены предложения по изменению и дополнению в ст. 91 УПК РФ, что позволит реализовать правомочие по задержанию лица не только по подозрению в совершении преступления, но и в целях принуждения обвиняемого к соответствующему поведению в досудебном производстве, в случае его задержания в связи с отсутствием у органов осуществляющих предварительное расследование сведений о месте нахождения обвиняемого. Кроме того, автор предлагает исключить из ч. 2 ст. 92 УПК РФ требования об отражении результатов личного обыска в протоколе задержания, что позволит обособить процесс доказывания от меры процессуального принуждения, направленной на обеспечение порядка досудебного производства.

Ключевые слова: задержание, меры уголовно-процессуального принуждения, досудебное производство, процессуальная форма, постановление о задержании, протокол задержания, структура.

Для цитирования: Шелегов, Ю. В. Задержание — процессуальные аспекты / Ю. В. Шелегов, А. В. Игумнов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 290–299.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences)

Original article

DETENTION – PROCEDURAL ASPECTS

Shelegov Yuri Vladimirovich¹, Igumnov Alexander Vladimirovich²

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

²East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

¹shelegoff@list.ru

²igumnov.a.v.1@yandex.ru

Introduction. The article considers one of the controversial issues related to the definition of the place of detention in modern domestic criminal proceedings as another measure of criminal procedural coercion. In his research, the author analyzes the prerequisites for the emergence of the current legal regulation in the aspect of the institution in question. The paper develops the idea of an essential and legal separation of various elements of detention: actual detention, procedural registration and personal search, designed to ensure the unity of the procedural form in criminal proceedings and make the institution of detention a more holistic and logically structured legal phenomenon. The author makes an attempt to identify possible ways of legislative improvement of the legal institution in question from the point of view of ensuring the rights and freedoms of citizens.

Materials and Methods. The author's regulatory framework includes the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the Federal Law "On Police", as well as other federal laws on the topic

under consideration. The methodological basis of the research was the method of materialistic dialectics, which acts as the basis of scientific knowledge. In addition, the work implements such methodological tools as analysis, comparative studies and others.

The Results of the Study It allowed us to identify defects in the current regulatory and legal regulation in the field of public relations affecting the issue of determining the place of detention as a measure of criminal procedural coercion.

Findings and Conclusions. The author has made proposals to amend and supplement Article 91 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which will allow the exercise of the power to detain a person not only on suspicion of committing a crime, but also in order to force the accused to appropriate behavior in pretrial proceedings, in case of his detention due to the lack of information from the authorities conducting a preliminary investigation about the location of the accused. In addition, the author proposes to exclude from part 2 of art. 92 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation requires the reflection of the results of a personal search in the protocol of detention, which will separate the process of proof from a measure of procedural coercion aimed at ensuring the order of pretrial proceedings.

Keywords: detention, measures of criminal procedural coercion, pre-trial proceedings, procedural form, detention order, detention protocol, structure.

For citation: Shelegov Yu. V., Igumnov A.V. Zaderzhanie – processual'nye aspekty [Detention — procedural aspects]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva Vnutennih Del Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation. 2024, no.3 (110), pp. 290–299.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.41.97.025

Расследование преступлений неразрывно связано с ограничением прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства – субъектов уголовного процесса. Особенно указанные ограничения касаются лиц подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и призваны обеспечить наиболее эффективное и своевременное разбирательство по уголовному делу. Действующие правовые нормы предписывают данную функцию мерам процессуального принуждения.

Данные меры являются элементом системного правового явления – государственного принуждения, которое в свою очередь, через реализацию уполномоченными должностными лицами соответствующих прав, ограничивает, лишает, обременяет и заставляет обязанных лиц исполнять возложенные на них юридические обязанности и соблюдать установленные законодательством запреты [1, с. 134].

Меры, применяемые в уголовном судопроизводстве урегулированы уголовно-процессуальным законодательством, что подразумевает строгую регламентацию, соблюдение требований к порядку их применения в том числе ограниченный перечень оснований, установленную форму и обеспечение процессуальных гарантий участников правоотношений, возникающих в связи с их избранием. Поскольку рассматриваемые меры неразрывно связаны с ограничением, а в некоторых случаях и с лишением лиц конституционных прав, особое внимание правоприменителя, а также контролирующих и надзирающих органов акцентируется на недопущении незаконного и (или) необоснованного вмешательства правоохранительных органов в правовой статус лица и уменьшения объема его конституционных прав. Такое отношение продиктовано самой сущностью уголовного судопроизводства, находящего отражение в его назначении,

установленном статьей 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), и заключающееся в равнозначности отказа от уголовного преследования невиновных лиц и привлечении к уголовной ответственности виновных в совершении преступления через назначение последним справедливого наказания, обусловленного фактическими обстоятельствами совершенных деяний и характеризующих личность обвиняемого сведениями.

Отечественная уголовно-процессуальная наука, на фоне трансформации уголовной политики государства, в последние годы всё чаще обращает свой взор в сторону идей рационализации и обеспечения процессуальной экономии при производстве по уголовным делам. Кроме того, на фоне политических событий 2020-х годов, уголовно-процессуальное законодательство, претерпевает изменения, приобретая правовые механизмы, действующие в условиях военного положения. Данные тенденции не обошли стороной и институт уголовно-процессуального задержания, который, на ряду с избранием мер пресечения и возбуждением уголовного дела в отношении лица, является первоначальным этапом, своеобразным началом уголовного преследования совершившего преступное посягательство субъекта. Таким образом, вопросы связанные с процессуальными особенностями института задержания и его местом в уголовном судопроизводстве не потеряли своей актуальности и требуют детального изучения и научно обоснованного развития.

Задержание в уголовно-процессуальной доктрине в известной степени традиционно отмежевывается от всех мер принуждения и занимает уникальное место. При его определении среди мер процессуального принуждения, стоит обратиться к позиции В. М. Харзиновой, которая рассматривая классификации мер процессуального принуждения, полагает целесообразным выделение задержания как самостоятельной меры принуждения, характеризующейся направленностью на реализацию субъектом расследования полномочий, связанных с обеспечением доказывания [2, с. 222]. Указанная позиция представляется справедливой, так как задержание, несмотря на сущностную близость, нельзя отнести к мерам пресечения, ввиду специфики процессуального статуса задержанного и связи с конституционной гарантией человека на неприкосновенность личности, строго регламентирующей сроки задержания без судебного решения. Видится, что именно по этим причинам задержание уже традиционно в нормативной и доктринальной плоскости выделяется в особую категорию, фактически обособляется законодателем от всех других мер уголовно-процессуального принуждения, ввиду кратковременности и неотложности.

Тем не менее, исторически встречаются различные подходы к определению этого процессуального действия. Опустим точки зрения, согласно которым задержание рассматривается в качестве тактической операции и остановимся на том, что согласно первому подходу задержание, как и было указано ранее, является мерой уголовно-процессуального принуждения. Альтернативное видение базируется на постулатах, согласно которым, задержание принято рассматривать в качестве следственного действия [3, с. 37]. В этой связи, ученые по сей день продолжают спорить о сущности, содержании и правовой природе задержания, хотя видится, что острота данной дискуссии несколько поубавилась, ввиду однозначного законодательного отношения задержания к мерам процессуального принуждения.

В то же время, при анализе рассматриваемого действия уполномоченных субъектов, следует обращать внимание не только на его процессуальную природу, но и на иные меры государственного принуждения, схожими по содержанию с уголовно-процессуальным задержанием. К таковым, безусловно, относится мера обеспечения административного производства – административное задержание, предусмотренное ст. 27.3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которое содержательно, также заключается в кратковременном ограничении свободы лица, то есть непосредственном, строго ограниченном во времени лишении лица права на свободное передвижение, с сопутствующими ему ограничениями. Кроме того, задержание лиц может быть произведено полицией в целях восстановления установленного законом порядка отбывания лицами наказания, исполнения мер воспитательного и медицинского характера, а также обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, согласно положениям Федерального закона «О полиции» (ст. 14).

В свою очередь уголовно-процессуальное задержание, исходя из положений отечественного уголовно-процессуального закона имеет ряд отличительных особенностей, которые позволяют чётко отграничить его от иных видов задержания:

1. производство задержания строго ограниченным кругом субъектов: орган дознания, дознаватель и следователь;
2. строго установленные ст. 91 УПК РФ основания для его производства;
3. задержание лица возможно только при наличии возбуждённого уголовного дела;
4. задержание лица допускается только по подозрению в совершении преступления, либо при условиях, указанных в ст.210 УПК РФ.

Последующий анализ уголовно-процессуального регулирования рассматриваемого института заставляет обратить внимание на двойственность понятия «задержание» и несистемный подход к его законодательному регулированию. О данной проблеме высказывались многие учёные процессуалисты, такие как О. Я. Баев, М. О. Баев, которые рассматривали вопросы, связанные с задержанием, анализируя вносимые в уголовно-процессуальный закон изменения [4, с. 229, 231]; Е. С. Березина, уделившая значительное внимание моментам фактического задержания и его процессуальному порядку в своём диссертационном исследовании [5], А.В. Победкин, В. Н. Яшин, призывавшие законодателя к решению проблем исследуемого в данной статье института [6, с. 16], упомянутые ранее Е. А. Пидусов, В. М. Харзинова и многие другие. Интересный с точки зрения доктринального понимания задержания вопрос состоит в том, что данный институт содержит в себе два неразрывно связанных аспекта: фактический и процессуальный. Фактический заключается в непосредственном захвате лица, ограничении свободы и его доставлении, процессуальный – в составлении протокола задержания.

Фактический аспект задержания определяется непосредственно физическим ограничением лица вправе на передвижение, свободу и личную неприкосновенность. Примечательно, что до актуального Уголовно-процессуального кодекса нормативного закрепления не имел, но достаточно часто встречался в уголовно-процессуальной доктрине [7, с. 77–78].

Процессуальный же аспект, касается документального оформления рассматриваемой меры процессуального принуждения и представляет наибольший интерес. Общеизвестно, что протокол задержания является юридическим актом, направленным на возникновение качественно новых правоотношений между

задержанным и государством, так как наделяет лицо процессуальным статусом подозреваемого, то есть имеет все признаки юридического факта. Известно, что публично-правовые акты-решения в досудебном производстве оформляются иными документами – постановлениями. Причины такого необычного, с точки зрения нынешнего учения о процессуальной форме, подхода к фиксации акта задержания лица, как видится, кроются в исторически обусловленной неопределенности сущности уголовно-процессуального задержания и его родство с задержанием административным, «полицейским», так как действующий уголовно-процессуальный кодекс является развитием отечественной процессуальной доктрины, имеющей многовековую историю, в которой задержание воспринималось как превентивный акт и никогда не подразделялось на процессуальное и фактическое [8, с. 53-54].

Генезис уголовно-процессуальной мысли привел нас к признаваемой на доктринальном уровне дилемме задержания, амбивалентность которого частично урегулирована законодателем, но в достаточной мере не оформлена. С целью систематизации уголовно-процессуального института задержания предлагается прибегнуть к следующему подходу в его регулировании: окончательно разделить процедуру задержания на две указанные ранее, равнозначные части – фактическую и процессуальную. Существующую на данный момент процедуру задержания, с определенным кругом субъектов, уполномоченных на его производство, основаниями для задержания и порядком, в том числе составлением протокола установить, как «фактическое задержание». Либо же, напротив, исключить фактическое задержание из плоскости уголовно-процессуальных отношений и передать его в руки «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставление потенциальных подозреваемых, окончательно закрепив его в административно-процессуальную область. В то же время, уголовно-процессуальный аспект задержания следует обособить и вверить исключительно лицам, осуществляющим предварительное расследование по уголовным делам и закрепить его оформление в виде мотивированного и законного постановления следователя или дознавателя о задержании лица, имеющего значение не условной «генеральной репетиции», предвосхищающей избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, а самостоятельной меры государственного воздействия, применяемой в исключительных случаях.

Подобный подход к регулированию уголовно-процессуального задержания оформит процедуру в логически целостную структуру и позволит обеспечить единство процессуальной формы на стадии досудебного производства, однако же и он не лишен изъянов. Ввиду того, что задержание лица в своей сущности является кратковременным процессуальным состоянием, длящимся не более 48 часов до судебного решения, лицо, осуществляющее предварительное расследование имеет лишь 40 часов с момента фактического задержания на принятие соответствующего процессуального решения, определяющего судьбу задержанного. В данный срок входит сбор сведений, характеризующих личность последнего, а также доказательства, подтверждающие наличие оснований для избрания строгой меры пресечения и причастности лица к совершенному преступлению, которые учитываются судами при принятии решения по ходатайству лица, осуществляющего предварительное расследование, а также подготовка постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства.

В связи с изложенным, окончательно оформленное законодательное разделение дихотомии задержания через двойственное документирование данного процессуального действия, в случае необдуманного законодательного решения, может привести к неблагоприятным последствиям для правоприменителя, заключающемуся в том, что к многочисленным следственным и процессуальным действиям, направленным на инициирование процедуры избрания меры пресечения в судебном порядке, следователю или дознавателю в 40-часовой срок придётся осуществлять и иные действия направленные на приобщение к материалам уголовного дела протокола фактического задержания, его проверку и оценку с точки зрения законности и обоснованности, для составления соответствующего постановления. Определенные временные ресурсы лица, осуществляющего предварительного расследование могут быть направлены и на направление копий указанных документов прокурору, в рамках осуществления последним функций по надзору в соответствующей сфере.

Кроме того, во избежание разнотолков и устранения существующего, хоть и незначительного законодательного пробела, устраниемо путём применения аналогии права, следует законодательно установить в ст. 91 УПК РФ право задержания лица не только по подозрению в совершении преступления, но и в целях принуждения обвиняемого к соответствующему поведению в досудебном производстве, в случае его задержания в связи с отсутствием у органов осуществляющих предварительное расследование сведений о месте нахождения обвиняемого. Данное изменение также обеспечит целостность и системность уголовно-процессуального задержания с точки зрения юридической техники.

Оформление задержания в правовой институт с чётко выраженной и выверенной структурой невозможно без урегулирования ещё одного процессуального аспекта – места личного обыска задерживаемого лица в рассматриваемой процедуре. Советский учёный-процессуалист С. А. Шейфер, определял наличие когнитивного, познавательного аспекта в сущности задержания, позволяющего относить данное процессуальное действие к следственным. В качестве аргументации, наряду с тем, что протокол задержания – единственный документ, имеющий возможность зафиксировать факт нахождения лица в конкретном месте, учёный называл и сопутствующий ему личный обыск задерживаемого, результат которого фиксировался в протоколе. Несмотря на то, что данная позиция, в советские годы имела в своё подтверждение правовые предпосылки (отнесение УПК РСФСР 1960 года задержания к неотложным следственным действиям), она не лишилась рационального зерна и в современности [9, с. 63–64].

Видится, что именно наличие классического следственного действия, направленного на обнаружение и изъятие доказательств – обыска в порядке производства задержания придаёт ему черты следственного действия и, в известной степени, обуславливает необходимость составления протокола. Примечательно, что законодатель сознательно включил требование о занесении результатов личного обыска задержанного лица в протокол задержания, породив тем самым пробел в нормативном регулировании, заключающийся в том, что правоприменитель обязан отразить лишь результат следственного действия, однако же фиксация его хода остаётся вне поля зрения уголовно-процессуального закона. Такой подход наносит существенный вред единству формы уголовно-процессуального регулирования. В этой связи, внесение законодательных изменений должно быть направлено на обособление личного обыска от самой процедуры

задержания, что обеспечит чёткое разграничение меры процессуального принуждения от следственного действия, направленного на сбор доказательств по уголовному делу. Один из вариантов правотворческого решения в этой связи может заключаться в исключении из ч. 2 ст. 92 УПК РФ требования об отражении результатов личного обыска в протоколе задержания, что с одной стороны приведет к необходимости составления ещё одного, возможно лишнего и нетрадиционного, с точки зрения правоприменения, процессуального документа – отдельного протокола личного обыска, а с другой – в полной мере обеспечит целостность процессуальной формы рассматриваемого института, позволяя обосновить процесс доказывания от меры процессуального принуждения, направленной на обеспечение порядка досудебного производства.

Следует отметить, что задержание, как мера уголовно-процессуального принуждения, является сложной процессуальной конструкцией. Неоднозначность процессуальной природы и формы задержания в действующем отечественном уголовном процессе, хоть и обусловлены историческими факторами и являются для нашего уголовного судопроизводства традиционными, но так или иначе требуют дальнейшего осмыслиения и совершенствования. Справедливы слова Н. П. Кирилловой: «успешная уголовно-процессуальная политика невозможна без продуманной уголовно-процессуальной концепции» [10, с.53], в связи с чем при воплощении в реальность предложенных автором направлений изменения правовой формы задержания, законодателю следует соблюсти сложный баланс между ограниченностью сроков, фактической кратковременностью данной меры процессуального принуждения и единством процессуальной формы, выражающимся в аутентичном документальном оформлении соответствующих элементов института задержания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борискова И. В. Краткая характеристика мер государственного принуждения / И. В. Борискова // Территория науки. 2018. № 3. С. 134-138.
2. Харзинова, В. М. Понятие и виды мер процессуального принуждения / В. М. Харзинова // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №5. С. 221-223.
3. Пидусов Е. А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система деятельности / Е. А. Пидусов // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. №1. С. 37-41
4. Баев О. Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования / О. Я. Баев, М. О. Баев // Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 229-238.
5. Березина Е. С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства: дис. канд. юрид. наук / Е. С. Березина. М.: ВНИИ МВД России, 2009. 234 с.
6. Победкин А. В. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя / А. В. Победкин, В. Н. Яшин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. №1-2. С. 16-24.
7. Григорьев В. Н. О фактическом задержании подозреваемого / В. Н. Григорьев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. №3 (89). С. 77-81.

8. Десятова О. В. К вопросу о процессуальном задержании / О. В. Десятова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. №4 (58). С. 53-60.
9. Тарасов А. А. Шейфер С. А. о познавательной сущности задержания подозреваемого / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. 2017. №4. С.63-67.
10. Кириллова Н. П. Уголовно-процессуальная политика государства и упрощение процессуальных форм / Н. П. Кириллова // Юристъ-Правоведъ. 2016. №5 (78). С. 53-58.

REFERENCES

1. Boriskova, I. V. Kratkaya harakteristika mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya [Brief description of measures of state coercion]. Territoriya nauki – The territory of science. 2018. No.3. pp. 134-138.
2. Kharzinova, V. M. Ponyatie i vidy mer processual'nogo prinuzhdeniya [The concept and types of measures of procedural coercion]. Probely v rossiskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation. 2018. No.5. pp. 221-223.
3. Pidusov, E. A. Zaderzhanie lica, zapodozrennogo v sovershenii prestupleniya, kak sistema deyatel'nosti [Detention of a person suspected of committing a crime as a system of activity]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1. pp. 37-41.
4. Baev, O. Ya. Sovremennyj pravovoj mekhanizm zaderzhaniya podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya i problemy ego sovershenstvovaniya [The modern legal mechanism of detention of a suspect in the commission of a crime and the problems of its improvement]. Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2016. No. 2. pp. 229-238.
5. Berezina, E. S. Zaderzhanie podozrevaemogo kak institut ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. kand. yurid. nauk [Detention of a suspect as an institution of criminal justice: dis. cand. Jurid. Sciences]. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 234 p.
6. Pobedkin, A.V. Fakticheskoe i processual'noe zaderzhanie podozrevaemogo: neobhodimo reshenie zakonodatelya [The actual and procedural detention of a suspect: a decision of the legislator is necessary]. Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. 2018. No.1-2. pp. 16-24.
7. Grigoriev, V. N. O fakticheskem zaderzhaniyu podozrevaemogo [On the actual detention of a suspect]. Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No.3 (89). pp. 77-81.
8. Desyatova, O. V. K voprosu o processual'nom zaderzhaniyu [On the issue of procedural detention]. YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice. 2021. No.4 (58). pp. 53-60.
9. Tarasov, A. A. SHejfer S. A. o poznavatel'noj sushchnosti zaderzhaniya podozrevaemogo [Shafer S. A. on the cognitive essence of the detention of a suspect]. YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of the Samara University. 2017. No 4. С.63-67.
10. Kirillova, N. P. Ugolovno-processual'naya politika gosudarstva i uproschchenie processual'nyh form [Criminal procedural policy of the state and simplification of procedural forms]. YUrist-Pravoved – Jurist-Pravoved. 2016. No.5 (78). pp. 53-58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шелегов Юрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса. Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Игумнов Александр Владимирович, преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия.

664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shelegov Yuri Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074, Irkutsk, Lermontov str., 110.

Igumnov Alexander Vladimirovich, Lecturer at the Department of General Theoretical and State-legal Disciplines. East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, 664074 Irkutsk, Ivan Franko str., 23A.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее – Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в информационно-коммуникационной сети Интернет.
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.
16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом Института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия дает всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, ученая степень, ученое звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передается рецензентом для учета и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещен на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственоручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем – 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем – 13 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Межстрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине».

Фотографии, рисунки представляются отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в черно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение.

В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке источников. Затекстовые библиографические ссылки оформляются как «Список источников». Внутритекстовые ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке источников (затекстовых ссылках) и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*). Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (обязательно *с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц*). Список источников оформляется по степени упоминания в тексте, в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021. Рекомендуем использовать: snoska.info (онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников).

Сноски (если есть) – концевые (*нумерация сквозная*).

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, ученое звание, ученую степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять–семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности

материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

К представленному научному материалу должна прилагаться справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес Института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для аспирантов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esiirk_vestnik@mvdr.ru. Оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков настоящего журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (110) 2024

Редактор: Л. Ю. Ковальская
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель

НИИРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110